

НЕВА

7
2018

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Любовь КРАСАВИНА

Стихи • 3

Александр ТЮЖИН

О чем молчат твои киты. *Роман* • 10

Валерий ДУДАРЕВ

Петушки — Кохма, далее нигде.
Новеллы без героев • 109

Алексей ШЕПЕЛЁВ

Северные заметки о южных краях • 119

Ольга ГРЕНЕЦ

Футбол в джунглях. *Рассказ* • 148

ВСЕЛЕННАЯ ДЕТСТВА

Иван ГОБЗЕВ

Нина, я тебя люблю. Новая модель. Тест. *Рассказы* • 160

ПУБЛИЦИСТИКА

Юлия МИХАЙЛОВА

Записки девочки из «обеспеченной» семьи.
Размышления о жизни и науке • 170

КРИТИКА И ЭССЕИСТИКА

К 200-летию И. С. Тургенева

Марина СОЛОВЬЕВА

Загадка вечной любви:
Иван Тургенев и Полина Виардо • 187

Дмитрий КАПУСТИН

Антон Чехов: побег в Европу
(путешествие второе) • 204

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Искусство чтения. Александр Мелихов. Дух времени. **К 100-летию А. Солженицына.** Олег Алифанов. Солженицын — несвысока. **Территория памяти.** Вера Харченко. Митрополит Макарий (Булгаков): уроки благодетельства • 212

ПИЛИГРИМ

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

Палестинские обители и Россия.
Часть 9 • 241

*Издание журнала осуществляется
при финансовой поддержке Министерства культуры
и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации.*

*Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы»
запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать
на почтовый адрес журнала
(191186, Санкт-Петербург, а/я 9).
Рукописи не возвращаются и не рецензируются.*

Главный редактор
Наталья ГРАНЦЕВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Александр Мелихов (зам. главного редактора). **Игорь Сухих** (шеф-редактор гуманитарных проектов). **Ольга Малышкина** (шеф-редактор молодежных проектов). **Елена Зиновьева** (редактор-библиограф). **Наталья Ламонт** (редактор-координатор).

Дизайн обложки **А. Панкевича**
Макет **С. Булачевой**
Корректор **Е. Рогозина**
Компьютерный набор **Л. Жуковой**
Верстка **Д. Зенченко**

Любовь КРАСАВИНА

ИЗ ЦИКЛА: 71 ВАРИАЦИЯ НА ТЕМУ ЖИЗНЬ.

71 __ TWITTER_STYLE_199_SYMBOLS

Столетию событий 1917 года

3

О, посты Пастернаков,
О, хлеб Хлебникова!
Где двуглавый орел,
ведущий себя непоправимо распущенно,
расклеывая в два клюва,
заглатывая в два горла
наклеывающиеся зерна —
не дай Бог опять
пустившихся вспять
революций.

8

...и по Руси-матушке,
да под отцами-основателями,
да под радугой
осемененных нервов —
на улыбке вчерашней юности
смотрят стальным взглядом
сквозь лобовое стекло
бронированные реальностью цели.

12

Где можно превзойти всех,
переступая через все —
по красной строке черными нотами —
где в одном взгляде от нас —
много людей — мало любящих!

Любовь Евгеньевна Красавина родилась и живет в Москве, окончила два факультета — психологии (МГУ им. М. В. Ломоносова) и математики (МГПИ им. В. И. Ленина), мастер спорта и тренер большого тенниса, фотограф и оператор более семидесяти видеofilьмов. Стихи поэта печатались в «Литературной газете», альманахах «День поэзии», «Московский год поэзии», в журналах «Дети Ра», «Зинзивер», различных интернет-порталах и других изданиях. Перу Любови Красавиной принадлежит поэтическая новация: верлибры, ограниченные 199 знаками «твит(тер)а» — емкого и краткого современного электронного послания. В 2016 году вышла первая книга твитов «Кружево страсти» и пятая книга поэта.

Куда никогда не вернусь,
потому что вернусь другой.

19

Где народы рвутся на волю,
а дождь — идет и идет!
Где хохлы погнали москалей,
а жизнь — идет и идет!
И война живую боль
пережигает в мертвую боль
неостановимо...

20

Где ледовитое солнце прошлого
прогорает
вечными огнями настоящего
в отороженных сердцах
современников.
И светит, да чтобы не греть;
и ненавидит, да чтобы не любить...
ожесточенно-нежно...

22

Где каждую жизнь —
изо дня в день — Сизифами в гору!
Где каждую ночь —
новогодними фейерверками —
за русским хмельным новым счастьем —
любим кататься на санках!
А то, что все украли до нас —
а то, что нет даже снега —
огорчит!!! —
но не остановит!

35

Где любовь руками верности —
неправдоподобной верности себе! —
черно-отелловски душит —
непрофильный актив — страсть!
И циклопы
камнями эгоизма глушат выходы
душных пещер — пещерных душ!

И — нет больше света,
и — некого больше любить...

37

Где лапоть с правой ноги
повесился на левом ухе.
Где по каменным лицам гор
текут реки мужских слез
радугой женского смеха.
И — мы стоим на одной доске,
по-над пропастью балансируя,
и — срывающийся тянет всех,
а выжить — мудрее!

41

Где — пролетарии, союзы... —
все разъединяются!
А снег — все засыпает.
И — погнали наши городских!
А жизнь — все рассыпается.
И смерть по родным просторам
разносит грязью
на подошвах рваных сапог
современных невольников
остатки оскудевающих
империй...

45

И мы несем знамена страны,
которой больше нет!
И присягаем —
любой ценой удержать границы!
Где нами расплатились за отчизну.
Где, не родившись, гибнут
все прекрасные возможности,
оплакивая разворованную империю...

51

О, позывные вздохи!
столетий одиночеств!
С бонусами креативных коктейлей —
из титульных спонсоров
и колотым льдом

постельных незнакомцев —
вымораживающей современности.

53

И, вероятно,
особый шик варварства,
не замечать варварства,
прорастая знаменами,
салютуя лозунгами
последних слов
на траурных венках,
где провидение
живую боль цементирует
вечной болью...
необратимо...

56

Где Хлебников — наше все! —
Заратустрой по зверинцам танцует! —
транспарантно вырубленной из контекста
головой Ницше качая, —
под мелодию Вагнера,
под любимый релакс нациста,
который чем больше жжет людей,
тем сильнее любит их собак...
и тем чудовищнее...

61

И гимн звучит жалобой —
сколько ни переписывай —
и современные крепостные невольники
по очередному кругу, бедня и бедня,
все летят и летят за счастьем
в чужие теплые страны.

67

Времена ли?! — нравы?!
Осыпается империя —
забытым великим русским языком —
немеет!
И не имеет...
сил удержать...
нравы ли? — времена?!

70

...чем убивать и быть убитым
на чужой земле...
...маршировать на парадах
в неоплатных долгах...
Посеяв нравы, пожинать времена!

71

И все — единому! Наприсягались!
И каждый — многими богами вымоленный!
...и лучше! — легче! — Тебе — единственному!
Завораживающе-нежно!
о любви — говорить
на родном и роскошном! —
РУССКОМ!!!

РУСАЛКА. XXI ВЕК

1. Русская былина

Я могла бы сменить:
две ноги на рыбий хвост!
И обратно сменить:
суперхвост на две ноги!
Коли вышло тебе
жениться на другой:
На здоровье! — будь счастлив! —
будь воля твоя!

Когда будешь сидеть —
на свадебном пиру!
Когда будешь петь —
о счастье и любви!
Заруби-запомни:
куда ни погляди,
не увидишь меня! —
запомни-заруби!

Когда будешь жену
обнимать-целовать,
позабудь навсегда о том,
что потерял.
Навсегда позабуди о том,
что не вернешь!
Когда: любишь-не любишь
жену-не жену!

Жизнь пройдет —
не заметишь! —
как дети выросли!
Неудачные дети —
от нелюбимых жен!
И никто не летит —
со всех ног, со всех сторон —
и никто не машет —
тебе! — вослед!

А русалки —
спасают и любят! — других!
А русалы —
поют и зовут! — в любовь!
И малы берега
для страстей людских.
Я могла бы сменить:
две ноги на рыбий хвост!

2. Хокку

Немые ноги
на поющий хвост — обмен
и принц в подарок.

ПОЛУДЕННАЯ ПЕСНЯ ЦИКАД

Полуденная песня цикад
под звуки адриатического прибоя:

чьей это жизнью прогорает
оттаявшая по весне любовь?
Пепел желаний прорастает,
победителей-побежденных скоросшивая.

Чья это ревность
шагреновым шепотом
накручивает раны сомнений,
вероломно разворачивая вспять будущее,
ради которого
годами
отодвигали настоящее...
где только море,
уходящее в небо,
до конца понимало меня.

Где Твой рай, обернувшийся адом?!
Дай шанс долюбить немедленно:

Кто кого — не стоит?
Кто кому — наказание?
Кто ответит — за что...
платим жизнью;
разумом навеки цементируя чувства:
что уж не сдвинуть
татуированные болью
рамки
затабуированных запретов...

Чья это страсть детонирует в сердце:
Любить — значит хотеть...

И только море,
летающее в небо,
вдохновляет на песню цикад...

Александр ТЮЖИН

О ЧЕМ МОЛЧАТ ТВОИ КИТЫ

Роман

Неделя не задалась.
Алиса сказала: «Да пошел ты!» — и вышла из комнаты.
Алиса сказала: «Мы смотрим в разные стороны!» — и воткнулась в стену.
Алиса сказала: «Мне ничего от тебя не нужно!» — и собрала вещи, даже заколку, что я подарил ей час назад.
Алиса сказала: «Ты не серьезный!» — и пять минут умилялась щечку на третьем канале.
Алиса сказала: «Я целеустремленная, а ты — нет, — и добавила: — Вызови мне такси, а то у меня полтора рубля на балансе».
Я долго смотрел, как не хотели закрываться створки лифта, а затем она уехала.
Кто такая Алиса? Алиса — дура. Теперь можно так сказать. Она уже не моя девушка. Она бывшая. Не все бывшие дуры, но Алиса именно такая.
Никогда мне не нравилось имя Алиса.
Это раз. Два:
Валера сказал: «Зайди ко мне». Я зашел.
Валера сказал: «Сядь». Я сел.
Валера сказал: «Старик, мы давно знакомы». Я кивнул.
Валера сказал: «Посетители жалуются на тебя». Я удивился.
Валера сказал: «Ты издеваешься над ними и даешь неправильные подсказки».
Я ухмыльнулся.
Валера сказал: «И еще ты пьешь на рабочем месте». Я сказал: «Пиво». Валера развел руками. Я сказал: «Я больше не буду».
Валера сказал: «Ты больше не будешь, — и добавил: — Ты уволен!»
Валера — мой начальник. Мой бывший начальник. Имя Валера мне тоже никогда не нравилось. Оно женское.
Меня зовут Илья.
Доктор сказал: «У вас рак».
Три.
Ха-ха, очень смешно. Рак.
— Стоп, подождите, как рак? Это какой-то розыгрыш?
— Молодой человек, кто такими вещами шутит?
Я пожал плечами.

Александр Викторович Тюжин родился в 1985 году в Оренбурге. Окончил Оренбургское областное училище культуры в 2006 году и ВГИК в 2011 году — мастерская А. Э. Бородинского. Публиковался в журналах «День и ночь», «Современная драматургия», альманахе «Первоестник». Входит в лонг-листы конкурсов «Астафьевский», «Свободный театр», «Евразия», участник литературного форума в Липках 2011 года.

— Злые клоуны.

Но доктор не был клоуном, он не шутил и не улыбался. Он что-то говорил, практически не шевеля губами, а я почти ничего не слышал. Я пытался осознать эти два страшных произнесенных им слова с предлогом у.

Я услышал: «Третьей стадии». Я услышал: «Шансы есть, но мало». Я услышал: «Около года». Я услышал: «Лечение». Я услышал: «Химиотерапия». Я услышал: «Случаи...» и «Не нужно терять надежду».

А дальше только «ууууу» и «бам-бам-бам», как будто в клубе включили громкую музыку на всю мощность.

Вот это не задалась неделя... И сразу начали роиться мысли. Полетели, как сотни мошек на свет. Не верю! Не может быть! Только не со мной. Вы что, издеваетесь? Да не может быть, я говорю!

Мне двадцать девять лет. Какой, к черту, рак вообще? Это что, прямо в эту самую секунду во мне какие-то там чертовы клетки размножаются?

Дядя Федя умер от рака. Рака легких. В пятьдесят семь. А мне — двадцать девять. Рак желудка.

И тут же в холодный душ. В чем был, не раздеваясь. Капли с силой хлестали лицо и одежду, стекали прозрачными струями. Вода была холодная, очень холодная, но я не чувствовал этого. Я ничего не чувствовал. Словно парил в космосе, словно ничего не было вокруг, только невесомость. Я летел. Я был в космосе, а во мне эти гадкие клетки, эта жуткая опухоль, будь она трижды проклята. И я рухнул вниз, со всей силы об землю шмякнулся.

А ведь сегодня вторник. Обычный вторник, обычной недели обычного месяца. Сколько их теперь мне осталось? Не такой уж и обычный. Да нет, это всего лишь сон. Ну, конечно, как сразу не догадался? Обыкновенный сон, только не самый приятный. Нужно скорее проснуться, открыть глаза, и ничего этого не будет. Ничего этого со мною не будет. И так.

Раз! Два! Три! Открыл глаза, поднял голову. Сверху хлещет ледяная вода. Становится дико печально и холодно. Словно корабль затонул, а меня выкинуло на Северный полюс, и вот я один, в гавайской рубашке, посреди снега. И всюду только снег, и льдины, и минус шестьдесят четыре. Холодно. Брр.

Нет, это был не сон. Кошмар, да, но наяву. Что же теперь делать? Я вспомнил все фильмы и сериалы, которые видел, про рак. «Достучаться до небес», «Спешите любить», «Смерть супергероя», «Большая буква Р», «Пока не сыграл в ящик», «Жизнь прекрасна, или 50/50», «Я, Эрл и умирающая девушка», «Во все тяжкие», четыре сезона. Пятый не успел досмотреть. А вдруг не успею?

Побежал к компу, поставил на закачку. Немало сняли фильмов, но от этого не легче. Когда смотрел, думал:

- Печально, но со мною такого точно не будет.
- Вот они играют больных, а к ним самим болезнь не привяжется?
- Странно, что не снимают кино про абсолютно здоровых людей.
- Такие фильмы одинаково заканчиваются.
- Когда уже наконец придумают эффективное лекарство?
- Я бы сам не стал в таком фильме сниматься.

Не стал бы... А я и не в фильме.

И сразу навалилась депрессия. Плотно так наслеза на плечи здоровенным слоном, потрясла своим задом, чтобы поудобнее разместиться, и хобот сверху накинута. Вдавила в диван, в общем.

Первым делом я напился. Не надо бы, но я же русский человек. А что делает русский человек, когда сталкивается с трудностями? Правильно, бежит от них куда подальше,

заливает горе адским зельем и плачется потом о том, какой он несчастный и как судьба к нему жестока. Я не исключение.

Но сперва перебрал в уме всю жизнь. Свою, разумеется. Не Майкла Дудикова. Считается же, что перед смертью вся жизнь проносится перед глазами. А тут не то что пронеслась, скорее, наоборот — забуксовала:

Детство в сталинке. Детский сад «Колокольчик». Танька Арбузова с раскосыми глазами. Детство в хрущевке. Школа номер шестьдесят шесть. Анна Степановна — биологичка. Выпускной. Универ. Первый курс. Второй курс. Отчисление. Восстановился.

А дальше полный тормоз, как будто и не было ничего. Вроде и не заслужил болезнь. Не убивал, не грабил, не насиловал. Были грешки, но мелкие, как у всех. Но разве болезнь думает о справедливости?

Теперь обо всех этапах подробнее.

Детство в сталинке:

Мне три. До этого ничего не помню. Жил, как и все младенцы, одними инстинктами. Вряд ли кто-то сможет похвастаться чем-то более интересным. А тут мне три, я сижу, играю в пирамидку, по стене ползет таракан и падает вместе с куском отвалившихся бежевых обоев. Мать в бигуди и с сигаретой, дымит в форточку, пока батя засел на унитазе с бессменной газетой и такой же, как у матери, сигаретой (пачка-то одна). Соседи ругаются из-за телеканала. Их слышно даже на улице. Мать выбрасывает бычок, душится какими-то дешевыми духами с резким запахом, от которого я морщусь, чихаю и зажмуриваю нос. Таракан бежит по полу, и мать хладнокровно придавливает его дырявым тапком, из которого торчит ее длинный костлявый палец, и размазывает по линолеуму. Подняв обои, она молча качает головой.

— Вижу, — говорит появившийся в комнате отец, — сделаю этот чертов ремонт. Я же обещал. А этих рыжих надо все-таки дихлофосом потравить.

Он не сделает ремонт. Он не потравит тараканов. Он сломает ногу, будет полтора месяца лежать в гипсе. Он уйдет в запой от безделья. Он уйдет из дома, вернее, мать выгонит его.

Он переспит с тетей Катей — одноклассницей мамы — и никогда не вернется домой.

Года три назад я заходил в нашу сталинку. Обои другие, но тараканы по-прежнему бегают.

Детский сад «Колокольчик»:

В детском саду было весело, правда, недолго. На третий день во дворе я порезал ногу об осколок бутылки и потерял сознание. Испугались дети. Испугались нянечки. Испугалась пухлая повариха тетя Маня. Не испугался только дворник дядя Анзор. Он вызвал «скорую».

На «скорой» меня увезли в больницу. И хотя у меня оказалась небольшая потеря крови, чувствовал я себя ужасно, а мать так и вовсе ревела, будто я подорвался на mine и мне оторвало ногу, а не поранился об осколок и не отделался хоть и глубоким, но всего лишь порезом.

Больше в детский сад меня не водили.

Танька Арбузова с раскосыми глазами. Она жила по соседству. Странная, рыжеволосая, с большим ртом. Я ее боялся. Страшно было смотреть в ее раскосые глаза, хотя ничего страшного в них не было. Но кто-то пустил слух, что она колдунья и от одного ее взгляда можно превратиться в жабу или скунса. В жабу никто превращаться не хотел, да и в скунса тоже. Но однажды мы играли в казаков-разбойников, и я провалился в люк. Все с криком бросились врассыпную, и только Танька Арбузова, чудом оказавшаяся в кустах неподалеку, возникла надо мною в огромном и жутком

отверстии со своим раскосым взглядом, быстро оценила ситуацию и убежала за взрослыми. Через три минуты я был спасен дядей Толей — соседом с нижнего этажа — и отшлепан матерью, за «шляние там, где не надо».

— Скажи спасибо дяде Толе, — гаркнула мама.

— Спасибо, — сказал я, потирая покрасневшую поясницу.

— Ее благодари, — улыбнулся дядя Толя, кивая на Таньку, — а то плавал бы щас.

И Танька посмотрела на меня долго и пристально. Я зажмурился и стал шупать себя. Нос, рот, уши. В жабу не превратился. Ни сейчас, ни после. Так я узнал, что Танька не колдунья, и перестал ее бояться, хотя и дружить с ней не решился. Пару раз, правда, угостил ее конфетами, но только когда никто не видел.

А потом мы переехали.

Детство в хрущевке. Зеленые обои.

Тараканов нет. Соседи аж в другой квартире, а не в соседней комнате. Первая денди. Рубилово в танчики, пока не лопнут в глазах сосуды. Вторая денди. Отдельные туалет и ванна. Только наши, без очередей и скандалов. Я часами просиживал в ванне, нырял, пускал кораблики и уточек, потом снова нырял и снова, пока в нос и уши не попадала вода. Кожа морщилась и становилась прикольной на ощупь. Я гладил ее и улыбался. Мать пугала, что если я буду столько времени проводить в ванне, то кожа никогда не разгладится и я рано состарюсь. Меня это не останавливало.

Я был единственным, кто не ходил в детский сад. Мать работала на дому. Шила платья, шторы, брюки, вязала шарфы и свитеры.

На первом этаже жила тетя Тома. Тетя Тома была всегда веселая и всегда под хмельком. Часто она напивалась до отключки и засыпала возле дома на лавочке или прямо на земле.

У нее было много «ценителей ее импозантности». У матери ни одного.

Они били ее. Грабили ее. Бросали ее. Писали на нее заявления. Она не злилась. Прощала всем и умерла в сорок четыре года. Кажется, от рака печени. В тот год я пошел в школу.

Школа номер шестьдесят шесть. Я не суеверный, но все же это был не лучший вариант для учебы. Обшарпанные стены. Отваливающаяся штукатурка в спортзале. В первый же день собрали деньги на новые обои. Белые, с нелепым узором.

Парней из восьмого «Г» боялась вся школа. Второгодки, подростки из сложных семей, хулиганы — каждый второй состоял на учете в детской комнате милиции. Все с облегчением выдохнули, когда они окончили девятый класс и, отметив выпускной, разлетелись по улицам и подворотням нашего города.

Я сидел с толстым Ваней, каждый урок он доставал из рюкзака пирожные, бутерброды или пирожки, делал вид, что уронил ручку, и ел их под партой. Он был намного больше меня, я даже не мог его поколотить. Однажды я демонстративно встал и объявил всем: «А Ваня жрет, смотрите!» После чего отодвинул парту. Ваня злобно смотрел в мою сторону и грозил кулаком, доедая увесистую котлету. Но классная ополчилась на меня, утверждая, что воспитанные мальчики так себя не ведут, что, конечно, это нехорошо, но Ваня гораздо крупнее меня, а значит, ему нужно чаще и больше есть, что я совершенно нетерпим к недостаткам других и, следовательно, сам ничем не лучше, что я буду сидеть с ним до тех пор, пока не научусь быть терпимым, что я — ябеда, а ябед никто не любит, что лучше бы я в учебе был таким дотошным, а то с двоек на тройки перебиваюсь, и это в первом-то классе.

Я ненавидел Ваню. К счастью, весной он с родителями переехал в Пермь.

Ну и за что мне это все? Третья стадия. Да за мое терпение мне, как минимум, десять бонусов от кармы полагается. Если не двадцать.

Анна Степановна — биологичка. С учителями как-то не очень везло. Пожилые. Сварливые. Строгие. Скучные. Надменные. Учиться было неинтересно во многом благодаря их заслугам. Им было по барабану на нас. Нам было по барабану на князя Игоря и синус гипотенузы. Помню, одна была вообще нереальным монстром, и фамилия соответствовала — Колотовкина. Она орала на учеников, передразнивала их, называла тупыми, тормозами, бакланами. Как-то раз она поставила мне кол, и в дневнике стояло «кол Кол» с небольшим хвостиком. Не могла получше подпись придумать, что ли?

А потом пришла Анна Степановна — настоящий огонь. Жгучая брюнетка, смуглая, с восточными корнями, в теле, но не крупная, очень женственная и с невероятными, выразительными... глазами. И еще родинка над губой. Эта родинка не давала мне покоя. Постоянно думал о ней и ни о чем кроме. Ни на один урок я не бежал так, как на биологию. Я приходил самым первым. Я прилизывал волосы. Я повторял домашнее задание. Я тянул руку выше всех. Я писал ей записки со стишками. Но никогда не отправлял.

Неудивительно, что на ее уроках была лучшая успеваемость. Девчонки только вортили носы, но понятно было, что завидовали.

И неудивительно, что она быстро выскочила замуж, так же быстро ушла в декрет и больше не вернулась, по крайней мере в нашу чертову школу.

Вместо нее пришел усатый биолог. Настоящий ботаник. Мы звали его Макс и засовывали ему в сапоги снег, клали на стул кнопки, прятали мел и делали еще много чего нехорошего, входящего в список классических школьных приколов и пакостей. Успеваемость, разумеется, резко снизилась.

Я потом еще долго не мог забыть эту родинку и встречался исключительно с девушками, у которых была подобная или хотя бы какая-нибудь мушка на лице.

Выпускной. Пьяная Светка. Пьяная Дашка. Пьяная Катька. Пьяная Надежда Валентиновна — классуха. Пьяненький Андрей Васильевич — директор. Пьяные родители. Пьяные выпускники. Все были пьяные. И я не исключение.

Ничего особенного. Танцы, клятвы в вечной дружбе, неожиданные признания и откровения в адрес друг друга, поцелуи за лестницей, кто-то в обнимку с Катькой, кто-то в обнимку с унитазом, родители, умоляющие поучаствовать в конкурсах. Антоха и Вика закрылись в классе на четвертом этаже. Красавчики. Леха и гитара — неразлучная пара. «Моя девушка», как он ее называл. Реальной-то не было. Играть потому что надо было нормальные песни, а не бесконечную «Я — солдат». Напророчил, кстати, и с первого курса его отчислили, и пошел разгуливать по плацу. Я и Ланка тоже спрятались под лестницей, но не успели даже толком поцеловаться. Подняли крик. Вася перебрал, и его стало рвать прямо на пол в спортзале. Он был бледный, как мышь, хотя и улыбался, когда его увозили на «скорой».

Все как-то резко протрезвели. Родители вспомнили, что они взрослые, отобрали весь запас топлива, кое-что, правда, удалось спрятать, стали капать на мозг, что быть взрослыми — это прежде всего ответственность, а не возможность напиваться безнаказанно. Учителя в последний раз давали наставления, что нужно всегда тянуться к знаниям, даже на пенсии, потому что «знания — это свет», называли нас балбесами, но уже без злобы, а даже как-то с грустью. Мы хоть и самый худший класс, что когда-либо у них был, но остальные-то еще хуже.

Потом все поперлись встречать рассвет. И вроде романтика, но нас с Ланкой так и не потянуло друг к другу. У нее была слишком маленькая мушка, еле заметная, да и светлые волосы мне никогда не нравились. А я, видимо, не особо тянул на роль долгожданного принца.

Универ. В универ я не поступил. Подал документы на юрфак, затем на журфак. В итоге — даже близко не первый в списке. В армию идти не хотелось. Пошел в училище культуры. Хоть какая-никакая, а отсрочка. Мальчиков на режиссерском не хватало. Меня взяли даже с моим уровнем. Я читал стихотворение Тютчева. Я читал басню Крылова. Я пел про «Ой мороз, мороз» и «Катюшу».

Я танцевал вальс с какой-то коротко стриженной студенткой, сидевшей на вступительных, но мы двигались по-разному. Абсолютно вразнобой. Она смотрела на меня как на умственно отсталого. Я на нее — как на звезду погорелого театра.

Я честно сознался, что не очень люблю театр, но больше никуда не поступил, а в армию идти не хочется.

Мастера звали Александр Сергеевич. Или Сергеич, как все потом называли. Он поблагодарил за честность. Он сказал: вы приняты. В вас есть что-то живое, настоящее, аутентичное. Я подумал, что он обозвал меня аутистом. Но главное, взяли.

Первый курс. Одноклассники уезжали в Москву. Одноклассники учились на юристов, медиков, психологов, экономистов, лингвистов, программиста, историка.

Одноклассницы выходили замуж. Первой замуж вышла Ланка. Приглашала на свадьбу. Я не пошел.

Я учился на руководителя театрального коллектива и никому не рассказывал про это. Да я вообще перестал общаться с одноклассниками.

Однокурсники были фрики. Миша — поклонник Гарри Поттера. На собеседовании он сказал, что посмотрел фильм про «этого самого Гарри Поттера и таинственную комнату» и решил стать актером. У Миши был шрам на всю шею, стрижка под ноль и хриплый голос. Он ходил в сером пиджаке в мелкую крапинку и потрескавшихся кожаных кроссовках и постоянно пел про Жигана-лимона. Сейчас, кажется, он работает таксистом, но точно утверждать не могу, да и вообще мне по барабану, кем и где он работает. Мы с ним здоровались и то не каждый раз.

Гуля была тихоня. Узкие, черные глаза, какие-то огромные темные кофты, стрижка «ежик» и тяжелые ботинки с толстыми подошвами. Ладно, хоть не готка. Не знаю, почему ее взяли на курс, но говорила она тихо, неуверенно, а вот рисовала шикарно. У меня до сих пор где-то валяется пара ее рисунков. Задумчивые драконы с короткими крыльями и печальными глазами. Почти такой же, яркий, как граффити, красовался у нее на плече. Мы все переодевались за кулисами, не стесняясь друг друга, и каждый раз я с восхищением смотрел на ее тату. Даже на репетициях она рисовала. Странно, что она не пошла в художку. Это было бы логичней.

Вова пил в два раза больше меня и не пьянел. Вернее, он просто вырубался, а утром был как огурчик. Может, потому что заедал исключительно огурчиками, не знаю. Меня огурчики не спасали совершенно. Но вот перегара, причем убойного, избежать ему все же не удавалось. У Вовы были огромные уши, мелкие кудри, как у барашка, и здоровенные мозолистые руки. Вроде уже не жил в деревне и не работал, но мозоли все равно не проходили. Как и я, он не хотел идти в армию, а все это актерство ему было до одного места. На парах он сидел на последней парте и спал. Если бы это было нормальное учебное заведение, его бы будили и делали замечания, лишали стипендии и все такое, но это был обыкновенный кулек, и на Вову никто не обращал внимания. Он все время говорил: «А вот у нас в деревне» — и изображал разных дядь Васей, тетя Марусей и прочих колоритных персонажей. Делал он это, надо сказать, перwokлассно, но как только доходило до репетиций Чехова и Островского, все мастерство куда-то испарялось, и Вова становился еще более деревянным, чем Миша.

Всего нас училось тринадцать человек. Остальные тоже были чудаковатыми, но не настолько.

Катя три раза поступала в театралку, но успешно проваливала. И неудивительно: наверное, каждый третий заваливал вступительные на актерку института. В училище брали всех.

Юлька твердила, что театр — это рупор, и она пришла вещать всем женщинам, что они не могут называться женщинами, пока не выполнят свою священную обязанность и не пророжаются. Она именно так и говорила — «пророжаться».

— Да как ты не понимаешь, — убеждала она несчастную Гулю, — каждая, абсолютно каждая женщина должна пророжаться.

Сама она не смогла забеременеть — не все в порядке со здоровьем. Но ее даже Сергеич побаивался.

Нина фанатела от Агузаровой.

Стася писала рассказы и пьески про ангелов.

Марина красила волосы в розовый и говорила про Зоценко: «тот, что про щенков писал».

Вероника — анорексичка.

Лера картавила, носила дреды, широкие штаны и читала рэп.

Тома смотрела «Дом-2», мечтала стать его участницей и несколько раз отправляла свою анкету.

А Женька хохотала, как ненормальная. Всегда. Даже если никто не смеялся.

С такими людьми мне приходилось не только учить историю театра или основы звукорежиссуры, но и контактировать на сцене, играя в различных этюдах и сценках.

На парях я бывал от случая к случаю. Мастерство старался не пропускать, а на все остальное забивал без сожаления. Обидно бывало только, когда решался-таки прийти, а пару, как назло, отменяли.

Очень часто я думал, что я здесь делаю вообще? Хотя так каждый второй, наверное, думал. Еще раздражали танцоры и почему-то оркестранты. Первые строили из себя непонятно кого, вроде как мы такие звезды-звезды, что хоть завтра в Большой театр, а вторые были очень жалкие. Так и хотелось их пнуть. С одним я схлестнулся не на шутку. У него оказались крепкие руки, на тубе, наверное, играл, но я все равно навалил ему по первое число. Правда, потом они подкараулили и отметили меня всем отделением.

Вот в этом они молодцы, держались вместе, как настоящий оркестр.

А у нас в группе все сами по себе были. Я общался только с Вовой, и то в основном тостами, и немного с Гулей.

Сергеич говорил, что мы должны сплотиться и быть как одно целое. Но ничего подобного не происходило.

Второй курс. Новогодние утренники. Это ад. Мы должны были «дедморозить» по очереди. Но «дедморозил» только я. За мероприятие я переодевался по семь раз, а если учесть, что в день у нас было по три-четыре утренника, то получалось и все тридцать. О накладках даже вспоминать не хочется. То борода отвалится, то какой-нибудь особо талантливый и расторопный ребенок как засадит со всей силы по коленке. А как знатно потелось под кучей одежек, свитером, шубой и валенками, это просто сказка — покруче всяких саун.

Вова и Миша на Дедов Морозов не тянули. Играли злодеев, пиратов, придворных, снеговиков. Гуля была Снегурочкой. В остальном второй курс не сильно отличался от первого. Я прогуливал пары. Я обходил стороной оркестрантов. Я получал кормовые сорок с чем-то рублей и покупал на них две порциипельменей. Я репетировал Плюшкина по пьесе «Мой милый Плюшкин». Я носил лосины на танцах. Я спал за кулисами. Я гримировался в старика и скелет.

А потом... Отчисление: я опоздал на прогон «Плюшкина». На полтора часа. Пропал. Сергеич был в гневе.

Сергеич сказал: «Возмутительно», — и схватился за сердце. «Вы в гроб меня вгоните». «Убить тебя мало!» «Пошел вон!» «Показа не будет, — и добавил: — Чтобы больше тебя не видел».

Он поставил мне двойку за мастерство, впервые за двадцать лет своей преподавательской деятельности.

Катка ревела. Катка готова была меня убить. Она засадила мне кроссовком между ног и никогда больше со мной не разговаривала. Через неделю на доске вывесили приказ о моем отчислении.

В военкомате узнали, обрадовались и тут же прислали мне повестку, но я сломал руку и получил очередную отсрочку. Не радовала меня поездка в армию.

Удивительное дело, но когда меня отчислили, я вдруг понял, что в училище было не так уж и плохо. Не знаю, может, сработал эффект отнятой игрушки, а может, я успел привыкнуть и даже немного полюбить это лицедейство и прочие театральные прибабасы, но мне определенно захотелось вернуться и доучиться до конца.

Поэтому летом я подал заявление на восстановление и восстановился, так как с мальчиками по-прежнему была напряженка.

Новый курс был еще меньше моего. Всего два парня: я и Валера. Да, этот самый Валера, который сегодня меня уволил. И семь девчонок. Немного адекватней наших, но лишь немного. Спасибо хоть про пророжаться никто не рассказывал.

С Валерой мы быстро нашли общий язык. Еще бы — один среди семи театралок, да он даже Мише был бы рад, а я намного приятнее Миши. Нет, Валера, конечно, пытался воспользоваться положением, даже подкатывал чуть ли не ко всем сразу, но быстро понял, что ни к чему хорошему это не приведет. Да и девчонки гораздо охотнее поглядывали на поджарых танцоров, а не на пузатенького Валеру.

Мы реально сдружились. Мы оба отрастили бородки. Мы зависали в барах. Мы рубились в «контру» по сетке. Мы играли Деда Мороза по очереди. Мы придумывали и записывали какие-то дурацкие песни на диктофон. Нас стали называть близнецами, хотя мы не очень-то похожи.

Я вдруг стал получать кайф от учебы, от репетиций, бесконечных выяснений, кто выкладывается по полной, а кто нет, от неоправданных обвинений в отсутствии таланта и от совсем неробких надежд на попадание во МХАТ или «Современник».

Валера смотрел на мир более практично, и это мне в нем нравилось. Он постоянно находил какие-то халтуры, халявы, акции, никогда не сидел без налички, но при этом не жмотился и угощал топливом.

И лишь редкие встречи с Сергеичем и его испепеляющий взгляд добавляли небольшую, но вполне ощутимую ложку дегтя в мою практически медовую учебу.

И мозг решил сделать передышку, словно дальше ничего не происходило, словно здесь застряла причина и нужно ее непременно найти. Но есть ли она? Да и главное — зачем? Зачем мне знать за что, даже если есть за что? Ну, узнаю я, что изменится? А ничего. Это меня спасет? Нет. Захотелось набрать побольше воздуха в легкие и кричать долго и пронзительно.

Около года. Сколько это? Триста сорок? Триста двадцать девять? Ну, пусть будет триста, чтобы равное число. Минус сон. Вот и двести. Восемь часов же нормальный сон.

Нормальный. Ха! Спать восемь часов — это роскошь. Теперь только четыре. Только четыре, ну пять... Итого двести пятьдесят дней. Что такое двести пятьдесят дней? Когда все они как один и летят со скоростью света.

Я начинал себя жалеть. Это же все. Все... Чертовы десять месяцев, и до свидания, конец, титры. Ничего не будет. Вернее, все-то как раз и останется, а вот как представить себя вне этого всего? Просто невысказано.

Не буду есть вопперы.

Не буду есть фунчозу, только-только ее распробовал.

Не буду ездить в лифте, в трамвае, маршрутках.

Не буду хвататься за голову после очередного поражения Спартака или сборной и вспоминать все крепкие, но очень точные слова, подходящие, как никогда, лучше.

Не буду покупать подтяжки по акции.

Не буду смеяться над очередным пафосным фильмом Бондарчука.

Не буду пересматривать любимые квновские команды и смеяться.

Хотя я давно уже не смеюсь над новыми выпусками и командами, ведь КВН уже не тот, совсем не тот.

Не буду вечерами ненавидеть Урганта.

Не буду мечтать о том, что когда-нибудь на голову мне упадет миллион. Евро, конечно же. Только евро.

И дико захотелось фунчозы. И Баскин Роббинс. Но ни того ни другого, разумеется, не было. Все, приплыли. Вот так завалиться, растечься по дивану, как масло, и отбросить копыта, к чертям собачьим. Только и всего. Раз, и там. Только и всего. Но если бы все было так просто.

Рука потянулась к телефону, не удержался, набрал Алису. Не берет. Позвонил еще раз. Не берет. Бог любит троицу...

Я проснулся в четыре утра. Голова трещала и мстила мне с невероятной силой. Под глазами мешки. В глазах резь. Вены вздулись на висках и пульсировали. Лицо отекло и раздулось так, будто я всю ночь зависал на пасеке с пчелами. Болело все, даже язык и переносица. Так тебе, неудачник. Пробовал снова уснуть, но куда там. Пришлось укутаться теплее и включить «Во все тяжкие». Не зря же качал. А со сном так и получилось — четыре часа, если не меньше.

И снова вспышки памяти: выпускной в училище. Два года в Волгограде. Вернулся обратно. Несси.

Выпускной в училище очень напомнил выпускной в школе, разве что не было родителей. Никто не прятал топливо. Никого не увезли на «скорой». Никто не говорил про открытые двери во взрослый мир. Никто не пел «Я — солдат».

Валера схлестнулся с оркестрантами, и началось кровавое месиво. Они отпинали всех, даже директору немного досталось и, что порадовало, Сергеичу. Бой вышел непродолжительным, но очень интенсивным. Сорвали кулису, разбили вазу, дважды пустили кровь. Без крика и участия девчонок тоже не обошлось. И лишь когда один из оркестрантов проломил ногой сцену, все как-то быстро протрезвели, пришли в себя, обнялись, пожали друг другу руки. Даже мы с Сергеичем помирились. Он похвалил мою дипломную работу, сказал, что я неплохо сыграл Базарова, хотя всегда есть куда расти, и что если бы не отсутствие дисциплины, он бы мог за меня замолвить словечко Денисову, тот как раз набирал актерско-режиссерский курс в институте. Но так как он не уверен во мне, тем более после такого катастрофического косяка, то не будет просить. Вот и надо было дразнить? Но это мелкая и отвратительная черта театралов: поддеть, уколоть, унизить. Обидчивые натуры.

Я не очень-то хотел в институт, тем более снова в театральный, но отсрочка на пять лет мне явно бы не помешала.

Придя в норму, оркестранты собрались вместе и слабали «макарену», затем «Lets Get It Started», а потом перешли на творчество старого доброго Шнура и «Ленинграда». Ох уж эти оркестранты.

Все танцевали, как угорелые, а после с теми же оркестрантами приводили актовый зал в порядок и чинили сцену.

Напоследок наш курс показал пародии на преподавов и спел слезливую песенку о прекрасных годах, проведенных в училище, и о том, как сцена нас сплотила и стала неотъемлемой частью жизни. Вранье, конечно.

Я, например, больше ни разу в кульке не появлялся. Да и многие так же.

Два года в Волгограде. Нет, я не служил там. Хотя мог. Собственно, я поэтому и оказался в Волгограде, чтобы не служить.

Снова ломать руку мне не хотелось, альтернатив было немного, не дожидаясь повестки в военкомат, я рванул куда подальше. Почему-то захотелось в Волгоград. Юг все-таки, там теплее и люди не такие суровые.

Я подал документы во все вузы, какие только смог, но везде провалился. В театральном мне сказали, что у меня ужасный говор, а как узнали про училище, так и вовсе скривились и посоветовали забыть про карьеру артиста. Переучивать меня никто не возьмется.

Не больно-то и хотелось.

С остальными универами тоже не заладилось. Не то чтобы я такой тупой, но результаты ЕГЭ у меня далеко не лучшие.

Надо вот было вводить этот дебильный ЕГЭ? Все кавказцы уделали меня по русскому языку. Такое мыслимо вообще? Да половина из них предложение толком составить не может. По сто баллов набирают. Короче говоря, я засел на дно, чтобы военком не смог меня отыскать.

Не скажу, что мне жутко понравилось в Волгограде, но там есть: Волга, Мамаев курган, Панорама Сталинградской битвы. Котлеты «по-киевски». Длиннющий проспект Ленина. За два года я так и не смог пройти его целиком. Но пытался неоднократно.

Еще, что удивительно, раньше он назывался Сталинградом, но в городе несколько памятников Ленину, причем довольно крупных. Они даже в какие-то списки рекордов входят. А памятников Сталину нет, что тоже логично.

Красивых домов там немного, но и это понятно. В Отечественную ему досталось по самое не балуй, и город превратился в руины. Его отстраивали заново, и тут уже было не до красоты и помпезности.

Я снял крохотную однокомнатную квартирку с фиолетовыми обоями и вечно протекающим краном в Кировском районе и устроился работать аниматором в контору со странным названием «Карандаш». Карандаш — мы разукрасим ваши серые будни.

Вот тогда я по-настоящему возненавидел детей. Не было ни одного праздника, с которого бы я не ушел оглохшим, с подбитым глазом, с синяками на руках и ногах или в порванном костюме. Дети висли на мне. Дети визжали, как ненормальные. Они пинались, царапались, кусались. Дети бросались в меня едой. Дети плакали и боялись меня. Но не все, к сожалению.

Кем я только не был за эти два года. Человеком-пауком. Джеком-воробьем. Фиксиком. Халком. Индейцем. Суперменом. Варваром. Клоуном. Мимом. Пикачу.

Каждые выходные я порывался бросить разукрашивать серые будни детей и их родителей, но мне нужны были деньги. А наше прекрасное училище как-то не сильно позаботилось о том, чтобы разнообразить наши умения в зарабатывании денег. Так что единственное, что я мог, — сменить агентство, но какой в этом был толк?

К тому же иногда, правда очень редко, у меня получалось кайфовать от того, что я могу заставить людей улыбнуться или делать нелепые и глупые вещи, прикрывая это условиями конкурса. Ради конфеток они прыгали с бутылками между ног, переносили яйца в ложках, держа их во рту, или изображали персонажи фильмов или известных артистов. Танцевали по-дурацки, да еще и радовались, как дети. И фотографировались со мной, как будто я был Данила Козловский, Сергей Безруков или Стас Михайлов.

Но главное, что не надо было по восемь часов просиживать в душном офисе. Свободное время — для кого-то роскошь, а у меня его было столько, что хоть на зиму засаливай. Летом я валялся на пляже, осенью и весной зависал на набережной, а зимой на концертах и в кино. Изредка заходил в клубы, но там слишком душно и пафосно. Не люблю понты и пафос.

За два года я накопил денег достаточно, чтобы откупиться от армии. В итоге написали, что у меня плоскостопие и дикое искривление позвоночника, дали мне военник и велели гулять на все четыре стороны и молиться, чтобы не было войны.

Может, это из-за армии? Да, что я один такой, что ли? Отмазавшихся больше, чем тех, кто служил. Но как-то далеко не всем достается, как мне.

Когда вернулся домой, мать всплеснула руками, мол, похудел-то как. Стала откармливать. Но мне это дико не понравилось. Через неделю съехал от нее на квартиру-студию с бежевыми обоями, хотел их переклеить, но хозяйка попала не очень и не разрешила.

Связался с Валерой, он тоже работал аниматором. Позвал к себе. Я выбирал между «Связным» и «Волшебным лесом» (так называлась контора, в которую звал меня Валера). Победил «Лес», опять же из-за свободного времени. Ну, и со знакомыми приятнее, разумеется, батрачить.

И вот я снова в костюме Джека-воробья, а дети такие же крикливые и агрессивные, как в Волгограде, видимо, они везде такие. У Валеры, кстати, намного лучше получалось с ними справляться. То ли они его боялись, то ли, наоборот, принимали за своего, но его никто ни кусал, ни пинал и не боялся.

Он и свадьбы проводил с легкостью, о которой я мог только мечтать. «Пожелаем мы вместе жениху и невесте». Его называли вторым Ургантом. Неудивительно, что он быстро поднялся и открыл свою контору, в которую по дружбе перетащил и меня. До сих пор не понимаю зачем. Я был явно не тем работником, которым можно гордиться и желать во что бы то ни стало заполучить. Видимо, ценил нашу дружбу.

Мы играли в бильярд. Мы зависали в саунах. Мы катались на снегоходах и ездили на рыбалку. Мы напивались в барах и клеили официанток. Одна из них осталась с Валерой надолго, и он сделал ей предложение. Больше мы уже не тусили, и Валера стал более официально ко мне относиться.

Я переехал в квартиру побольше. Тут же переклеил обои в серый цвет с изображением различных храмов, дворцов и прочих шедевров архитектуры, чуть не завел себе собаку, но вовремя одумался.

С матерью виделся крайне редко. Она начинала капать на мозг, пересказывала сериалы, программы, ругала депутатов и говорила, что нужно менять профессию, пока не поздно, мол, сказали, что будущее за менеджерами, а я ни разу не менеджер. И все в таком духе.

Ей бы найти кого себе, но она и не пыталась, да и кому нужно слушать пересказы этих чертовых сериалов.

Она смотрела «След». Она смотрела «Понять и простить». Она смотрела «Пятую стражу». Она смотрела «Давай поженимся». И, конечно, она смотрела «Пусть говорят».

А я на одном из своих мероприятий встретил Несси. Вообще-то ее звали Инесса, но она терпеть не могла, когда ее называли полным именем. У нее были роскошные длинные черные волосы ниже плеч. У нее была тату в виде леса и стаи птиц на руке. Она слушала «Radiohead». Она слушала Björk. Она слушала Moby. Она слушала «Gorillaz». И немного «Nirvana». Из русских она слушала «Машу и медведь», хотя их давно уже никто не слушал. У нее были небольшая родинка слева над губой и маленький размер ноги. Тридцать пятый. Или тридцать шестой.

Она стояла в сторонке и явно грустила. Вернее, слушала музыку в наушниках. А я был клоуном и решил ее развеселить. Наверное, не лучшее решение — возникнуть перед ней и начать трясти, как ненормальный, головой, корча нелепые рожи, но ничего другого мне тогда не пришло в голову.

Несси сразу мне понравилась, а вот я, скорее, напугал ее и взбесил одновременно. Неудивительно. Но главное — мне удалось привлечь ее внимание.

После мероприятия все разошлись, а она стояла на том же месте. Набравшись смелости, я подошел:

— Привет! — банальнее не придумаешь.

Она вытащила наушник из уха.

— А ты знаешь, что у китов нет ушей? — решил заинтересовать я Несси.

Она покачала головой.

— Но они не глухие. Киты слышат при помощи нижней челюсти. Представляешь?

— Прикольно, — не сразу ответила она и засунула наушник обратно.

Не заинтересовал, хотя, конечно, тоже явно не самый интересный факт. Далековато мне было до пикапера.

— Вообще-то все кончилось.

Она снова вынула наушник и вопросительно посмотрела на меня.

— Что слушаешь?

— Тома Йорка.

— Кто это?

Она закатила глаза:

— «Radiohead».

— Можно?

Я вставил наушник себе в ухо. Раздалась приятная, хотя и немного депрессивная мелодия. Я вспомнил, что уже слышал ее. Стиль не совсем мой, но слушать можно.

— Какой альбом? — понятно, что я в любом случае не знал, но надо расспрашивать о том, что приятно другим. Я же читал Карнеги.

— «Kid A», — и посмотрела на меня так, словно я спросил, как зовут Юрия Гагарина.

— А-а-а, — протянул я и хлопнул себя по лбу, мол, как можно было такое забыть? Позор.

Несс не отреагировала.

Я вернул ей наушник:

— Там все ушли уже.

— Угу, — кивнула она и, вставив черную ракушку наушника на место, направилась к выходу.

— Можно проводить тебя?

Она пожала плечами.

— Меня Илья зовут.

— Несси.

— Необычное имя. Редкое.

Она не ответила. Началась новая песня, и Несси полностью растворилась в музыке.

— Я только переоденусь, я быстро.

Она не слышала, но и не двигалась. Застыла, как статуя. Хочешь — лапай ее, хочешь — в сумочку залезь, хочешь — усы несмываемым маркером рисуй.

На улице шел дождь. Крупные тяжелые капли с силой барабанили по крышам, стенам домов, по деревьям, земле, по нашим макушкам. Они разбивались и стекали ручейком, смывая грим с моего лица и тушь с ее ресниц. Зонт, разумеется, никто из нас не взял. Но вместо того чтобы спрятаться под крышу, Несси рванула со всех ног и шлепала прямо по лужам, не жалея ни себя, ни обувь. Я помчался вдогонку, а что еще оставалось делать?

Через пять минут мы уже ехали в трамвае. Мокрые, грязные, усталые.

Я пытался завести разговор. Я выдал еще несколько фактов о китах. Я рассказал, что хвосты китов уникальны, как и отпечатки пальцев у людей, и двух одинаковых хвостов просто не существует. Я рассказал, что киты способны задерживать дыхание на несколько часов. Я сообщил ей, что киты и люди — это единственные млекопитающие, которые могут петь. И что шоу «Голос китов» выиграл белый кит Барри, потому что самыми поющими среди китов считаются белые. А наставником у него был Градский. Ведь Градский просто создан для этого шоу. Барри пел песню Селин Дион «My heart will go on».

Я мог раскрыть еще пару фактов, но понял, что бессмысленно. Она даже не улыбнулась. Я рассказал, что жил в Волгограде, в котором проспект Ленина настолько длинный, что я так и не прошел его целиком.

А потом я просто забрал у нее наушник, и мы слушали «Radiohead». Возле подъезда я спросил: «Несси — это уменьшительно-ласкательное от Инесса?»

Она скривилась: «Терпеть не могу это Инесса, оно тупое, я — Несси».

Я сказал, что понял, и попытался ее поцеловать.

Она не далась, сказала, что это чересчур, но оставила свой номер телефона.

Я долго еще смотрел на закрытую дверь, за которой она исчезла, и думал, чем она мне так понравилась. Она была необычная. Она была странная. Людям нравится все странное и необычное.

Я позвонил ей из дома:

— Я добрался.

Она молчала.

— Это я — Илья.

Она молчала.

— У тебя все нормально?

Пауза.

— Завтра увидимся?

— О'кей, — и повесила трубку.

Я не стал покупать цветы, не повел ее в кафе или в кино. Она написала сама. Филармония. 19:00. Не очень как-то идти в филармонию с цветами для девушки, а не для артистов. Еще и рубашку на себя нацепил.

Несс была в черной толстовке «Nirvana» и черных джинсах. Она сказала: «Привет» — и взяла меня за руку. Она сказала: «Кобейн не носил рубашки». Она сказала: «Антон играет в „Пулеметах“, он басист». Антон — ее знакомый, он и позвал на концерт памяти Курта Кобейна.

Пели и играли все неважно, особенно «Пулеметы», но я смотрел не отрываясь на мушку Несси, которая рождала в моей голове невероятно страстные и бурные фантазии.

Под песню «Polly» она крепко сжала мою руку, и ее губы страстно впились в мои. Это стала наша песня.

С тех пор в моей жизни было много музыки. Много песен и мыслей. Мы ходили на концерты. Мы ходили на квартирники. Мы ходили на репетиции. Я так ни разу и не подарил ей цветы. Она сделала мне тату. Мастер Йода с лазерным мечом. Несси была тату-мастером. И редкостным интровертом. Даже когда мы сидели в метре друг от друга, ей было проще написать в вк, чем что-то произнести вслух.

Во время секса Несс также не издавала ни единого звука, хотя по глазам было видно, что ее просто переполняют эмоции. Несси было непросто держать все в себе, но что-то, возможно психологические травмы детства, сковывало и не давало ей обнажить не только тело, но и чувства.

Я быстро привык к ее молчанию. Это намного лучше незатыкающихся девушек, а таких гораздо больше. Болтовня реально раздражает. Тишина притягательна. В ней была загадка, которую хотелось непременно исследовать и раскрыть. К тому же она необратимо нравилась мне внешне. Аккуратные тонкие губы, мягкие пушистые волосы, глубокие карие глаза и милые пухлые щечки. Все это во мне вызывало бурю щенячьего восторга.

Мушка же с каждым днем все сильнее захватывала мои чувства. Она магически действовала на меня, гипнотизировала, сводила с ума. Я уже не мог представить и дня, проведенного вдали от манящей коричневой бусинки.

Через неделю Несси переехала ко мне вместе со всем оборудованием и клиентами. Я любил смотреть, как она работает, как старательно выводит рисунки, иероглифы и надписи на плечах, руках, ногах, шеех, щиколотках своих многочисленных клиентов.

Ей не нравилась моя работа, но частенько она ходила со мной, надевая потрепанную толстовку «Nirvana», сидела так же в стороне ото всех и изредка улыбалась мне.

Она пила виски, запивала колой, но делала это крайне редко и мало, так как быстро пьянела. Алкоголь менял ее, добавлял разговорчивости и агрессивности.

Как-то мы пили вдвоем с Валерой. После третьей стопки она стала внушать Валере, что мы занимаемся откровенной чушью. Мы не дарим людям праздник, а тупо убиваем их и свое время, помогаем всем деградировать, хотя они уже и так деградировали дальше некуда. Валера только усмехался в ответ, но, когда Несс назвала его грязным ублюдком и сказала, что он неминуемо будет гореть в аду, приукрасив свой спич парой крепких выражений, явно обиделся и чуть не уволил меня. К счастью, Несси практически тут же отрубилась, а мы с Валерой выпили мировую и, обнявшись, спели «Черный ворон». Люди не любят, когда им желают гореть в аду.

Утром Несси сама извинялась и утверждала, что ничего подобного у нее и в мыслях не было. Говорила весьма убедительно, да и не верилось, глядя на нее, что она может искренне желать кому-то зла.

Правда, подобные вещи повторялись несколько раз, доставалось и мне, но я не мог злиться на Несси, что бы она ни говорила и куда бы ни посылала меня.

Я не хотел знакомить ее с матерью. Мама пришла сама. Никогда не приходила, а тут пришла. Несс стояла в одной майке, зевая, и долго не могла понять, кто перед ней и что ей вообще нужно.

Мать резко высказалась о ее виде, наверное, позавидовала стройным ногам и стала требовать одеться и привести себя в порядок. Назвала тату мерзостью, хотя рисунок у Несс вполне симпатичный и невинный, наорала заодно и на меня, что давно не объявлялся, а тут еще и собрался жениться, не спросив у матери.

Я не собирался жениться, по крайней мере тогда. И вообще не понял ее истерики. Но мать ничего не хотела слушать, заявила, что Несс мне не пара, и, обидевшись, ушла.

Несс тоже ушла. Так же тихо и неожиданно, как и появилась. Просто исчезла, и все.

Проснулся, а ее рядом нет. Ни ее, ни оборудования, ни ее вещей: расчески, зубной щетки. Ничего. Даже записки не оставила.

Я тут же кинулся звонить, но номер был заранее удален из телефона. Поехал к ее старой квартире. Там никого. Еще неделю я каждый день приходил к тому подъезду, но все тщетно. Она как в воду канула.

Пробовал искать через «Пулеметов». Ходил на концерты. Ходил во все места, где мы были вместе. Ходил в места, где мы не бывали вместе. Пробовал искать знакомых, но у нее словно не было никаких знакомых. Все бесполезно. Ни единой ниточки. Ни одного намека. А я так и не раскрыл ее загадку. Может быть, поэтому она и ушла.

А может, ее и не было. Но Валера-то помнит. И мать помнила. А вдруг это она вмешалась? Но мать уверяла, что вообще ни при чем. А то, что Несс ушла, прекрасно, она не пара мне — развратная и руки размалеванные, как у головорезов.

А ведь она мне нравилась. Очень нравилась. Все, что мне осталось, — «Radio-head», заслушанный до дыр, и мастер Йода на плече.

И вот за что? За Несс? Я даже не знаю, почему она ушла. Чем я ее обидел? И обидел ли?

И меня накрыло. Включил Тома Йорка и стал вспоминать Несси. Ее волосы. Ее тату. Ее запах. Ее родинку. Том жалостно завывал, и от этого становилось еще горше. Том пел «Karma Police». Том пел «Creep». Том пел «Step». Том пел «The Clock». Том пел «Street Spirit».

А я только слушал, и валялся, и едва сдерживал слезы. Все тело ныло, сил не было абсолютно. Я жалел себя и ненавидел всех. Мне казалось, что все, совершенно все виноваты в том, что случилось, в том, что я болен.

Бог, люди, птицы, насекомые — все хоть как-то повлияли на этот диагноз, приложили свою руку, лапу, крыло, хвост к тому, что у меня оставалось всего двести пятьдесят дней. Чертовы тараканы выживают при любых условиях. Но я не таракан, я человек. Как бы мы ни были сильны, есть немало вещей, перед которыми мы все же бессильны. Бессильны, черт возьми!

Мы слишком уязвимы. Как далеко бы мы ни продвигались в покорении космоса, здесь, на Земле, мы остаемся все теми же маленькими и беспомощными людьми, могущими в одно мгновение, всего в одно малюсенькое мгновение исчезнуть навеки, превратиться в горстку никому не нужного пепла. Memento mori, как говорили предки.

И это было как насмешка, постыдный плевок в спину или подножка. Раз — и ты уже на земле, оплеванный, грязный, со сломанными конечностями.

Я вышел в Интернет и стал читать различные форумы. Затем начал разглядывать фотографии. Жуткие фотографии.

Я смотрел на совершенно лысых людей, похожих на инопланетян.

Я смотрел на людей без бровей.

Я смотрел на осунувшихся людей.

Я смотрел на сутулившихся, съезжившихся, как старики, людей.

Я смотрел на людей с потухшими глазами.

Я смотрел на людей в инвалидных креслах.

Я смотрел на людей на больничных койках.

Я смотрел на людей, обвешанных всевозможными медицинскими аппаратами.

Многих из них уже нет. Кто-то еще боролся, но таких было мало. Тех, кто смог победить болезнь, — единицы.

Их истории я читал запоем. Настоящие голливудские блокбастеры. Что ни человек, то Брюс Уиллис — сплав стойкости духа и готовности к риску и экспериментам. Лекарство из бузины, лекарство из водки и подсолнечного масла, грязевые ванны,

голубая глина, зеленая глина, белая глина, поедание песка, голодание, молитвы, обряды — на что только не решались эти бедолаги, цепляясь за жизнь и возможность хоть на мгновение ее продлить.

И тут меня снова начало тошнить. На шатающихся ногах я добрался до ванны.

Неделя не задалась. Ха-ха. У Бога отличное чувство юмора. Посмотрел в зеркало. Вид ужасный, почти такой же, как у тех бедолаг из Интернета. Глаза ввалились, неестественная бледность, вены вздулись. Хотя еще вчера ничего подобного не было.

Сжал кулаки, набрал воздуха в легкие и крикнул в полную мощность. Еще и еще. Я решил проораться, пока не свалюсь обессиленно на пол или пока не появятся соседи и не начнут ломиться в дверь. Но силы не заканчивались, как и терпение соседей. В двери никто не стучал и не звонил. И я продолжал.

Лицо покраснело от натуги. На лбу еще сильнее вздулись вены. Внутри что-то жгло с невероятной силой. Мне было больно. Мне было чертовски больно в области сердца.

Алиса. Да катись ты лесом, Алиса! Как только я мог вообще связаться с тобой?

И очередная порция воспоминаний нахлынула безудержным потоком, утопив в себе все остальные мысли и чувства. Как чертов кофе, мозг растворялся в этих воспоминаниях. Свадьба с Альбиной. Развод с Альбиной. Авария. Онлайн-покер. Уволился с работы. Устроился оператором квеста.

Свадьба с Альбиной. Я сам не понял, как все произошло. Я долго не мог забыть Несси. Очень долго. Чувствовал себя личинкой в огромном и жестоком мире. Беспомощной и раздавленной. Ненавидел ее. Молил Бога, чтобы она передумала и вернулась. Видел в каждой темноволосой девушке ее, и только ее. Даже ходил к гадалке и просил наколдовать ее возвращение.

Несс не вернулась. Валера посмеивался надо мной. Разыгрывал, присылал веселые картинки в соцсетях — поддерживал, как настоящий товарищ. Ему надоело смотреть на мою кислую рожу, и он вытащил меня на свидание с Альбиной. Я не хотел идти, а он не хотел ничего слушать, схватил за грудки и реально приволок на свидание.

Мне не понравилась Альбина. Вернее, мне было все равно, Альбина или Наташа, да хоть Скарлетт. Я думал о другой. Я вообще ни о чем и ни о ком не мог думать, кроме нее. А тут на тебе Альбину и забудь раз и навсегда свою Несси. Не все так просто, господа, не так все просто.

У Альбины была родинка на щеке. Тоже родинка. Совпадение или Валера знал, я так и не выяснил. Но у Несс была милая родинка, маленькая, завораживающая мушка, а у Альбины — настоящая родинка, больше и гораздо темнее. А еще у нее не закрывался рот. Вообще ни на секунду. За минуту знакомства она успела рассказать не только про всю свою жизнь и жизнь своих родственников на данный момент, но и про то, чем планирует заняться в ближайшие двадцать лет. Не скажу, что у нее самый приятный голос на свете, но это ее нисколько не смущало. Стеснение? Нет, не слышала. Она четко знала, что и когда ей нужно. Такой напористости можно только позавидовать.

Поэтому я сам не заметил, как быстро закончился ужин, после которого мы сели в забрызганное грязью такси и поехали ко мне.

У нас ничего не было. Дома я, конечно, сообразил, что к чему, и буквально вытолкал ее в подъезд. Но, повторюсь, Альбина не из робкого десятка. Она целеустремленная. Уже на следующий день она пришла к нам в контору на обед и принесла свои фирменные пирожки. Специально для меня пекла. Какая забота!

Готовила она, должен отметить, прекрасно. Собственно, это лучшее, что в ней было и, наверное, есть. А какой мужчина не любит вкусно пожрать? Всем же известно,

что путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Нет, сердце мое она не завоевала, но подступила довольно близко к нему. На следующий день Альбина принесла котлеты с ризотто, а еще через сутки рулеты с курицей и грибами.

И я снова стал жиреть, как кот на деревенской сметане. Очень трудно отказать человеку, когда он несет тебе полную тарелку дымящихся пельменей. Или фаршированных перцев. Или огромную сочную пиццу. Или мясо по-французски. Или грибного супа-пюре. Или нежной мясной запеканки.

Через неделю она переехала ко мне, а через месяц намекнула, что неплохо бы нам и расписаться. Это явно было не то, о чем я мечтал. Но, снова повторяю, Альбина целеустремленная, и было очевидно, что просто так она не отстанет, решила, что я го-жусь ей в мужья, и, значит, сделает все, что потребуется, хоть отрежет мне руку или ногу, пока я не начну думать ровным счетом так же.

Я не хотел жениться. Тем более на Альбине, я по-прежнему думал о Несс. Но шансы, что она вернется, были гораздо призрачнее того, что Альбина просто-напросто возьмет меня измором. И я согласился на штамп в паспорте. Тюфяк.

Правда, мне удалось убедить невесту в том, что пышная церемония нам ни к чему, по крайней мере пока. Шумное торжество можно провести в любой момент, желательнее через год, когда наши чувства только окрепнут и удастся накопить приличную сумму. Она согласилась. Все обошлось только загсом и обменом колец.

Ну, как обошлось? Валера обиделся, что не сможет погулять у меня на свадьбе. Он, видите ли, за меня рад, а я лишая его праздника. Как так можно вообще? Получается, сапожник без сапог. Работаю в event-агентстве, а сам....

Он сказал: «Ну, уж своему-то провели бы „ол инклюзив“». Он сказал: «Свадьба — это святое». Он сказал: «Со своих грех брать деньги». Он сказал: «С „Поленом“ бы договорились на скидку. Ты же знаешь, у них шикарные ребрышки». Он сказал: «Ну, праздника хочется, — и добавил: — В конце концов, кто тебя свел с Альбиной?»

Я ответил: «Через год, обещаю».

Но Валера — это ладно, это ерунда. У нас не было медового месяца. Не в том плане, что мы не поехали в романтическое путешествие на Карибы или хотя бы в Крым, нет. Первый месяц после свадьбы считается самым приятным, самым радостным, беззаботным, сладким, чуть ли не приторным, что логично, исходя из названия. Но ничего подобного меня не ждало. Горчичный — да. Уксусный — да. Хреновый — разумеется, да. Но не медовый и даже не сахарный.

Я думал, что это байки, чертовы штампы, что женщины расслабляются, добившись обручальных колец и печати в паспорте. Мол, можно уже выглядеть не на все сто, достаточно и шестьдесят процентов или даже пятидесяти. Что можно уже не готовить «Cagne au four» или «Fricassée», вполне хватит вареников или борща. Если раньше ты был молодцом и «лучшим на свете мужчиной», когда выносил мусор или помогал с мытьем посуды, то теперь ты стал «лодырем, тварью и кровопивцем — нашел себе „Рабыню Изауру“, а сам палец о палец не ударишь, чтобы помочь единственной и ненаглядной». Раньше помощь, теперь обязанность, и попробуй ее только не выполнить. Теперь ты становишься виноват во всем. Долго едет лифт — виноват ты. Отключили электричество — виноват ты. Высокие цены в магазинах — виноват ты, потому что мало зарабатываешь. Плохое настроение — виноват ты. Нечего надеть — виноват ты. Пошел дождь — виноват ты. Осталось мало амурских тигров — виноват ты. И даже в том, что творится в Северной Корее, виноват ты — а почему бы и нет.

Да, я мог смириться с тем, что она больше не старалась выглядеть лучше, чем есть на самом деле, в общем-то, она и без косметики вполне ничего, да и внешность не главное в человеке, да, я мог обойтись без всех этих блюд с красивым названием, готовила она все равно очень вкусно, а это главное, но вот то, что она превратилась

в настоящую мегеру, думаю, такого не выдержал бы никто. А я с самого начала не питал к ней симпатии. И в итоге — развод с Альбиной.

Я не мучился с решением. Правда, говорить ей тоже ничего не стал. Просто подал заявление в загс. А потом сообщил, что выбора у меня нет. Да и у нее тоже. Она, конечно, рассвирепела. Накинулась на меня. Принялась громить тарелки. Назвала меня всеми матерными и последними словами, которые я знал, и еще парочкой, о которых даже не догадывался. Сказала, что не даст мне развод. Я сказал: «Ок, но жить мы не будем вместе». Я сказал: «Съезжаю, хата все равно съемная». Я сказал: «Не срослось, ты еще обязательно встретишь своего человека». Я сказал: «Так бывает». И: «Дело не во мне, дело в тебе».

Она сказала: «Да пошел ты!» Оказалось, это был уже третий развод. Она отчаянно хотела замуж, но все мужчины сбегали от нее. Понятно почему. С одной стороны, было немного жаль ее. С другой стороны, жизнь — жестокая штука. Да и Альбина сама виновата. Умнее надо быть в совместной жизни, это, как ни крути, тоже искусство.

В итоге она согласилась на развод, но, кажется, еще больше разозлилась на всю сильную половину человечества.

И что это, из-за Альбины? Вопрос, конечно, серьезный. Понятно, что к карме бонусов это не добавило. Но по-другому и быть не могло. Она сама навязалась, она мне не нравилась, она не старалась меня удержать, скорее наоборот. Нет, я мог бы закрыть на все глаза, жить, как многие, вместе и ладно, как — неважно. Но ради чего эти жертвы?

И поэтому не прошло и недели, как мы развелись с Альбиной, и произошла... авария.

Возможно, это и было наказанием. А может, просто Альбина наслала на меня проклятие, не знаю. Скорее всего, второе.

Я возвращался с очередного мероприятия. День медицинского работника. Надеюсь, что на следующий день никто из них не должен был проводить операцию, потому как пьют эти самые медицинские работники просто безбожно. Я думал, сложно перепить работников культуры, но, оказывается, можно, и очень легко. Валера сказал, что у них просто такая разрядка. Работа — на самом деле не позавидуешь, особенно в эмоциональном плане. Поэтому водка — это способ хоть как-то отвлечься от ужасов на работе. Не самый, конечно, лучший, но действенный.

И вот я ехал под впечатлением от увиденного. Вернее, таксист вез меня, а я сидел рядом с ним и, погруженный в свои мысли, не следил за дорогой. А зря. Будь я внимательнее, возможно, заметил бы выскочивший из-за поворота «форд-мондео» и успел бы крикнуть водителю. Бы, бы, бы...

Все произошло в какие-то доли секунды. Яркий свет фар. Визг тормозов. Звук столкновения. Громкий мат таксиста. Удар. И темнота. Я не успел ничего подумать, не успел ничего сообщить.

Пришел в себя я уже на тротуаре. Надо мной склонились какие-то люди, светили фонариком в лицо, трясли за плечи.

— Очнулся, — оповестил всех один из склонившихся.

— Парень, ты как? Слышишь меня? — спросил уже другой.

Я моргнул.

— Двигаться можешь?

Я снова моргнул, хотя ни черта я не мог двигаться.

Рядом лежал таксист. Ему досталось куда серьезнее моего. Ударился головой о руль. Он лежал неподвижно и еле слышно постанывал.

Голова кружилась, как центрифуга. Во рту сохранился неприятный привкус крови и рвоты. Сердце колотилось с бешеной скоростью. Невыносимая, адская боль буквально разрывала на части. И почему-то чесались грудь и копчик.

— А говорить можешь? — допрашивал все тот же голос.

Я попытался ответить, но не смог. Завыли громкие сирены «скорой», и я вновь потерял сознание. Оказалось все же, что я пострадал значительно больше. Водитель отделался ушибами и синяками, а у меня сломался позвонок, и повезло, что не задело спинной мозг, иначе мне грозил паралич. Весело. Врачи навели еще больше страха. То, что они это умеют, я убедился часом ранее. Хорошо, хоть никто из приехавших не был у нас на корпоративе.

— Похоже, не повезло.

— Спинной?

— Да.

— Ну, все. Покатался. Теперь всегда кататься будет.

— Овощ?

— Так точно.

— Да нет, вон ногой шевелит.

Шевелит. Да я тряс ею, как трясет космические корабли при раскрытии парашюта, если не сильнее.

Удивляюсь, что поседел на несколько волосков, а не на всю голову. Хотя не стоило предпринимать такие усилия. Пульс ускорился, да и боль стала резче.

Помню испуганное лицо матери. Испуганное лицо Валеры. Его Инги. А вот водитель «форда» вообще не пострадал. Ни синяка, ни царапинки. Он оплачивал мое лечение. Вернее, не оплачивал, а сунул пару бумажек по пять тысяч рублей и больше не объявлялся. А лечился я долго и мучительно. Медленно восстанавливался, но хотя бы знал, что снова буду здоровым, а значит, был стимул и на боль, на эту бесконечную, зудящую боль и дикие неудобства можно было закрыть глаза и терпеть.

Два месяца я пролежал в больнице. Практически как мумия. Одно неловкое движение, и боль пушечным выстрелом, таким же мощным и стремительным, пронзала все тело. Но совсем не шевелиться не получалось. Врачи подбадривали, кололи обезболивающие, но я все равно чувствовал ее.

Валера навещал по вторникам и пятницам. Приносил апельсиновый сок и пюре с котлетами на пару, садился рядом, рассказывал про напарников, анекдоты, про новые мемы в фейсбуке, про то, что цена на нефть опять падает, а доллар, соответственно, растет. Затем призывал держаться и, виновато разведя руками, уходил. Инга не любила долго ждать.

Зато мать приходила каждый день. Я отвык видеть ее так часто. А тут приходила, садилась рядом, вязала, проявляла заботу, была внимательной. Она по-прежнему дымила тайком, хотя уже давно можно было не прятаться, теперь, видимо, стеснялась меня. Я понимал, что она курила, по запаху дурацких, едко пахнущих духов, которые за столько лет она так и не сменила.

Не скажу, что мы сблизились, но прогресс в отношениях определенно был. Больше не ссорились, она читала мне Маркеса, и Ремарка, и даже Кена Кизи, прослезилась в конце «Трех товарищей». Много лет я не видел ее плачущей.

Она рассказывала про себя. Про свое детство. Она рассказывала про бабушку. Она рассказывала про дедушку. Она рассказывала про отца. Каким он был в моем возрасте. Она рассказывала про то, о чем мечтала в детстве. Ничего сверхвыдающегося, 4д: двое детей, дом и дача.

Двое не получилось. Только я. С дачей и домом тоже как-то не срослось. Хотя не так и сложно приобрести небольшой участок. Но зачем? Это в совке есть особо нечего

было, все и выращивали, что могли, а сейчас хоть в июне мандарины купить можно. Томаты с огурцами круглый год продают. И купить их гораздо дешевле получается, чем вырастить. Я уж не говорю о том, сколько времени экономишь.

Но все же печально, когда такие незамысловатые мечты не могут осуществиться. Как-то по-другому я взглянул на маму. Стало жалко ее. Что она хорошего в жизни видела? Темные обои. Светлые обои. Отрывающиеся обои. Пьяного отца. И еще толпу каких-то не самых приятных людей. Вот и получается, что ничего. А жизнь уже давно перешагнула за экватор. И что хорошего может такой человек сделать другим? Тоже ничего. Закон сохранения энергии. Или что-то такое из физики.

А плакала она довольно искренне. Ремарк вообще любил выдавливать слезы, хотя писатель отличный.

Про рак, кстати, я почти ничего не читал. Кино — другое дело. Хотя не сказал бы, что книг на эту тему меньше, скорее наоборот. Просто фильмы смотреть проще и быстрее. А если не знать, что они сняты по книгам и не читать их, то и вовсе можно не расстроиться и не писать потом гневные или печальные комментарии, что книга лучше. Сравнение мешает счастью, не помню, кто сказал, но сказал он или она верно. Все так и есть.

Сравнение мешает счастью. Но человек не может не сравнивать, мы слишком социальные и не имеем возможности изолировать себя от общества. Общества потребления. Высшего общества. Общества агрессивных и нетерпимых к инакомыслящим. Общества с ограниченной ответственностью. Общества мертвых поэтов. Обществознания.

Чего только не думал я, лежа в этой мрачной палате с крашеными стенами. Пытался переосмыслить всю свою жизнь, извлечь какой-то урок. Вот только не понял, что не так. Не разобрался тогда, не понимаю и сейчас. Я же не Эйнштейн все-таки и не Перельман.

Через два месяца меня выписали, но я еще долго проходил реабилитацию. Я носил корсет.

Я ходил на ЛФК. Я ходил на массаж. И на физиопроцедуры. Я чувствовал себя калевой. С острова Инишмаан или с какого-либо другого острова. Я не мог нормально двигаться. Денег не было. Пришлось переехать к матери, есть ее бесконечные плюшки и пироги. Я не вылезал из депрессии, не знал, чем себя занять. Все больше и чаще вспоминал Несс.

Возможно, именно поэтому я и подсел на онлайн-покер. Я наткнулся случайно на этот сайт, будь он трижды не ладен. От нечего делать зарегистрировался и решил поучаствовать в игре. Ради этого, собственно, и регистрируются. Естественно, выиграл. Это даже не обсуждается. Новичкам везет. Так ли везет? Или кто-то способен такому везению? Вторую игру также выиграл. Более того, и третья партия с четвертой остались за мной... Шестую партию я проиграл. За ней и седьмую. И последующие три.

Умение остановиться — вот что важно в такой ситуации. Я не смог остановиться. И проиграл вроде немного — около шести тысяч. Но это немного, когда в месяц зарабатываешь тридцать тысяч, а когда не зарабатываешь совсем, то солидно. И даже очень. В итоге я просадил все деньги, какие были в доме, а после спихнул в ломбард и ящик.

Мать не смогла смириться с утратой телевизора. Если деньги, хоть и после долгого ворчания, она мне простила, то расставание с ящиком прошло для нее слишком болезненно. Блудный сын ненадолго вернулся в отчий дом и был с позором и скандалом выставлен. Без денег, в корсете, с зависимостью от азартных игр.

Валера приютил у себя. За что ему спасибо. Маме тоже спасибо. Ее решение отрезвило меня немного. Валера отключил Интернет, отобрал телефон. А потом как-то мозги встали на место, и я понял, что ничего глупее и придумать невозможно.

Ну что это за занятие? Как вообще можно играть на деньги? Горбатишься ради каждой копейки, а потом за час можешь слить результат целого месяца работы. Проще сразу спустить в унитаз. А лучше послать в благотворительные фонды. Но в фонд жалко, а проиграть — не жалко.

И опять я много думал. И о том, что деньги — зло, и том, что нужно что-то менять, и снова о Несс. Перемены я начал с того, что уволился с работы. Я и так уже, по сути, не работал, скорее помогал. Разрабатывал с Ингой сценарии. Не мог же я совсем сесть на шею Валеры. Но как только сняли корсет, я взял в долг у него десятку, снял квартиру на окраине и устроился билетером в «Киномакс». Читал, смотрел кино, продавал билеты. Нагрузка позволяла. Вечерами пропускал пару бутылочек и снова читал. В комнате, кроме дивана и шкафа с книгами, ничего не было. Мне нравился этот минимализм. И отсутствие Интернета. Книги были по большей части советские. Островский, Фадеев, Маяковский, Твардовский, Хармс, Есенин, Симонов, Зощенко, Васильев. И немного классики. Собрание сочинений Пушкина. Собрание сочинений Гоголя. Собрание сочинений Толстого.

С Толстым у меня не складывалось. Поэтому вдавился в изучение Гоголя и немного Маяковского. Гоголь мрачный, но очень смешной. Вот он умел прописывать характеры. Сочные, яркие. Несколько предложений, и уже живо себе представляешь, что это за Собакевич такой или Коробочка. Плюшкин так и вовсе. Ненавистный Плюшкин, которого я неплохо, кстати, играл. Вернее, репетировал.

А Толстой вечно нравоучительствовал. Да и слог у него пожестче. Может, такой и должна быть литература. Он якобы открывает всем глаза, но ведь люди все разные, все личности, индивидуальности. И что хорошо и правильно одному, то совершенно не подходит другому. А про «не убий», «не укради» и «будь хорошим человеком» давно сказано в Библии. Хотя кому-то и помогает, вроде как за советом к мудрецу или психоаналитику обращаешься.

В школе я особо не читал классику. Вот и наверстывал упущенное. «Мертвые души». «Вечера на хуторе близ Диканьки». «Шинель». «Тарас Бульба». «Записки сумасшедшего».

Мне казалось, что я тоже не просто так листаю страницу за страницей, что обязательно что-то пойму, познаю великие тайны, новые смыслы, побываю в новых мирах, рожденных фантазией гениальных писателей. Ничего. Просто или интересно, или не очень интересно, или очень неинтересно. Из неинтересного оказался Пришвин и местами Маяковский. Но чего-то большего о себе или о мире я не узнал.

А вот новая работа меня не напрягала, как и спина. Коллектив попался достойный. Вернее, ничего особенного. Стандартный такой молодой коллектив. Светловолосые девочки. Субтильные стильные мальчики.

Почти год я проработал в «Киномаксе». Ни с кем не встречался. Все так же вспоминал Несси. Предпринял еще пару тщетных попыток отыскать ее. Прочитал все книги, что были в квартире.

Затем Валера решил поменять сферу деятельности и перешел на квесты, которые к тому времени стали дико популярными. Он назвал контору «Фобос» и снова позвал к себе.

Наверное, это было не лучшее решение, но я устроился оператором квеста.

— Здравствуй, меня зовут Илья, и сегодня я буду следить за вашей игрой и помогать или не всегда помогать вам в прохождении нашего квеста. Раньше в квестах принимали участие?

— В квестах — да.

— Отлично, тогда сразу приступим. Квест не сложный, но в принципе интересный. Загадок не так много, но зато подвигаетесь. Ну что, проходим?

— А легенда?

— Ах да, легенда. В далеком 1967 году в штате Мичиган произошло необычайное событие. При трагических обстоятельствах пропал двенадцатилетний Майкл Митчелл. Что-то на «м» все. Городок был маленький, и, естественно, все были просто на ушах. Кто-то говорил, что как раз накануне видел яркие вспышки света на небе и утверждал, что мальчика похитили инопланетяне, кто-то вспомнил древнюю легенду про оборотней, возможно, он был съеден одним из них. Кто-то считал, что он просто сбежал в лес и потерялся или утонул в реке. Детектив Харрис напал на след и почти разгадал эту тайну, однако сам пропал таинственным образом. Остались лишь несколько записей в блокноте, которые помогут вам разыскать доктора Харриса, а вместе с ним, возможно, и малыша Майкла. У вас есть ровно час на поиски, пока не приехала полиция и не начала свое расследование. Готовы?

— Да. А у нас есть подсказки?

— Есть.

— Сколько?

— А вам сколько надо?

— Ну, три.

— Тогда есть две.

— Почему?

— Да там все просто. Да, и еще. Там у нас парнишка будет бегать, буянить, беспокоить вас. Вы его не бойтесь, он безобидный, хоть и немного того.

— В смысле?

— Ну, того... Актер же. Скажите ему, что, глядя на него, Станиславский бы удавился.

— А он не опасный?

— Нет, вы, главное, его не трогайте. Предметы все можете трогать, а его не надо. Ах да, и еще. Нельзя пользоваться фонариками и мобильными телефонами. Ну, вот и все. Удачной игры, а я буду на вас поглядывать с монитора. Если захотите получить подсказку, поднимите руку. Но интереснее все-таки самим обо всем догадаться.

Как-то так я и работал. Поначалу я старательно выполнял свою роль, был вежливый, как джентльмен или даже как британская королева. Но очень быстро мне это надоело. Эти легенды — какое-то убожество. Да и посетители порой так тупили, что можно было только за голову хвататься. И Славик этот. Актер погорелого театра. Тоже наш кулек окончил. В универ его не взяли, но он не может жить без театра. Вот и пришел к Валере. Вот и устраивал из двадцатисекундного появления целое шоу. Старался напугать посетителей до потери сознания в образе привидения. Но дело было не в его игре, а в том, что он тихо и внезапно появлялся в белой простыне и начинал мычать в самое ухо. Я бы тоже обделался. А он был доволен.

Затем, чтобы развеселиться, я начал немного побухивать. Не сильно, так, для удовольствия. Не больше Валеры, кстати. Только он делал это после работы, а я во время. Нехорошо, конечно, но правда становилось веселее, и злость пропадала. Не то чтобы я прям злился-злился, но, думаю, всех напрягает однообразие, а работа оператора квестов невероятно однообразна по сравнению с работой аниматора, хотя и не так унизительна.

Затем я фоткал команды. Раздавал им обратно мобильники. Собирал деньги. Спрашивал про ощущения, пожелания. Приглашал их приходиться на новые квесты. И оставлять отзывы в соцсетях. Потом я выкладывал фотку в группу с подписями: «Веселая команда „Борщ“ выбралась из комнаты за 48 минут». Или: «Задорная команда „Лысый у руля“ справилась с заданием за 44 минуты». Или: «Есть рекорд! Проявив чудеса организованности и смекалки, команда „Дети Йети“ выполнила все задания без единой подсказки и выполнила квест за 31 минуту. Поздравляем!»

Если команда не успевала за час, я давал им три дополнительных минуты. И долго потом потешался над их неудачей. Честно сказать, мне нравилось наблюдать за беспомощностью людей. Они такие вроде бы напористые, уверенные в себе. Но их несложно поставить в тупик, озадачить, обвести вокруг пальца, лишить уверенности. А растерянный взгляд многого стоит. И не потому, что ты в этот момент чувствуешь себя сильнее и выше. Ты ведь тоже не вершитель судеб. Хотя бывают и такие, но, к счастью, мало. Просто подсознательно к такому всевластию и стремится человек. Но ему полезно показать, что он уязвимый, как и все на нашей планете. И растерянный взгляд делает его человечнее.

Теперь вот и я в полной мере осознаю свою уязвимость. Недаром в этом слове корень «язв». Язва. Только язва — ерунда по сравнению с раком.

Мне не нравилось, что единственное наказание в квестах — это почувствовать себя неудачником. Хотя, безусловно, немаленькое, но хочется чего-то большего, существенного. Не знаю, временную татушку «Не справились с квестом» или публичного унижения. Покукарекать, там, или спеть «Белые розы», или хотя бы часок посидеть в темном сыром подвале. Иначе получается какое-то кидалово. Ты в любом случае выбираешься из комнаты, либо сам, либо тебя из нее выводят.

Но людям все равно нравится. Людям вообще много чего нравится. Например, реслинг. Хотя почти все уже знают, что это шоу, а не бои, но смотрят с удовольствием, не возмущаются. Так и тут. Понятно, что Славик никакое не привидение и вообще никто не пропадал, да и вы в доме на Ленина, а не в Мичигане, но условность легко допускается человеком. И вот уже смеются, шутят, ломают головы, сами вживаются в образы. Девушки не скрывают эмоций, визжат от страха и от радости. А то, что легенды мало имеют отношения к заданиям, мало кого волнует. Люди терпят и даже радуются, когда их обманывают. Лишь бы не сидеть дома, лишь бы убежать от одинаковости и серости будней. Были и такие, которые не пропускают ни одного квеста, появившегося в городе. Такие как раз быстро и расправляются со всеми заданиями и быстро сваливают. С ними проще, им ничего рассказывать не надо, им, наоборот, не терпится зайти в комнату.

Интересно, а Несси ходила на квесты? Вряд ли, это же надо собрать компанию. Как минимум, четыре человека.

А еще есть идиоты. И немало. Объясняешь им, что дергать ничего не надо, тряссти тоже, толкать, бить. Сломаете. Без толку. Шевелить мозгами — это не их. Сломают что-нибудь, а Валера потом из зарплаты вычитывает. Раз в неделю стандартно что-нибудь крякалось. Мы так с Алисой и познакомились. Брат ее тупоголовый со всей силы за ручку дернул и вырвал с корнем. Хорошо, что только ручку. Один умудрился погнуть сейф. Лучше бы он теорему Ферма доказывал с таким упорством или волонтерам помогал в приютах для животных. Но сейф погнуть проще, конечно.

Не знаю, что повлияло больше: то, что я был навеселе, или маленькая родинка у нее над губой, или то, как она взяла меня за руку, когда слезно просила не убивать ее тупого братца. А может, и все вместе. Но я не сомневался, когда набрал свой номер телефона на ее мобильном и написал «Илья (квест)», прежде чем вернуть его и отправить всю команду подальше с глаз долой.

На следующий день я позвонил, долго объяснял, кто я и как заполучил номер, но когда позвал прогуляться или посидеть где-нибудь, выпить кофе, она согласилась, не раздумывая ни секунды, словно знала, что я позвоню и приглашу на свидание.

Алиса не была красавицей. Нормальная. Точнее слова не подобрать. Но мне понравилось, что она и не пыталась казаться красивее. Она пришла в джинсах и блузке, в кедах, без макияжа. Только губы покрасила да лаком побрызгала волосы, чтоб не растрепались. Потом я понял, что ей просто было лень тратить столько времени на

наведение марафета, но тогда я этого не знал. И плюс она не была такая напористая, как Альбина.

Мы ходили по набережной. Мы мотались по центру. Мы смотрели, как падают начинающие роллеры и скейтеры. Мы слушали, как поют уличные музыканты. Потом мы смотрели какую-то глупую и наивную мелодраму. И в конце, когда главные герои, преодолев все трудности, поцеловались, мы, следуя их примеру, взялись за руки и впились друг в друга не менее страстно и продолжительно.

Вот и что она там делает? Вернулась к брату? Обсуждает с подругами, какой я козел? Купила килограмм мороженого и ест? Отправилась в клуб на вечеринку? Меняет статус во вконтакте? Строит глазки декану?

Бросила она меня. Бухаю я, видите ли. Нет, мы частенько ссорились, даже на повышенных тонах. Даже били посуду. То есть она била. Я только в стены стучал кулаком. По несколько дней не разговаривали, но всегда, всегда она первая же сдавалась. И всегда находил повод. То кран неожиданно начнет течь, то обои отклеятся, то нужно картошки купить, то новое платье, то сериал не с кем обсудить.

Алиса учится на последнем курсе юрфака. Сама бы не поступила, но они с братом сироты, им положены льготы. Поэтому сперва он отучился на экономиста, а теперь вот такой «замечательный» юрист получит диплом бакалавра. Как бы еще в аспирантуру не пошла. Хотя мне-то какое дело? Пусть идет куда хочет, хоть на все четыре стороны. Тупица. Злыдня. Кикимора. Рыба пучеглазая. Амеба одноклеточная.

И меня вновь захлестнула дикая ненависть. Ну, позвони же сама. Или возьми трубку. Возьми! Нет и нет.

С одной стороны, хорошо, что ушла. Это было неизбежно. Долго я сам не выдержал бы. Но с другой стороны — обидно. Всегда обидно. А тут еще в такой день, с таким известием. Я почувствовал себя самым несчастным и одиноким человеком на свете. Брошенным и забытым всеми. Я смотрел в окно и ненавидел людей. Я варил пельмени и ненавидел пельмени. Я поливал алоэ и ненавидел алоэ. Я просматривал почту и ненавидел Интернет. Я ненавидел все и всех. Я валялся прямо на полу и рисовал на обоях. Звезды, кометы, космос, инопланетян. Интересно, у них есть какие-нибудь болезни? У них есть рак?

Волтер Вайт, конечно, круто справился с этим, но он вымышленный персонаж, ничего такого не было. Хотя его мужество должно вдохновлять если уж не на великие подвиги, то хотя бы на смелую борьбу с проделками вселенной и мерзким недугом. Должно, но ни черта подобного. Я растекся, как масло по сковородке, растаял, как мощный сугроб от первого луча солнца, сломался и проржавел, как соседская «лада-гранта».

Раздался звонок. Неужели? Одумалась? Соскучилась? Пополнила баланс?

Звонил Валера. А вот с ним у меня не было ни малейшего желания разговаривать. Уволил он меня. Да я сам уволился бы. Сколько можно смотреть на этих недоумков? А на Славика? «Вот я сегодня дал, Козловский бы обзавидовался». А теперь звони, хоть обзвонись. Поставлю в черный список, и адье. Но не поставил. Перевел на бесшумный.

Он прислал смс: «Илюха, ты где? Что не отвечаешь? Обиделся?»

Еще и звонит как ни в чем не бывало. Небось коньяк купил. Один-то он пить не может. Уши нужны, чтобы Валера поплакался, что бизнес мало приносит, что никак не может отыскать помещение для второго квеста, а у него еще кредитов на пол-миллиона, и Инга никак не может забеременеть, и он уже второй год никуда не ездил отдыхать. Даже в Египет.

Валера, есть люди, у которых нет конечностей. Не думаю, что им легче. Но зачем его должен волновать кто-то еще? Да не только он такой. Я тоже раньше не очень-то

о них задумывался. А теперь вот... И я нарисовал на обоях колясочника в форме хаки, печально разглядывающего свои обрубленные конечности. А затем однурукую серфингистку. Для людей нет преграды, если они сами так решили. Затем я нарисовал пельменя с костылями и одноногого осьминога. То есть просто однонога. Такого бы даже дети не испугались.

И завершил мою коллекцию рисунков большой желудок, в котором сидел пока маленький, но злобный рак с выпученными глазами, длинными усами, острыми клешнями и почему-то в нелепой бейсболке. Он был болотно-зеленого цвета и воткнул свою мерзкую клешню в стенку несчастного желудка. И не сварить такого. С десятком братьев и сестер. Да с пивом. Эх...

Я залез в ютуб и начал смотреть различные ролики. Сто лет назад я такого бы не увидел. Чего уж говорить про сотни и тысячи лет. А тут, пожалуйста, сиди — пьлесь до посинения. Хорошая все-таки штука Интернет. Земля из космоса в сети, конечно, с реальным ощущением из реального космоса никак не сравнится, но, черт возьми, это Земля из космоса, и чтобы ее увидеть, мне даже на балкон не нужно выходить. Лежишь себе на диване, как последний неудачник, и смотришь, как вертится планета. А когда-то Галилея чуть на костре не сожгли из-за одной этой фразы.

Из космоса Земля не кажется огромной, как из окна, скорее наоборот, там дальше такие просторы, что любая фантазия сможет только позавидовать. А мы всего-то на четыреста километров в высоту продвинулись. Это не то что освоение космоса, это мы даже ступни не намочили, собираясь поплавать в Тихом океане вселенной. Не очень удачное сравнение, но я и не поэт, чтобы удивительные образы отыскивать. Главное, что так и есть.

Когда-нибудь и на Марс полетим, и на другие планеты. Вернее, не мы, а потомки и явно не через одно поколение, но люди привыкли говорить мы, притом что никакого отношения к космонавтике или ракетостроению не имеют. Вот и я лежу себе на диване, умираю потихоньку и думаю: «Эх, а как на Марс полетим, не увижу». Но я в любом случае этого не увидел бы. Они же не торопятся, это же не новый айфон выпустить и каждый год презентовать следующее поколение. Это реально сложно.

И если уж честно разобраться, то до Марса мне дела-то и нет. Марс и Марс. Хоть «Сникерс». Тут и на Земле неплохо. Только недолго. Просто приятно осознавать, что человек — крупинка во вселенной, но тоже кое-чего может. Кто-то может, не я, но кто-то. И хорошо, что может. Я бы даже сказал, просто великолепно. Еще бы кто этот рак смог одолеть...

А потом я посмотрел на Луну, заснятую со спутников, и даже на Солнце. Вблизи оно крутое, но не такое приятное на вид, каким имеем удовольствие его знать мы. Никто не станет спорить, что небесный оранжевый блин вызывает у всех симпатию. А тут оно похоже на гигантский костер, регулярно выпускающий огненные гейзеры. И если на огонь можно смотреть вечно, по крайней мере, так говорят, то пялиться на Солнце и Луну мне быстро надоело. Особенно на Луну. Круг за кругом одно и то же показывается, без изменений. Я понимаю, там работали бы космонавты и за ними можно было следить, или НЛО возникло какое. А так один пейзаж. Кратеры, кратеры и снова кратеры. Вот и что нам там делать? На Луне этой.

Лучше уж на рыбок смотреть. И я нашел трансляцию из какого-то водоема. Рыбки побольше. Рыбки поменьше. Один косяк. Другой. Водоросли. Появился водолаз и всех распугал. Я помахал ему рукой, но, конечно, он не увидел. А я махал, как заведенный. Я ведь никогда не нырял с аквалангом. И на рыбалке был всего один раз. И то в детстве, и, кажется, не поймал ни одной рыбины.

Да если начать перечислять то, чего я еще не пробовал и не делал, может уйти пара суток. Не был за границей. Не был на концерте «Radiohead». Не видел ни одно из

чудес света. Не взбирался ни на одну гору. Не снимался в кино. Не давал интервью. Не путешествовал на корабле. Не получал премий и наград. Не играл в гольф. Не играл в бейсбол. Не прыгал с парашютом. Не летал на воздушном шаре...

А потом вышел в вк и написал на стене: «Я никогда не прыгал с парашютом». Почти сразу появился лайк. Минут через десять Славик оставил коммент: «Я тоже». Неудивительно, Славик. Какие тебе прыжки? Разобьешься, шоу-бизнес не переживет такую утрату. «Я тоже» — верх оригинальности. Как я вообще добавил тебя в друзья?

Еще через полчаса в друзья постучался аэроклуб «Пирогово» и тоже оставил коммент. Не беда, приходите к нам. Прыжки с инструктором от 4000. Как они мониторят, не понимаю. Вот стоит только такую фигню выложить, сразу набегают куча рекламщиков. Как тут не поверить Сноудену? Реально и шага без присмотра не делаешь. Бесит. Какая, к черту, тут свобода? О чем вы?

Не скажу, что размышления мне чужды, но тут на меня целый ураган мыслей нахлынул. И про космос, и про жизнь, и про искусство, будь оно не ладно, и про Несси, и про историю человечества, и про животных, которые не знают про лекарства, не осознают, что болеют, вернее, не понимают, чем болеют. Когда с организмом что-то не так, даже тушканчик разберется в том, что это ненормально, что ты болеешь, и так быть не должно. Но и человек не очень-то отличается от того же тушканчика, единственное, что он может пойти к доктору, описать симптомы или поведать кому-нибудь еще о своих страданиях. Но кому они нужны? Кому? Кто такой человек во вселенском масштабе?

Я нашел один сайт, где наглядно можно посмотреть размеры вселенной. Видимой нами вселенной, это важно, потому что она может быть в десятки или в миллионы раз больше. Двигаешь мышкой и отдаляешься, вот сначала смотришь на себя, потом на себя в квартире, потом в доме, потом в стране, в планете, и ты все меньше и меньше, а там уже другие планеты, другие галактики, за ними еще галактики, звезды, и уже наша Земля не больше точки, и вот ее незаметно, а галактики все идут и идут. Сотни, миллионы галактик. Вот и кто ты в таком огромном пространстве? Микробы? Да и они, пожалуй, больше размером.

А может, мы и есть микробы в чьем-то организме и только думаем, что живем полноценной жизнью. Но это лишь миф. Или сон, как в матрице. Что если мы всего-навсего компьютерная программа? Персонажи игры «Симс», не более. Вот и кому тогда нужны наши страдания? Звездам? Солнцу? Метеоритам? Это мы на них смотрим, это мы о них знаем, а им плевать, кто мы, где мы и что умеем и чувствуем.

Нам впаривают, что жизнь бесценна. Все уникальны. Ха-ха. Но при этом твердят, что надо быть, как все, и выбирать айфон. В чем тогда уникальность? Мы заложники. За нас решают, за нами следят, нами управляют, нами командуют, нам впиливают. Наше мнение никого не волнует. Мы должны пить колу, любить «Сникерс» и мечтать о «феррари» или хотя бы «бэнтли». Ездить на «ладе-калине» (кто-то же должен на ней ездить), но мечтать о чертовом «феррари».

Ну, вот Бог. Он всемогущий. Он посылает нам испытания и радости. Стало быть, это его рук дело. Ну, или чем он творит свои деяния? Пусть руками, неважно. Вот он послал мне испытания, короче говоря, тоже квест. А сам он, как оператор, будет следить, выберусь я из этой комнаты или нет. Но тогда он совсем недобрый получается. Тогда это уже какой-то садизм получается. Ну, знаешь ты, что мы слабые, что от любой ерунды заболеть можем, в любой моменты ласты можем склеить, так и зачем тогда еще подлости такие творить? Мы-то не бессмертные. Или он хочет, чтобы мы поверили в него и начали умолять пощадить нас, избавить от болезней? Но это ничем не лучше. Мы должны будем лоб расшибать, унижаться, просить, а он будет упи-

ваться всемогуществом и в зависимости от настроения или даже не знаю чего снисходить до наших просьб или не снисходить. Это уже какие-то комплексы из детства получаются.

Нет, некоторые все же вымалывают себе здоровье или несколько лишних лет жизни, но именно что лишних, потому что сама болезнь уже намекает на то, что тебе пора, что ты уже не жилец на этой грешной планете. Но для спасения они прилагают очень много усилий, просто невысказанно много. И столько же унижения. Да и медицина скептически относится к таким чудесам, и вполне обоснованно. А я не особо-то религиозен. Впрочем, и в медицину не сильно верю. Нет, она, конечно, лечит человечество, спасает жизни, делает сложные операции, но при этом явление «здоровый человек» никому не выгодно. Те же таблетки — яркий тому показатель. У нас аптек стало больше, чем супермаркетов. Как говорится, болей себе на здоровье. Главное — плати, а уж мы тебя вылечим. Но не совсем, а то больше не придешь, не купишь, выручку не сделаешь. В Америке вообще страшно заболеть: можно лишиться состояния.

А если бы я жил в Америке? И тут этот рак. Вот у них точно нужно быть абсолютно здоровым, иначе просто разоришься. Но им-то невыгодно, когда все здоровы, поэтому надо, чтобы ты пил кока-колу, кофе, ел гамбургеры, пиццу, барбекю, обрастал жиром. Жирный человек — это хорошо. Для них. Это проблемы с обменом веществ. Это проблемы с давлением. Это проблемы с сердцем. Это одышка. Это проблемы с желудком. Это проблемы с сосудами. Это проблемы с позвоночником. Это проблемы с кожей. А это все больше и больше таблеток, частые посещения врачей, анализы, процедуры, тренажеры и очень много денег.

Я вдруг резко разозлился, снова открыл вк и написал: «У меня чертов рак». Практически тут же зазвонил телефон. Валера, кто же еще? Я отключил его. Верный друг.

Дружба крепкая
Не сломается,
Не расклеится
От метель и вьюг.
Друг в беде не бросит,
Лишнего не спросит —
Вот что значит настоящий
Верный друг.

Почему-то вспомнилось. Дурацкая песенка. Верный друг. Теперь он, конечно, окажется верным. Только кто знает, если бы в студенческие годы мы меньше кирили, может, ничего сейчас бы и не было. Но, может, это и не от поила, хотя какая сейчас уже, к черту, разница? Я болен и неважно от чего. Неважно, черт возьми! Неважно.

Вышел в яндекс, открыл музыку, включил «Radiohead». Под него самое то упиваться своей слабостью. Я слизняк, я чудила — запел Том Йорк. Ну, прелесть же, прелесть, а не песня.

Минут через двадцать подобных самобичеваний в дверь возмущенно забарабанили. Соседи? Не так уж и громко поет Том. Да и время едва перешагнуло одиннадцать. В конце концов, у меня рак. Могу и после одиннадцати слушать музыку. И даже после двенадцати. И вообще в любое время.

На всякий случай сделал потише. Но стуки только усилились. Вот упертые бараны! В баню всех соседей! Стуки стали еще громче. Пошел открывать. Делать было нечего. Иначе бы еще полиция приехала. А на черта мне эта полиция?

Передо мной стоял Валера. Очень злой. Прямо молнии из глаз. Он оглядел меня с ног до головы и начал возмущаться.

- Дебил, — сказал Валера.
- Сам дебил, — сказал я.
- Что за тупые приколы? — спросил Валера.

Я не ответил.

- Трубку не берешь. Статусы какие-то дурацкие пишешь, — продолжил Валера.
- Сам ты дурацкие. Нормальные статусы, — ответил я.
- Ненормальные. Кто такими вещами шутит?
- Я не шучу.
- Не шутит он, — передразнил он, — серьезно, что ли, не шутишь?
- Серьезно. У меня рак.
- Илюха...

И он крепко обнял меня и даже чуть прослезился. Не то чтобы я не видел до этого плачущего Валеру, видел, и не раз, он любил по пьяни пустить слезу, но то ли оттого, что он плакал из-за меня, то ли из-за эмоциональной нестабильности я сам растрогался, как наивная первоклассница. И вот стояли мы, обнимались и шмыгали носами. Прямо «Горбатая гора» какая-то. Но в этот момент я почувствовал облегчение, словно весь груз, что скопился во мне за эти сутки с небольшим, я смог перевалить на широкие плечи Валеры. Пусть ненадолго, но мне стало как-то спокойно. Все же приятно осознавать, что ты не один в этом мире и кто-то думает о тебе и в нужную секунду готов протянуть руки.

- Мы щас как в «Горбатой горе», — подтвердил мои мысли товарищ.
- Ага, — только и ответил я.
- Илюха, как так? Я не понимаю.

Я пожал плечами.

- Такое бывает вообще?
- Как видишь, бывает.
- Рак чего?
- Желудка.
- Какая стадия?
- Третья.
- Шансы есть?
- Они вроде всегда есть и у всех, но небольшие.
- Главное, что есть. Как ты?
- Прекрасно. Блую стабильно, три раза в день.

Мы по-прежнему стояли на пороге.

- Может, зайдешь?
- Ах, да, конечно. Вот ты меня огорошил.
- Я сам немного прифигел, — сказал я, закрывая дверь.
- Бред какой-то, — не унимался Валера, — может, ошиблись с диагнозом?
- Хотелось бы, но нет. Доктор показывал снимки. Злокачественная опухоль.

Хрень какая-то, я не очень понял, где она там, но он говорил очень уверенно.

— Блин, разве бывает так рано? Это же не лейкемия, обычно же после сорокета или даже полтинника.

— В таком возрасте нечасто, но как видишь, я попал в ряды счастливичков, — пытался пошутить я.

- Не смешно, — ответил Валера.
- Согласен. Не смешно. Грустно. Чаю будешь?
- Какой на хрен чай? Надо что-то делать, надо спасти тебя.
- О, «Чип и Дейл спешат на помощь», — ухмыльнулся я.
- Да пошел ты. Я серьезно. Надо найти хорошего доктора, хорошее лекарство.

- И хорошие деньги, — продолжил я.
- Как можно в такой момент думать о деньгах?
- Вот этим и пользуются хорошие доктора и хорошие лекарства. Тем, что в такой момент о деньгах люди не думают. Но не у всех есть такая возможность — не задумываться о том, что сколько стоит, потому что можешь позволить себе что угодно.
- Чего?
- Да ничего. Валер, давай не будем об этом. Я уже голову себе сломал всеми этими мыслями.
- Но надо же что-то делать, старик.
- Надо, но не сейчас. Мне еще и переварить надо все. А я всего сутки, как узнал.
- Вчера?
- Да.
- Блин, а я тебя как раз уволил.
- Ты же не знал.
- Вообще некрасиво получилось.
- Ну да, приятного немного.
- Хочешь, возвращайся.
- Нет уж, спасибо. Мне теперь как-то не до работы.
- Ну да, да, извини, туплю. Просто это реально неожиданно.
- Я тебя понимаю, — и с проникновенным выражением лица положил руку ему на плечо.
- А где Алиса?
- Нет Алисы. Ушла.
- Куда?
- Совсем ушла. Домой.
- Она в курсе?
- Нет.
- Старик... Да что ж за неделя такая?
- И не говори.
- И что, ты теперь один?
- Как видишь....
- Блин, не могу поверить, не могу поверить, — заладил он, как попугай. Как будто ему поставили такой диагноз, а не мне.
- Старик, ты же понимаешь, что можешь рассчитывать на нас, мы тебя никогда не оставим. Любая помощь, все, что в наших силах.
- Спасибо, Валер.
- И мы снова обнялись. И я снова чуть не расплакался. Слезливая мелодрама. Словно я попал на съемки фильма про очередного смертельно больного.
- И тут мне снова захотелось шашлыка.
- Любая помощь?
- Любая, — подтвердил он.
- Ты сам это сказал.
- Уже страшно, — ответил Валера.
- Шашлык хочу.
- Шашлык?
- Ну да, обычный свиной шашлык, с лучком, огурчиком, кетчупом и хлебом.
- Понял, сделаем, — улыбнулся и ушел.
- Видимо, и сам не против был умять пару кусочков. Или не пару.
- Через полчаса мы сидели на полу в зале перед экраном ноутбука, смотрели «Криминальное чтиво», разжевывали плохо прожаренное мясо и запивали крафтовым пивом.

Валера порядком захмелел.

— Как ты, Илюха? — спросил он, снова обнимая меня.

— Все так же.

— Не грусти, мы обязательно тебя вытащим, обязательно, — решительно произнес он, допил одним глотком очередную бутылку и мгновенно вырубился.

Чудо в перьях. А вот мне спать не хотелось. Я подумал, что нужно составить завещание. Потом понял, что оставлять-то мне особо нечего, да и некому. Немногим успеваешь обзавестись к тридцати годам, если, конечно, у тебя не моторчик в пятой точке или хорошая профессия. Что я оставлю? Семь поношенных маек на каждый день, шорты с пальмами и стертые кеды? Даже секунд-хенд не будет прыгать от восторга от такого наследства. Кто вообще придумал это наследство? Вот я должен теперь ломать голову, что кому оставить. Мне же больше не о чем думать.

Валера посапывал на полу, обняв бутылку. Это он пока не разошелся, скоро можно будет хоть беруши надевать. Правда, и они не сказать, что спасают. Интересно, как Инга с этим борется? Или давно не борется, а смирилась и просто старается заснуть раньше? Алиса так и делала, потому что храплю я на самом деле не хуже Валеры. Укрыл его пледом и доел последний кусок шашлыка. Вкусно, черт возьми. Как можно добровольно отказаться от мяса, непонятно.

За окном раздались трели сверчков. Вот кому дела нет до того, что происходит с людьми, им что эпидемия, что массовый психоз, в ваших домах — делайте, что вздувается, а у нас хор по расписанию, поэтому, хотите вы этого или нет, мы будем петь. И поют.

В жизни есть немало приятных звуков. Песни Тома Йорка. Голос Стинга. Звучание дудука. Трели сверчков. Любимые фильмы. Урчание котов. Шум моря. Стук дождя по стеклу. Голос и смех любимого человека. Бой курантов на Новый год. Звон хрустальных бокалов. Мерное потрескивание костра. Шкворчание котлет или яичницы на сковородке. Шорох страниц. Громкие аплодисменты, переходящие в овации.

Вышел в вк. Несколько лайков. Очередные комменты про не смешно. Опять нарисовался Славик. Парочка волгоградских ребят отписались, с которыми после отъезда ни разу не общался. Кошмар. Жуть. Охренеть! Правда?

Правда, правда, блин...

Один придурок написал: «Я знал». Знал он, тоже мне Ванга.

Остальные кинули сообщения в личку: Держись, Илюха!

Спасибо, денег нет, но я держусь, только не знаю за что.

Это так страшно. Не представляю, что ты сейчас чувствуешь.

И не представляй, не надо. Живи и радуйся. Зачем огорчаться-то?

Чем мы можем тебе помочь? Вот именно чем, ребята? Вы же не вылечите меня, это же не потеря крови, когда тупо перелили и спасли человека. Какая тут помощь? Ну, денег можете дать. Это скрасит мои страдания. Будет проще держаться.

Жизнь — боль.

Не то слово. Еще какая.

Не опускай руки! Ты обязательно надерешь задницу этому проклятому раку!

Ага, так и вижу, как стою с хворостинной в руках и луплю рак по попке. Долго и безжалостно. Спасибо за поддержку.

И дальше в таком же роде. Я перестал читать, решил оставить на завтра.

Нет, конечно, приятно, что люди отреагировали, пишут, подбадривают, но с другой стороны, это лишний раз подчеркивает пропасть, образовавшуюся между нами.

Не хочется чувствовать себя неудачником. Я нарисовал, как я розгами наказываю рак за плохое поведение. А затем вытащил из кармана Валеры бумажник, вынул из него две тысячные купюры, положил бумажник обратно и вышел на улицу.

Не так много заведений, куда можно пойти в час ночи. А я именно что пошел, решил обойтись без такси. Ветер приятно обдувал лицо, неоновые рекламные вывески и фонари освещали пустынные и мрачные улицы города, отчаянно лаяла собака. Животные никогда не стесняются своих чувств, это мы всегда что-то прячем, обманываем, находим всевозможные умыслы. Не нравится ей, она и гавкает. Я тоже попробовал гавкнуть, но вышло тихо и неуверенно.

Зато я совсем не чувствовал боли. Возможно, подействовало пиво, а может, нужно просто было выбраться из дома. Сама атмосфера давила с невероятной силой. Видимо, там успела образоваться негативная аура.

Через полчаса оказался возле «Зажигалки». Как-то раз мы ходили сюда с Валерой, но были изрядно набравшиеся, и память мало что сохранила. Собственно, только название и сохранила.

Отдав первую тысячную купюру на входе, я прошел внутрь и пристроился на диванчике в углу. Потом подошел к барной стойке. Цены, у них, конечно, аховые. Самое дешевое пиво — триста пятьдесят рублей за бутылку. Взял подороже — за четыреста — и чипсы. Пиво и чипсы — идеальная пара. Одно портит печень, другие — желудок. Но мне уже нечего бояться.

Пиво было слишком горьким, и это больше всего меня расстроило. Хотелось приятно посидеть, но горькое пиво всегда вгоняло меня в тоску, напоминая, что я выбрал явно не самый вкусный напиток из возможных. Я остановился посреди бара. Мой столик был уже занят веселой компанией парней, на шесте крутилась очередная стриптизерша. На часах было около четырех часов утра. Нужно было возвращаться, а то Валера ненароком проснется и сильно удивится, не обнаружив меня в квартире. Вдохнув напоследок аромат кальяна, я вышел на улицу.

Город окутал туман. Светало. Мне вспомнилась песня «Сиреневый туман». И правда, туман был каким-то густым и сиреневым, звезды уже не горели, горели фонари, и было пустынно и тихо. Пустынно и тихо, как у меня в душе. Город спал мирно и беспробудно. Даже дворники еще не проснулись. Я шел по улицам и слушал тишину. Сейчас она не казалась мне пугающей.

Спал и Валера. Его храп встретил меня у самого порога. Насладился тишиной. Я специально погромче потрянул ключами. Он услышал, заворочался, перевернулся на другой бок. У меня есть минут пять, чтобы отрубиться и поспать пару часиков. Мне хватило минуты. Как только голова коснулась подушки, я словно начал падать в пропасть и тут же увидел себя бегущим по полю среди ржи и лоящим маленьких детей, играющих на краю этой самой пропасти и так и норовящих ухнуть в нее со всего разбегу. Это был сон. Может, стоит перечитать Сэлинджера?

— Ну, ты и поспать, — раздался надо мной голос Валеры. — Я уже в душ сходил, чай два раза попил, с Ингой поговорил.

Я открыл глаза. Валера сидел рядом и натягивал носки.

— Сколько время?

— Полвосьмого. Все раковые больные любят так подряхнуть?

— Не знаю, я со всеми не общался.

— Шашлык будешь?

— А есть еще, или ты уже за свежим сгонял?

— Не, со вчера пара кусочков осталась.

— Не хочу. Как-то не тянет с утра шашлыком заправляться.

— А меня тянет.

И он вытащил тарелки с теплыми кусками мяса из микроволновки, положил их в лаваш, обильно полил кетчупом и, причмокивая от удовольствия, съел.

— Зря отказался.

— Угу.

— Короче, — неожиданно сменил тон товарищ, — у Инги есть хороший онколог, сегодня она узнает насчет него, и пойдешь к нему на прием. Ясно тебе?

— Ясно, — буркнул я.

Вот что он такого хорошего мне может сказать? Да ничего.

— Так, ладно, я поехал, — продолжил Валера, — будь на связи, а не как вчера.

— Угу, — повторил я.

— И давай не расклеивайся. Мы тебя вытащим.

Спасатели Малибу. И ушел. А я лежал. А мне не хотелось вставать. А мне не хотелось двигаться. А мне хотелось вернуться в сон и дальше ловить малышей, а то ведь и правда свалятся в пропасть.

Но лежал я недолго. Часа через два позвонил Валера:

— Спишь?

— Нет.

— Все, Инга узнала. Уже можешь ехать. Петров Иван Николаевич. Ленина, сто два. Дуй быстрее, он ждет.

Какие шустрые, однако.

— Сто два Ленина? — пошутил я, но ему явно было не до смеха.

— Все, мне некогда. Карту возьми и все анализы.

— Понял. Спасибо.

И я полетел в душ. Я высушил волосы. Я гладил рубашку. Я бежал за автобусом. Я ехал в трамвае. Чуть не забыл папку с картой и анализами.

Сто два Ленина. Я долго не решался входить. А потом вошел к Ивану Николаевичу. И началось. И завертелось. Опять он что-то говорил, а я плыл, как в тумане. Неоперабельно. Таргетная терапия. Мета или какой-то там трексат или трексад. Эверолимус. Эффективное лечение. Пять лет. До сорока процентов. И если не сработает, химиотерапия. Единственное, что я понял, что нужны деньги, много денег, очень много денег, еще больше.

Иван Николаевич сказал, что видел случаи и посложнее и удавалось добиться результата, не стопроцентного, конечно, такого в его практике не случалось, но есть у него один пациент, уже семь лет успешно борется, а начал лечение также на третьей стадии.

Короче говоря, ничего веселого. Но семь лет куда больше одного года. Капитан очевидность.

А в целом он даже мне понравился, такой суровый усатый дядька, чем-то похож на Довлатова. Руки у него мощные, как у боксера, и грустный, усталый взгляд.

Вот только про алкоголь он сказал забыть напрочь, как и про жареное и многое другое.

— Кушайте творожок, кашки.

Снова эти кашки. Вот и стоит бороться за жизнь, если даже поесть толком нельзя?

Но Валера сказал: «стоит». Как-то упустил я момент, когда абсолютно все решения за меня начал принимать Валера. Я уже готов был идти брать кредит на свое лечение, вот только кто мне его даст?

— Можно и без кредита, — сказал Валера.

— Можно и без лечения, — пошутил я.

— Щас в лоб получишь.

— Давай бей больного. Это очень толерантно.

— А ты не беси меня.

— Мне в любом случае хуже тебя. Ты, может, до ста лет проживешь, а я...

— А ты до девяноста, если окончательно не выбесишь меня и я не придушу тебя прямо сейчас.

И дальше в таком же роде.

Потом узнала мать. Пришла, посмотрела укоризненно, покачала головой и разразилась громким, пронзительным плачем. Ее лицо перекопилось от страданий, жглось, стало маленьким-маленьким, размером с кулак, едва не утонуло в морщинах. Она как-то неестественно выла, будто делала это напоказ, и меня даже передернуло от таких стараний. Пришлось обнять ее крепче и успокаивать, словно это ей поставили такой жуткий диагноз, а не мне.

— Ну, тише-тише, — сказал я.

А мать уткнулась мне в плечо и намочила его горькими и горячими слезами.

— Ты умрешь? — спросила она, боясь собственного вопроса.

— Все умрут, — пожал я плечами, — просто я чуть пораньше вас.

И новый поток слез. Мне и правда стало ее жалко. Больше, чем себя. Себя-то что жалеть.

— Но доктор сказал, шансы есть.

— Правда?

Я кивнул. Это слегка обнадежило ее. Слезы прекратились, всхлипывания утихли. Она звучно и продолжительно высморкалась, затем села на диван и устала на меня, не отрывая взгляда и изредка несчастно вздыхая. По всей видимости, мысленно мать уже прощалась со мной, представляла меня в гробу, усохшего, со щетиной и с монетами на глазах. Я видел, как подступил новый ком к ее горлу, но она сдержалась, сцепила руки и шевелила губами. Возможно, читала молитву.

Мать печалилась о себе, я в этом уверен. Она корила мир за такую странную и несчастную судьбу. Она верила, она надеялась на справедливость, как и миллионы других, обделенных фортуной и благополучием, но справедливость маячила где-то впереди, намного впереди, убегая все дальше и дальше. Теперь вот и моя болезнь. И так с сыном не повезло, но мало, мало судьба над ней насмеялась. Ничтожно мало. На самый конец она припасла одинокую старость, бессонные ночи и ничтожную пенсию.

Я не знал, как и чем ей помочь. Мне самому стало невыносимо горько. Мне захотелось разбежаться и со всех сил биться головой об стенку. Удар за ударом, пока не повалюсь на пол или не проломлю лоб. Зачем она пришла? Поддержать? Стало только хуже от этого.

И этот ее взгляд. И это ее лицо. Денег у нее нет. Да мне и не нужны ее деньги. Я вспомнил, как она радовалась, когда узнала про исчезновение Несси. Я вспомнил отрывающиеся обои и таракана, раздавленного ею. Думала она тогда, что все обернется таким образом? О чем вообще она когда-либо думала?

— Мам.

— Да, сынок.

Сынок... А ведь тогда, в палате, мы реально сблизились, и казалось, что надолго. Но телевизор. Этот адский черный ящик с огромным тусклым глазом. Она не могла мне простить телевизор. А мне нужна была помощь. И Валера смог мне помочь. Валера, но не она, потому что мать ничего не могла и не боролась. Она никогда и ни за что не боролась. Эта мысль неожиданно пронзила меня насквозь, взбудоражила, прибила к полу и не отпускала. Моя мать никогда и ни за что не боролась. Ни с отцом. Ушел, и ладно. Ни с соседями. Ни с врагами. Ни за счастье. Ни за любовь. Ни за меня.

Вот и сейчас. В ее сознании я труп. Никчемный холодный труп, корм для червей, перегной. Все. Нет меня. Я ведь тоже не должен бороться. Я ведь ее отпрыск, ее продолжение. И главное, что в этом бессилии и аморфности она не одинока. Большая

часть человечества плывет по течению, как навоз, и не пыжится. Куда ни плюнь — все фаталисты. Или мазохисты, кому как больше нравится.

Вот мать точно мазохистка. Она не боролась, она несла тяжкий крест — жизнь. Упорно и почти безропотно. Рабыня Изаура... Нет, я не испытывал к ней злости. Со всем нет. Но оставаться в одной комнате — тоже было мало желания и смысла. Да, я тонул, но чтобы спастись, нужно оттолкнуть ее от себя подальше и грести, грести, грести, пока есть силы.

— Ничего, прости, это я так... — ответил я после продолжительной паузы, а затем подошел к обоям и нарисовал океан.

— Что ты делаешь?

— Рисую. Или это похоже на что-то еще?

— Зачем рисовать на обоях? — искренне удивилась она.

— Затем, что я так чувствую. Потом посмотрю и вспомню.

— Разве ты художник?

— Нет.

— Вот и не надо портить.

— Я не порчу.

Вспомнила, что она мать, стала учить, что делать. Я нарисовал себя, отчаянно гребущего к берегу.

— Мне доктор посоветовал.

— Доктор?

— Да.

Слово «доктор» магически на нее повлияло. С доктором спорить она не решалась, добавила только:

— Странный какой-то доктор.

— Очень хороший.

Я нарисовал доктора с огромным фонендоскопом. Чем больше фонендоскоп, тем лучше доктор.

— Ой, горе, горе, горе, — снова вздохнула мать.

Ну вот, пришла нагнетать атмосферу.

— Счастье, счастье, счастье, — прошептал я, заканчивая рисунок.

— Что ты шепчешь?

— Мантру.

— Какую еще мантру?

— Тоже для лечения.

— Что за лечение такое? Рисовать, шептать, как библиотекарь. Шарлатан твой доктор. Он хоть таблетки выписал?

— Все он выписал. Все. Сейчас как выпью — стану здоровым, как бык, — не на шутку вскипел я.

— Да тише ты. То орешь, то шепчешь.

— Мам, зачем ты пришла?

— Как зачем? Проведать. Такое горе.

— Проведала?

Она пожала плечами.

— А теперь уходи, мне на процедуры надо, и, вообще, мне нельзя волноваться, понимаешь? Доктор сказал сохранять радужную, оптимистичную атмосферу.

— Чему же тут радоваться? — искренне удивилась она.

— Жизни, мама, жизни.

Она посмотрела на меня, как на Жириновского во время любых дебатов, побагровела от негодования, желваки вздулись и заиграли у нее на щеке, казалось, что сейчас

она выльет на меня всю боль, копившуюся в ней десятилетиями, но, не сказав ни слова, мать подошла к двери и вышла в подъезд. Подъезд подлого, жесткого, несправедливого и уродливого мира.

Я вздохнул с облегчением, включил ютуб и долго и тупо смотрел, как плавают рыбки. Много всяких разных рыб. Успокаивает. Типа дзен...

Во вконтакте набралось порядка ста сообщений. Подбадривали, желали выздоровления, кто-то молился, кто-то говорил, что я хороший, как это несправедливо и прочее в том же духе и в разных интерпретациях. Наверное, каждый ребенок мечтает о таком количестве внимания. Но внимание вниманием, а здоровее от этого я не становился.

Валера создал группу. Назвал «Спасем Илью Денискина». Написал слезливую историю о том, как я страдаю и как немного нужно для моего счастья и исцеления. В группу вступили больше двухсот человек. Стали собирать на лечение. В первый же день собрали около десяти тысяч рублей, через три дня — еще пятнадцать.

Валера с гордостью сообщил, что на первый курс лечения мне вполне хватит. А дальше, если будут результаты, народ станет поддерживать еще активнее. Все же любят прекрасные истории исцеления, тем более что сами оказались к нему причастны. Валера — явный оптимист. В этом ему можно только позавидовать.

Алиса не стала реагировать на мою болезнь. Она не вернулась. Она не просила прощения. Она не клялась любить меня до последнего вдоха. Она не заливалась слезами. Ничего. Как будто мы никогда не были вместе. И вообще не знакомы. Она, наверное, жалела, что я не включил ее в завещание. А завещание я твердо решил не составлять. Завещание — удел старых и зажиточных.

Я же начал пить эверолимус. Рассчитывать на мгновенный эффект было чертовски глупо. Я и не рассчитывал. Поверил, что станет хоть чуточку легче, но вместо этого тошнота стала моим постоянным спутником. Меня начало рвать в два, а то и в три раза больше. Доктор сказал, что это нормально. Организм не привык и перестраивается. Нормально. Хорошее такое нормально. Что тогда ненормально?

Я рисовал на обоях деревья. Могучие многовековые дубы. Кора на стволах трескалась, но они продолжали расти вверх и вширь, вот кто практически не подвластен времени, вот у кого надо учиться твердости духа.

Я перестал пить. Я начал есть каши. Шпинат. Сельдерей. Делал смузи и фреш. А после закидывался кеторолом. Он дарил мне покой и наслаждение, хотя боли были вполне терпимые. Не хотелось представлять, что может быть гораздо хуже и больнее. Я делал все, что мне велели. Пил, ел, принимал таблетки, сдавал анализы, ходил на процедуры, ходил к бабкам. Те что-то шептали, размахивали руками, призывали божественную силу и силу духов, готовили какие-то отвары. Короче, стал самым послушным на свете мальчиком с очень скучной и однообразной жизнью. Несси бы не понравилось.

Единственное: вечером, если оставались силы, я включал старину Йорка и громко и протяжно рыдал с ним на пару из-за того, что мир полон страданий, уродства и насилия, а жизнь — вообще боль.

Потом смотрел «друзей», они хоть как-то поднимали настроение, особенно тупость Джо и песни Фиби, и часами лежал в ванне или на диване. Я стал похож на тех несчастных больных с поблекшим взглядом, чьи фотки совсем недавно разглядывал в Интернете. Хорошо, что сам не фоткался, а то кто-то бы уже и мои снимки мог так рассматривать.

Валера заезжал ежедневно, привозил шпинат, таблетки, Ингу.

Матери звонил сам, не больше пяти минут в день. Она взялась вязать мне свитер. Зачем он мне? Но я не стал отговаривать. Хочет — пусть вяжет. Лишь бы меньше доставала.

Звонили какие-то малознакомые люди, подбадривали, говорили, что не оставят, хотя до этого мы годами не общались.

Я не вылезал из квартиры дальше больнички и «Пятерочки». Я превращался в кусок мяса, который хочет подольше пролежать в холодильнике. Я все чаще думал о космосе и представлял, как буду парить между звезд, метеоритов и комет.

А потом мне надоело. Просто невообразимо надоело это все. Какого черта бороться? Чтобы дальше влачить такое же жалкое существование? Быть серой массой, одним из миллиардов таких же неприметных личностей, о которых никто потом никогда не вспомнит? Ну уж нет. Не в мою смену.

И я решил, что надо пробовать, чтоб не было этого «никогда». Чтобы стало «хотя бы раз».

Что там у нас? И я полез на стену в вк: «Не был за границей. Не был на концерте „Radiohead“. Не видел ни одно из чудес света. Не взбирался ни на одну гору. Не грабил банки».

Начинать нужно с конца. Банк... Не подходит. Стопудово не получится, потому что это дело серьезное, тут готовиться надо, и очень долго, да и в одиночку давно никто не грабит, облажаюсь только, меня посадят, и проведу за решеткой последние дни. Нет уж.

А вот магазин или лучше «Ашан» — самое то. Можно с ходу утащить что-нибудь, народа немного, вряд ли кто заметит, да и у них специальные суммы уже учтены на возможные потери из-за таких воришек, как я. И как-то на душе стало хорошо, легко так, беззаботно. Недолго думая, я накинул толстовку и отправился в «Ашан».

Небо заволочло тучами, машины гудели на все лады, асфальт утопал в трещинах, даже птицы как-то тревожно щебетали, а у меня впервые за долгое время было хорошее, я бы даже сказал, отличное настроение. Навстречу мне шли хмурые, задумчивые, замученные проблемами и их решением люди. Каждый шаг давался им с невероятным усилием. Я же, наоборот, с какой-то невообразимой легкостью шел по разбитому и, как обычно, никем не ремонтируемому тротуару. Таблетки явно не вызывали подобного эффекта.

Показалось, что впереди мелькнула голова Несси, я кинулся за ней, расталкивая народ. Люди возмущенно размахивали руками, посылали мне вслед проклятия и ненавидели мир еще больше, а я несся к Несси. Но, конечно, это была не она. Несчастная школьница с толстыми лодыжками и тонкими бровями испуганно смотрела на меня и едва не кричала. Мог и не догонять. Несс бы не надела розовый сарафан. Но надо было проверить, я не имел права не проверить.

«Ашан» оказался не настолько людным, как мне того хотелось. Да и неважно. Больше опасности, больше адреналина, а он уже всю разгонялся по крови. Она буквально кипела внутри меня. Я взял корзинку и направился к мясному отделу. Сосиски. Сардельки. Вырезка. Грудинка. Карбонад.

Давно я не брал карбонад, он, оказывается кучу денег стоит. И, недолго думая, я сунул небольшой кусочек в толстовку. Осмотрелся по сторонам, никто не заметил? Никто не заметил. Или сделали вид, что не заметили. Как знать, может, каждый второй только тем и занимается, что выносит из «Ашана» продукты и разные небольшие прибабасы?

Еще раз оглядевшись, я погладил толстовку, из которой едва различимо выпирал карбонад. Сердце заколотилось в бешеном ритме, так что запульсировало в висках. Надо было идти в другой отдел, но я неожиданно набрался наглости, вытащил

из кармана ключи, подошел к сосискам, выбрал самые дорогие — «Микояновские» и, разорвав ключами пленку, быстро очистил освободившуюся сосиску и засунул ее в рот. Кайф. Давно не ел таких вкусных сосисок. И плевать, что сырая, так даже вкуснее.

Обнаглев до предела, я оторвал еще одну сосиску, спрятал в толстовку и отправился дальше. Съем чуть позже.

На этот раз проделать все незаметно не удалось. Кудрявый беззубый малыш в коротеньких шортах и майке с Бартом Симпсоном увидел, как я отрываю сосиску, и, раскрыв рот от удивления, пялился на меня так, словно встретил настоящего Барта Симпсона или его папашу Гомера. Он дернул такую же кудрявую и невысокую женщину в кедах, разглядывающую полку с печеньем, за платье и стал указывать на меня пальцем. К счастью, женщина отмахнулась от ребенка и даже не взглянула в мою сторону.

Я же улыбнулся малышу, как будто ничего не случилось, и быстрым шагом направился дальше. Кровь бурлила, как огненная лава вулкана. Понятно, что никто меня не посадит, но и по головке за такие поступки не погладят. А иногда очень хочется побыть непослушным, сделать что-нибудь непринятое, что-нибудь запретное. И я снова погладил толстовку.

Надо что-нибудь купить, а то будет совсем палево. И я направился в хлебный. Выбрал лаваш. Огляделся и, разорвав пакет, вытащил из него лепешку, порвал ее и завернул в нее сосиску. Так гораздо вкуснее, только соуса не хватает. Где там у нас соусы? Соус я не нашел, зато наткнулся на того малыша с мамашей. Он снова уставился на меня, как на создателя Майнкрафта, и стал тыкать пальцем. Не дожидаясь продолжения, я юркнул в соседний проход и быстрым шагом направился дальше.

Вот малец, всю малину мне портит. Надо будет вернуться за нормальным лавашом. А пока что соусы. Вот и они. Развелось как собак нерезаных. Проклятая конкуренция. Я выбрал грибной. И, уже даже не оглядываясь, смачно полил мой импровизированный бутер. Вкусно, черт возьми.

И опять эти двое. Поесть нормально не дадут. Запихнув бутер обратно в толстовку, я решил поступить умнее и направился в отдел техники и бытовой химии. Вот тут народа точно нет. Лишь бы на камеры не наткнуться или на работников гипермаркета. Отыскав так называемую мертвую зону, я наконец облегченно выдохнул и с удовольствием расправился с сосиской. И почему я так не делал раньше? Вот придурок. Можно же было регулярно здесь питаться. Еще и винишко попивать, если приловчиться.

Главное, чтобы не начало тошнить. Но мне было так хорошо, что даже рвота решила не напоминать о себе и не беспокоить. Чудеса какие-то. Облизав губы, я причмокнул от удовольствия. Какие, на хрен, кашки? Вот оно, удовольствие от еды.

Взять лаваш, туалетную бумагу и — на кассу. Но, как говорят, аппетит просыпается во время еды. До кассы я добрался только через час. Попробовав четыре салата, самый крутой — «Цезарь»; погрызая орехи, самые вкусные — «Бразильские»; выпив баночку «Доктор Пеппер»; съев шоколад трех «Киндерсюрпризов»; засунув в толстовку дорогой творожный сырок «Александр», я решил, что для первого раза хватит.

Сырок мне, в общем-то, не хотелось брать, просто я его никогда не пробовал, а он, собака, дорогой, и вряд ли бы я его когда-нибудь купил, так что тупо проснулась жадность и сказала: «Возьми его». А отказать у меня просто-напросто не хватило сил.

Малыш, к счастью, меня не выдал. Правда, на кассе все равно задергалась рука. Я старался не подавать виду, но внутри меня просто кошмарило. Вот он, вот он, проклятый адреналин. Представляю, что чувствуют настоящие грабители, которые выносят из банков по несколько десятков миллионов. Им вообще должно сносить крышу.

Так, спокойнее, спокойнее. Моя очередь.

— Все у вас? — словно почувствовав, спросила пухлая кассирша, по которой было сложно определить возраст. Скажем так, от тридцати девяти и выше.

Я кивнул.

— Пакет?

— Что?

— Пакет нужен?

Как они достали этим вопросом. Даже если возьмешь бутылку лимонада или «Сникерс», все равно посмотрят, как на идиота, и спросят про пакет.

— Давайте.

Она рассчитала. Я облегченно выдохнул и погладил толстовку. Прокатило. Вот я и стал преступником. Иду гордой походкой к выходу. И тут сзади голос охранника:

— Молодой человек.

Значит, не прокатило. В голове сразу же возникла сцена:

ИНТЕРЬЕР. ПОДСОБКА. ВЕЧЕР.

В подсобке темно, никого не видно. Тишина. Вдруг резко включается свет настольной лампы, и становится видно стол, за которым сидят двое охранников, а напротив них, привязанный к стулу и со скотчем во рту, я. Свет лампы бьет мне в глаза. Я жмурюсь, стону.

Первый охранник злобно улыбается и бьет по столу. Второй задумчив, даже чем-то опечален.

— Будешь говорить? Ты будешь говорить? — яростно вскрикивает первый охранник и продолжает: — О, ты нам все расскажешь. Все-все до мельчайших подробностей, даже как звали морскую свинку твоей соседки.

Я мычу в ответ, пытаюсь сказать, что у моей соседки не было никакой свинки, ей вообще девяносто три года и вряд ли она хоть чем-то их заинтересует.

— Спокойнее, спокойно, Иван, — шепчет второй охранник, — видишь, он не против пойти на контакт.

Я утвердительно киваю с бешеной скоростью. Конечно, готов, еще как готов.

— Видишь? — повторяет второй охранник.

Первый охранник¹ медленно с наслаждением отрывает скотч от моего рта.

Я ору, как ненормальный.

— Заткнись! — командует Иван.

Я замолкаю, но ненадолго. Боль слишком жгучая. Это злит Ивана, и он бьет меня прямо в печень. Боль тут же разлетается по всему телу, и на несколько секунд я отключаюсь. А когда прихожу в сознание, то вижу, что второй охранник невозмутимо сидит на своем месте, а вот Иван нервно расхаживает по подсобке и недовольно произносит:

— Да что с ним церемониться? Навалять ему по почкам, будет знать, как нас обворовывать, урод.

— Не положено, — хладнокровно отвечает второй охранник.

— Все у тебя не положено, не по уставу, Матвей, — негодует Иван.

— Очнулся, — кивает в мою сторону второй охранник².

— Говори, с...! — взрывается Иван.

— Да что сказать? Что? — со слезами на глазах вопрошаю я.

— Ты на хрена «киндеры» спер? Тебе сколько лет, придурок?

— Не надо оскорблять парня, Иван. Не переходи на личности, — осаживает его Матвей, — действуем строго по инструкции.

¹ В дальнейшем — Иван (прим. автора).

² В дальнейшем — Матвей (прим. автора).

— В гробу я видел эту инструкцию, — негодует Иван, — отвечай, гнида.
— Я не гнида, я Илья, — произношу я каким-то чужим, утробным голосом. — Мне двадцать девять лет.
— С..., в двадцать девять лет он ворует «киндеры». Ну, не дебил?
— Нет, — отвечаю я, — просто захотелось сладкого.
— Видишь, ему захотелось сладкого, — улыбнувшись, произносит Матвей.
— Щас я устрою тебе сладкое, — вскипает Иван и пинает свой стул, тот улетает в другой конец комнаты. — Из-за какого-то дебила.
— Его Илья звут, — поправляет Матвей.
— Из-за какого дебила Ильи, — продолжает Иван, — который в двадцать девять лет пытается украсть из «Ашана» «Киндерсюрпризы», мой прекрасный вечер с длинноногой Изольдой накрывается медным тазом, и я должен тут торчать и слушать твои сопли?
— Не надо меня бить, — умоляю я. — Не имеете права. У меня рак.
И в подтверждение из меня вырывается бурная темно-красная струя рвоты с примесью фиолетовых оттенков.
Иван и Матвей кривятся.
— Теперь еще и убирать за ним, — брезгливо произносит Иван. — Сам будешь свое дерьмо разгребать.
Я открываю рот, чтобы что-то ответить, но картинка в голове гаснет так же неожиданно, как и появилась.
Конец.

— Молодой человек, — повторил охранник.
Мне не оставалось ничего, и я развернулся на его зов, готовясь к подобной сцене. Но охранник улыбался и держал в руке платок.
— Вы уронили, — сказал он, протягивая мне платок, и снова улыбнулся.
— Спасибо, — выдавливая из себя ответную улыбку, проблеял я, забрал платок и быстрым шагом, почти бегом направился к выходу. Все-таки прокатило!
На улице я жадно вдыхал воздух и сиял, словно небо после летней грозы. Не то чтобы я почувствовал себя счастливым, я же не Билл Гейтс, но мне определенно стало очень хорошо. Очень хорошо оттого, что мое существование наполнилось новым содержанием и каким-то смыслом. На одно «никогда» стало меньше.
По дороге я съел сырок. Очень, кстати, неплохой. Не зря так дорого стоит.
А дома меня ждал Валера.
— И где тебя носит?
— В «Ашан» гонял.
— Сам? Один?
— Один. Сам, — и показал пакет.
— Нельзя было попросить?
— Нет, нельзя. Я совсем как инвалид, ничего не делаю, только прошу.
— Ладно, ладно, не бузи. Молодец, что сгонял. Можно было и поближе куда.
— Нет, нельзя было. Захотел в «Ашан», поехал в «Ашан».
— Ты прямо как беременная.
— А ты прямо, как отец будущего ребенка.
— Иди ты.
— И ты иди.
— Таблетки пьешь?
— Пью. Карбонад будешь?
— Какой карбонад?
— Вкусный, — и вытащил карбонад.

— Тебе же нельзя.

— Мне ничего нельзя. Че, мне сдохнуть теперь?

Валера вздохнул.

— Тебе-то можно.

— Мне можно, — улыбнулся он, — только говорят, от него рак как раз развивается.

— Ну тогда мне тем более не страшно. А ты можешь не есть.

— Ну уж нет, — возмутился товарищ, — от пары кусочков точно ничего не будет.

Режь давай.

Я нарезал.

— Реально вкусный, — похвалил мой выбор Валера, заедая мясо лавашом.

— Сваливай на фиг. Устал я что-то.

— Ничего не болит?

— Валера, у меня постоянно все болит. Но сейчас я просто устал.

— Понял, отдыхай, — сказал товарищ и ушел.

А я лег на диван и тут же отрубился. У меня, правда, ничего не болело. Впервые за последнее время я уснул счастливым и проспал целых три часа.

К черту таблетки! Ненавижу их, ненавижу этот рак, ненавижу эти толпы несчастных с потухшими глазами. Нужен срочно хороший список. Не тот, что я выложил во вконтакте, а нормальный список того, что нужно сделать, того, что можно успеть.

Сразу в голову полезло: побывать в Японии, побывать на всех континентах, забраться на вершину горы или вулкана, поплавать с дельфинами, покататься на слоне, побывать на этапе «Формулы-1».

Нет, не то. Все это круто, но тяжело осуществимо. Надо много денег, а главное — надо куда ехать. Для начала проще выполнить что-то менее затратное, что-то вполне осуществимое. И я вспомнил про прыжок с парашютом. Вот это приемлемо, это хороший вариант.

Я подошел к обоям и написал: прыгнуть с парашютом.

Для начала неплохо. Вполне неплохо. Я вспомнил про сообщение от аэроклуба. Залез в вк. Перечитал: «Не беда, приходите к нам. Прыжки с инструктором от 4000».

От четырех, значит. Что там у нас по финансам? В кошельке рублей семьсот, не больше. На карте еще пара сотен. Маловато.

Я позвонил Валере:

— Спишь?

— Что сразу спишь? — недовольно пробурчал товарищ. — Работаю вообще-то.

— Молодец. Слушай, а что у нас с бабками?

— А что у нас с бабками? — переспросил Валера.

— Это я у тебя спрашиваю.

— Да нормально вроде. Кредит пока выплачиваю.

— Да нет, я про свои. Не переводили больше ничего?

— А что? — я по голосу почувствовал, как напрягся товарищ.

— Да вот хочу с парашютом прыгнуть.

— С парашютом?

Так и увидел, как Валера недоуменно чешет затылок.

— Да. У тебя со слухом плохо, что ли?

— Нормально у меня со слухом. Неожиданно просто.

— Ничего неожиданного. Написано — от четырех тысяч. А у меня максимум одна наскребется.

— А с раком разве можно с парашютом?

— Блин, ты так про все спрашиваешь. Че мне теперь, сразу в могилу ложиться?

— Не ной. Я о тебе забочусь. Мало ли ты не выдержишь. Организм-то слабый.

— Я заботы такой не выдержу. Так что там с бабосиками?

— Ну тысяч пятнадцать должно быть.

Теперь он наморщил лоб и зажмурил правый глаз.

— Отлично. Я прям доволен.

— Ты точно хочешь прыгать?

— Точно, папочка, точно.

— Иди ты. Я на похороны не приду.

— А я тебя и не позову.

— А я и все равно не пришел бы. Свин ты.

Если бы он держал в руке стакан, то стопроцентно раздавил бы сейчас.

— Короче, жду бабосики.

— Ждет он.

— Так-то это мне прислали.

— Так-то на лечение прислали.

— А у меня такое лечение.

Валера не нашел, что ответить, а может, не захотел продолжать треп и повесил трубку.

Отлично, деньги есть, значит, первый пункт практически можно вычеркнуть.

Я принял заявку в друзья от аэроклуба и написал:

«Здравствуйте, можно узнать подробности о прыжках с парашютом?».

Минут через пять пришел ответ:

«Да, конечно. Аэродром Пирогово. Самостоятельный прыжок — высота 800 метров — 2000 рублей, прыжок в тандеме с инструктором — высота 4000 метров — 4200 рублей, есть возможность сделать фото и видеосъемку — 6500 рублей».

«Спасибо, — ответил я, — а какой лучше?»

«Я так понимаю, впервые прыгать решили?»

«Конечно».

«Тогда лучше с инструктором».

«Безопаснее?»

«Ощущения более яркие:) Высота другая, почти минута свободного полета. И безопаснее:)».

«Ясно, спасибо. А видео инструктор снимает?»

«Нет, с вами полетит оператор».

«Втроем?»

«Нет, он отдельно прыгает. Будет лететь рядом с вами».

«Отлично. А есть какие-нибудь ограничения?»

«Повышенное давление, аритмия, проблемы с сердцем имеются?»

«Нет».

Про рак я, разумеется, промолчал.

«Ограничения по весу — до 90 килограмм. За каждые 10 килограмм сверху — доплата 500 рублей».

«Вполне укладываюсь:) У меня не больше 75».

«Прекрасно. Ждем у нас в Пирогово. Друзей тоже приглашайте, приводите:)».

«Обязательно», — настроил я и закрыл окошко беседы.

Вот и сбылась мечта идиота.

То есть, конечно, не сбылась, но очень близко к этому. Всего-то шесть пятьсот. Видео обязательно надо записать, выложу в вк, будут потом смотреть меня, вспоминать, как я в воздухе руками размахивал.

Я залез на ютуб, забил в поисковой строке «прыжок с парашютом в тандеме», сразу вылезло огромное количество роликов. Включил первый. Какая-то робкая девуш-

ка, видно, как она зажата, как стесняется выразить эмоции. Вот ее одевают, вот инструктируют. Инструктор не сказать, что Самсон. Но, впрочем, и девушка не Серена Уильямс. Дальше они уже летят в самолете, рядом другие прыгуны, вот подходят к двери, вот прыгают, летят. И видно, что у девушки внутри эмоции просто кипят, но она настолько зажата, что даже в полете робко улыбается. Вот раскрывается парашют, и оператор, приземлившись раньше, снимает приземление девушки и инструктора.

Другие видео такие же по содержанию. Единственное, что большинство гораздо ярче проявляют свои эмоции. Одна ненормальная так и вовсе начала орать как резаная еще в самолете, а в прыжке ей и вовсе башню снесло. Нет, определенно надо прыгать.

Я забрал деньги у Валеры. Восемь тысяч на всякий случай. Улыбнулся в ответ на его качание головой. Показал, что все будет ок.

Сел в автобус и поехал до Пирогова. Дошел до манифеста. Сказал, что хочу прыгать. Показал деньги. Заполнил анкеты. Потом меня рвало в туалете. Потом мне мерили давление в кабинете врача.

— Сто тридцать на девяносто, — сурово возвестила полноватая женщина с довольно густым пушком над верхней губой.

— Это же нормально? — уточнил я, разглядывая ее усы.

— Повышено немного.

— Немного ведь не страшно?

— Как сказать? Ты вон бледный какой.

— Так вампиры всегда бледные.

— Чего?

— Да шучу я, шучу. Просто загорать не люблю.

— Шутит он мне тут, — заворчала врач, — у меня за день, знаешь, сколько таких шутников? Щас не допущу, посмотрим, как шутить будешь.

— Не надо, пожалуйста.

— Ишь, как сразу заговорил. На учете нигде не стоишь?

— Где?

— Это я у тебя спрашиваю. В психдиспансере, например.

— А я что, похож на того, кто состоит в психдиспансере? — удивился я.

— С каждым вопросом все больше.

— Нет, в психдиспансере я не состою. Только в онкологии, — зачем-то ляпнул я.

— Онкологии? — ее глаза расширились, стали чуть ли не в два раза больше. — Ты с онкологией собрался прыгать?

— Да.

— Хочешь, чтоб меня посадили? А ну, пошел вон!

Это вот что, так раз, и все закончится? И досвидос? Ну, уж нет. Не на того напали, однако.

— Не надо так со мной разговаривать, — невозмутимо ответил я, — я пока сам отвечаю за свою жизнь и за свои поступки.

— Вот дома и отвечай, — огрызнулась врач и указала на дверь.

— Послушайте, — решил сменить тактику я, — нельзя так делать, нельзя. Разве вы не понимаете?

— Все я понимаю, — от злости ее челюсть начала скакать, как от прыжков на батуте, — ты там крикнешься с таким сердцем, а меня под суд.

— Да не крикнусь я, не крикнусь. Я от этих таблеток скорее крикнусь. Ради чего мне жить, если я дальше диспансера никуда не выбираюсь?

— Несчастный какой. Сколько людей болеет, и ни одному такая мысль не пришла в голову с парашютом прыгать.

— А мне пришла. Ну, пожалуйста, я вас очень прошу. Это ведь мечта. Мечта детства. У меня столько планов, столько целей осталось неосуществленными. Я ведь думал как, я ведь думал, жизнь длинная будет, успею, все успею, а тут этот страшный рак — и все. Все, понимаете? Мне, может, полгода всего осталось, а может, меньше.

— Не буду, не буду я тебя жалеть. И не смотри на меня так, — а сама уже еле сдерживала слезы.

Надо было надавить еще, надо было дожать.

— От меня даже девушка ушла, представляете? Это же так подло. Так низко, гадко. Узнала, что я болен, и ушла, бросила меня, не поддержала, не сказала, что любит и будет рядом до последнего моего вдоха. Нет, собрала вещи, и гудбай. А ведь я ее любил и продолжаю любить. Всем сердцем. Но зачем ей моя любовь? Я же умру. Жизнь очень несправедлива. Очень. Все так разом навалилось. За что? За что мне это? Я не понимаю. Вообще никакой радости. И даже с парашютом прыгнуть нельзя, — выдал я тираду на одном дыхании.

— Бедненький, — лицо женщины расплылось в сочувственной гримасе. Еще чуть-чуть — и глаза станут мокрыми.

— А я с детства мечтал стать летчиком, потом десантником, а мама была против, понимаете? И устроила меня в это дурацкое училище культуры и от армии даже отмазала. А ведь я мог пойти в десантники, но нет... Всю жизнь я только и делаю то, что говорят мне другие. Но хотя бы раз я могу почувствовать себя счастливым? Хотя бы раз? Подняться в небо, раскинуть руки навстречу ветру и лететь, лететь, лететь, как птица, почувствовать себя свободным от проблем, от несчастий, от людей, от кризиса, это же настоящее счастье, понимаете?

Врач уже рыдала вовсю. Эх, все же неплохого актера я закопал в себе. Надо точно сняться в кино. А женщина утирала слезы платком, сморкалась в него, всхлипывала, смотрела на меня, как на самого несчастного человека на свете.

— Понимаю, понимаю, — горько вздохнула она, — всех так и тянет в это небо.

Понимает она, наверняка сама не прыгала и ни за что бы не решилась на такое.

— Мне ведь даже вспомнить перед смертью нечего, вот что это за жизнь?

Врач сдалась и поставила печать:

— Не дай бог, не дай бог что случится.

— Не случится. Спасибо, спасибо вам огромное, — я так вошел в роль, что поцеловал ей руку, она по-матерински обняла меня и прижала к объемистой груди. Неплохим оказалась человеком. Уверен, даже чаем бы меня напоила с малиновым вареньем.

— Под мою ответственность, — покачала головой врач.

— Спасибо, — повторил я, — все будет хорошо, теперь все точно будет хорошо.

И вышел. А внутри просто взрывались салюты. И снова адреналин в крови, и настроение лучше некуда, и тошнота пропала.

Я вернулся к манифесту, отдал анкеты, заключение врача, деньги.

— Ждите, — сказала девушка и подмигнула.

Я улыбнулся в ответ, подошел к креслу, сел, затем вернулся:

— А сколько ждать?

— Вы в шестой группе.

— А сколько уже прошло?

— Четвертая взлетела.

— То есть через одну? — зачем-то уточнил я.

Девушка кивнула:

— Не терпится?

— Да.

Но договорить не удалось. К манифесту подошла парочка. Он весь такой брутальный, естественно, бритый налысо, а она вся-вся такая блондинка-блондинка, естественно, крашеная. На каблуках, в мини-юбке. Она в таком виде прыгать собирается? Было бы забавно посмотреть. Но пялиться невежливо, поэтому я снова уселся в кресло. Надо селфануться, что ли?

Достал телефон, щелкнул себя. Потом снял видео «Я в Пирогово». Обвел телефон по кругу, показал поле. «Вот там все и будет происходить. Все волнуются че-то, переживают, а мне по кайфу, меня колбасит. Буду прыгать с инструктором. Ааааааа».

И начал корчить различные гримасы. Парочка уже отошла от манифеста и уставилась на мои кривляния. Брутальный закатил глаза и ухмыльнулся, а блондиночка искренне улыбнулась. Добродушная оказалась.

Я представил, как она своими каблуками врзается в землю при приземлении, и у меня даже живот заболел от сострадания.

Закончив съемку, набрал Валеру. Он долго не брал, наконец ответил:

— Прыгнула, что ли? Живой?

— Нет, не прыгнул пока. Жду.

— Ну, так. А что, с раком можно прыгать?

— Ну, меня же допустили.

— Точно? А то, может, ты меня на деньги развел.

— Щас фотку тебе пришлю, раз не веришь.

— Да не, я верю. Просто как с раком-то могли разрешить прыгать?

— А ты надеялся, что меня пошлют, да?

— Ну, типа того, — подтвердил Валера.

— Тоже мне друг.

— Ну, ладно, ладно, че ты, как маленький? Я рад, что будешь прыгать. Лишь бы не случилось чего.

— Не случится чего, — обиделся я. — Все, пока, мне прыгать пора. Моя очередь.

Вот козлиная. Надеялся он, что меня не допустят. Нет чтобы за друга порадоваться.

Но очередь ни черта не торопилась. Потом вообще набежали тучи. Ливанула гроза. Объявили, что погода нелетная и, скорее всего, прыжков сегодня больше не будет. Ну, Валера, ну, Валера... накаркал. Меня снова начало тошнить, настроение опустилось до нуля. Не говори гоп, пока не перепрыгнул, — есть такая пословица, очень разумная, кстати.

Я щелкнул свое грустное лицо. Я щелкнул печальные лица остальных бедолаг, ожидавших прыжка. Я щелкнул поле, изрядно заросшее травой, и Ан-28. На нем мы и должны полететь, но... Я щелкнул парочку.

Блондиночка, кстати, уже переоделась, надела кеды с блестками и растерянно смотрела на брутала. Тот даже не хмурился и не озадачился, так как пялился, не отрываясь, на экран своего крутого айфона. Пялился и улыбался. Смотрел какие-нибудь видосики и считал, что неплохо проводит время. Чего нельзя было сказать о блондиночке.

Мне захотелось даже поддержать ее, подойти, похлопать по плечу, сказать, чтобы не расстраивалась, потому что, как ни крути, у нее, в отличие от меня, хотя бы со здоровьем все более или менее. Так что мне здесь гораздо хуже остальных. Хуже всех, если уж быть точным. Не знаю, правда, насколько бы это ее поддержало и успокоило.

Но, к счастью, гроза быстро закончилась. Отправилась пятая группа, а через час и меня представили инструктору.

— Гера Дорн, — сказала девушка, указывая на плечистого парня в комбинезоне.

— Как-как? — переспросил я.

— Дорн, как Иван.

— Родственник?

— Нет, — улыбнулась девушка, — однофамилец.

Я подошел к Гере. Имя, конечно, не очень, но парень оказался нормальным.

— Илья, — представился я.

— Гера.

— Антон, — тут же нарисовался оператор и начал фоткать меня.

Гера улыбнулся, и я заметил у него щербинку между зубами. Он перехватил мой взгляд и перестал улыбаться. Видимо, стеснялся щербинки. Немаленькая она такая была. Хотя чего стесняться? Все мы не идеальны.

— Ну что, готов? — спросил оператор.

— К труду и обороне? — пошутил я.

— Почти. Хапнуть адреналина и почувствовать себя соколом, — улыбнулся Антон.

И тут это хапнуть. И почему все хотят чего-нибудь хапнуть? Видимо, это русское. Я бы даже сказал, российское.

— Готов, — ответил я, позируя для очередного снимка.

— Надо тебя переодеть, — сказал Гера, — пошли.

— Надеюсь, не в костюме хот-дога?

— Нет, но если хочешь...

— Я больше пиццу люблю.

— Я тоже, — улыбнулся Антон.

Инструктор промолчал.

По дороге почти не разговаривали.

— И сколько раз за день вы так прыгаете? — спросил я.

— Два-три, — пожал плечами Гера, — иногда четыре.

— Круто.

Парни молча развели руками. Для них — будни.

Затем я натягивал комбинезон. Не скажу, что появился мандраж, но уже реально стал ощущаться момент, что это не просто так, не игрушки, не плод моего воображения, все происходит на самом деле и очень скоро я окажусь на высоте четыре тысячи метров. А сколько раз этот комбинезон бывал на подобной высоте, даже представить трудно.

— Что-то ты слишком бледный, — заметил Гера.

— Да все нормально, — уверил я, — просто с утра не ел.

— Поешь. Бутером угостить?

— Да нет, спасибо. Все нормально, — и улыбнулся.

Оператор направил на меня объектив.

— Все нормально, — снова произнес я и поднял большой палец руки повыше.

— Ок. Значит, смотри, от тебя требуется очень мало, — начал инструктаж Гера.

— Да я смотрел на видео.

Инструктор с оператором переглянулись и начали ухмыляться.

— Тогда, может, сам и прыгнешь?

— Может.

Но воодушевления мой ответ не вызвал.

— Да нет, не буду выпендриваться, извините.

— Будешь слушать? Или ты все знаешь?

— Буду слушать.

— Ок. Итак, сейчас садимся в самолет, набираем высоту. Прыгать будем с четырех тысяч метров.

Хотел вставить, что знаю, но промолчал.

— Пока будем лететь, Антоха тебя поснимает, снимет, как взлетаем, как набираем высоту, пилотов снимет.

— Это я могу, — подтвердил Антон.

— Будет две команды. Первая — «прогиб», перед прыжком. Подходим к обреза, я говорю «Прогиб», значит, ты должен повиснуть, прогибаешься в поясице, ноги закинута назад, вот так, — он показал, как я должен повиснуть, — голову мне на плечо. Все понятно?

— Да.

— Ничего сложного. Значит, подходим к обреза, повис, голову на плечо, вывалились, прыгнули. Летим, быстро сделали свои дела.

— Свои дела? — переспросил я.

— Да у него там дела еще будут, — засмеялся Антон. — Какие у тебя там дела, Герман?

— Накладных парочку штук подписать надо будет, — пошутил Герман и продолжил инструктаж: — А вторая команда — в полете. Я постучу тебя по плечам, ты направляешь руки, вот так, будешь размахивать ими, показывать вот так, — он вытянул вперед большие пальцы рук, — или вот так, — показал жест «ок», — или как захочешь, насколько хватит фантазии. Главное — делать все весело, задорно. Антон будет рядом и заснимет, как ты получаешь удовольствие от полета.

— А я получу?

— Более чем. Только надо обязательно улыбаться. Потому что, если не будешь улыбаться, придется перепрыгивать.

— Да ладно? — не поверил я.

— Ага, — подтвердил Антон, — у нас один так семь раз прыгал, причем за один день и без скидки. Зато в конце уже тройные аксели в полете делал.

Приколисты.

— Затем, перед раскрытием парашюта, я снова постучу по плечам, надо будет руки убрать. Возьмешься вот здесь, а дальше уже спокойно летим и получаем удовольствие дальше. Будешь хорошо себя вести, дам немного поуправлять парашютом.

— Круто, спасибо.

— А метров за сто снова повисаешь, ноги вот так вот вытягиваешь, поднимаешь, и готовимся к приземлению. Все понятно?

— Все понятно.

— Ты, кстати, на каком парашюте хочешь приземлиться?

— В смысле?

— На цветном или белом?

— На цветном. Эффектнее будет смотреться.

— Ну, как скажешь!

Оператор с инструктором переглянулись и подмигнули друг другу. Я сделал вид, что не заметил.

Затем мы немного потренировались, я показал, как повисаю, как поднимаю ноги, Герман остался доволен, и мы пошли к самолету. И тут уже возникло чувство более близкое к мандражу.

— А обвязка надежная? — уточнил я. — Никто не отцеплялся?

— Нет, — покачал головой инструктор, — никто.

— Это хорошо. И ты никого не отцеплял?

— Пока никого.

— Пока?

— Будешь плохо себя вести, будешь первым, — засмеялся Гера, не стесняясь щербинки.

Я понял, что достал его глупыми вопросами, и решил, что действительно нужно расслабиться и получать удовольствие. Слегка неуютно быть в одной связке с парнем,

но зато совсем скоро я получу неповторимые ощущения от свободного полета. Ради такого можно потерпеть одно небольшое неудобство.

Нас обдало мощным и теплым потоком воздуха, он впитал в себя душистые ароматы травы, которые приятно защекотали ноздри. Дождь — это освежающий душ планеты. Я представил, как лечу, надо мной размахивает руками Гера, а парашют не торопится раскрываться. Нет, таких картинок нам не надо. Забыли о таком видении.

В очередной раз помахав в объектив камеры, я зашел в самолет.

Нас было восемь человек. Еще один тандем с оператором и двое одиночников. Во втором тандеме была полноватая девушка с пышными бровями и тонкими губами. Ее глаза испуганно бегали по сторонам, не задерживаясь ни на ком и на чем больше пары секунд. Как только заревели моторы, она схватила своего коренастого инструктора за руку, он подмигнул девушке и ободрительно похлопал ее по плечу. Блондиночки и брутала не было, они попали в следующую группу.

Начало закладывать уши. Мы стремительно набирали высоту. Антон запечатлел этот момент через иллюминатор, затем направил глазок камеры на меня. Я открыл рот и затряс головою. Гера опять стал изображать, что он летит в небе, словно птица. Девушка не отпускала руку инструктора. Моторы ревели исправно.

Я уставился в иллюминатор, а там было на что поглазеть. Мы летели, разрезая облака, как сладкую вату, хотя они были густыми и скорее похожими на плотные и мощные льды Антарктиды. Мне захотелось даже выпрыгнуть из самолета и пробежаться по ним. Эх, рвануть, что ли, в Антарктиду? Хотя там, собственно, то же самое, только холодно и твердая поверхность. А облака неожиданно кончились, и стало видно землю: маленькие разноцветные прямоугольники. Как будто вся она из заплат и состоит. Странная, конечно, штука — жизнь, смотрим на мир под одним ракурсом и думаем, что он только один и есть, но стоит изменить угол обзора — вот так подняться на высоту, или, наоборот, спуститься в шахту, или съездить в другую страну, все сразу предстает в другом, неожиданном свете. Так и с проблемами: пока мы смотрим на них однобоко, они и кажутся нам серьезными и непреодолимыми. Надо изменить ракурс.

Чем выше мы поднимались, тем большая лавина волнения накатывала на меня. Это не был страх, скорее, приятное ожидание. Еще чуть-чуть, еще совсем немного — и потоки холодного воздуха будут обжигать лицо и руки, сердце будет с бешеной скоростью колотиться, а в голове пронесутся сотни мыслей, и первая о том, что драл я этот рак как сидорову козу. Я делаю то, что захочу, и ни в чем он не сможет меня ограничить, если я сам того не пожелаю. Ни в чем, понятно тебе? Ни в чем.

Снова забурлил адреналин. Человек тысячелетиями завидовал птицам, смотрел на них и печально вздыхал, наблюдая за их выкрутасами в воздухе, и продолжал бы завидовать, если бы не пара отчаянных (а их, конечно, было больше, чем пара, возможно, даже пара тысяч), негибавших мечтателей. Только их желание, только их стремление доказать, что людям подвластно многое, в том числе летать, только их упорство привели к тому, что теперь миллиарды желающих могут вот так сидеть в самолете на высоте четырех тысяч метров и ждать, как я, очереди, размышляя о том, как безграничны наши возможности.

А потом закралось сомнение, что вдруг мне не по силам этот прыжок, вдруг сердце не выдержит, и до свидания? Не хотелось бы... Но лучше уж так проститься с жизнью, чем на больничной койке. И словно в подтверждение моих мыслей, Гера улыбнулся мне и похлопал себя по колену, приглашая на него сесть.

— Что? — громко спросил я.

— Садись.

И Антон так же начал показывать жестами, что я должен сесть.

— Смелее, ну, — Гера начинал злиться.

Злить его не стоило. Сел, как и просили. Он тут же пристегнул мою обвязку к себе. Я и забыл, что нужно будет сидеть на коленях у инструктора. Я сразу почувствовал себя американским ребенком в канун Рождества. В роли Санты — Гера.

Антон снова начал вертеть головой, стараясь запечатлеть мои эмоции на свою гоупро. А чувствовал я себя не очень уютно. Во-первых, мандраж из-за возможных последствий, хорошо хоть, не надо самому отсчитывать секунды и раскрывать парашют, а во-вторых, не привык я расслаживаться на коленях у парней.

К счастью, долго сидеть мне не пришлось, вскоре мы набрали нужную высоту и открыли дверь. Первыми к выходу направились одиночники, они смело, я бы даже сказал, как-то буднично подошли к двери и, не раздумывая, сиганули вниз. У меня даже дыхание сперло от их мужества. Хотя, возможно, просто это была нехватка кислорода.

И вот уже Антон стоял у обреза и улыбался мне. Я попытался улыбнуться в ответ, но мышцы лица отказались мне подчиняться. Я был неподвижен и тверд, как гранит.

— Пора, — крикнул Гера и начал вставать.

На ватных ногах я поднялся и застыл как вкопанный.

— Пошли.

Шаг. Еще один. И еще.

Каждый шаг был меньше предыдущего. Мне казалось, что мы вообще стоим на месте.

— Смелее, — подбадривал меня Гера.

Нет, надо было хорошенько подумать, прежде чем решаться на подобную авантюру. Все же рак — это не шутки. Еще и атмосфера разрежена. Я стал часто, словно рыба на берегу, вдыхать воздух и приговаривать про себя: «Спокойнее, Илюха, спокойнее».

А Герман уже командовал:

— Прогиб.

Я, разумеется, не слушал.

— Прогиб же, ну...

Поняв, что от меня не стоит ждать выполнения команды, он сам подогнул мои ноги, уложил голову себе на плечи, и мне даже показалось, что погладил ее, как заботливая мать, вернее, отец.

Через мгновение мы стояли у самого края, я выглянул вниз. Холодный ветер обжег лицо.

Облака, облака, облака. Не было видно ни домов, ни дорог, ни лесов, ни полей, ни рек. Бездонная пропасть.

Гера снова уложил мою голову на плечи. Антон прыгнул в эту бездну, а вслед за ним и мы. Ааааааа. Я лечу. Вернее, мы летим. Кувырок, Гера сжимает мои ноги в воздухе. Выглядит это, безусловно, странно, но, впрочем, мне не до этого. Ветер не просто свистит, он громыхает в и без того заложенных ушах. Холодно, холодно, черт возьми. Но кровь в венах просто кипит. Честно говоря, все произошло так стремительно, что я мало что успел понять.

Сердце колотилось, как отбойный молоток, руки вцепились в лямки, а внизу по-прежнему ничего не было видно. Я зажмурился, пытаюсь сконцентрироваться на полете, но почувствовал осторожное постукивание по плечам. Пора расправлять крылья, то есть руки, конечно же, руки. Пришлось открывать глаза.

Выполнив эту команду, я как-то быстро и легко успокоился. Меня захватила волна эмоций, как же это круто, как же это нереально круто. Ааааа.

Я снова почувствовал себя здоровым, я снова почувствовал себя сильным и то, что в мире есть действительно невероятно приятные вещи, ради которых и стоило появиться на свет. Это явно одна из них. Я вытянул большие пальцы рук. Я улыбал-

ся, как ненормальный, Антону. Я что-то кричал. Изображал, что я супермен. Вместе с Герой изображал, что мы птицы. «Дал пять» Антону. «Дал пять» Герману. Жадно глотал воздух. И снова изображал супермена.

А затем Гера снова похлопал меня по плечу, и это означало, что вот-вот раскроется парашют, свободное падение закончится и нужно схватиться за обвязку. Я так и сделал. Нас резко подкинуло, и вот мои ноги освободились от Гериных, а мы уже летели вертикально и очень неторопливо, словно мы вообще зависли в воздухе, словно до этого все происходило в ускоренной съемке, а теперь в нормальной или даже замедленной. Или, как говорят киношники, в рапиде.

— Ну, как? — спросил меня Гера.

— Здорово, — только и ответил я.

Антон улетел далеко вниз. Больше никто не снимал мои эмоции, да и они заметно угасли. Дышать было по-прежнему тяжело, но сердце успокоилось, и по телу разлилась приятная усталость. Настолько приятная, что меня даже слегка стошнило.

К счастью, Герман не заметил этого или сделал вид, что не заметил, он молча управлял парашютом, дергая то левую, то правую стропы.

Теперь уже стало видно землю, дома и деревья становились больше, объемнее.

Возможно, что заметил, так как вначале он пытался добавить экстрима, управлял так, чтобы ветер подхватывал нас и крутил, а потом вдруг резко мы перестали делать виражи. Гера дал попробовать поуправлять мне. Я подергал пару раз за стропы, а в голове у меня засела мысль, что никогда, никогда еще я не чувствовал себя настолько живым. Как будто до этого все двадцать девять лет своей жизни я провел на дне глубокой впадины и только сейчас впервые выбрался на поверхность и увидел, насколько прекрасен, а главное, разнообразен мир.

Метров за сто, как и предупреждал, Герман скомандовал «ноги».

Я поднял ноги, стал поддерживать их руками. Герман вытянул вперед свои конечности, и мы приземлились, довольно, нужно отметить, мягко.

— Ну вот, как и просил, приземлились на цветном куполе.

— А белый? — спросил я.

— А белый — это запаска, — засмеялся инструктор.

Гера отстегнул меня, а стоящий уже рядом Антон снова направил объектив камеры на мою довольную физиономию.

— Как ощущения?

— Круто. Это было круто, — засиял, как уличный фонарь, я.

— Ну, вот ты и сделал это.

— Да.

— Будешь кому-нибудь передавать приветы?

— Да, Валера, видишь, я сделал это? А ты сомневался. Всем привет, — закричал я и потерял сознание.

Ненадолго, всего на пару секунд. Но этого хватило, чтобы Антон с Герой едва в штаны не наложили. Очнулся я быстро, почти сразу же. Гера склонился надо мной и, приподняв, держал за голову.

— Все нормально? — спросил он.

— Все отлично, — ответил я и снова закрыл глаза.

Антон похлопал меня по щекам. Уже начали сбегаться люди. Во рту был неприятный привкус. Нужно собрать последние силы в кулак и встать.

— Говорю же, все путем, — я встал.

Меня шатнуло, но все же устоял на ногах.

— Точно?

— Да.

- Еще бледнее стал.
- Пройдет, — махнул рукой я и растянул на лице широкую улыбку, демонстрируя, что в норме и поводов для беспокойства нет. — Могу даже лезгинку станцевать.
- Не надо. Как тебя до прыжков допустили?
- Так же, как и всех.
- Да уж, — покачал головой Гера.
- Спасибо, — пожал я ему руку, — это было правда потрясающе и незабываемо, ты настоящий профессионал. И ты, Антоха, тоже.
- Антон запечатлел, как я жму руку Герману.
- Точно, ты в порядке? — уточнил он.
- Точно.

Бежавшие к нам люди наконец-то добрались до нас, но Гера уверил всех, что волноваться не из-за чего.

Приземлившись, девушка из второго тандема стала визжать и прыгать от восторга, и все сразу переключились на нее. А я помог Гере и Антону собрать парашюты. После чего мы пошли обратно к аэродрому. Идти, правда, было непросто, меня пошатывало, словно я только что сошел с корабля или выпил бутылку водки. Зато больше не тошнило, и в голове наступила невероятная ясность. Я шел и смотрел не под ноги, а на небо. Всего несколько минут назад я был в его объятиях, а теперь снова приходится топтать эту пыльную землю. А если бы я послушался врача, то ничего этого никогда не испытал и был бы полным идиотом.

На аэродроме какой-то усатый дядька вручил нам с девушкой (ее, оказалось, звали Галина) сертификаты о том, что мы совершили прыжок. Галина снова начала кричать и прыгать, как пятилетняя девочка, даже на инструктора своего запрыгнула, стала говорить, что обязательно вернется, только денег накопит. Надо было видеть испуганное лицо инструктора. Он, когда из самолета прыгает, так не боится. Вот ее я бы точно отцепил в полете.

Усач пожал мне руку, передал сертификат и удалился. Антон заснял и этот торжественный момент. После чего попросил подождать с полчаса, пока он смонтирует видео и сбросит фотки. А мы пошли с Герой, чтобы я переоделся.

- Классная у вас работа, — искренне восхитился я.
- Самая лучшая, — закивал Гера. — Давление?
- Какое давление? — не понял я.
- У тебя давление повышенное?
- А, это? Ну типа того.
- Типа того, — передразнил Гера, — написано же: с давлением прыгать нельзя. Хотя я тебя понимаю, — печально вздохнул он, — я бы сам прыгнул, даже если давление.

— На стенку повешу, — зачем-то сказал я, продолжая вертеть в руках сертификат.

Гера похлопал меня по плечу.

А через полчаса я уже трясся в автобусе, вспоминая подробности моего небольшого приключения. Все-таки не прогнул ты меня, злобный рак, вот тебе, вот. И вот так еще. Буду бороться до последнего.

Позвонил Валера. Прямо как чувствовал.

- Живой?
- Ты каждый раз меня так будешь спрашивать?
- Наверное.
- Устанешь спрашивать.
- Судя по тому, что отвечаешь, живой.
- Правильное умозаключение.

- Ну, что, как?
- Обалденно.
- Прямо вау?
- Прямо вау. Мне видео записали. Так что посмотришь.
- Ага. Запасусь попкорном.
- Кстати, это мысль.
- Какая?
- Попкорн хочу.
- Какой, на фиг, попкорн? У тебя диета.
- Не нуди, а, — и отключился.

Реально, эта забота меня доконает.

Я включил плеер, уставился в окно и оставшуюся дорогу слушал Тома Йорка. «Я слизняк, я чудило...» Хорошая все-таки песня. Надо было попросить Антона, чтобы в видео ее вставил. Хотя можно и самому, только надо знать, в какой программе.

Дома первым делом я зачеркнул пункт «прыгнуть с парашютом». И сделал это с невероятным облегчением. По телу разлилось приятное, расслабляющее тепло, как будто залез в джакузи и валялся там около часа или даже больше. Да, джакузи бы точно не помешало. А кто-то может в любой момент позволить себе в нем поваляться. Но все же это не главное. Главное — вот так ставить цели и добиваться их. Это самое классное, что только можно было придумать.

И сразу же захотелось написать другую цель, и не одну. Я решил, что впредь так и буду: выполнять что-то одно, а вписывать вместо него не один, а два пункта. Так сказать, про запас.

Итак, первое, что пришло в голову: полетать на воздушном шаре; полетать на вертолете.

Какая-то летная тема получилась. Тут от прыжка еще не отошел, а уже снова в воздух потянуло. С другой стороны, лучше сразу закрыть эту тему, пока есть силы и желание. А желания полно. Я даже нарисовал, как прыгаю с парашюта. Ну, как прыгаю, понятно, что прыгал не я, а Гера, но сертификат-то — вот он, так что чисто технически прыжок совершен. Геру я не стал рисовать, а сертификат приклеил рядом. Присмотрелся, смотрится неплохо, как будто здесь всегда и висел.

Какая-то наскальная живопись получается. Так она, собственно, и зародилась. Убил охотник бизона, нарисовал, что убил бизона, приукрасил немного, мышц себе добавил, животное покрупнее изобразил, а потом все увидели и поняли, что он убил бизона. Ну или началась гроза. Он в пещере сидит, не высовывается. Страшно: гром гремит, молнии сверкают. Он представил, что там старик какой-нибудь злобный на небе сидит, вроде Зевса, и молниями во всех швыряет. Нарисовал старика, другие увидели, говорят: «Так вот ты какой, северный олень». Понятно, что не олень. Так, просто фраза вспомнилась.

Вдруг сердце стало резко биться, давление в висках повысилось, их словно сжали тисками, ну или кто-то очень сильный, вроде Александра Невского, перепутав с арбузом, решил проверить на спелость, приговаривая: «Вот так вот, вот так вот, вот так вот». В глазах помутнело, и я снова вырубился.

Нет, это определенно невесело и начинает напрягать. Придя в себя, я выпил обезболивающее, я включил душ, я долго стоял под холодными струями прямо в одежде, я переоделся, я заварил кофе, я досмотрел «Во все тяжкие».

Потом взял себя в руки, открыл яндекс (он нравится мне гораздо больше гугла) и вбил в поисковой строке «полетать на воздушном шаре». Снова вылезло невероятное количество сайтов. На чтение этого я мог бы потратить целый вечер, точнее сказать, ночь, так как было уже за полночь, поэтому решил посмотреть одно видео

и пролистать прейскурант. Если лететь в группе, то пять тысяч с человека. Нормально, не особо дорого. Шестьдесят минут удовольствия. Около тридцати километров. Высота тысяча метров. Не четыре тысячи метров, конечно, но зато все видно и дышать можно. Надо брать. Есть возможность полететь и одному или вдвоем. Это уже двадцать пять тысяч рубликов. Дороговато. Да и с кем лететь? С мамой? Или с Валерой?

Представляю картину: приходим мы с Валерой и говорим:

— Здравствуйте, это же вы всех на воздушных шарах катаете?

А они сидят в офисе, уткнувшись в экранчики телефонов, отрываются от них:

— Ну да, мы катаем.

— Отлично. А нас покатаете?

— Вдвоем? — удивятся они.

— Ну да, вдвоем. А что тут такого?

— Да ничего, просто у нас можно покататься в группе с другими людьми, это намного дешевле. Или вы мизантропы?

— Кто мы? — спросит Валера.

— Мизантропы. Те, кто людей не любит.

— Их, конечно, не за что любить, но мы не мизантропы, — отвечу я, — и денег жалковато, не без этого, но это же полет на воздушном шаре, это есть в моем списке. И я хочу получить незабываемые ощущения, а зачем мне их разделять с неизвестными мне людьми, которых я потом даже не увижу никогда и не скажу: «А помните, мы на воздушном шаре катались?», а они: «Помним, конечно», и я такой: «Это было круто». И они согласятся. Потому что это, правда, должно быть круто. Это же должно быть круто?

— Безусловно. А у него тоже есть в списке?

— Я Валера, — обиженно скажет Валера. — Нет у меня списка. Мы просто друзья.

И мы полетим с Валерой, а эти гады даже скидку нам не сделают.

Нет, с Валерой я точно не полечу. Это и правда дорого и глупо.

А видео меня не сильно впечатлило. Нет, красиво, я бы даже сказал, романтично, но после прыжка с парашютом кажется детским садом. Легонькая прогулка, не больше.

И я решил пересмотреть видео прыжка. Музыкачку Антон выбрал, конечно, не Тома Йорка, но ничего такую. Вполне динамичную. Не знаю, кто исполняет. И картинка хорошая.

Вот он я, реально бледный, слушаю внимательно наставления Геры, машу руками. Черт, да я сам себя не допустил бы к прыжку. Но нет, идем дружно к самолету, заходим, садимся. Вот наши пилоты. Улыбнулись в камеру, вот мы взлетаем. Вот я стал еще бледнее, видимо, как раз начал думать, что смогу не перенести прыжок. Вот Гера хлопает себя по колену, предлагая мне сесть. Вот они меня уломали, я сажусь и поглядываю на Геру. Еще немного облаков через иллюминатор. Вот открыли дверь. Одиночники двинулись к обреза. А вот и мы с Герой. Я туплю, он кладет мою голову себе на плечи и гладит ее. Жесть, он гладит мою голову, как голову какого-нибудь ребенка. Это так унижительно. И вот мы уже в воздухе, кувырок, видно, что я не успел понять, что к чему, Гера хлопает меня по плечам, я расправляю руки, я радуюсь, машу в камеру и так далее. Но это уже не выглядит прикольным. Он погладил меня по голове. Кто его просил? Зачем он это сделал? Как будто я испугался и захныкал, как трехлетний малыш, а он решил меня успокоить. Ну да, поволновался немножко. Но не до такой же степени. И сразу стало понятно, насколько мы беспомощны. Надо было прыгать самому с восьмисот метров, наверное. Но теперь меня туда и на пушечный выстрел не подпустят. С этой мыслью я сжался в клубок, как котенок, и заснул. Видео осталось не просмотренным до конца.

Утром снова тошнило. Только вышел из ванны, как открылась дверь, и в комнату вошла мать. Вся растрепанная, юбка мягая, лицо перекошенное.

- Ты дома?
- Как видишь. Привет.
- Здравствуй, сынок. Болит?
- Ну, так, терпимо.
- Что не звонишь?
- Сегодня как раз собирался, — соврал я.

Она поняла, что обманываю, но сделала вид, что поверила.

- Дай хоть поцелую.

Мать сделала шаг, и ее качнуло. Сначала в одну сторону, затем в другую. Дойдя до меня, она схватила мою голову, словно боялась, что поведет еще сильнее, и прижалась своими сухими, обветренными губами к моей щеке. В нос ударил резкий запах перегара. Тройной одеколон, что ли, пила?

- Ты пьяная, — скривился я.
- Ну да, выпила. Да, я выпила немного, а ты уже и нос воротить.
- Немного? Да от тебя несет за километр. Такое ощущение, что на тебя цистерну спирта обронили.
- Да, я выпила, — повторила мать, — а что мне еще делать? Совсем отделился, сам болеешь, а сам даже не звонишь.

- Что делать?

- Да, что прикажешь мне делать? Ваше величество.

- Какое ваше величество? Мам, не устраивай балаган.

— Балаган я устраиваю. Да, устраиваю. Я не знаю, что мне делать. Как мне быть вообще? Как это пережить?

- Для начала не пить. Я же вот не пью.

- Мне плохо, Илюша.

- Мне, что ли, хорошо?

Она промолчала и начала рыдать.

Опять эти слезы. Ненавижу.

— Ну, хватит, мам. Тебе надо выспаться. Я понимаю, тебе тяжело, всем непросто. Но это жизнь. Я лечусь, стараюсь по крайней мере. И постараюсь выздороветь.

- Правда?

- Да. Ты, пожалуйста, тоже постарайся не пить больше. Я тебя прошу, хорошо?

Она промолчала, но с нежностью посмотрела на меня, погладила по щеке и вздохнула:

- Ты такой хороший...

Хороший, конечно. Меня просто напрягало ее присутствие. Своими слезами, своими всхлипываниями она давила на мозг и хоронила меня раньше времени. А мне совсем не хотелось думать о смерти. Мысли о воздушном шаре намного привлекательнее.

- Я не хочу тебя терять.

- Но я же тут, рядом.

- Это же не навсегда.

- Мам, ничего не бывает навсегда, даже солнце когда-нибудь остынет.

- А, — она махнула рукой и снова залилась слезами.

Надо срочно это прекращать.

- Мам, ну хватит. Все нормально. Мне не больно. А вот тебе срочно надо поспать.

Ты едва стоишь на ногах. Давай я вызову такси.

- Какое еще такси? Ты что, миллионер?

- Нет, но сто рублей найду.

- А у тебя нельзя поспать?
- Нет. Я шас уйду.
- Куда это?
- К доктору.
- Я с тобой.
- Какое с тобой? Чтобы он подумал, что у меня мать алкоголичка?
- Я посмотрела бы на него, если бы у него сын умирал.

И дальше в таком же роде.

Вот что за люди? И так невесело, так надо еще и проблем добавить. В итоге я все же вызвал такси, еще раз попросил больше не пить и отправил домой. А она удивляется, почему я не звоню. Настроение испортилось на весь день.

Позвонил Валере:

- Валера, нужны деньги.
- Ты не обнаглел?

Товарищ едва не поперхнулся.

- Нет.
- Что на этот раз? — спросил он не сразу, слышно было, как он успокаивал дыхание.
- Воздушный шар.
- Чего?
- Воздушный шар. Большой такой, — зачем-то очень глупо разъяснил я.
- Ничего умнее не мог придумать?
- А чем тебе шары не угодили?
- Катался я. Ничего особенного, — сказал Валера почему-то высоким голосом.
- Когда ты катался?
- Какая разница?
- Никакая. Я-то не катался.
- Вот и нечего. Деньги на ветер.

— Я сам решу на ветер или на что. Даже если не понравится, лучше я сделаю это, чем не сделаю и буду жалеть, что даже не понравится.

— Так говоришь, будто мотивирующих книг начитался. Наслаждайтесь каждым моментом жизни, не говорите нет, не откладываете на завтра то, что можете сделать сегодня, побудьте с близкими, скажите, как вы их любите.

- Спасибо. Только что побыл. Хватит с меня.
- Мама заходила, что ли? — сочувственно спросил товарищ.
- Да.

— Она звонила мне. Жаловалась, что ты не звонишь, не ходишь, — вздохнул он.

— Она бухать начала, — я посмотрел на пустые бутылки, валявшиеся на полу, надо бы вынести, да и вообще не мешало бы прибраться.

— Ну, надо думать.

— Лучше б Богу молилась. Больше пользы, — взгляд перенесся в угол комнаты. Рядом с паутиной там висела небольшая иконка Иисуса с терновым венком на голове. Рука невольно поднялась и перекрестилась. Раньше я как-то не обращал на нее внимания, да и попросту забыл о ее существовании.

- Угу, — согласился Валера и замолчал.
- Ну так что, когда ждать денег?
- Не дам я тебе денег.
- Жадюга, — я даже руки сжал от отчаяния.
- Тебе на лекарства дали.
- Раз двести повтори. А то мало слышал.
- И повторю. Ты как маленький.

- Ты слишком большой.
- Да, и мне надо работать, — мне показалось, что он даже ногой топнул по полу.
- А мне надо всего четыре тысячи.
- И у тебя останется только три.
- Ну, и нормально. Может, еще подбросят потом.
- И тебе не стыдно, что за твои развлечения должны платить другие?
- Нет.
- Тогда что мелочиться? Четыре тысячи. Ограбь банк, у тебя будет гораздо больше.
- А это мысль, вон как раз инкассаторы к банкомату подъезжают, окна, кстати, тоже не мешало бы помыть. Мутные какие-то. От этого и в комнате темнее.
- Удачи, — сказал Валера и повесил трубку.

Понятно, что никого грабить я не буду. Хватит мне и «Ашана». Но деньги надо как-то заработать. В школе учили, что честность всегда подкупает. Но где они, эти учителя? Многого добились честным трудом? Или так и обучают разных балбесов, приговаривая, что такого ужасного класса у них еще не было. Скорее всего, второе.

Была не была, напишу в группе: ребята, спасибо и все такое, но я, скотина такая, на шаре воздушном захотел покататься, а денег нема. Я, конечно, понимаю, что кризис и никто не обязан, но я, как-никак, умираю, хотя и всячески стараюсь продлить свое пребывание на нашей прекрасной планете. И вообще, я уже прыгнул с парашютом, а на минуточку, на такое ох как немного человек решается, так что не скупитесь, помогите кто чем сможет. Вот номер карты. Кидайте, не стесняйтесь.

Взял и написал. И видео с прыжком выложил. Как Гера меня перед полетом по голове гладит. Пусть смотрят, пусть гордятся мною. Я бы на них посмотрел, как они в таком состоянии забоялись.

Выложил и пошел варить кашку. Овсяную. Пока варил, выглянул в окно. Инкассаторы продолжали кружиться у банкомата. Что-то у них явно не клеилось. Один из них — тот, что пониже и поплечистее, — стоял чуть в сторонке, переминался с ноги на ногу и держал мешочек с деньгами, второй — повыше и поуже соответственно — ковырялся внутри банкомата, за что-то с силой дергал и утирал пот со лба. Наконец, не выдержав, тот, что пониже и поплечистее, отодвинул в сторону второго, отдал ему мешок и стал дергать сам. Второй смотрел на него и тоже начал переминаться с ноги на ногу.

Вот так подойти сзади, выхватить мешок и бежать. А лучше оглушить чем-то обоим быстро и можно даже машину угнать, там наверняка денег побольше. Но что это за мысли? Нет-нет-нет. Никакого ограбления. Я, как и Остап Бендер, чту Уголовный кодекс.

- Решил проверить группу. А там уже появились первые комментарии:
- «Реально прыгнул? Во даешь...»
 - «Я не верю, тупо фотошоп»
 - «Как можно было с раком допустить до прыжка? Там совсем, что ли, отороженные люди работают?»
 - «Так заботливо погладил перед прыжком».
 - Заметил кто-то. Наблюдательные...
 - «Вот ты отороженный. Совсем с головой не дружишь».
 - «Похоже на разводку. Отписываюсь».
 - «Отписываюсь за компанию. Я думала, ты правда болеешь».
 - «Молоток. Кидаю пять соток на шарик»
 - И тут раз — и смс: «зачислено 500 рублей».

Волгоградские товарищи не забывают. Красавчик, Андрюха, спасибо. Вспомнил, как мы сидели на набережной, опустив ноги в Волгу, болтали ими и квасили какую-то

бормотуху похлеще коктейлей Венички Ерофеева и запивали пивом. У него еще откололся зуб, когда он пытался открыть бутылку зубами.

Я так и ответил.

«Да не за что, — ответил Андрюха, — выкладывай еще видео».

Легко, только соберу сначала три пятьсот.

Каша, конечно, остыла. Я еще и дул на нее. Подносил ложку, дул и клал ложку обратно в тарелку.

А число комментариев неминуемо росло:

«Всегда подозревала, что у тебя с мозгами ненормально».

«Я тоже прыгала, прошлым летом. Тоже с Герой. Он классный, скажи?»

«Да, нормальный парень», — ответил я.

Пришла еще одна смс: «Зачислено 300 рублей. Счастливого полета!».

Неплохо. Итого восемьсот рублей. Хотя прошло не больше десяти минут. Раковый бонус действует.

А уж потрещать люди любят, медом не корми.

«Парашют, воздушный шар, что дальше?»

«Мне бы до воздушного шара дотерпеть 3200 осталось».

«Понял».

Смс: «Зачислено 200 рублей».

«Спасибо».

Курочка по зернышку клюет.

«И не забоялся?»

«Нет».

«А я бы ни за что на свете не решилась».

Кто это вообще? Какая-то Катя Федоскина с аниме на аватарке. Откуда она здесь и зачем? Не решилась бы и не решилась, мне-то что. Но она не успокаивалась:

«Я и на самолете боюсь летать».

«Ну и зря».

«Все равно страшно. Как покажут, что очередной самолет упал, меня аж в дрожь бросает. 4000 метров — даже представить не могу».

«Зато какие эмоции».

Я напечатал чуть ли не целую страницу о том, как это необыкновенно, сколько адреналина получаешь, начинаешь смотреть на мир другими глазами и, вообще, в жизни надо все пробовать, иначе зачем мы вообще здесь, но потом я вспомнил Валеру с этим его «как в мотивирующих книгах» и не стал ничего отправлять. Кто я, чтобы поучать. Не Ганди же. Боишься — не прыгай.

Зато эсэмэски начали приходить одна за одной. В это даже трудно было поверить. Удивительно, насколько отзывчивыми могут быть люди. Через двадцать минут на карте было уже больше пяти тысяч, а еще через полчаса — все пятнадцать. Не нужно никого грабить. Все добровольно расстаются с денежками. Надо только грамотно попросить.

Вовка написал:

«А фотки есть? У меня инет слабый, не грузит видео».

Вовка. Сто лет с ним не виделась. Как он, так же бухает, закусывая огурцами? Наверняка, как и все, женился, стал отцом, отрастил себе пузо, ездит на «ларгусе» или на «калине», расплачивается за кредит, матерится, что денег постоянно не хватает, и какой тут, к чертям, второй ребенок, когда одного-то не в силах поднять. Хотя за второго дадут материнский капитал, а значит, можно будет начать потихоньку строиться, глядишь, лет через семь и переехать сможет. Сын к тому времени подрастет, останется только посадить дерево, и жизнь, можно сказать, состоялась. Вот только сейчас надо

на всем по максимуму экономить. Поэтому даже инет должен быть плохой, но дешевый, самый дешевый из всех возможных интернетов на свете.

«Вован, для тебя что угодно». И выложил. Почти сразу добавилось лайков. Значит, не зря прыгал, так и надо. Кто-то даже репост сделал. Кто-то предложил завести страничку в инстаграм. Хорошее предложение. Почему нет?

И вот я уже подробно ищу информацию о том, как зарегистрироваться в инстаграм. Скачиваю приложение, завожу аккаунт «раку по попке», добавляю фотки с Пирогово, кидаю ссылку в группе, проверяю. Тут же десять подписчиков. Двадцать первый век. И снова комментарии, лайки, слова поддержки.

Каша так и осталась нетронутой. Застыла, превратилась в настоящее месиво из грязи и известки. Такую есть — себя не уважать. А я не буду. Зачем? Теперь можно позволить себе пиццу, и не одну.

— «Додо пицца», здравствуйте!

— Здравсьте, мне, пожалуйста, ассорти, самую большую и самую вкусную. Только самую-самую.

Девушка засмеялась:

— Обязательно.

— Покрошите туда всего и побольше-побольше.

— Мы всегда так и делаем. Адрес назовите.

Я назвал.

— В течение часа же?

— Да.

— Только, вы, пожалуйста, поторопите их, а то очень кушать хочется.

— Непременно.

— А вас как зовут?

— Светлана, а что?

— Светлана, я очень на вас надеюсь. Я очень, просто очень голодный.

— Я не я буду, — снова засмеялась Светлана, — глазом моргнуть не успеете, как уже будете есть нашу пиццу.

Я моргнул.

— Моргнул. Даже два раза.

Девушка снова засмеялась:

— Ждите звонка, — и повесила трубку.

Пицца — это классно. Тут же настроение поднялось. Самочувствие улучшилось. И вообще — жить здорово.

Комменты читать не стал. Их прибавилось, но надоело. Пришла очередная смс. Кто-то целых две тысячи прислал. Вот спасибо. Приятно. Я уже больше, чем оператор квестов за месяц зарабатывает, получил. И вот теперь можно и «Сола» посмотреть.

Включил сериал. Потом принесли пиццу. Она, должен отметить, была горячая и вкусная. Пахла мясом, колбасою, грибами и помидорами. Тесто нежное, сыр тянущийся, оливки мягкие. Что может быть лучше? Вот молодцы итальянцы, казалось бы, ничего особенного, порезали все, что было в холодильнике, уложили на слой теста, засунули в духовку, и вуаля, готовить-то нечего, а какая вкуснота получилась. Ароматная, сочная, красочная. После еды по телу разнеслось расслабляющее тепло. Стало так хорошо-хорошо, но ненадолго: не успев перевариться, пицца полезла обратно. Потом меня бросило в пот. Участилось сердцебиение. Япил таблетки. Затем уснул. Снились герои мультика «Простоквашино» на концерте «Ленинграда». Проснулся, связался с аэроклубом «Купола», договорился насчет полета в группе. Начал ждать неделю.

Сдавал анализы. Виделся с Валерой и Ингой, они начали выговаривать, что не очень хорошо просить деньги на свои сомнительные желания, а я их угостил пеканбонами.

Потом зашел к матери, отобрал у нее две бутылки портвейна, уложил спать, читал ей Чапека, ждал, пока она уснет,

Затем общался с блогершей, та предложила полететь со мною и сделать репортаж, но я отказался, во-первых, зачем мне это, буду отвлекаться, думать о том, как себя вести, и получу гораздо меньше удовольствия от полета, а во-вторых, я и сам могу сделать репортаж, зачем мне какая-то блогерша?

В довесок к инстаграму, в котором уже набралось девятьсот двадцать четыре подписчика, завел еще и блог.

Вслушал обвинения, точнее, прочитал о том, что я самый обыкновенный мошенник и тупо развожу людей на деньги. Не стал им отвечать, просто сделал пару фоток страничек из медицинской карточки, шелкнул снимок желудка и выложил в сеть.

И вот наконец наступил день воздушного шара. Он выдался вполне солнечным. Лучи разлетелись по всему городу, как армия назойливых мошек, и так же настырно одолевали велосипедистов, прохожих, бродячих собак, дома, крыши, окна. Они скакали по зеркальным стеклам офисных небоскребов, рождая сотни солнечных зайчиков, но абсолютно никому не было до них дела. Люди спешили, люди хмурились, смотрели только под ноги. А я вот радовался. Не все ж грустить да сгибаться пополам от боли.

Лететь договорились в половине девятого вечера, чтобы в небе полюбоваться закатом. Одна группа встречала рассвет, а нам досталось более романтическое время. Может, еще свечи будем жечь? Хотя там и так огонь горит. Почти что летающая корзина с камином. Романтика...

Нас было пятеро. Я и четыре подростка, лет пятнадцати-шестнадцати. Пилот Леонид, невысокий и довольно шустрый мужичок, на вид около сорока лет, с узким носом, большими ушами и недельной щетиной, и его помощник, он же фотограф Богдан, похожий на него как две капли воды, только немного выше, полнее и младше, с бородкой чуть подлиннее и ушами чуть покороче (видимо, брат), настороженно посмотрели на группу молчаливых ребят, переглянулись и стали рассказывать, что нас ожидает. Второй помощник, двухметровый усач Валентин, как-то странно улыбался и хихикал, он ничего не рассказывал. Тинейджеры, напоминающие персонажей аниме, слушали крайне внимательно. Было непривычно видеть сосредоточенных подростков, не пялящихся в телефоны.

— Ты за старшего? — спросил Леонид в конце инструктажа.

— Я сам по себе.

— Он не с нами, — подтвердил хриловатым, не до конца сломавшимся голосом самый задумчивый паренек с царапиной на подбородке.

Леонид с Богданом снова переглянулись, а Валентин захихикал.

— И только кошка гуляет сама по себе и лишь по весне с котом, — пропел Богдан.

— Ладно, время не ждет. Ну-ка, молодежь, помогайте, — скомандовал Леонид.

И мы дружно выгрузили корзину из машины, затем держали шар, пока наши капитаны его надували. Все это время подростки молчали, как черепахи. Ладно, парни, допустим, они хотели казаться брутальными, но девчонка-то, неужели она не испытывала никаких эмоций? У меня лично все клокотало внутри, я встал у самой дыры посередине шара, и мощным потоком воздуха меня едва не сдуло с места. Я громко закричал от удовольствия, позируя Богдану. А эти даже не улыбнулись. Зачем тогда лететь? Или их насильно сюда отравили?

Девчонка стояла в сторонке, ковыряла ботинком землю. Богдан смотрел на нее не отрываясь. Влюбился, что ли? Почувствовав его взгляд, девчонка подняла голову,

затем подошла к нам, подставила руку, подержала немного, но паренек, тот, что был самым задумчивым, опустил ее руку.

Я не выдержал:

— Молодежь, вы чего такие хмурые, как на похоронах прям?

Девчонка вздрогнула, но никто ничего не ответил.

Вот ведь странные личности. Аутисты какие-то.

Через пару минут мы уже забирались в корзину, слушая в очередной раз указания Леонида, что держаться можно только за петли и за баллоны. Сказано — сделано. Все схватились за петли, и мы взлетели. Валентин же завел мотор и поехал, стараясь не упустить нас из виду.

Это круто. Еще один пункт можно скоро будет вычеркнуть. Я вынул телефон, тоже решил пощелкать. На парашюте такой возможности не было. Виды, конечно, шикарные. Деревья, поля, дома, машины, реки, люди, дороги — все уменьшалось с каждой минутой, пока не стало таким крошечным, что стало казаться кукольным, словно мы были в парке Диснейленд. В самолете видно через иллюминатор, но он слишком быстро набирает высоту. Тут же мы плавно, будто в лифте, взлетали все выше и выше, и ничто не ограничивало обзор. Я снова закричал, а подростки взялись за руки. Прямо секта какая-то. Вадим сфотографировал их, они даже не обратили внимания.

Вообще, летая на воздушном шаре, можно: качаться в корзине, задевшей верхушки деревьев, собирать еловые шишки или гладить ели и сосны, скользить над озерами и реками и щелкать макушки болотной травы, пугать лягушек, пугать собак, пугать прохожих, махать им и кричать сверху, кричать небу, кричать земле, во все горло распевать «Трава у дома», плясать внутри купола, греться от пылающего огня, как от камина, дышать облаками; любоваться закатом, наслушаться баек и анекдотов пилота и его помощника, а также историю самого первого полета, строить грандиозные планы захвата планеты или хотя бы одного материка, вцепиться в борта при посадке и орать, как футбольные фанаты, и, наконец, быть посвященным в графский титул по особому обряду, с шампанским и землей или пучками сорванной травы.

Вариантов много, но ничего из данного списка не произошло. Вернее, не успело произойти. Как только мы поднялись более или менее высоко, подростки разом попытались выпрыгнуть из корзины.

К счастью, Леонид с Богданом оказались к этому готовы. Пока я соображал, что происходит, они уже схватили ребят и крепко держали их за руки.

— Пустите, — кричал паренек с царапиной на подбородке, — пустите, мы все равно прыгнем.

— Вы что, сдурели? — не меньше него расплылся Богдан. Его лицо раздулось от напряжения и стало похоже на гигантскую вишню с хипстерской бородкой.

— А ну помоги, — скомандовал пилот.

Я крепко сжал руки девчонки, так, что даже запульсировало в висках. Она, разумеется, не стояла на месте: брыкалась, толкалась, пыталась меня укусить, даже плюнула, но я увернулся.

— Быстро успокойтесь, а не то ноги всем поотрываю, — взревел Леонид.

Неожиданно, но это подействовало. На какое-то время они и правда замолчали и перестали сопротивляться.

Пилот тут же начал экстренное снижение. Он связался по рации с Валентином и описал ориентировочное место приземления. Мы же с Богданом сцепили руки, словно обнимали огромный баобаб, и старались не выпустить подростков из образовавшегося кольца.

Шар же стремительно опускался, и когда до земли осталось не более двадцати метров, подростки окончательно приуныли.

— Вы сделали только хуже, — печально вздохнул паренек с царапиной на подбородке. На земле они окончательно сдулись, как и наш шар, и начали реветь почище младенцев.

— Вы не понимаете, — трясаясь от слез, говорила девчужка (ее, кстати, звали Луиза), — они страшные люди, очень страшные. Они никого не жалеют.

— Никого, — подтвердили остальные.

— Если они узнают, что я провалила задание, они покалечат маму.

— Что за бред? — не поверил я.

Но Луиза так вцепилась в мою руку, что та побелела, как потолок после покраски.

— Вы не знаете, они очень могущественные люди, они ни перед чем не остановятся.

— Так уж ни перед чем? — усомнился Леонид.

Он держал в руках термос и наливал чай, Богдан с Валентином раздавали кружки.

Хорошенько этим ребятам, однако, промыли мозги. Я дико взбесился. Голова закружилась так, словно я три часа не слезал с карусели, тошнота подступила к груди.

— Не надо при мне говорить про боль и страдания. Ясно?

— Почему?

— По кочану.... Потому что у меня рак.

— Что?

Люди любят задавать глупые вопросы, когда слышат что-то неожиданное. Серьезно? Какой рак? Как будто бывает много раков.

— Я же вроде четко произнес: «У меня рак».

— Seriously? — еще сильнее заволновался Леонид.

Я кивнул.

— Ну и денек, — пилот устало переглянулся с помощником, — за что нам все это?

Я пожал плечами. Что еще я мог ответить?

— Вы даже не знаете, как вам повезло, — переключился уже на подростков я и стал их отчитывать, как директор школы хулиганов, порвавших библиотечные книги или пронесших на дискотеку бутылку дешевой водки, — вы молодые, у вас вся жизнь впереди, а жизнь — это самое ценное и прекрасное, что есть на свете. Ее ценить надо, ею надо дорожить, я, как и вы, не ценил, и вот... Вы даже не понимаете, как трудно осознавать, что у меня осталось всего двести, максимум двести пятьдесят дней, и далеко не все из них будут такими... такими приятными, как этот, потому что ничего приятного в походах в больницу, в таблетках, в постоянной сдаче анализов, в непрекращающихся болях нет. Но даже один такой приятный день, когда осуществляются твои желания, когда можно не думать о боли и о том, что ты умираешь, даже один такой день ценнее остальных ужасных двухсот или чуть больше дней. И ради него только и стоит бороться и не опускать руки. А вы сами решили лишиться себя всего этого, — и провел этими самыми руками по кругу, демонстрируя «все это», — ну разве не придурки?

Я обвел всех взглядом, словно лектор после удачного спича, ищущий в глазах слушателей подтверждения тому, насколько он способен воодушевлять других.

— Что будем делать? — спросил Валентин.

— Звонить в полицию, — ответил Леонид.

— Не надо полицию, — заверещали подростки.

— Может, правда не надо, — поддержал их Богдан, — а то еще прикроют нас...

— Надо, Дая, надо, — сказал Леонид и вытащил из кармана телефон.

Тинейджеры еще сильнее испугались и начали умолять никому не звонить и ничего не рассказывать, уверяли, что они все осознали и больше такого не повторится. А дальше я помню очень смутно, так как неожиданно у меня помутнело в глазах, резкая и дикая боль пронзила все тело, я в одно мгновение повалился на землю и потерял сознание.

— Только этого нам не хватало, — услышал я слова Богдана перед тем, как совсем отрубиться.

Очнулся в машине. Уже стемнело. Подростки сидели рядом. Леонид не сводил с них глаз. Богдан шлепал меня по щекам.

— Ты в порядке? — спросил он.

Я кивнул. Во рту отвратительный вкус желчи смешался с приторным запахом ванильного ароматизатора, от чего тошнило сильнее. Голова раскалывалась от боли. Перед глазамиплыли круги. Если это можно назвать в порядке, то вполне.

Никаких полицейских не было. Но в городе нерадивых школьников ждали суровые и обеспокоенные родители. Они не стали устраивать драм посреди улицы, хотя было заметно, как сильно им хотелось. Родители сдержанно поблагодарили Леонида и его команду за бдительность, синхронно обняли своих чад и удалились. Тинейджеры с понурыми головами поплелись за ними.

— Подбросить тебя? — вежливо спросил Леонид.

— У вас и так горячий вечерок выдался. На такси доеду, — ответил я.

— Ты, это, держись, — сказал Богдан.

— Спасибо, стараюсь.

А Валентин ничего не сказал. Молча завел мотор и с ревом сорвался с места.

Дома я тут же залез в ванну, принял эти чертовы таблетки. Меня раскумарило, да так мощно, что я не услышал звонка Валеры. А он звонил тридцать четыре раза. Истеричка.

Да, не совсем то, о чем я мечтал. Но в жизни всегда так. Мы планируем одно, а выходит так, как выходит.

Утром я сперва почувствовал дикий холод. Вода-то давно остыла. Включил горячую, но не успел согреться. В дверь начали откровенно ломиться.

Валера. Кто же еще?

— Слава богу, ты живой! — выдохнул он, увидев меня.

— Конечно, живой. У меня еще двести дней в запасе.

— А фиг ли ты на звонки не отвечаешь?

— Уснул. Не слышал.

— Уснул он. Я себе места не нахожу. Думал, все... С шарами своими этими...

— Спасибо, Валера. За твой оптимизм.

— Да иди ты... Беспокоишься за него. А он острить начинает.

Ну точно мамаша. Мамаша Кураж.

— Валер, я, это, есть хочу.

— Угу, ешь. Ладно, рад, что с тобой все нормально. Поеду работать.

— Давай, удачного дня.

В дверях он развернулся и пристально посмотрел на меня.

— Илюх, завязывай ты с этими полетами. Лечиться тебе надо, понимаешь?

— Ок, как скажешь, — в третий раз соврал я и выпроводил товарища за порог.

Заканчивай с полетами. Валера как скажет. Посмотрел бы я на него в моей ситуации. Хотя нельзя так говорить. Никому нельзя желать подобного. Пусть все будут здоровы и счастливы.

Я вспомнил, что Богдан не отдал мне никаких снимков. А неплохо было бы отчитаться о своем приключении. Завел аккаунты, будь любезен, выкладывай посты, обновляй информацию. Хорошо, что хоть что-то щелкал на телефон. Даже селфи успел сделать. Его я и выложил в первую очередь. Продублировал в группе вконтакте. Потекли лайки и комменты. «И как ощущения?». «В космос не собираешься?». «Как приземлились?». «Страшно не было?» И так далее.

В этот раз комментарии мне быстро надоели. Я выложил остальные фотки и уже собирался выходить из сети, как в вк мне пришло новое сообщение от пользователя Svetochka 33245:

«Здравствуйте, Илья! Фу, как банально звучит. А как начать по-другому, не знаю. Ладно, уж пусть так будет. Кароче. Это Луиза. Сама не знаю, зачем пишу вам. Честно говоря, я три раза уже стирала, это четвертый. Нашла вас через поисковик, думала, будет сложнее. Опять я что-то не то несу. У меня всегда так. Ну, или потому, что не знаю, зачем мне это нужно. А вам тем более... Кароче. Я просто не перестаю думать про те ваши слова. Ну, помните, что надо ценить жизнь и все такое. Понятно, что ничего особенного, так все говорят, но просто у них нет такой болезни, а у вас есть. Простите, если это звучит как-то грубо или невежливо. Вам, наверное, неприятно, когда напоминают, мне бы точно было. Я помню, у меня ячмень однажды вылез, так я из дома не могла выйти. Все только на него и пялились, а это реально бесит. А у вас не ячмень, у вас вообще жуть какая-то. Я никого раньше не видела с раком, дурацкое слово какое-то. Лучше онкология. Хотя, нет, ни фига не лучше. Кароче, не суть. Опять я что-то не то несу.

Простите, не вы в смысле, а то, что у вас... сама болезнь, кароче... я не знаю, на фиг они айфоны эти придумывают, когда тут такое. Не в смысле, что айфоны — фиговая полная, а в смысле, что, как можно чем-то другим заниматься, когда надо всем объединиться и в первую очередь придумать, как побороть эту болезнь. Я тут глянула статус, так пипец, столько народа из-за него умирает. Сорри, сорри, сорри. Вам, наверное, неприятно, когда про смерть. Кароче, как-то ваще не деликатно получается... Стереть бы все, но в пятый раз я точно писать не буду. Мне кажется, я понимаю вас. Блин, родители идут. Я потом вам еще напишу. Можете ответить, а можете нет, как хотите, каро...»

Не дописала. Не успела, значит. Я перечитал. И ответил.

«Здравствуй, Луиза! Не ожидал получить от тебя сообщение. Конечно, я помню тебя. И да, согласен с тобой, что рак — это отстой, но ты вполне деликатна, и меня не корезжит от упоминания о нем. Пока что, по крайней мере. И с лекарством и айфонами согласен. Тоже не понимаю, как можно заниматься другим, когда такие серьезные проблемы не решены. Ты пиши, спрашивай, если что-то интересно. Мне тоже интересно. А по поводу моих слов ты тоже права, в них ничего особенного. Просто вы меня тогда реально выбесили». И нажал отправить.

Почитал новые комментарии. Выпил таблеточки. Послушал Тома Йорка. Вспомнил Несси. Погрустил. Почитал самые новые комментарии.

А счет пополнился еще на десять косарей. Неплохо, совсем неплохо. Некоторые месяц спины гнут за такие зарплаты. А тут стабильно падает. Более того, один парнишка написал, что у него дядька какой-то начальник в МЧС и он может взять с собой — покататься на вертолете. Отлично, еще одна цель из списка практически осуществлена. Из вертолета, надеюсь, никто выпрыгивать не станет, иначе это будет уже Хармс с его вываливающимися из окон старухами.

Я ответил: «Просто шикарно! А когда он сможет взять с собой?»

Сразу же пришло сообщение: «Да хоть сегодня. Пожары, они щас каждый день на вертолетах летают».

«Отлично! Я за».

«Ок. Подходи тогда к зоопарку. Через час можешь?»

«Могу, а почему к зоопарку?»

«Живу тут рядом. Вместе полетим».

«А как узнать тебя? На аватарках одни картинки».

«Я сам к тебе подойду. Только не возле самого зоопарка, а на Песочной, 12. К самому дому подходи, я выйду».

«Ок».

Ну вот, жизнь, можно сказать, налаживается, если бы еще не рак...

Собрался за пять минут, не на свидание же. Сел на трамвай. Народа немного. Нравится мне в трамвае кататься. Едешь себе неторопливо, на город смотришь, мысли в голове перебираешь. А думал о том, что, оказывается, несложно добиться того, чего хочется, нужно лишь правильно попросить. А люди вполне отзывчивы, не один, так другой проявит сочувствие и поможет.

Трамвай плавно повернул на перекрестке и остановился на нужной мне остановке. Уверенным шагом я направился к Песочной. У третьего подъезда стоял невысокий розовощекий парень с копной каштановых волос. Заметив меня, он замахал рукой, приветствуя и приглашая подойти.

Что-то показалось мне странным, но что, я так и не понял.

— Илья, — произнес я, протягивая ладонь для рукопожатия.

— Угу, — ответил он, — щас домой только заскочим. Телефон забыл.

— А далеко дядька?

— Да не, тут близко.

— Ладно, — сказал я, хотя подумал, что мне-то проще тут подождать, чем идти с ним в квартиру, но почему-то не решился предложить.

Мы подошли к двери, которая в то же мгновение открылась сама, и нам навстречу выскочили два типа спортивного телосложения и с чулками на головах. Они тут же схватили меня и затащили в подъезд.

Я, разумеется, ничего толком не успел сообразить. Все трое начали меня бить, а первый засунул мне шарф вместо кляпа в рот и крепко держал его сзади.

Все, что я мог, — мычать. Но парни обрушили на меня новые удары и велели заткнуться. Было не столько больно (тем более что я давно сижу на обезболивающих), сколько обидно и неожиданно. Я не понимал, что происходит, кто это, что им от меня нужно. Бить тяжелобольного человека — крайне жестоко, это настоящее зверство.

Неожиданно удары прекратились. «Тихо!» — зашипел один из них. И меня уволок под лестницу. Оказалось, что кто-то вызвал лифт, и мы пережидали, пока он, она или они спустятся.

«Вот он, мой шанс», — пронеслось у меня в голове, но парни, словно прочитав мои мысли, еще сильнее зажали мой рот и вцепились в руки и ноги.

— Только пикни, — расслышал я у себя над ухом, и вслед за этим леденящее лезвие металла уткнулось мне в шею.

Серьезные ребята. Вот встрял.

Тем временем лифт доехал до первого этажа. Каблуки женских шпилек зацокали по ступеням. Девушка. Лучше не подвергать риску. Ей рожать еще, да и вообще слабый пол. Злодеи дождались, пока дверь захлопнется, и отпустили мои конечности.

— Хватит с него, — скомандовал тот, что ждал меня на улице.

— Не понимаю, вам что надо от меня? — промычал я сквозь чьи-то пальцы.

— Чего? — не расслышали они.

Пальцы слегка разжались.

— Не понимаю, вам чего надо от меня? — повторил я.

— Не понимает он, — хмыкнул тот, что был по правую руку, по чулку у него поползла большая такая стрелка, Я попытался его разглядеть, но не смог. Зато увидел у него на тыльной стороне кисти татуировку в виде парящего орла.

— На бабки людей разводишь.

— Ничего я не развожу. У меня реально рак. И вы охренели бить больного человека. Но вместо ответа еще один крепкий удар прилетел мне ровно в солнечное сплетение. На этот раз обезболивающие не спасли. Резкая боль разнеслась по всему телу, меня даже начало лихорадить.

— У меня настоящий рак, — из последних сил пролепетал я.

— А у нас настоящий кредит, — и все трое загоготали.

— На вертолетике покататься захотел?

Я не ответил.

— Сколько ты уже собрал? Сотку? Две? Три?

— Да какую сотку? Парни, вы же видели, что я больше пятнадцати и не просил.

— Хорош заливать, — и нож еще глубже уткнулся в шею.

— Я серьезно.

— Серьезный какой, — ухмыльнулся тот, что с татуировкой.

— У меня все на карте. Пойдемте до банкомата, сами убедитесь, там тыщ двадцать, не больше.

— Сколько?

— Двадцать.

Все трое остались недовольны.

— Да гонит он, к гадалке не ходи, — у этого чулок был без затяжек.

Снова удар. За ним второй.

— Вот же мрази вы, — просипел я. Во рту пересохло.

— Ладно, сколько есть, все — наше, — заключил тот, что стоял сзади меня. Видимо, мозг и главарь банды.

Вот тебе и добрые люди.

— А я рассчитывал на седьмой айфон, — расстроился парень с целым чулком и шмыгнул носом.

— Ты и рассчитывал — плохо совместимые понятия, — огрызнулся главарь и обратился ко мне: — Пошли до банкомата. Только пикни мне, моргалы выколю.

Они что, «Джентельменов удачи» пересмотрелись?

— Понял меня?

— Понял.

— Ждите в тачке, — скомандовал он и подтолкнул меня к выходу.

Во дворе было безлюдно. Как назло. На ватных ногах я прошел несколько шагов, меня шатало.

— Туда, — бандюган поднял левую руку, указывая путь.

К счастью, банкомат оказался в соседнем доме. Как всегда, в сбере была очередь. Кризис в стране, кризис, а возле банкоматов не протолкнуться.

— Ни звука, — шепнул урод.

Я кивнул:

— Помню.

Подошла наша очередь. Были бы инкассаторы, можно было бы рискнуть. Но инкассаторы как-то учли, что нужно будет спасти меня. И не приехали.

— Ну вот. Двадцать тысяч двести семьдесят четыре. Как я и говорил, — сказал я после ряда нехитрых операций, демонстрируя баланс этому ублюдку.

— С..., — негромко выругался он, — не мог больше просить?

— Я не развожу людей. Я честно написал, сколько и для чего мне нужно.

— Снимай давай.

— Сколько?

— Все.

— Все не снимутся. Надо, чтоб кратно стам было.

— Не клепи мне мозг. Двадцать тысяч двести снимай, — он так произнес это «снимай», что получилось «сымай». Словно в какие-нибудь революционные года: «Власть меняется, сымай шаровары».

Я снял. Куда деваться? А уже через мгновение его и след простыл. Тоже мне Дэвид Копперфильд.

Я, конечно, тоже молодец. Поверил в добрых людей, как же. Накатался, Илюша? Хорошо, что правда двадцать тыр было, а не двести. Но каковы же эти прощелыги. Избить больного человека, ограбить. На седьмой айфон он рассчитывал. И ничего не сделаешь. Не обращаться же в полицию. Только показаний мне да вызовов в полицию не хватало. И вдруг острая боль как пронзит тело. В глазах потемнело. И я снова потерял сознание. Прямо в сбербанке. Черт возьми! Это уже напрягает.

Очнулся от запаха нашатыря. Передо мной врач «Скорой помощи».

— Живой?

— Как видите. Спасибо. Я в порядке.

И начал вставать, чтобы продемонстрировать.

— Куда вскочил?

— Говорю же, нормально все. Спасибо за помощь. У меня всего лишь навсего рак. Одна маленькая такая опухоль на полжелудка. Ничего страшного.

Тетка в длинной красной юбке с большими черными горошинами и голубой блузке, через которую проглядывал огромный белый бюстгальтер, испуганно вздохнула и закачала головой:

— Страсть-то какая...

— Сами вы страсть, — ответил я и ломанулся к выходу.

Прекрасно покатался на вертолетике.

Обратно ехал без мыслей. Тупо пялился в окно и слушал «Radiohead». Тело ныло. Телу было больно. Решил изучить, насколько пострадало это тело. На ребрах образовались гематомы. Черт знает, что буду доктору говорить. Лишь бы не было перелома. Потом я понял, что как-то некультурно расстегивать рубашку и разглядывать синяки. На меня и так уже пялились во все глаза. Застегнулся. Не буду никого смущать.

Дома рухнул на диван. Сил не было никаких. А ведь всего час назад было прекрасное настроение. Посмотрел на обои — не помогло. Надо закинуться еще обезболивающими, залезть в теплую ванну. В ванне приятно ничего не делать. Гематомы налились багрянцем, расползлись по груди и ребрам. Уроды! Чтоб вам карма сполна ответила за ваши зверства.

Дополз до ванны, включил воду. Она стремительно и с шумом полилась вниз. Вода успокаивает. Я вновь отрубился и увидел свет. Понятно, что банально. Но почему-то все только про него рассказывают. Ни Альберт Эйнштейн, ни цирк летающих обезьян, ни шоу Жана Мишеля Жара или третья часть «Ла-ла Лэнда». Тупо свет горит и манит за собой. Ну, хорошо, свет так свет. В конце концов, не мы выбираем картинку. Это не телевизор с тремястами подключенными каналами и качеством 4К.

Просто свет, и так хорошо, так тепло. И музыка еще словно из волшебного сказочного фильма или про космос. И я становился все легче. Неужели это все? Да как-то рано. Если только внутреннее кровоизлияние.

И вот лечу. Себя не вижу. Вижу свет и различные яркие фигурки, как в калейдоскопе. Если сменить музыку, похоже было бы на психоделический клип. Что-нибудь из «Pink Floyd» или «Yellow Submarine» «битлов». И тепло, тепло, тепло...

Оказалось, это вода. Оказалось, я залил соседей. Оказалось, я провалился больше часа. Теперь оплачивать им ремонт. Впрочем, они не настаивали, когда узнали

про рак. Но почему из-за моей болезни должны страдать другие? Сказал, что оплачу. И дело с концом.

Ванну принимать не стал. Хватило. Снова добрался до дивана. Залез в инет. Урод этот, конечно, удалил страницу. Правда, сперва написал сообщение:

«Мы столько раз пытались замутить страницу и собирать бабло, типа на лечение, но всегда обламывались, а у тебя как-то получилось. Так что не переживай, братан, намутишь себе еще».

Тоже мне братана нашел. И он так и не поверил, что я не разводил, что я по-настоящему болею. Хотя и неудивительно, такие люди никому не верят, потому что сами всех обманывают и разводят.

И еще сообщение. От Луизы. Только сейчас до меня дошло зайти на ее страницу. Но ни фото, ни какой-нибудь полезной или интересной инфы. Десять друзей, все без доступа. Стена свободная. Значит, фейковая страница. Специально создала.

«Простите, что не дописала, но пришли родители, а они запретили все телефоны, планшеты, даже фотик отобрали, он у меня типа с вай-фаем, хотя на нем инета нет.

Кароче, реальная тюрюга. Хоть вешайся. Но я у малой отжимаю телефон, пока никого нет и никто не спалит.

Пацанов вообще в лагерь какой-то психологической помощи и реабилитации отправили, жесь. Меня тоже хотели, но я кое-как отбилась. Я им такой концерт устроила, Егору Криду и Тимати со всей Black star мафией не снилось. Но телефон все равно отжали.

Кароче, я тогда не договорила, вернее, не дописала. Ну, про ваши слова. Вы же тогда еще о китах говорили, ну то, что у них пол мозга спит, и все такое. У меня такое ощущение, что у людей вообще весь мозг спит, причем всегда. Вечно ноют, что им все не так, везде одно дерьмище, а сами при этом ни фига не делают, только ноют. Ну, или животных вообще не жалеют. Столько видов на грани вымирания, а всем пофиг, они в километровые очереди за айфонами выстраиваются. Не то, чтобы я прям против айфонов, я уже говорила, просто это реально же так. Столько дерьма, которое решать и исправлять никто не хочет.

А про китов я загуглила. Да, они классные. Они петь могут. Офигеть, я почему-то сразу представила концерт китов, где-нибудь в Марианской впадине. Сверху волны, а внизу они такие сидят на креслах в бабочках, слушают. Или в каком-нибудь кремлевском дворце. Концерт кита Басты. Простите, ерунду пишу. Какие концерты? Просто они реально какие-то неземные. Большие такие, вдумчивые, независимые. Плавают, где хотят. А люди и их умудряются отлавливать и есть. Люди вообще много жрут. Не замечали? Опять отвлеклась.

Вот эти ваши желания... Так-то прикольно, но они не то, что несурзные, а какие-то простые что ли. Вот увидеть кита было бы классно. Хотите посмотреть на кита? Давайте вместе, а? Блин, опять ро...»

И снова оборвалось. Неприкольно ей. Тут я, как ребенок, радовался. А ей простые. Мажористая, что ли, девочка? И чуть не выбесила меня. С жиру детки бесятся. То за деньги одноклассников унижают, то из автомата в полицию стрелять начнут, то на папиной машине раскатывают... Куда катится мир? Зачем она мне пишет? Тоже поразвлекаться?

Написал ответ:

«Здравствуй, Луиза! Сочувствую твоему положению. Как же плохо-то. Ай-ай-ай. Тебя лишили такой радости, как телефон. Как дальше жить? Это же такая трагедия, такая трагедия... Да, я ерничаю.

Но на месте твоих родителей я бы не то что телефон или в лагерь, я бы драл тебя как сидорову козу, чтобы месяц потом сидеть не могла.

Что-то незаметно, что вас так сильно напугали, что вы готовы были пожертвовать собой ради счастья или спокойствия близких. Или это все сказки про страшных неизвестных, которые ни перед чем не остановятся?

Вот меня сегодня отметелили. Я им кричу: „У меня рак“, а им пофиг, пофиг. Ты говоришь, что люди о животных не думают. Да им вообще на всех наплевать, кроме себя, любимых. На всех абсолютно. Но делать что-то надо, это ты правильно сказала.

Вот ты пишешь, что знаешь, что такое отстой, очень интересно, что же это? Ты попадала под обстрелы в Сирии? Бежала из страны? Голодала с африканскими детьми? Что для тебя отстой?

И да, что же для тебя не мелко тогда? Чего бы ты хотела сделать?»

Отправил. Ух, как она выбесила меня. Даже пошел и купил пива.

Дети двухтысячных. Считают себя крутыми. Что крутого вы сделали?

Понятно, что сам ненамного старше. Но такое ощущение, что целая пропасть между нами. Словно в разных странах родились, в разные эпохи. Хотя, по сути, так и есть. В совершенно разных странах. Мы появились на обломках СССР, а они уже в независимой России, в мире, где дети раньше, чем говорить, учатся держать в руках планшет, где если тебя нет в соцсети, то тебя в принципе как человека не существует, в мире, где можно выложить, как ты смотришь кино или КВН, обсуждаешь его и этим собираешь многотысячную армию фолловеров. Или говоря нормальным русским языком — последователей. А какие, на фиг, могут быть последователи у человека, который сам, по сути, ничего значимого еще не сделал? Очень странный этот мир. Очень странный.

Пиво быстро кончилось. Идти за второй бутылкой было лениво.

Я зашел в группу. Выложил фотки синяков. И написал, что не все мечты сбываются, рассказал, как подло меня сегодня развели. Как вместо вертолета отхватил лешей, как лишился денег и парочку мыслей о карме, толерантности и нашем предназначении.

Тут же посыпались комментарии: куча слезливых смайлов, кто-то кинул немного денег, кто-то отозвался, обещал найти сволочей, что меня кинули. Найдет ли?

А в конце какой-то Вова Калунов написал, что у него тоже есть дядя и он пилот. Как раз вертолетом управляет, но это точно не развод. Он прислал фото дяди. Усатый такой, за штурвалом сидит, улыбается. Так вот он у него узнает, и наверняка можно будет организовать настоящий полет. Я, конечно, могу не поверить, но он искренне хочет помочь, и очень жаль, что мне попались мошенники, которых и правда дико много развелось в последнее время.

Я и правда не совсем поверил. Посмотрел страницу, хотя бы реальная. С фотографиями. Вот Вова в Турции, вот катается на сноуборде, вот на каком-то фестивале, вот в квартире с друзьями, вот в той же квартире с родственниками, среди которых и этот дядя.

Чем черт не шутит. Попытка номер два. Добавил этого Вову в друзья и написал, что согласен. Второй раз вряд ли меня будут мутузить.

Вова написал:

«Завтра я все узнаю и отпишусь».

«Отлично. Спасибо, Вова!»

«Не за что!»

«Да пошел ты!» — а это уже Луиза. Не понравилось, что отчитал. Пошел так пошел, не стал отвечать. Включил «Сола» и посмотрел три серии подряд. Как же здорово, что есть отличные сериалы. И как мне этого будет не хватать. Все же фильмы так не захватывают. Засесть за три фильма подряд тяжело, а вот полсезона или даже сезон драмеди или ситком за один день — вполне реально. Непонятно только, почему у нас не могут так писать и снимать. Чего-то пыжаты, косят под Голливуд, а на деле жалкие пародии и ничтожные потуги. Да и вообще сдулись как-то наши писатели.

Весь мир до сих пор может назвать исключительно Толстого с Достоевским или Чеховым. Где они, современные Достоевские? Где Пушкины, Лермонтовы, Бунины? Неизвестно. Обмельчали служители пера. А у них почти каждый второй фильм по книге выходит. Что ни роман, то бестселлер.

Это немного расстроило меня. Стал думать, есть ли такая книга, из-за которой было бы мучительно умирать, так как буду знать, что больше никогда ее не перечитаю? И решил, что нет. Есть крутые романы, интересные повести, сборники рассказов, но таких, чтобы жить без них не хотелось, нет. И не знаю, как это у людей получается так сильно влюбляться в книги. Интересно, а что Луиза прочла в своей жизни? Читала ли она Маркеса, Ремарка, Кизи?

И не напишешь, не спросишь. Я же «пошел ты».

Но она написала сама: «Фу, я не думала, что ты, я думала, ты нормальный... Чего орать-то? И правильно, что отметили. Давно надо было и посильней. Извини, что на ты, но уже сорвалась, а теперь глупо опять выкать, да и ты не старик, вроде».

Вся жизнь моя отстой. Да, может, я не голодала с африканскими детьми, и вообще никогда не голодала. Зато меня никто не любит. Ни один человек на этой планете. Родителям по хрену на меня. Вообще. Телефон отняли, вот и вся забота. Нафиг меня рожали вообще? Такое чувство, что они повинность какую-то исполняли. Любимый дедуля заявил, что не отдаст бизнес, пока не родят ему внуков, вот им пришлось стараться, правда, все равно не угодили. Внучку родили. Но дедуля потом быстро крякнулся, а папуля завладел корпорацией. Мебельный магнат, блин. И мамуле на меня начхать. То в Париж, то на Бали. Хэштэг Сказочное Бали... Они, по-моему, соревнуются, у кого больше любовников. А обо мне только на днюху вспоминают, купят новый айфон и радуясь, Луизочка. Еще и имячко выбрали, самое долбанутое, какое только можно было выбрать.

Не, поначалу мне даже нравилось. А потом я поняла, что никому я нахрен не нужна. И всем, абсолютно всем, по хрену на меня. Ровное место, вакуум. Отстой. А в школе пацаны преподы только из-за родителей и клеятся. Мечтают, что им тоже перепадет что. Они и меня, как столларовую купюру с ручками и ножками, видят. У всех крыша едет из-за этих бабок. Нет, конечно, неплохо, когда они есть. Можно купить, что хочешь. Вот мамуля так любовничков себе покупает, а папуля любовниц и Феррарис Мазерати. Но это же ни хрена не любовь. Нельзя все только деньгами мерить. А они мерят или меряют? Как правильно?

Ладно, неважно. Кароче. На самом деле я врала. Ни хрена они не шли. Ну, там, в постах предыдущих. Они вообще в доме раз в полгода появляются. Просто писать надоедало... Ну, и думала, что так красивее будет. А телефонов у меня этих 5. Хочешь и тебе подарю? Хотя нет, не буду я тебе ничего дарить. Чао!»

Я и не сомневался. Избалованная девчонка. С жиру бесится. Естественно, для нее мои желания мелочные. Она их за один все выполнить может. Не любят ее. Ну-ну, конечно. Да миллионы людей мечтали бы оказаться на ее месте и жили бы припеваючи.

Еще и врушка вдобавок. А вот имя и правда не лучшее. Хотя не так и сложно поменять. Странно, что она этого не сделала. Впрочем, не мои проблемы. И с какой стати меня должно беспокоить имя какой-то дрянной, избалованной девчонки? Вот именно, что ни с какой. Я стал представлять, как ей живется. Для начала дом. Это должен быть не просто дом, а настоящий дворец. Минимум трехэтажный. Из красного декоративного кирпича, с яркой зеленой крышей. Небольшие, но уютные окошки. Внизу садик, аккуратно подстриженный газон. Розы, тюльпаны, лилии, так же аккуратно подстриженные деревья: яблони, груши, абрикосы. Садовник в зеленом комбинезоне и клетчатой рубашке. Какая-нибудь небольшая пошловатая статуя: глава семейства в роли дискобола или Аполлона.

Обязательно бассейн с прозрачной, голубоватой водой. Сауна, бильярд. Огромные, просторные комнаты и обязательно много красных оттенков. Красный — богатый цвет.

А вот комната Луизы — белоснежная. Белые стены, светлый пол, белая кровать, даже покрывало такое молочное, меховое, с такими же меховыми наволочками на подушках, которые Луиза постоянно швыряет куда подальше, так как ненавидит все и всех в этом доме. И бассейн ненавидит, плавает в нем, выходит из него, вытирается пушистым полотенцем и ненавидит. Единственное неплохое для нее место — это библиотека, огромная, шикарная библиотека с десятками тысяч книг, которые, правда, никто не читает, даже Луиза, стоят, пыль собирают, но это гордость, мол, вон мы какие умные, вон сколько у нас книжек. А Луиза читает мало и со своего айфона. Вот кинозал еще — неплохое место. Экран три на пять, четыре ряда кресел, и, главное, работает в любое удобное время. Но это тоже немного радости приносит.

Как же тяжело жить, когда тебя не любят. Ай-ай-ай. Пожалейте бедного ребенка. Хотя нет, не надо быть таким злым. Она всего лишь подросток. Я-то давно эту стадию преодолел, тем более умираю. Не надо поддаваться эмоциям. Трачу нервные клетки почем зря, а они, как известно, не восстанавливаются. Выдохнул пару раз и сел писать ответ:

«Да, имечко у тебя не самое лучшее. Но это не проблема, сходи в паспортный стол да поменяй. Будешь Даздраперма или Феоктинья, как тебе больше нравится. В свободной стране живем. Можешь даже фамилию сменить. А вот то, что ты не нужна родителям, это правда отстой. Хотя у меня детство было похуже твоего. Да что там похуже? Это был полный отстой, если перевести на твой язык.

Но ты так и не ответила, что бы ты включила в свой список желаний. Хотя подозреваю, что тебе не так уж и много хочется, половину из моего списка (если не больше) ты давно уже попробовала или сделала. И да, ты не подарок, ты избалованная, высокомерная девчонка. Не знаю, говорили тебе это или нет. Подозреваю, что нет».

Отправил. Тут же пришел ответ:

«Расскажи про детство».

Вздорная девчонка. Неинтересно... Вроде неглупая. И настолько несчастная, что тянется ко всем, кто хоть как-то проявляет к ней внимание?

Заварил чаю. Некрепкого, разумеется. Сидел с чашкой в руках, вдыхал земляничный аромат. Понятно, что химия, но приятно щекочет ноздри. Не хочу ни к каким врачам. Не хочу никаких лекарств. Ну, разве что немного обезболивающих. Совсем немного. Зато быстрее все закончится.

Позвонил Валера:

- Куда пропал?
- Куда я могу пропасть?
- Вообще есть куда.

Помолчали. Валера нарушил тишину первым.

- Заходил в твою группу...
- Тогда ты все знаешь.
- Знаю.
- Можешь поглумиться.
- Да что глумиться? Просто я был прав.
- Был. Молодец ты, Валера, знаешь жизнь.
- Заехать к тебе?
- Давай только не сегодня, — и отжал трубку.

И сел писать ответ Луизе. Пальцы сами заскользили по клавиатуре, мозг едва успевал за ними, хотя должно быть наоборот. Я рассказал про детство, про отца, про эти

чертовы обои, про школу, про кулек, про Волгоград, про Валеру, Алису, Несси, о том, как узнал диагноз, — словом, про все то, что случилось со мной до сегодняшнего дня.

Пока писал, не чувствовал боли, тошноты, озноба — ничего. Вот что значит быть увлеченным чем-либо. Мне стало понятно, почему актеры на сцене играют воодушевленно и непринужденно, бегают, прыгают, чуть ли не летают, будто ничем не больны, а уйдя за кулисы, тут же валятся с ног, бледнеют и с трудом могут шевелить конечностями. Пока ты погружен во что-нибудь, пока растворяешься в этом на сто процентов, ничто на свете не может тебе помешать.

Когда поставил финальную точку, на часах было полпятого утра. Я помню, что решил спать всего по несколько часов. Но решить — это одно, а вот сделать — совсем другое. Не хватает трех-четырёх часов больному организму, и это тоже жестокая несправедливость. Отправил сообщение. И тут же вырубился.

Я видел сны. Я видел много снов. Мне снились горы Килиманджаро. Мне снилась трезвая мать. Довольная, в шикарном платье с меховым воротником. Мне снилась Луиза на единороге. Мне снилось, что я супергерой и в очередной раз спасаю целый мир от глобальной катастрофы. И наконец, мне снился Том Йорк. Мы сидели на берегу Волги и ели вафельные стаканчики. Он загадочно улыбался, а я все время думал, как же он похож на мышь. Не знаю почему, но лица многих людей похожи на животных: собак, кошек, грызунов, медведей, енотов. Мы не разговаривали, просто ели мороженое, вкусное белоснежное мороженое, а потом он встал, расправил крылья и вознесся на небо. С этим, конечно, перебор. Какой он ангел? Но сну не прикажешь, как снится, так и видишь.

Проспал я, страшно подумать, четырнадцать часов. Не слышал ни звонков телефона, ни эсмэсок, ни сигналов оповещений вконтакте. И должен сказать, что нет ничего прекраснее, чем просто хорошенько выспаться, не думая ни о чем на свете.

За окном кипела жизнь, а мне было параллельно. А мне было фиолетово и серо-буро-малиново. И не только на душе. У меня реально перед глазами все было почему-то фиолетовым. Выпил таблетки. Не сразу, но полегчало.

Снова затрещал телефон. Валера.

— Жив?

— Как слышишь.

— Когда ты научишься сразу отвечать на звонки? Пятый раз уже звоню. Волнуюсь же.

— Валер, потом. Все потом. Я в душ.

Товарищ начал было возмущаться, но я сбросил вызов и уверенным шагом направился в ванную.

Вода приятно бодрила. Капли растекались по телу, по коричневому кафелю, разбивались о дно ванны, все время двигались, бурлили, неслись. Есть что-то магическое, что-то завораживающее в воде. Не зря говорят, что вода — это жизнь, жизнь зародилась благодаря воде, жизнь зародилась в воде, в воде живут киты.

Все же неплохое желание: посмотреть на живых китов. Зря я так взъелся на Луизу. Каждый смотрит со своей колокольни, а ее колокольня изначально стоит на высокоом холме. И ничего не попишешь. Думаю, африканским детям тоже не особо радостно родиться в бедных многодетных семьях, но ничего не сделаешь. Мы лишь набор хромосом и ДНК.

Что-то я расфилософствовался. А неплохо бы и желудок наполнить. Заварил кашу, прочел эсмэски. Все от Валеры. Пишет, что надо мне установить видеокамеры по всей квартире. Уже давно можно транслировать в Интернет, включил, посмотрел, увидел, что я сплю или смотрю что-нибудь или заперся в туалете, и можно не нервни-

чать. А вообще надо бы нанять сиделку. А то как это вообще — в одиночку бороться с раком?

Вот так, легко. Только видеонаблюдения мне в квартире не хватало.

Не стал ему ничего отвечать. Пусть сам поймет, насколько это глупо.

Несколько сообщений от Сбербанка. Счет увеличился на четыре тысячи. Неплохо. Спасибо вам, добрые люди. Да минует вас чаша сия, не минувшая меня.

Затем проверил группу. Очередные отписавшиеся, несколько добавившихся. Похожие комментарии — скучно.

А вот и Вова Калунов пишет:

«Узнал. Завтра утром можно. Ты как, готов?»

«Ау. Илья, ты где?»

«Что молчишь? Ты жив?»

Ха-ха, теперь самый распространенный вопрос. Не «как дела?», не «как самочувствие?», не «что нового?», а «жив ты или нет?». Если разобраться, то это у всех надо спрашивать. Мы же не знаем когда. В любой момент можно склеить ласты.

Ответил:

«Жив, не беспокойся. Ок. Завтра так завтра, я только за. Пиши адрес».

Почти сразу он написал:

«Аэродром Пирогово».

Меня туда на пушечный выстрел уже не пустят. Хотя надену кепку, темные очки, куда они денутся?

«Ок. Завтра буду».

Аэродром Пирогово... По крайней мере, меньше похоже на развод. Что-то зачистил я в небо, скоро и так вознесусь, непонятно, чего сейчас-то тянет? Вообще куда нас всех постоянно тянет? Сказано же: «Рожденный ползать — летать не может», ходили бы себе по земле, но нет, то в небо, то в горы, то на дно океана. Все потому, что людей слишком много, и кому-то спокойно не сидится. Как правило, это самые впечатлительные натуры: либо женщины, либо эмоциональные парни и мужчины. Хотя, если разобраться, в этом мире все из-за и ради женщин происходит, либо она чего-то хочет, и мужчина как добытчик должен ей это принести, либо женщина сама не знает, чего хочет, тогда мужчина должен понять, угадать, удивить и принести то, что порадует женщину, либо женщина вообще ничего не хочет, но действия мужчины должны быть, как в предыдущем случае. И немного женщин, которые сами знают, чего хотят, берут и делают это. Число таких представительниц пока еще слабого пола увеличивается, феминизм не дремлет. Уже есть женщины президенты, у нас есть женщины-кандидаты в президенты, хорошо, что не увижу времени, когда женщины полностью завладеют миром. А оно неминуемо.

Сообщение от Луизы:

«Как можно на вертолетиках кататься, когда любовь всей твоей жизни неизвестно где и знать не знает, что ты умираешь? Ты нормальный вообще? Надо же найти твою Несси. Обязательно найти. У меня нет слов. Я расстроена»

И новое сообщение:

«В общем так, с этой минуты я беру все в свои руки. Надо же помогать несчастным и тупоумным больным. А то они настолько тупы и беспомощны, что сами ничего не могут. Она, конечно, тоже молодец — уйти с концами, но она девушка, полюбому же ждала, что ты найдешь, вернешь и больше никуда не отпустишь. Ну, ничего, я не ты.

Раскрутим группу твою, напишем во всех соцсетях, если надо, по телику тебя покажем. Отыщется, куда она денется. Такое ощущение, что это мне тридцатник, или

сколько там тебе? А тебе, как раз по ощущениям, 14, если не меньше. Откуда только такие идиоты берутся?»

И третье:

«Только ты, это, не обижайся, да? Я не со зла. Просто, правда, ну нельзя так. Это же круто, когда есть любимый человек. Меня вот никто не любит, но это не страшно, я уже смирилась. Меня не любят, я не люблю, все нормально. А вот ты... Да я в лепешку бы расшиблась, чтоб ее найти. Понятно тебе? Кароче, теперь все будет по-другому. Может, вылечишься даже. Бывают же всякие чудеса, хотя я не очень верю. Но вдруг твоя Несси тебя вылечит. Как увидишь ее, сразу и поправишься. Может, ты без нее заболел со всякими там Алисами».

Что за жизнь вообще? Одна девушка со странным, редким именем взялась помогать мне отыскать другую девушку со столь же редким именем.

И я подошел к обоям. Места становится все меньше, но не рисовать я не мог. Быстренько изобразил сидящую на троне Луизу с маленькой, но стильной короной на голове и с подзорной трубой в руках, а затем лототрон, внутри которого разместились моя группа в вк, и то, как Луиза раскручивает лототрон с моей группой.

И ничего лучше, чем снова лечь спать, я не придумал. Выключил телефон. Правда, сначала написал Валере, чтобы не беспокоился, все нормально, все очень даже хорошо, так что приезжать не надо. А затем погрузился в крепкий сон.

Утром я списался с Вовой. Затем оделся. Сел в автобус. Поехал на аэродром Пирогово. Увиделся с Вовой. Никто меня не узнал. Впрочем, я сам никого не узнал. Познакомился с дядей Вовы. Его, кстати, тоже звали Вова. Ничего удивительного: у нас в стране это популярное имя. Забрался в вертолет. Сел рядом с дядей Вовой. Вдохнул кислород, наполненный ароматами солярки и авиационного бензина. Мы взлетели и полетели.

Шум невероятный. Скорость и высота по сравнению с самолетом просто детские, но, черт возьми, мы летели на вертолете, и то, что еще вчера я только мечтал об этом, а сегодня сижу себе спокойно, гляжу в иллюминатор на землю, не могло не потрясать.

Это непередаваемое счастье — иметь возможность исполнять свои страстные желания. Стало так легко и тепло-тепло внутри, просто немыслимо, словно на облаке сидишь и наслаждаешься вечерними лучами солнца. И облако как пюре, и лучи как шелк. И в этот момент я понял, что больше не нужно мне никаких других желаний. Никаких. Хватит с меня. Ну разве что сняться в кино, но это если повезет и только после встречи с Несси. Луиза была права: эти желания — ребячество, не более. Можно до бесконечности составлять списки. Мотоциклы, гироскутеры, коньяк двухсотлетней выдержки, аэротруба, сноуборд, акваланг, прогулки по Северному полюсу — всего не перепробовать. А в жизни есть вещи поважнее.

Владимиры так на меня смотрели, так радовались, что оказались полезны, что осуществили мои заветные грезы. Их лица светились от счастья, словно они сами оказались перед Дедом Морозом, а не выступили в его роли. Дядя Вова подмигнул мне:

— Ну, как?

— Шикарно, — ответил я, представив, что снова обнимаю Несси и вдыхаю тонкий, едва уловимый аромат ее духов.

А на земле уже Вова повторил тот же вопрос.

— Спасибо, дружище, было очень круто, — я похлопал его по плечу.

— Да не за что. Я вообще-то про самочувствие спрашивал.

— А, — улыбнулся я, — не поверишь, отлично, лучше любого лекарства.

— Верю.

И оба засмеялись.

По дороге я выложил новые фотки в группу и инстаграм. Кажется, число подписчиков значительно выросло. Да не кажется, а так и есть. Восемьсот вместо утренних двухсот восьмидесяти восьми. Луиза. Вот только когда она успела? И на телефоне порядка двадцати новых смс о зачислении на карту. Уже даже не стал считать, сколько всего перевели.

Новые сообщения от Луизы:

«И где ты пропадаешь? Я, главное, тут школу прогуливаю, тружусь, как пчелка, народ тебе в инст заманиваю». «Ты там живой, я надеюсь?». «Кароче, мне это не нравится, срочно ищу тебе хорошего онколога». «Кароче, Авдошин Сергей Валентинович. Завтра пойдешь к нему на прием. Если ты там живой».

Вот шепутная девчонка. Представляю, как она взбесится, когда узнает, что я был в Пирогово. Прочитал новые комменты, отвечать никому не стал. Число подписчиков выросло до восьмисот сорока четырех. В группе наполовину меньше. Проллистал новые эсмэски от сбера. Смотрел в окно, прилипнув к стеклу. Помучился от угрызений совести и боли в желудке. Грыз желтое сморщенное яблоко.

Через полчаса ответил Луизе:

«Прости. Даже оправдываться не буду, хотя кидать Вову и его дядю тоже было бы некрасиво. Люди сами позвали, организовали, искренне хотели помочь, не хотелось быть неблагодарной свиньей. Но я даже не думал, что ты так сразу с места в карьер возьмешься решать мои проблемы. Скажу честно, я так не привык, но это, конечно, мои проблемы. Ты хорошая, ты очень хорошая, Луиза, и я на месте твоих родителей дико гордился бы тобой. Нечасто в наше время встретишь таких отзывчивых и приятных людей, хотя мне в последнее время стало везти на них, не знаю, почему раньше не везло, а сейчас везет.

Прости, что так долго говорю. Но еще раз повторю: я очень ценю то, что ты сделала и сделаешь, обязательно пойду к Сергею Валентиновичу и любому другому специалисту. И, кстати, насчет вертолета ты была права. Не то чтобы мне не понравилось, но ничего удивительного и прямо вау не было. В посте я, конечно, немного по-другому описал, чтобы никого не расстраивать. А тебе могу сказать, потому что доверяю, потому что благодарен тебе».

Ответ:

«Да пошел ты! Летай дальше, пока не сдохнешь прямо в воздухе».

Люди вот проявляют сострадание, помогают осуществить мои тупые и наглые желания. Хотя не должны. Кто я им? Никто. Что я сделал для них? Ничего. Ну да, болезнь, ну да, умру. Но так все умрут, но не всем даются эти бонусы. А чем я заслужил? Дарю другим надежду? Какую надежду? Побороть рак? Ну так его можно победить только силой воли, чудом и лекарствами. А я как-то не стараюсь лечиться. Сначала к доктору отправил Валера, теперь вот Луиза, завтра, может, еще кто отправит, а мне бы с аквалангом поплавать да панд погладить. Наглый и жалкий эгоист. Но что, что я могу подарить миру?

Стало горько. Я прилип к окну. Тут я заметил парня, того, что со своими товарищами развел меня и заставил снять все деньги с карты. Он был один и сильно напуган, активно размахивал руками и что-то кричал. Его окружила толпа рассерженных людей и начала метелить. Через мгновение он лежал на земле и даже не пытался отбиваться, получая все новые и новые мощные удары.

Есть все же справедливость. Я ведь говорил: карма не дремлет.

Включил телефон: «Может, уже напишешь про Несси? Или я сама?»

Написал. Мол, пропала хорошая девочка, особые приметы, всем, кто видел, или слышал, или хоть что-нибудь знает, просьба писать в личку или по электронному адресу. Не в таком ключе, конечно, иначе бы еще одного гневного письма от Луизы не

избежать. Но чуда не произошло. Лайки, репосты, комменты, но одного-единственного сообщения: «Да это же Несс, вчера с ней только виделись», так и не появилось.

Я доехал до дома, купил бутылочку «Хугардена», в несколько глотков выпил и практически сразу отрубился, а утром уже сидел в кабинете Сергея Валентиновича. Довольно тучный человек с очень высоким лбом и небольшими, редко посаженными зубами подмигнул мне и принялся изучать карту с историей болезни. Мне понравилось, что он не болтал лишнего, не делал лишних телодвижений, не деликатничал со мной и не был пренебрежителен, словно делал мне одолжение. Все давалось ему просто и естественно, несмотря на вес и размеры. Короче говоря, во всех отношениях приятный человек. Он осмотрел меня, отправил на повторные анализы.

Правда, результаты оказались неутешительными. На мгновение улыбка исчезла с его лица, а затем он честно сказал:

— Порадовать вас, молодой человек, нечем, извините.

— Я и не сомневался, Сергей Валентинович.

Помолчали. Вот и все. Умерла надежда. А без нее, как известно, и мне рассчитывать не на что. Опухоль увеличилась. Ни о какой ремиссии и речи быть не могло. Химия бесполезна, радиотерапия тем более. Каких-то новых экспериментальных таблеток, о которых часто упоминают в фильмах, ждать не стоило. Все средства могли лишь оттянуть конец на месяц-полтора. А стоило ли это делать? Доктор напрямую спросил меня об этом. Возможно, не совсем профессионально с его стороны, но вполне логичный и оправданный вопрос. Действительно, что даст мне этот месяц? С каждым днем будет становиться только хуже. И хуже, черт возьми! На что я надеялся?

Просто в глубине души я не верил, что все по-настоящему. Это мираж, сон, игра, очередной квест, но только не правда. Только не реальность.

Онколог искренне вздохнул и похлопал меня по плечу. У него не было спасения для меня. Он такой же человек, как и многие. А люди, к сожалению, не всемогущи.

Не было и хороших новостей в соцсетях. Как сквозь землю провалилась. Ни слуху ни духу. Даже ни намек. Но ведь так не бывает. Не должно быть так. Хотя жизнь упорно доказывает, что именно так и бывает.

— Вы только Луизе ничего не говорите, назовите какой-нибудь препарат, мол, назначили и все такое.

— Договорились.

Я вышел из кабинета, ноги были словно не мои и отказывались слушаться.

В коридоре ждал Валера. Он и привез меня в клинику.

— Ну, как?

Я молчал.

— Ну, как? — повторил вопрос товарищ.

— Валер, прости меня за все.

— Какой прости? Ты чего? — и вдруг осекся. — Он что? Погоди. Не может быть...

Я развел руками и сел на скамейку. Ноги совсем не хотели или не могли держать.

— Ты же сам сказал, что он крутой доктор.

— Так и есть, наверное...

— Наверное. Пусть тогда назначит лечение. Дорогое, очень дорогое, неважно какое, деньги найдем, деньги найдем, не проблема. Так же нельзя.

Товарищ направился было к кабинету, но я схватил его за руку:

— Не мешай человеку работать!

— Да он не доктор, он шарлатан. Пусть сделает что-нибудь.

— Валер, он сделал уже.

— Что он сделал?

— Все, что мог.

— Отпустил восвояси? — Валера кипел уже от злости.

— Не кричи, мы в больнице.

— Ты больной? — но снова осекся.

— Конечно, больной. Мы оба это знаем.

— Да ты на всю голову больной! — и захлюпал носом.

Ну, вот, снова меня обзывают. Мало мне, конечно. Тяжело уходить, когда видишь слабость близких тебе людей. Они будут грустить, вспоминая тебя. А что в этом хорошего? Что хорошего в грусти? И снова стал думать, что же я могу дать этому миру?

Валера кинулся обниматься. Сжал меня так, что я чуть не задохнулся. Любитель телячьих нежностей.

А дома я снова напился. Валера уже больше не бросал укоризненные взгляды. Теперь я вообще волен делать, что захочу.

— Проветрить у тебя не мешало бы, — произнес Валера, допивая очередной стакан виски с колой.

— Не мешало бы, — согласился я.

В комнате прочно засел букет ароматов из рвоты, алкоголя, пота, лекарств и подгорелых сосисок. Так пахнет безысходность. Я открыл окно, но лучше не стало.

— Ладно, фиг с ним, — резюмировал товарищ.

Больше мы не разговаривали. Молча пили, смотрели запись наших спектаклей в кулке и иногда откровенно ржали. Какая наивность, какой дилетантизм, но тогда нам так не казалось. Тогда мы просто учились и радовались жизни.

Я подумал, что надо бы сходить в кулек, в школу, но смысл? Какой смысл держаться за прошлое? Да и меня там уже вряд ли помнят. Вот если бы я стал президентом или основал сеть покруче вк или одноклассников, тогда меня даже дворники бы вспомнили, а так...

Луиза что-то писала. Я не читал. Механически отвечал: «Потом, не сейчас, завтра, конечно, все нормально, спасибо».

Рассвет мы оба встречали в обнимку с унитазом. В окно лился кроваво-алый теплый солнечный свет, а мы смотрели на, впрочем, не буду описывать данный контраст. Это нормальное для жизни явление. Огромные, роскошные особняки и многоэтажки стоят напротив или в нескольких сотнях метров от унылых полуразваленных избушек; прекрасная четырехзвездочная гостиница вырастает на обломках заброшенного, никому не нужного здания, имевшего историческую ценность или даже статус памятника архитектуры; дорогие, элитные иномарки народных избранников, выстраивающиеся в ряд перед зданием Дома Советов и кучка бомжующих, плохо пахнувших, грязных представителей того самого народа, ночующих, если повезет, в приютах либо на лавочках соседствующего с Домом Советов парка. Продолжать можно долго, только не имеет смысла.

А что действительно имело смысл, так это моя страница в инстаграм, на которой собралось уже больше десяти тысяч подписчиков. Понятно, что с цифрами спортсменов и звезд шоу-бизнеса не идет ни в какое сравнение, но, во-первых, я не стремился к таким показателям, во-вторых, два дня назад их было всего около двухсот человек, а в-третьих, это практически численность населения ПГТ. Удивительно осознавать, что пусть и маленький, но целый городок наблюдает за тобой и не остается равнодушным к твоему существованию и событиям твоей жизни.

Вот только Несси. Все те же лайки, репосты, и ни единого намека на ее местопребывание...

Благодаря чуткости и отзывчивости новичков удалось собрать около шестисот тысяч рублей. Мне уже ни к чему такая сумма, но люди требовали новых фотографий, новых поступков, новых отчетов о моей якобы храбрости. И тогда родилась идея

создать фонд помощи другим смертельно больным людям. Эдакий аналог «Make-A-Wish Foundation», с той разницей, что помогать мы будем независимо от возраста, а не только детям. Не знаю, почему никто раньше не организовал ничего подобного или почему деньги собирают только на лечение, а с желаниями (словно он Дед Мороз) обращаются исключительно к президенту. Так или иначе, идея появилась, и нужно было приложить максимум усилий для ее осуществления. Луиза с радостью поддержала мою инициативу:

«А вот это круто! Все имеют право на желание, не дурацкий список, как у тебя, а одно, заветное. Самое-самое. Это ты очень классно придумал. Горжусь тобой. Ду-маю, вернее, даже уверена, что и Несси будет гордиться, когда узнает, и даже мама твоя. Она еще пьет, да?»

К своему стыду, с матерью я больше не разговаривал с последнего ее появления. Тут же набрал номер. Гудок. Еще гудок. Десять гудков. Не взяла. Надо будет съездить, навестить.

Читаю дальше: «Наконец-то ты меня не бесишь! Только надо все серьезно и по-настоящему организовать, а то набегут все, кому не лень, а надо помогать реально тем, кто болеет. Остальные пусть сами себе зарабатывают. И понятно, без всяких там: хочу дом, хочу крутую тачку, хочу миллион баксов. А вообще, тебе по-любому это зачтется. Ну, то есть вот так сможешь кому-нибудь, и тебе прилетит бонус. Сам понимаешь какой.

Я помню, в детстве так одну бомжиху домой привела, она помылась, поела, я ей дала мамино платье, денег из копилки, а потом в школе наш ансамбль отобрали для поездки в Испанию, куча претендентов было, а выбрали именно нас. Это как с Дедом Морозом, он тебя спрашивает: „Хорошо ли ты себя вела, Луизочка, весь этот год?“, и ты отвечаешь: „Конечно, хорошо, дедушка, я же послушная девочка“, а он: „Вот тогда тебе подарок за это“ и дарит тебе четвертый айпад. Солить их, что ли?

Ладно, не суть. Кароче, про Испанию. Мы поехали на целых три недели. Там классно. Тепло так, солнечно, и люди веселые, счастливые, не то, что у нас. Море. И пахнет сладко: миндалем и виноградом. Ладно, не буду тебя дразнить. Или ты был? Хотя, нет, откуда? Ты же писал. Ну, может, увидишь еще, если захочешь. По-любому увидишь, ты же вылечишься. Авдошин, сказали, очень классный доктор, он очень крутой специалист. Кароче, не суть. У меня тут траблы небольшие образовались. Не буду рассказывать, а то че тебя грузить? Щас главное — Несси твою найти. А мы по-любому найдем, раз я обещала. Я-то не предки, я свои обещания выполняю. Ладно, спишемся потом. Буду узнавать, как нам фонд оформить. Ну, чтоб все официально было. Чао».

Ага, значит, мои траблы можно выставлять на всеобщее обозрение, а ее траблы — ее траблы. Ну уж нет. Так и написал: «Ничего не знаю, давай колись, что за траблы у тебя! Друзья делятся своими проблемами, это нормально».

«А мы что — друзья?»

«Типа того. Даже без типа. Да».

«Ого. А я думала, так просто. Помогаю тебе по доброте душевной».

«Не беси меня».

«Это моя фраза».

«Ни фига не твоя. Все фразы — Кирилла и Мефодия. Это их копирайт, если уж на то пошло».

«Зануда».

«Так что там за траблы?»

«Долго рассказывать».

«Синие киты?»

«Типа того».

«Они реально такие крутые и всемогущие?»

«Я сменила номер, я сменила аккаунт в вк, про этот вообще никто не знает, только тебе с него пишу. И че ты думаешь? Все равно нашли, начали писать, наезжать: ты провалила задание, хана твоим родителям, у нас такой компромат на отца, в асфальт вкатаем, а мать по кругу пустим, так и написали: „по кругу пустим“. Я не то чтобы верю, но не хочу родителей подставлять, я-то не они. А еще эти на пацанов вышли. Им тоже угрозы стали слать. А у Егора вчера уже отца избили. В больнице щас лежит. В тяжелом состоянии. Хорошо хоть мать не тронули, но это пока. Как-то так».

Ох, девочка, как же угораздило тебя вляпаться в это болото? Это же реальный беспредел. Давно надо было найти и в порошок стереть.

И я написал гневный пост в группе. Понеслись комментарии, все были недовольны:

«На шашлык пустить уродов!»

«Сжечь на костре, как раньше сжигали!»

«Нет, это слишком легкая для них смерть. Надо морить их голодом, засовывать под ногти иголки, бить электрошоком и не давать спать. И даже этого мало».

«Из гранатомета их всех».

И все в таком роде. Кроважадные, конечно, люди. Одно насилие порождает другое, потом третье, четвертое и так до бесконечности. Такими темпами рано или поздно мир погрязнет в хаосе, и люди тупо перегрызут друг другу глотки. Но можно писать до бесконечности, кто как расправился бы «с синими китами», только от трагедии это никого не избавит. Как и в случае с Несси, количество не дает результата. Хотя не должно быть так, не должно. Толпа — это огромная сила, просто невероятная.

Новое сообщение от Луизы:

«Ты решил мне добавить проблем? Спасибо за беспокойство, но убери пост».

«Почему?»

«По кочану. Ты не подумал, что они тоже могут прочитать?»

«Пусть читают, пусть видят, что за ними охотятся, что им скоро хана».

«С ними ничего не будет, а вот у Игоря сестра младшая пропала».

Твою мать!!! Что за мир-то такой?

«И что делать?»

«Выполнять задание»

«Не позволю! Ты слышишь? Не позволю!!!!!»

И пропала. Час — тишина, два — тишина, три... Я не находил себе места, я бился головой об стену. Перед глазами поплыли круги, видимо, скакнуло давление. Лег. Тошнота, резкие боли. Тупо в очередной раз вырубился. Видел Капитана Америку, вернее, это был совсем не Капитан Америка, а обычный парень в его костюме, который решил бороться со злом. В одиночку. Решил и смог. Вот он смог, а я не могу, не могу, черт возьми.

Когда очнулся, пришло новое сообщение от Луизы. Только с другого аккаунта — Алсу Невзорова:

«Это я. Ну, ты понял кто. Понял же? Не буду называть себя. Скорее бы твоя Несси нашлась, что ли. Все, пока».

Я вспомнил нашу первую встречу с Луизой. Вернее, она была первой и единственной. Я еще удивлялся, как можно быть такой сухой, такой неэмоциональной, как робот. А тут целый шквал эмоций. Нормальный, живой ребенок, вернее, подросток, избалованный только. Зомбируют их, что ли? Родители, конечно, тоже не подарок. Настоящие уроды. Неужели так сложно уделить немного внимания детям, обнять, сказать: «Люблю тебя»? А дети, они как огород: сколько любви и ласки в них вложишь,

такой урожай и получишь. Хотя вряд ли детям понравится такое сравнение. Но недаром же про капусту придумали.

И я нарисовал несколько кочанов, из которых появляются разные дети: один с сигаретой, другой весь в тату, третья в очках и с книгой, четвертая в кожаном костюме женщины-кошки и с плеткой в руках, пятый в полицейской фуражке и с пистолетом, шестой из рогатки метит в пролетающего мимо аиста, а седьмая с огромной корзиной овощей. Вот такой вот рассадник.

«Я верю, что все наладится. И да, прости за пост. Я не хочу усложнять тебе жизнь. Что с сестрой Игоря? Нашлась? Надеюсь, что да. И спасибо тебе за помощь и что думала обо мне. Это правда очень приятно. И мы найдем этих уродов, слышишь меня? Приложим все усилия и обязательно найдем и размажем, как ничтожных мокриц и тараканов».

Сестру Игоря отыскали. Вернее, сама отыскалась. Ее держали связанной в каком-то подвале, били, морили голодом, хорошо хоть не насиловали, а затем посадили в машину, возили по городу и высадили на набережной с мешком на голове. Девочку сразу отправили в больницу. Ничего полезного она рассказать не смогла, но шумиху подняли изрядную.

А тут еще узнали, что Игорь в этом лагере покончил с собой. Вены перерезал. Сотрудники клятвенно уверяли, что тщательно проверяли ребят на наличие острых и колющих предметов и что вел он себя вполне адекватно, шел на поправку, а тут такое. Собственно, через час после самоубийства сестра Игоря и была обнаружена на улице.

Короче говоря, весь город на уши подняли. Луизу чуть ли не каждый день допрашивали. Родители наконец-то отложили все поездки и встречи и буквально не отходили от нее ни на шаг, правда, такому повороту она радовалась еще меньше. «Нельзя же так на мозги капать?»

«Киты» тут же легли на дно. Хотя бы перестали дергать Луизу. Она занялась решением вопросов по оформлению бумаг для фонда. Вернее, как занялась — закатила истерику отцу и повесила все на него. Он, как ни странно, согласился, даже порадовался, поняв, что у дочери есть организационная жилка, а значит, рано или поздно ей можно будет доверить бизнес. В то, что Луиза покончит с собой, он не верил.

А Несси не торопилась разыскиваться. Хотя очень странная фраза: торопилась разыскиваться. Как будто Несси сама организовала свои поиски, нет же, она просто исчезла, а вот то, что не было никаких зацепок о ее местонахождении, вот это неприятно и удивительно.

Фонд мы решили назвать «Дримс». От английского «dreams» — мечты. Хотя были разные варианты: «Последнее желание», «Заветное желание», «Двое из ларца», «Мечтать не вредно», «Волшебное палочка», «Есть шанс», «Мечты сбываются не только у Газпрома». И наконец, банальный — «Мы вместе». Во-первых, действительно банально, а во-вторых, уже есть такой фонд, и, возможно, не один.

Как часто бывает, нашлось немало помощников: кто-то взялся модерировать группу, кто-то нарисовал логотип, кто-то взялся распространять информацию, кто-то поддержал деньгами, а кто-то и добрым словом. Бюджет вырос на несколько сотен, и это не могло не радовать.

Стали приходиться заявки. Я бы даже сказал, хлынули. За два часа около пятидесяти сообщений. Вот что значит халява. За сутки больше тысячи. Я чередовал свидание с тазиком, овсянку, прием лекарств и «Лучше звоните Солу» с чтением заявок: побывать в Париже, побывать в Австралии, увидеть пирамиды, увидеть все семь чудес света, побывать в Японии, побывать в Исландии.

Как много мест, которые хотят посетить люди. Губа, как говорится, не дура. Впрочем, у меня у самого до недавнего времени был такой же буклет «Побывать в ...». Подобные заявки я объединил в папку и назвал «Географические». Вскоре появились папки: «Знакомства», «Увидеть», «Попробовать», «Сняться», «Купить», «Научиться».

Последние две были самые неинтересные. Ну что это за желание — купить? Какое-то чересчур жалкое. То есть за жизнь ты так и не смог на что-то заработать и пользуешься болезнью, чтобы доказать свою состоятельность. Справедливости ради надо отметить, что многие просили не для себя. Например, парнишка просил посудомойку и мультиварку для матери. Семья, мол, большая, и она только и делает, что готовит и моет посуду. Одна пенсионерка просила велосипед для внука, соседская дочка узнала про фонд и посоветовала ей. Были и такие, кто просили квартиру, дачу, машину или биткоин. Ну, это уже верх наглости, непонятно, на что они рассчитывали.

Короче говоря, желаний хоть отбавляй. Естественно, не обошлось и без наглых или непонятливых людей. Стали писать и инвалиды, и люди с язвами, и с туберкулезом, и даже с насморком. Любит человечество халяву, ничего не поделаешь. Я, конечно, отсеивал подобные заявки, но их число росло с невероятной скоростью.

В итоге было решено пересмотреть концепцию. Во-первых, был нужен сайт, во-вторых, классификация желаний. Как ни крути, а съездить в Австралию и пообедать с Данилой Козловским — совершенно разные по структуре просьбы. Первая требует финансов, причем немалых, вторая скорее знакомств и наличия свободного времени у Данилы Козловского. Один даже размышлял до того, что начал требовать, чтобы его именем назвали улицу. Скромняга.

Посоветовавшись с Луизой, я решил организовать площадку, что-то наподобие авито. Вернее, смесь авито и «планеты» или «kickstarta». Люди выкладывали объявления. Рассказывали про себя и про свою мечту. Каждое объявление мы тщательно модерировали, проверяли документы, справки, диагнозы, выписки из больниц, а дальше либо собирали определенную сумму, либо искали тех, кто мог осуществить мечту без вложений. Необязательно же покупать какие-то вещи, кто-то мог подарить ту же самую посудомойку или коллекционную марку. Если в течение десяти дней таких «дедов морозов» не находилось, фонд брал ответственность на себя.

Посетители могли либо перевести деньги в общий фонд (вверху регулярно обновлялась общая сумма), либо непосредственно самим обратившимся. После того как необходимая сумма набиралась, мы принимались за осуществление желания и выкладывали фото и видеотчеты о проделанной работе. Мы договорились, что больше ста тысяч ни на одну заявку тратить не будем. Рублей, разумеется, не биткоинов же. Если потребуется больше, желающие могут поддержать заявки, все зависит от щедрости, сочувствия и возможностей посетителей.

Может, несовершенная система, но, на мой взгляд, вполне неплохая, рабочая и прозрачная. К счастью, снова нашлось немало людей, готовых нас поддержать. Кто-то разработал сайт, причем в удивительно короткие сроки. Кто-то взялся его модерировать. Кто-то рекламировал площадку везде, где только можно. Работа кипела, как и мой желудок. Бурлил с невероятной регулярностью.

Стартанули мы с полутора миллионами. Для начала неплохо. Долго выбирали первого счастливчика или счастливцу. Я был за Надежду Корнееву — одинокую пенсионерку лет шестидесяти-шестидесяти пяти, мечтавшую об огромной цветной татухе. Хотела себе портрет кумира — Алена Делона на всю спину. Луиза настаивала на тринадцатилетней Алене из маленького городка на севере Якутии. Девочка жила в приюте, писала стихи и просто бредила сборником своих гениальных творений. Стихи вроде неплохие, но я не очень люблю поэзию и мало что в ней понимаю. Ну, а литература, разумеется, благороднее и трогательнее татуировок. Это даже дурачок поймет.

Единственное, что мы не учли, — это время, необходимое на реализацию. Оба желания требовали пару недель, а то и месяцев, а нужно было быстрое и легко осуществимое.

Пришлось заглянуть в папку «Купить»: телевизор с большой диагональю, айфон-7, ноутбук, электрогитара с усилителем и колонками, робот-пылесос, гироскутер, приставка «Сониплейстешн-4». Больше похоже на каталог «М-видео».

А нужно, и правда, что-то трогательное, чтобы растопило сердца, чтобы другие кинулись помогать. У нас же все на помощи и взаимовыручке держится. Вот почему так? Ничего не бывает просто, ничего не проходит гладко. Всегда надо что-то преодолеть, с чем-то бороться и с кем-то, постоянно что-то придумывать, ухитряться, просить, унижаться.

«Мы же не можем ждать месяц».

«Ты можешь, а мне желательнее побыстрее».

«Да пошел ты! Ты же вроде лечишься».

«Угу, лечусь».

«Тогда все норм».

«Ну, типа да».

Кстати, было несколько заявок на прыжок с парашютом. Я предложил Луизе:

«А что, было бы символично. В конце концов, фонд, можно сказать, и появился после моего желания прыгнуть с парашютом».

«Ну и ничего хорошего. Нашел чем гордиться».

«Я как-то и не особо горжусь. Просто предложил. И мне понравилось. Единственное, надо было прыгать самому».

«Ну, прыгни, че».

Опять только ссориться начали. Говорил же, все очень сложно в этом мире.

«Кажется, нашла».

«Что?»

«Вот. Зинаида Павловна Козлова. Здравствуйте, уважаемый фонд „Дримс“. Может, не стоило писать, не знаю, просто больше не к кому даже обратиться. Сын Юрий десять лет уже живет в Америке, второго — Алексея — убили в Чечне в девяносто пятом году, мужа — Леонида — уже семнадцать лет, как схоронила. Мне 72 года. А тут вот рак этот обнаружили. Значит, и мне недолго осталось. Это ничего, пожила уже, хватит. Молодые как мухи мрут, чего ж мне жаловаться? Нормально пожила, не хуже других. Не лучше, но и не хуже. Единственное что, я 35 лет не была на могиле родителей своих — Юдниковых Павла Анатольевича и Марии Семеновны. Сама родом из Ставрополя, а Леонид у меня был военный, вот и покидало нас изрядно. Последние тридцать лет живу в Хабаровске. Здесь похоронены и Алексей, и Леонид. Знакомые, кто был, или разъехались, или померли, скоро и мне пора. Но перед смертью хотелось побывать на Родине, провести могилу родителей. Может, кто из родственников еще жив. Не знаю. Связь давно утеряна. Пенсия у меня маленькая. Иногда сын пересылает деньги, сто долларов, раз в 3 месяца, вот и все наше общение. Невестка — Джессика — меня почему-то невзлюбила и запретила ему со мной разговаривать. Обидно, конечно, но ничего не сделаешь. Юрий сам там на птичьих правах и командовать не может. Ну, ничего, главное, чтобы он был счастлив...»

Еще вот с соседкой — Клавдией — общаюсь. Она моложе меня на десять лет, у нее и телефон не такой, как у меня. У меня-то старый, с кнопками, а у нее без кнопок, пальцами там чего-то водит. И кампутер есть с этим вашим тырнетом, или как он там называется? А, иньтырнетом, это она подсказала. Она вот и нашла про вас и сразу ко мне, Павловна, говорит, вот к кому тебе надо, а то губернатору собралась писать. Да ничего он не сделает, от него помощи днем с огнем не дождешься, только о своем кармане думает. Дворцов понастроили, тьфу, да что вам говорить? Цены с каждым днем

растут, сами видите. Так вот, обращаюсь к вам за помощью. Неудобно как-то просить, но куда ж деваться? Не откажите умирающей женщине. Очень хочется побывать на Родине, а билеты не укупишь. Я б и кредит взяла, да не дают. Не платежеспособная, говорят. Мол, мы вам денег дадим, а вы умрете, и где потом их брать. Так что вся надежда на вас, родненькие. Не оставьте в беде старушку».

И дальше паспортные данные, фотографии карточки, диагноза и прочее.

«Ну, что, трогательно?»

Так и вижу, как сияло лицо Луизы. Нашла, опередила меня и убедила. Победительница.

«Трогательно. Беремся». И через пару часов уже были куплены билеты на самолет и размещено фото счастливой старушки. Хотя рак и счастье — очень сомнительное и странное сочетание.

Сразу после этого число заявок выросло чуть ли не втрое. Около половины из них приходилось отсеивать, и все равно получалось очень и очень солидно. И это чертовски печально на самом деле. Я даже не подозревал, как много людей столкнулось с этой чумой двадцатого и двадцать первого веков. Понятно, что есть статистика и в любой момент можно посмотреть, что и как. Но какой нормальный человек будет интересоваться статистикой, тем более на такую тему, как количество онкобольных в России? И потом, статистика — лишь голые цифры, они не столь поражают воображение. Убедительнее выглянуть на улицу и представить, что на этой площади может разместиться столько-то человек, а это всего лишь одна тысячная от общего числа больных. То есть тысячи таких площадей с несчастными, изможденными болезнью людьми гораздо страшнее сухой цифры: миллион, или два миллиона, или три миллиона, или сколько их? Ну, или когда получаешь тысячи заявок, тоже становится жутковато. Ведь это только наша пусть и огромная, но всего лишь одна страна. А мир такой огромный...

Луиза изучала новые объявления, а я поехал навестить маму. А то отправили человека навестить покойную мать, а я с живой увидеться не могу. Когда шел с остановки, небо заискрилось, как бенгальские огни. Странно. Звездопад днем? А искры и не думали исчезать. Глаза даже заболели, как будто смотрел на сварку. Закрыв их, постоял в темноте. Искры пропали, небо чистое — ни намека на световое шоу. Что за обман зрения? Но ответа, разумеется, не было.

Подъезд встретил меня букетом зловонных ароматов. То ли умерла кошка, то ли прописалось несколько бездомных. Впрочем, запахами меня сложно напугать. Штукатурка неравномерно отваливалась со стен, напоминая проплешины. Повсюду была грязь различных видов и оттенков, желтые разводы на стене и полу (не лень же было кому-то подниматься на пятый этаж, чтобы облегчить душу), и только звонок матери выделялся своей немного потускневшей первозданной белизной. Неудивительно. К ней никто не ходил, звонок практически не использовался. Я нажал. Раздалась дурацкая трель. Не люблю звучание дверных звонков.

Открывать не торопились. Может, опять выпила и отрубилась? А может, и нет дома. Набрал мобильный. Так же тихо. Ну вот, навестил мамочку. Поцеловал проем, можно смело возвращаться домой. И тут дверь открылась.

— Илья?

Она стояла в замызганном рваном халате, в рваных тапках, из которых торчали костлявые пальцы с огромными ногтями. Лицо желто-фиолетовое и такое же сморщенное, как подвявший лимон, волосы растрепаны. Не хватало только бородавки на носу, и на конкурсе красоты среди ведьм она бы точно могла претендовать на победу. Глядя на нас, было легко перепутать, кто смертельно болен, а кто нет. Мать попыталась улыбнуться, но вышло жутко, так, словно Земля стремительно начала превращаться в пустыню, люди на грани выживания стали молиться, чтобы выпал дождь; он, разу-

меется, не торопился, сохраняя интригу, и вот наконец решил, что пора: молитвы были услышаны, и пошел дождь, все выбежали на улицу, вскинули руки к небу, а дождь оказался кислотным.

Я обнял ее. Кислый и настолько мощный запах, что даже перебил ароматы подъезда, ударил мне в нос.

— Мам, ты давно была в ванной?

— Не помню.

— Пошли скорее, пока кто-нибудь еще не увидел тебя такой.

— А смысл? — пыталась возразить она, но я быстро затолкал маму внутрь и закрыл дверь.

— Так дело не пойдет.

— Какой вообще смысл во всем этом? Все напрасно и пустое.

— Давай не будем устраивать декаданс. Лучше отправим тебя в ванну и хорошенько отмоем от всего этого, — я окинул взглядом квартиру. Та же грязь, паутина, куча пустых бутылок, огромные липкие пятна на полу. — Квартиру тоже неплохо бы отмыть.

— Не трави ты мне душу, Илюша, — в рифму заголосила мать.

Я оставил ее слова без внимания и так же хладнокровно затолкал в ванну, открыл воду, сунул под струю. Это отрезвило ее, хотя не казалось, что она была пьяной.

— Сынок, хватит, я захлебнусь.

Я выключил кран.

— Я рада, что ты пришел, — теперь улыбка вышла намного естественнее и приятнее.

— Я тоже рад. А теперь, прими, пожалуйста, ванну.

— Зачем?

— Как бы тебе сказать? От тебя несет, как от помойного ведра.

— Не говори так. Я твоя мать! — возмутилась она.

— Вот помоешься, тогда и станешь на нее похожа, а пока что я вас не знаю, женщина.

— Чего?

— Ничего. Спинку потереть? Или справишься?

— Справлюсь, — буркнула она, а я захлопнул дверь.

Вытащил с балкона ведро, вытащил с балкона швабру, вытащил с балкона тряпку, вытащил с балкона пустые бутылки, вытащил с балкона телевизор, сам не знаю, как он там оказался. Видимо, мама сама от себя спрятала, чтобы и его не пропить. Каждый по-своему сходит с ума. Ну, ничего, это дело поправимое. Я набрал воды, открыл окна, в комнату ворвался пусть не чистый, но хотя бы относительно свежий воздух, так что даже голова закружилась, включил «Radiohead» на телефоне и приступил к уборке. Да, я быстро устал, да, нужно было часто менять воду, да, полы плохо отмывались, но, несмотря ни на что, уборка приносила мне удовольствие, я словно очищал не комнату, а мысли, словно переклеивал прозрачные обои души, готовя место для новых красок и рисунков. Поразительно, как порядок может повлиять на человека: он меняет отношение к себе, к жизни, добавляет чувство ответственности. Ты видишь: кругом все чисто, и понимаешь, что надо поддерживать это состояние чистоты как снаружи, так и внутри, иначе просто неудобно. Чем-то таким совковым повеяло, но я и правда почувствовал что-то необычное, что-то возвышенное внутри, словно протер замутненное окно, и сквозь него стало просвечивать небо.

Когда вышла мама, я заканчивал уборку.

— Илья, ну зачем ты? — пыталась нахмуриться она, но скрыть улыбку было невозможно.

Люди очень сентиментальны, чтобы растрогать их, надо не так уж и много.

Вскоре мы пили чай. Бутылки я выбросил. Квартира сразу же показалась просторной.

- Все равно, не могу поверить, хоть режьте меня, — вздохнула мама.
- Никто не будет тебя резать. Я сам до сих пор надеюсь, что это сон, но нет.
- Почему? Почему? Почему так? Почему не я? Каждое утро просыпаюсь и думаю: почему ты, почему не я?
- Mam, ну, что роптать? Уже случилось, назад не вернешь.
- Почему не я? — не успокаивалась она. В глазах застыли слезы. — Я же старая.
- Где же старая? Нормальная ты.

Очень неуютно себя чувствовал. Эти бессмысленные роптания... Как будто от них мне должно стать легче? Я же нормальный человек, я бы никогда не пожелал такой участи родному человеку, тем более самому близкому на свете. Нужно было как-то успокоить ее, перевести разговор в другое русло. Я хотел сказать, что глупо спорить с судьбой: раз она так распорядилась, значит, я этого достоин, значит, выполнил свое предназначение, а за страдания мне обязательно воздастся, пусть не сейчас, но потом стопроцентно, к гадалке не ходи, и что мама остается здесь не просто так и будет до тех пор, пока не выполнит свою задачу, поэтому лучше пусть все силы приложит к ее выполнению, а не страдает из-за несправедливости вселенной и моего раннего ухода. Кто раздает нам эти задачи, неизвестно, да не имеет смысла разгадывать, и вообще в жизни мало что имеет смысл, кроме самой жизни, главное, что у нас есть задачи, и мы обязаны найти их решение. И это то единственное, о чем мы и должны задумываться, пока живы. Вот, собственно, и все, такое путаное банальное нравоучение. Но вместо этого я посмотрел в ее усталые потускневшие глаза, взял за руку (она была до ужаса ледяной) и попросил:

- Почитай мне книжку.
- Чего?
- Ну, книжку, не знаю, Сэлинджера, или Ремарка, или еще кого, как раньше. Помнишь?

Но мать неуверенно пожала плечами. Она едва не впала в ступор и никак не могла сообразить, что я от нее требую, словно я просил высчитать корень из одного миллиона шестисот тысяч семидесяти одного без калькулятора.

- Почитать? — переспросила мама.

Я кивнул.

- Ну, ладно.

Уже через минуту я лежал на диване, положив голову на колени матери и, закрыв глаза, слушал ее хриловатый усталый голос. Из книг остался только Гоголь. Остальные давно были сданы в букинистический магазин.

«— А поворотись-ка, сын! Экой ты смешной какой! Что это на вас за поповские подряски? И эдак все ходят в академии? — такими словами встретил старый Бульба двух сыновей своих, учившихся в киевской бурсе и приехавших домой к отцу».

Всегда неоднозначно относился к Гоголю. Но «Тарас Бульба» мне нравится. Грустное произведение, но мне почему-то от него стало весело. Характеры классные, этого у Гоголя не отнять, умел придумывать ярких, запоминающихся персонажей.

Глаза закрыты были у меня, а уснула мама. Осилила страниц пять, не больше. Оборвавшись на полуслове, она замолчала, а затем и вовсе начала сопеть. Я осторожно приподнял голову и встал с дивана, уложив мать на свое место, накрыл ее пледом и смотрел, как она спит. Я давно не смотрел на то, как спят другие люди. Во сне она казалась такой маленькой и беззащитной, как ребенок. Даже лицо разгладилось и не стало заметно синяков под глазами. Я вынул бумажник и достал из него пятитысячную купюру, но вовремя передумал. Опасно. Еще обрадуется, закупит водки. Зашел на кухню, открыл холодильник. Разумеется, там не только бышь повесилась, но и кошка, и жучка, и внучка, и дед с бабкой и репкой, и целый морж в придачу.

И я отправился в магазин. Купил фарш, сыр, хлеб, рис, макароны по акции, молока, творог, фрукты, овощи — витамины нужны же. Трех двести как не бывало. Кризис, будь он не ладен. Это я еще не в самый дорогой магазин зашел.

Вернулся, забил холодильник под завязку. Мама спала, уткнувшись носом в спинку дивана. Я поднял плед с пола, снова накрыл им мать и осторожно, чтобы не разбудить, вышел из дома.

Ехал домой на трамвае. Мерно стучали колеса, гипнотизируя и без того сонный мозг. Салон был практически пуст. Сел, как всегда, у окошка и пялился на улицу. Пялился и думал, думал и пялился, думал про то, что совсем недавно сокрушался, что не сделал ничего достойного в жизни, а теперь основатель фонда, который помогает таким же несчастным, как я, и делает их жизнь хоть на каплю, но лучше.

При этом все так легко и само собой сложилось. А разве я мог предположить что-то подобное пять лет назад? Да даже год назад я не мог представить, сколько всего разом навалится на меня. Считал, что так и буду загнивать в этих квеструмах, а сам никогда не выйду из комнаты.

Залез в Интернет. Количество заявок стремительно приближалось к трем тысячам, бюджет — к двум миллионам. Механизм запущен, и его уже не так-то просто остановить. Теперь уходить не страшно. Вот только Несси... О Несси по-прежнему ни намека.

Зато с мамой наконец-то все наладилось. Она перестала пить, мы виделись почти каждый день, а если не виделись, то созванивались, она читала мне продолжение «Тараса Бульбы», я же зачитывал ей заявки и отзывы благодарных детей, взрослых и стариков:

«Какое счастье, что есть на свете такие люди, как вы! Спасибо вам, огромное, настоящее человеческое спасибо и долгих лет жизни!»

Пожалуйста, не угадали.

«Я думал, что нет Деда Мороза, а он есть, и это вы».

Сейчас где-то в Великом Устюге обиделся хмурый, седовласый старик и решил больше не являться к нам на Новый год.

«У меня не хватит слов, чтобы передать вам всю благодарность. Спасибо, спасибо и еще раз спасибо! Вы настоящие волшебники! Сколько ночей я молилась, сколько раз ходила в церковь, и Бог не оставил меня. Он послал мне вас! Пусть Он хранит вас и освещает ваш светлый путь. Очень благое дело вы затеяли, молодые люди».

Ну, вот уже и религию приплели. Не то чтобы я был против, однако, кажется, Бог стоял в стороне, когда мы все это затевали.

«Порадовали старика, спасибо!»

Всегда пожалуйста.

«Родные мои, уважаемые мои, распрекрасные мои, теперь я знаю точно, что добра в мире гораздо больше и что оно сильнее всего на свете. Сегодня я проснулась с невероятной легкостью и с щемящим чувством восторженного счастья в душе. Очень давно мне не было так хорошо, очень давно я так долго не смеялась от счастья, как ненормальная, как беззаботная девочка, получившая в награду за прилежность порцию вкуснейшего московского эскимо. Но сегодня, сегодня я снова верю в человечество и в то, что оно всеми силами тянется к прекрасному; как подсолнух, тянущийся к солнцу, оно нуждается в искусстве. И все благодаря вам. Мне просто не верится, что это по-настоящему, что это не сон. Ведь теперь я знаю точно, что спектакль состоится, что все будет прекрасно и наш многолетний труд не пройдет даром. Может ли быть на свете что-либо прекраснее этого? Нет. Крепко обнимаю вас, мои удивительные! Ваша Анна».

Непонятно, с чего вдруг она стала нашей? Ну, да ладно. Это писала немного сумасшедшая старушка. Семь лет назад она организовала у себя в городке театральную студию, при этом к театру она никогда не имела ни малейшего отношения. Всю жизнь проработала медсестрой в районной поликлинике, хотя со школы грезилась театром, однако не решилась уехать из города и поступать в театральный, но писала какие-то пьески, ходила на все спектакли, читала Станиславского и Кнебель и наконец на пенсии решилась и собрала таких же старушек и даже одного бравого старичка, майора в отставке, который чувствовал себя среди такого количества представительниц женского пола, как медведь в малиннике. Раз в год они ставили Чехова, Пушкина, Тургенева, Гоголя и других представителей классической драматургии. Понятно, что ждать чего-то особенного от любительских постановок не стоило, однако родственники приходили, поддерживали, один раз даже удалось пригласить журналиста и режиссера местного театра. Тот, конечно, ничего не сказал, но, как поняла Анна, просто позавидовал ее актерскому и режиссерскому таланту. И вот она узнала про рак и поняла, что может не успеть осуществить постановку самой любимой, самой желанной пьесы — «Гамлет». Главную роль, разумеется, как и во всех предыдущих спектаклях, должна сыграть она сама. И самое важное: эту постановку она мечтала свозить на фестиваль любительских театров «Театр начинается» в Санкт-Петербург. Но для этого нужны нормальные декорации и костюмы, а не как обычно у них бывало: дерево — вешалка, вишневый сад — две вешалки, карета — два стула, кровать — четыре стула; что нашли, то и надели... А еще нужны деньги на дорогу и проживание. Итого — двести тысяч.

Она просила, конечно, у администрации города, но там ее сразу послали куда подальше; ходила в газету, там только пальцем у виска покрутили и отправили в том же направлении. Короче говоря, как всегда и бывает, никому вы своими инициативами не нужны. Денег нет, но вы там держитесь. Хотите гастролировать, пожалуйста, но не за счет бюджета.

И тут мы — Газпром для бедных. Соточка от фонда, а дальше уже краудфандинг. За три с небольшим дня собрали двести пятьдесят три тысячи. Еще и на суши с какао хватит. Вот и сорвало башню от радости пенсионерке.

Многие, читая ее благодарность, ревели, как на «Титанике», мама не была исключением.

— Мам, ну ты-то хоть не плачь.

— А я что, не человек, что ли?

Действительно, не поспоришь.

Фонд разрастался, штат тоже. Хоть я и недолюбиваю волонтеров, без них никуда. Мы элементарно не успевали обрабатывать заявки, я уж не говорю о попытках хакнуть сайт. Не знаю, как справляется «Планета», а нам приходилось крайне не сладко. Это примерно как выиграть джекпот в лотерею и потом рассказать в интервью, кто ты и в каком городе живешь.

За две недели мы исполнили около ста пятидесяти просьб. Больше десяти в день. Не знаю, сколько это плюсовых очков к карме, но ясно, что число их значительно увеличилось, а вот состояние мое неуклонно ухудшалось. Усилились головные боли, обезболивающие почти не спасали, одолевала бессонница. С одной стороны, хорошо, я ведь так и планировал — спать по три-четыре часа в сутки, но с другой — черепную коробку сжимало так, что я едва не молился, чтобы она поскорее лопнула и все это закончилось.

«Ну что, доволен?»

Сообщение от Луизы. Мы по-прежнему переписывались, хотя проще было созвониться.

«Не знаю, а ты?»

«Вроде все наладилось».

«Вроде да».

«Тут, кстати, мне сегодня редактор звонила».

«Не понял. Редактор чего?»

«С первого канала».

«И зачем она тебе звонила?»

«Вот ты тормоз. Приглашала на передачу к Малахову».

«Кого приглашала и зачем?»

«Да нас с тобой приглашала. Хотят, чтобы про „Дримс“ рассказали, 20 минут мне вчесывала, какие мы крутые, какие мы трушные и все такое».

«И что мы будем рассказывать?»

«Бесишь».

И замолчала.

«Луиза, я серьезно не въезжаю. Голова раскалывается. Объясни нормально».

«Выпей таблетки».

Вроде бы с родителями нашла общий язык, помогает людям, а вежливости ни на грамм не прибавилось. Нынешней молодежи не мешало бы подучиться уважению, причем не только к старшим, а ко всем людям. Чересчур дерзкие выросли. Даже удивительно соглашаться в этом аспекте с Тимати.

«Спасибо за беспокойство, я их пью чаще, чем выхожу в Интернет, юная леди».

Тишина. Вредная девчонка. Взял телефон, набрал. Сбросила. Ну и пожалуйста.

Зашел в ванную, включил воду, долго стоял под душем. Тело размякло, и я почувствовал невероятную легкость. Банальные сравнения с перышком или пушинкой, как ни крути, точно описывали мое состояние. Шум воды действовал гипнотически, отключая и без того едва работающее серое вещество. За последние три недели я скинул четыре или чуть меньше килограмма. Еще парочка месяцев — и можно участвовать в фестивале анорексиков. А мозг продолжал выдавать импульсы, создающие ощущение полета.

С этими мыслями меня снова шатнуло и увело в бессознанию. Уснуть не могу, а упасть в обморок — это сколько угодно. Хорошо, хоть рухнул удачно: и сам ничего не отбил и дырку ванны не заткнул, а то снова бы залил соседей, а это очень плохо, когда из-за твоего недуга страдают не имеющие к тебе отношения люди.

Затем пришел Валера с бутылкой рома. Открыл своими ключами. Пришлось-таки сделать ему дубликат. Вытащил меня из ванны, напоил чаем. Сам глушил ром — отмечал открытие нового квеста «Утомленные призраками». Так себе название, но я не стал его расстраивать. Просил на сайте инфу про их контору разместить, мол, тесно сотрудничают с нами, и вообще одни из первых подключились, и что для всех онкобольных вход бесплатный.

Вот жук. Хотя мне не жалко. Он меня поддерживал, надо тоже поддержать товарища, тем более что я вообще теперь в роли Деда Мороза.

Он выпил и что-то произнес. Но что, я не расслышал, вернее, не мог разобрать. Так как голос его прозвучал совершенно непривычно, так, словно кто-то включил замедленное воспроизведение, а потом, наоборот, переключил на ускоренное, и он стал разговаривать голосом Чипа и Дейла из дурацкого детского мультика.

Я закрыл глаза. Я несколько раз ударил ладонью по голове. Голос Валеры принял обычное звучание:

— Илюх, ты чего? Все нормально? Илюха, ты слышишь меня?

«Слышу», — хотел я ответить, но не мог произнести ни звука. Голос предательски пропал.

— Илюха! Держись, только не это! Держись, я прошу тебя! — убивался товарищ и, по всей видимости, тряс меня за плечи. Я чувствовал, как крепко вцепились его пальцы в меня, — так цепляются испуганные дети за одежду и руки матери, когда пытаются делать первые шаги и чувствуют, что теряют опору.

И тут я открыл глаза. В комнате никого не было. Кроме меня, разумеется. Ни Валеры, ни рома, ни какого-либо намека на их присутствие. Что за чертовщина? Что это было? Протер глаза. Ничего не изменилось. Я сижу на стуле. На столе ноутбук. На подоконнике увядшее денежное дерево, обои, расписанные мной. На полу какая-то кожа, целлофановые пакетики. Тусклый свет лампочек. И новое сообщение от Луизы:

«Прошла голова?»

Самое удивительное, что действительно прошла, и появилась долгожданная ясность мыслей.

«Не поверишь, но да».

«Охотно верю. Ну что, есть еще вопросы, зачем нас позвали к Малахову?»

«Думаю, чтобы рассказать, какие мы крутые, попиариться за наш счет и вызвать у зрителя водопад слез».

«Правильно думаешь, бро».

Что за бро еще? Говорю же, не хватает молодежи воспитания и уважения.

«Ну, и нечего там делать».

«А вот здесь ты не прав, красавчик! Есть как раз. Во-первых, это офигеть реклама для фонда, а во-вторых, кто-то забыл про Несси».

«Я не забыл».

«Вот и расскажешь про нее. Чем больше людей узнает, тем больше шансов, что найдется. Сказал, что голова не болит, а сам тупишь ащки».

Королева вежливости.

«Спасибо, не туплю, а притормаживаю. И что, меня начнут про фонд расспрашивать, а я скажу, да фиг с ним, давайте я вам про любовь всей жизни расскажу?»

«Не беси меня!»

Это мы уже проходили. Хотя, согласен, тупой вопрос. Наверняка там будут спрашивать не только про фонд, но и про меня, а я смогу поплакаться на несправедливость жизни, что вот, дескать, чужие желания исполняем, а свое заветное никак не могу. Но орать-то зачем сразу?

«Ладно, поехали, только не сильно-то хочется».

И вот мы уже сидим в студии «Пусть говорят». Мог ли я представить, что когда-нибудь такое случится? Конечно же, нет, рядовой парень, из рядовой семьи, ничем не примечательный, банальнее некуда, а тут сидит толпа людей и внимательно смотрит на меня, слушают, хлопают, поддерживают. Удивительно.

Малахов подошел, поздоровался, похвалил, улыбнулся. Кто-то подбежал, попросил сфоткаться с ним, со мной, с обоими. Подлетела гример, стала пудрить нос:

— Блестит он у вас.

— Это потому, что я весь блестящий, — пошутил я.

Она ухмыльнулась, игриво подмигнула мне и упорхнула дальше — придавать лицам снимающихся неестественную матовость ради красоты кадра. А люди что-то живо обсуждали, селфились, снимали видео и хвалились тем, что видят живую Малахова. И вот прозвучала команда: «Камера, мотор!» Все расселись по своим местам, притихли на мгновение, раздалась команда «Аплодисменты», и шоу началось.

Никогда не любил программу «Пусть говорят». Ради рейтинга и хайпа в любой мелочи находят повод для очередного скандала, а если повезет, то и драки. Все орут,

как на базаре или площади, не слушают друг друга, затыкают, перебивают, зато Малахов просто светится от счастья.

Так и в этот раз. Такая, казалось бы, светлая, добрая тема для передачи, но нет, и тут нашли, как все ополщить и перевернуть с ног на голову. Какой-то жирный депутат поднял руку и, дождавшись микрофона, посмотрел на меня и стал нести околесицу. Он ухмыльнулся и заявил, что давно уже не верит в сказки, а «Дримс» — это не что иное, как сказка, а если говорить прямо, то финансовая пирамида, которая скоро лопнет, как мыльный пузырь, как только мы наберем более или менее нормальную сумму, скажем, миллионов десять-пятнадцать. Он обвинил нас с Луизой в том, что мы мошенники, махинаторы, великие комбинаторы, Остапы Бендеры и Сергей Мавроди двадцать первого века. Призывал честно признаться и раздать людям их деньги обратно. Он утверждал, что у нас нет совести, нам светит огромный срок, мы обязательно будем разоблачены и наказаны, мы будем гореть в аду, он лично займется проверкой нашего фонда и обязательно выведет нас на чистую воду.

Я злился, но больше всего меня выводило из себя оранжевое пятно у него на брюках. Оно стремительно разрасталось и становилось все ярче и ярче. Но похоже, что никто, кроме меня, не замечал этого. Даже сам депутат. Вскоре пятно покрасило все брюки и перебралось на рубашку, пропорционально росту пятна увеличивалось и мое отвращение к депутату и ко всему происходящему. Все голоса слилось в один протяжный вой, похожий на отчаянный крик кита. Я стал задыхаться от негодования, но никому не было до меня дела. Все были поглощены обсуждением. И тут словно невидимый рой пчел закружил надо мной, и тело взвыло от бесчисленных укусов насекомых. Затем раздался громкий щелчок — и пятно исчезло, вой прекратился, а я расслышал противный бубнеж депутата.

Луиза начала огрызаться, но это только добавило масла в огонь. Из зала стали выкрикивать какую-то ерунду, что мы раним чувства больных, и не только больных, что деньги нужно собирать на лекарства, а не для бессмысленных прыжков с парашютом или татуировок обезумевших старушек, что мы вообще шарашкина контора.

Я сидел и просто офигевал от всего этого абсурда. Луиза держала меня за руку, и по тому, как крепко сжималась ее ладонь, я чувствовал, что терпение ее на исходе. Если бы не я, она давно сорвалась с места и надавала бы всем изрядных люлей.

Затем встала какая-то актриса, стала возмущаться, мол, где мы все были, когда от рака умирали Абдулов, Золотухин, Янковский, Солженицын. Такие великие, такие достойные долгой жизни люди. И что-то еще про искусство, что актеров, и ее в частности, никто не поддерживает, культура в плачевном состоянии, многие великолепные артисты умирают в нищете и одиночестве, и непонятно, куда деваются всенародные любовь и обожание. Как говорится, у кого что болит.

Я просто не понимал, что происходит. Мы помогаем людям, помогаем осуществить их мечтам, а нас вместо поддержки, вместо благодарности поносят и грозятся посадить за решетку.

Затем слово взял какой-то блогер. Тоже стал гнать на нас, что мы на самом-то деле ничего не сделали, просто продублировали сайт «Планета ру», а молодцы неравнодушные посетители, которые отдают свои кровные деньги на реализацию таких же проектов, как и на «Планете ру» (такое ощущение, что они ему заплатили, чтобы он прорекламентировал их платформу), с той разницей, что заявки оставляют онкобольные. А мы денег не вкладываем, у нас попросту их нет, и вообще, с каких пор школьницы стали заниматься основанием фондов? А вот он молодец, он реально помогает людям, ходит в хосписы, переводит средства на лечение, именно на лечение, а не на развлечения больных, о чем подробно рассказано в его блоге, который он не преминул прорекламировать.

Такое ощущение, что абсолютно все решили попиариться за наш счет. Тут Луиза не выдержала и стала обвинять всех, что они сами себя не слышат, что это их надо сажать за равнодушие и клевету, а мы реально помогаем людям и делаем это совершенно искренне, что наши волонтеры чуть ли не сутками сидят, разгребая и модерирюя все заявки, а раньше это делал я, при том, что у меня на секундочку рак, так что всем лучше заткнуться и посмотреть на реальные факты, а не высасывать свои обвинения из пальца. Пусть почитают отзывы этих несчастных людей, и все сразу же станет ясно. И мы сюда не за славой пришли, которая нам не нужна, а чтобы как можно больше людей узнали о том, как много умирающих от такой ужасной болезни у нас в стране и что все они нуждаются в нашей помощи и поддержке.

И тут наконец-то Малахов смог вставить слово, и даже не одно. Он сказал, что да, действительно немало благодарных отзывов появилось у нас на сайте, несмотря на то, что фонд существует чуть больше месяца, и что сейчас в студии появится тринадцатилетняя Алена Григорьева, мечта которой осуществилась благодаря нашему фонду.

Зрители бурными аплодисментами встретили хрупкую лысую девочку в сиреновой кофте и расклеванных джинсах, которая, испугавшись подобной реакции и пристального внимания толпы, тут же напялила на голову шапку и бросала растерянные взгляды на вышедшую за ней молодую женщину лет тридцати пяти. По всей видимости, это была та самая Алена, чьи стихи мы издали, а женщина — ее мать. Малахов подскочил к ним, начал усаживать на соседний диван, но мать расплакалась, подошла к нам и стала обнимать, не переставая благодарить.

Ведущий объявил, мол, вот они, неподдельные эмоции, что может быть прекраснее таких моментов?

Алена обняла нас вслед за матерью и даже чмокнула меня в щеку. У нее были холодные руки и губы. Я задорно подмигнул девочке, она мучительно улыбнулась в ответ.

Затем они наконец уселись и стали рассказывать про себя. Простая семья, многодетная, Алена старшая, есть еще двое. Отец работает строителем, мать — учительница русского языка и литературы. Все было нормально, можно даже сказать, хорошо, пока год назад не узнали об этом жутком диагнозе. С тех пор они упорно борются с болезнью дочери. Упорно и почти безуспешно. Сперва закончились сбережения, затем продали машину, затем первый кредит, второй кредит, третий, после него давать в долг уже никто не решался. Алена смирилась со своей участью, единственное, о чем она жалела, что так и не увидит сборника со стихами, которые она пишет с пяти лет. И тут мы и наш фонд.

Мама Алены снова прослезилась и кинулась обнимать нас. Зал притих. Перевариал увиденное. Так сказать, сменил гнев на милость. Малахов сочувственно произнес, что, к сожалению, подобных историй сотни и даже тысячи, и стал просить девочку прочитать стихи. Она застеснялась, но студия разразилась громкими аплодисментами. И вот она встала и начала читать.

Не скажу, что это были самые красивые стихи из тех, что мне довелось услышать, конечно же, нет, но, черт возьми, столько чувства, столько боли в них было, такая невероятная жажда жизни, что я сам едва не разревелся, как девчонка. А глаза, господи, какие у нее были глаза, когда она читала про звезды, про их свет, что ослепляет и манит к себе, про шум воды, про шорох травы и мяуканье котов под окном. Казалось, что это два магических шара, в которых застыла вся красота вселенной, вся невообразимая и разноликая красота миллионов различных и неповторимых галактик. А голос. Каким уверенным и могучим он стал в одночасье. Она совсем не была похожа на ту робкую Алену, испуганно смотревшую на маму и стесняющуюся своей лысой головы. Удивительное преображение.

Тринадцать лет всего девочке. Черт возьми, тринадцать. И ей придется уйти. Почему вообще такие люди должны уходить? Их нельзя отпускать. Нельзя. Они же несут свет, они, как маленькие, но невероятно яркие маячки, освещают нам путь в этой бессмысленной тьме бытия.

Меня буквально размазало по дивану от чувств. Теперь уже я сжимал руку Луизы так, что она едва не вскрикнула. А студия притихла. И это была какая-то необычная тишина, какая-то поглощающая тишина, всасывающая в себя. И время словно зависло где-то в невесомости. Алена же, закончив читать, так же робко, как и минуту назад, зашагала обратно к дивану.

Народ, как говорится, поплыл. Теперь уже никто не пытался наехать на нас. Сердца людей растаяли, хотя нет, тот же депутат, видимо, вспомнил новое слово и стал кричать, что мы манипуляторы. Студия начала недовольно свистеть и улюлюкать. Однако он не успокаивался и продолжал гнать, что, мол, книга — это, конечно, хорошо, но такая талантливая девочка достойна десятков, если не сотни подобных сборников, миллионов поклонников, бурных оваций, хорошего лечения. А главное — долгих и счастливых лет жизни, и тогда предыдущие пункты обязательно окажутся реальностью. Но для этого надо собрать деньги на ее чудесное исцеление.

— Как будто мы кому-то запрещаем собирать деньги? Луиза, мы запрещаем?

Она покачала головой.

— Вот именно. Пожалуйста, собирайте сколько угодно, просто таких фондов уже немало, а наш уникальный, он для другого. Неужели это не ясно? — я почему-то взбесился не меньше Луизы и начал рьяно защищать «Дримс». Вообще, что за наглость, сидят тут, умничают. Кто до нашего фонда знал об этой Алене? А о других? Да люди могут хотеть глупостей, но это их право, даже у смертников спрашивают про последнее желание, так чем онкобольные хуже смертников? Да, я тоже просил деньги на прыжок с парашютом, но этот прыжок во многом и заставил меня пересмотреть свои взгляды на жизнь. Исполнять свои желания — прекрасно, но помогать другим еще круче, еще приятнее, еще ценнее. И вместо того чтобы наезжать на нас, лучше бы задумались, а что сами хорошего сделали на этой планете? Я до недавнего времени точно ничего. А теперь, по крайней мере, пытаюсь, как и эта девочка, которая сидит сейчас, хлопает ресницами, слушая вас всех, а могла бы уже, между прочим, в гробике лежать, и ей плевать оттуда было бы на всех.

Алена от страха вжалась в диван, мать протянула ей руку и вывела из декораций. Луиза тянула меня вслед за ними, но я застыл как вкопанный. В ушах снова отчетливо звучал голос Валеры:

— Илюха, ты слышишь меня? Нет? Да приди же в себя!

Но я, напротив, потерял сознание. Очнулся в гримерной. Нашатырь быстро приводит в чувство. Перед глазами все плыло, но бородатый доктор в белоснежном халате парой хлестких пощечин легко вернул меня в реальность.

— Живой? — обеспокоенно спросил он.

Я кивнул. Послышался громкий выдох облегчения. Луиза стояла рядом и с тревогой смотрела на меня.

— Все нормально, — успокоил я теперь уже ее.

Через минуту мы вернулись на площадку и досняли передачу. Как только закончились съемки, все начали фотографироваться с Аленой, с Малаховым, со мной и Луизой. Все улыбались, были крайне вежливы, будто и не было никакого конфликта, даже депутат подошел к нам и невозмутимым тоном предложил поселфиться. Затем сфотографировался с Малаховым и понесся в другую студию на очередные съемки. Он в Думе бывает вообще?

Никто не брал никаких контактов, ни у нас, ни у Алены, ни у ее мамы. Честно говоря, не ожидал такого равнодушия, но ничего поделать с этим невозможно. К сожалению, у телевидения своя реальность. Здесь люди добрые на камеру — как только она выключается, заканчивается и их лимит щедрости и сочувствия.

Мне было грустно, и я смотрел всю дорогу в окно. Капли дождя разбивались о стекла, как дни моей жизни, и медленно растекались по ним. Самолет только следующим утром, но мотаться по Москве мне не хотелось, тем более в дождь. Луиза сидела на переднем сиденье и поддакивала таксисту. Он нес что-то о Собянине, о том, как меняется столица, о том, что вечно не хватает денег, ведь цены в очередной раз подскочили, а он уже несколько лет не был на море. Хорошо бы съездить в Крым, тем более сейчас, когда есть такая возможность, но дорого, очень дорого, он не может себе этого позволить, хоть и обещал маленькой дочери. Я не мог его слушать и вставил наушники. Бархатный голос Стинга завораживал своей мелодичностью и красотой, я закрыл глаза и растворился в музыке. Дождь и Стинг. По телу бегали мурашки.

Надо было пригласить семейство Григорьевых на ужин, но мы как-то закрутились и совсем про них забыли, а они, видимо, постеснялись навязываться. Мы, собственно, даже не попрощались. Я вспомнил глаза Алены, и мурашки с новой силой понесли по спине до самого копчика. Эти глаза я уже не забуду...

В гостинице Луиза кинулась созваниваться с родителями, я же просмотрел парочку новых заявок, выложил новый пост о «Пусть говорят», выложил несколько снимков дождливой Москвы, нашел видео Алены в Интернете, она читала то же стихотворение и еще одно, менее эмоциональное, около часа пересматривал его, написал Луизе, что собираюсь спать. Хотелось рисовать на обоях, но было нельзя.

Нельзя — как часто мы слышим это отвратительное слово. А потом что-то накапало, я открыл мини-бар и выпил все содержимое. Давно меня так не тошнило, казалось, что я выплуну легкие вместе с желудком и остальными внутренностями. Но нет. Обошлось без этого.

А ведь про Несси я так и не рассказал. И Луиза не напомнила. Вот черт. Непонятно, зачем, получается, приехал, а уже пора домой.

Вернуться домой не получилось. За час до выезда из гостиницы позвонила какая-то Надежда, представилась, сказала, что редактор программы, и пригласила на НТВ. Я бы точно послал ее куда подальше, но это был второй шанс рассказать о Несси. Что я и не преминул сделать. Правда, ожидаемого эффекта достигнуть не удалось. Все как-то вяло прослушали мою историю и не отреагировали на призыв о помощи в розыске.

В целом же передача мало отличалась от предыдущей. Разве что другие декорации, ведущий депутат, и вместо актрисы позвали малоизвестного мне актера. А в остальном чуть ли не слово в слово стали наезжать, что мы просто пиаримся за чужой счет, что нашей заслуги немного, и все такое. Можно подумать, их заслуга есть. Я что-то жутко разозлился на всех, хотел даже уйти, но тут они позвали старушку, ту самую, что мечтала о спектакле. Что ни программа, то вечер встреч выпускников получается. То есть не выпускников, конечно, но даже сложно подобрать точное слово, чтобы назвать, кем мы являлись друг другу.

Короче говоря, она тоже кинулась нас обнимать. Рассказала свою трогательную историю, и какие мы замечательные, и как все старушки и старичок обрадовались такой вести, и что теперь ей не страшно уходить — жизнь прожита не зря. И пригласила всех на спектакль в Питер. И под громкие аплодисменты вышла на авансцену и прочитала монолог Гамлета. Должен сказать, что прочитала весьма скверно, три раза сбивалась, путала слова, но на такие мелочи никто не обратил внимания. Все были рады угодить старушке, которая, безусловно, всех покорила и заставила изменить свое мнение.

Словом, даже рассказывать не хочется. Один в один. Так и работает наше телевидение.

А из Москвы я так и не уехал. Пришлось идти на третью передачу — на канал «Россия». Здесь я уже знал, чего ожидать, поэтому крайне отстраненно следил за происходящим и практически не реагировал ни на похвалу, ни на обвинения. Я не хотел упоминать про Несси — бесполезно, однако Луиза была не согласна и все же поделилась со зрителями моей бедой. Результата, это, конечно, не дало.

Мне было интересно, кого же на этот раз пригласят, а они решили выпендриться и вообще никого не позвали. Точнее, никого из тех, кто обращался в «Дримс» за помощью. Позвали представителей других фондов, и те стали расписывать, какие они чудесные и распрекрасные. Как там вещает нам народная мудрость? Всяк кулик свое болото хвалит? Так и есть. Я не стал дожидаться финальных кадров и сымитировал очередной приступ. Заканчивали уже без меня.

Я решил больше никогда и нигде не сниматься, хотя после эфира бюджет фонда вырос в три раза и был уже больше семи миллионов. А число заявок увеличилось вдвое. Как ни крути, а сила телевидения все же огромна. Но тратить время на новые передачи было утомительно и бессмысленно. А вот кино... Позвонил Бондарчук. Я так-то вообще не актер, но Бондарчук что-то разглядел во мне и предложил небольшую, но заметную роль в новом фильме.

Вот как так? Месяца полтора назад я бы прыгал до потолка от такого предложения, а теперь лишь сдержанно улыбнулся, но тем не менее согласился. А чего б и не сняться? Не фуры же с цементом разгружать.

Жизнь фонда наладилась, а вместе с этим пришла и ненужная, но приятная популярность. Количество подписчиков в инстаграм стремительно приближалось к шестизначной цифре. А после известия о Бондарчуке и к семизначной. Я понимал, что это ненадолго, но, может, поэтому мне и вскружило голову.

Бондарчук оказался приятным в общении. Вежливый, обходительный. Стал рассказывать, что как только меня увидел, то понял — роль моя. Вот и пригодилось кульковское прошлое. Даже пообещал гонорар. Я бы и бесплатно согласился, да даже сам заплатил, а тут еще и деньги получу, вообще сказка.

Единственный минус, что пока шел подготовительный период, а съемки должны были начаться только через месяц-полтора. И этот месяц прошел, точнее можно сказать, пролетел крайне продуктивно.

Я побывал в Японии и катался на их скоростных поездах, я объездил практически всю Европу, я посмотрел матч на Камп Ноу и видел вживую, как Месси забивает очередной красавец гол после невероятно исполненного штрафного, я поплавал в Байкале (холодная, но кристально чистая вода).

Я съездил в Якутию и посмотрел на карьер трубки «Мир». Огромная такая и глубокая дырень, ее даже из космоса видно. Пахнет только неприятно — сероводородом, зато из нее достали алмазов на несколько миллиардов долларов. Удивительно, что когда я стоял на смотровой площадке и глядел на дно карьера, покрытое подземными водами, к карьере подъехал микроавтобус, из которого вышла делегация буддистских монахов в своих оранжевых кашах. Один из них стремительно пролевитировал прямо на площадку. Остальные воспользовались ногами.

Я подержал настоящий, неграненый алмаз в руках. Холоденький такой и тяжеленький. Похож на большущий кусок соли. Меня провели на так называемую обогащательную фабрику, где эти самые алмазы извлекают, а потом в сортировочный цех. Не скажу, что дико приятное зрелище, однако раньше я не имел ни малейшего понятия, как добывают алмазы. А тут продемонстрировали весь процесс.

Я катался на слоне в Индии, я гладил панд в Китае.

Я стал гостем в шоу «Вечерний Ургант». Крутой он, конечно, ничего не скажешь, шутил, но безобидно про рак, и про «Дримс», и про санкции Евросоюза, только не дал толком мне ничего сказать, но зато сам предложил сделать селфи.

Я поплавал в океане. Не скажу, что сильно отличается от моря. Штормит только сильнее. Потом я лежал на пляже, слушал шум волн и голос матери, дочитывающей мне «Тараса Бульбу». Я предлагал ей поехать со мной, но она отказалась. «Зачем я там? — сказала она. — Это же твои мечты, а я вообще боюсь воды».

Я налетал немыслимое количество миль, один раз меня даже сняли с рейса: плохо стало, ничего не поделаешь.

И наконец, я побывал на концерте «Radiohead» и познакомился с Томом Йорком. Он вытащил меня на сцену, назвал крутым и бесстрашным человеком, и я спел с ним «Стеер», а потом мы ели мороженое, я спросил его про вафельные стаканчики, но он только рассмеялся. Видимо, не понял вопроса. Мой английский оставляет желать лучшего.

Короче говоря, использовал раковый бонус на полную катушку. Только теперь не нужно было ни у кого просить денег. Каждый день мне сыпались предложения что-нибудь прорекламирровать, стать лицом какого-нибудь бренда или в одном из видео передать привет кому-нибудь или озвучить слоган. Не скажу, что соглашался на каждое предложение, я все-таки не проститутка, но и совсем отказываться было глупо. Я накопил неплохую сумму и положил в банк, будет маме наследство. Хотя когда Луиза узнала о том, что у меня практически нет шансов на спасение, сперва наехала на меня за то, что ничего не сказал, а потом раструбила об этом всем на свете, и меня срочно включили в какую-то программу по тестированию нового секретного и суперкрутого лекарства, которое способно спасти даже таких безнадежно больных, как я. Если, разумеется, окажется по-настоящему эффективным. И вот так просто взяли и включили. Будто я действительно был настоящей знаменитостью или уникальным ученым, работающим над государственно важным изобретением.

Я думал, что такое только в сказках бывает, но нет, все реально. Даже более чем. Ввели какой-то препарат, велели пить таблетки и каждые десять дней являться на обследования.

И вот я уже в белом халате, со мной рядом Бондарчук объясняет мою роль, я киваю, и встаю на нужную точку, и готовлюсь играть, и несколько десятков глаз неотрывно следят за мной, и звучит команда «мотор!», и оператор наводит на меня объектив камеры, и, безусловно, дубль оказывается провальным. За ним еще один, и третий, и четвертый. Наконец, к пятому дублю я собираюсь и выдаю что-то более или менее годное. Все наблюдают за реакцией режиссера, тот дает отмашку, мол, пойдет, снято. Раздаются негромкие аплодисменты. И я блаженно улыбаюсь. Отлегло. Но это только одна сцена, а таких нужно десять.

Три смены примерно так и прошли. Меньше четырех дублей не снимали. Мой рекорд — тринадцать. Вот тогда я понял, что реальное ничтожество и как сложно быть киноактером. Смотришь на экран, думаешь: «Да ничего особенного, так, как играют наши звезды, может любой». Ага, шас. Я потерял больше двух килограмм. Хотя уже особо терять-то было нечего.

Мечта, конечно, осуществилась. Но, во-первых, не факт, что увижу себя на большом экране, во-вторых, лучше смотреть кино и верить, что это просто и получится у любого, чем проверять на своей шкуре. Короче говоря, путь к славе, как ни крути, тернистый.

Лекарство не очень помогало, по крайней мере вначале. Хотя боли подутихли, да и кровяных выделений стало меньше, но незначительно. А нам же нужно все и сразу. Когда долгое время чувствуешь себя так, словно на тебя насадили тяжеленный, нагруженный под завязку самосвал, то когда его слегка или даже наполовину разгружают,

ты все равно будешь чувствовать на себе самосвал. И никуда от этого не деться. Врачи уверяли, что есть положительная динамика, и это должно было обнадеживать, но я исходил из собственных ощущений, а они твердили об обратном.

А тут еще Луиза решила наехать.

«Привет, типа партнер. Жив-здоров? Я знаю, что вопрос слегка издевательский, но что-то ты подпропал. Не то чтобы неожиданно и я прям вся испереживалась, но у нас вроде как фонд, если ты еще помнишь. Я, конечно, понимаю, что после Бондарчука смотреть на остальных никчемных людишек стало непросто, сверху-то вниз, но... мы как-никак сегодня исполнили 500-ю мечту. Конечно, не сравнится со съемками у Бондарчука, но... Не будь скотиной, хоть напиши, как ты и все такое».

А про «Дримс» я и правда забыл. Просто все работало, как часы, мое присутствие уже не было необходимым, а я как бы пиарил и себя и фонд, хотя он уже не нуждался в пиаре. Но вот с Луизой точно нехорошо получилось. Она добилась моего включения в эту программу, которая может мне спасти жизнь, правда, шансы крайне малы, и все же, а я... Я даже сообщение не мог ей написать за две с лишним недели. Тоже мне товарищ.

Мне стало дико стыдно, как, наверное, бывает только в детстве, когда мы еще способны искренне раскаиваться в содеянном. Я написал: «Прости. Был не прав. 500 желаний — это очень круто! То есть каждый день кто-то получает или делает то, о чем мечтал, может быть, годами, а некоторые и десятилетиями. Это очень круто, Луиза!» Я написал: «Да я в порядке, я просто редкостная сволочь, но я знаю, как все исправить». И я правда знал, как все исправить, но Луиза сильно обиделась или начала выкобениваться.

«Ой, посмотрите, кто проснулся? Мы вас не разбудили? Хотя чего это я? Я же сама написала. Напросилась, так сказать. Вот дурочка, правда же? Чего это вообще маленькие девочки пишут таким большим и важным дядечкам?»

«О чем ты? При чем тут важный? Не понимаю. Я искренне прошу прощения. Это некрасиво с моей стороны. Мне немного сорвало башню. Я же не знал, что так получится. Но теперь я вижу, как это некрасиво, так что все в прошлом».

«Ого, похоже, тебе и правда сорвало башню».

«Уже нет. Слышишь? У меня есть для тебя сюрприз».

«Какой?».

«Если я скажу, это уже не будет сюрпризом, ты чего?»

«Не надо мне никаких сюрпризов. Я тебе кто? Дочка, что ли?»

«При чем тут дочка? Другьям, что, нельзя делать сюрпризы?»

«Не нужно мне никаких сюрпризов».

«Нет, это хороший. Тебе понравится».

«Не беси меня!»

И опять тишина.

Это мы уже проходили. Старая песня «Не беси меня!». Характер у нее, конечно. И тут снова голос Валеры:

— Илюха, ты где? Давай дыши, дыши, ты слышишь меня?

Слышу, только не могу ответить. С Валерой я, кстати, тоже не общался. Последнее, что знаю, так это то, что Инге удалось наконец забеременеть, и он тут же бросил пить и превратился в примерного семьянина.

Я вышел на балкон, вдохнул жуткий московский воздух, хотя его и воздухом сложно назвать, посмотрел вниз — стоянка и прокат лимузинов. Откуда же браться кислороду в городе, в котором ездят, а по большей части стоят в пробках больше пяти миллионов автомобилей? Я почти перебрался в Москву, но никак не могу привыкнуть, что здесь практически нечем дышать.

Прокашлявшись, вынул телефон и набрал Валеру:

— Живой?

— А ты? — усмехнулся в трубку товарищ.

— Как слышишь.

— Слышу, вроде нормально, хотя вчера в ухе стреляло, — пошутил Валера. — Чего хотел?

— Занят, что ли?

— В больничку едем.

— Инге привет!

Рядом с трубкой раздалось недовольное бурчание.

— Тебе тоже, — перевел товарищ.

— А я сегодня уже был в больничке.

— Илюх, давай перезвоню.

— Подожди, — чуть не заорал я, — объясни, что за фигня? Почему я слышу твой голос?

— Потому что ты позвонил мне, придурок!

— Да я не про это... У меня в голове уже который раз звучит твой голос, призывает очнуться. Я не пойму, что за ерунда.

— Вот и я не пойму, чего ты сейчас от меня хочешь, Илюх. Потом перезвоню, не могу разговаривать.

И отключился, и не перезвонил. Но уже и так понятно, что он не прояснит ситуацию, наоборот, может только запутать. Скорее всего, действие таблеток. Побочный эффект. Слуховые галлюцинации. Ладно, черт с ним.

Теперь к Луизе.

«Вот кто так делает? А? Придется все раскрыть, а значит, сюрприз уже не будет сюрпризом».

Нет ответа.

«Ок. Играй в молчанку. Только тебе придется дуться на меня в Исландии».

«С чего вдруг?».

Вот и заговорила! Магическое слово «Исландия» работает.

«С того, что мы едем в Исландию».

«На фиг надо? У меня школа».

«Я не договорил. Мы едем смотреть на китов. А, как тебе? По-прежнему дуешься?»

«На каких китов? Ты там точно ку-ку».

«Да это ты ку-ку. Хватить кукситься. Мы едем смотреть на китов. Синих китов. Настоящих китов, а не этих ваших мразей. Кстати, как они?»

«Никак... Что, серьезно? Прямо в Исландию? Они там есть?»

«Прямо серьезно. Прямо едем. Прямо в Исландию. И они там есть. Прямо. Ты же хотела».

«Хотела. Круто!»

«Не надо уже в школу?»

«Разберусь. И когда едем? Билеты взял уже?»

«Взял. Едем послезавтра. Еще вопросы?»

«Нет. Пойду паковать вещи».

«Вот это другой разговор».

Так и увидел, как она расплылась в улыбке, глядя на экран своего айфона, и представила себя в окружении десятка-другого загорелых мускулистых китов. Хотя непонятно, почему загорелых. Киты разве вообще загорают? Ладно, не суть, как говорит Луиза. Главное, что она обрадовалась, а значит, мне действительно, удалось все исправить.

И вот мы уже летим в самолете. Луиза смеется и слушает Басту. А еще она купила книгу про китов, читает ее и каждую минуту тычет мне в бок указательным пальцем, показывает картинки и зачитывает целые абзацы. Меня подташнивает, но я держусь.

Мы летим бизнес-классом. Луиза не летает в экономе. Оно и понятно. Я смотрю в иллюминатор и думаю: действительно, почему киты плавают в воде, а не по небу? Было бы намного круче. Летишь себе в самолете, выглядываешь в окошко, а там плывет кит и машет тебе хвостом. Ты ему в ответ, а он раз — и нырнул в облако. Красота. А потом раз — и самолет как метнет в сторону, это уже другой кит решил поиграть. Вот, наверное и ответ. И так сколько крылатых машин падает, а тут бы валились, как старухи из окон у Хармса.

Но Луиза прервала мои фантазии очередным тычком:

— Ты знал, что самки китов крупнее самцов?
— Угу. У многих видов самки крупнее, что логично. Им еще детенышей вынашивать.
— Я бы хотела быть китом. Вернее, китяжкой или китоянкой, хе-хе. Понял прикол?
— Это называется игра слов, — сказал я.
— Зануда. Я была бы самой большой китовой самкой на свете. И прожила бы лет сто шестьдесят, если не больше.

— Ого, а человеком и шестнадцати не хочешь.

— А может, уже и хочу, — загадочно сказала она и задорно хихикнула.

Вот такой она мне нравилась гораздо больше.

— Ладно, все, не отвлекай. Читаю дальше.

Как будто это я оторвал ее от чтения. Я снова уставился в иллюминатор, а Луиза читала до самого приземления. Сели мы гладко. А дальше все происходило, как в ускоренной перемотке.

Аэропорт. Встреча с куратором, имя которого я так и не смог запомнить, несмотря на все попытки. То ли Ульхрафель, то ли вообще Ульфалафель. Язык тут, конечно, не из самых легких.

Машина до Хусавика. Мы вертели головами, как зрители теннисного матча. Направо — направо, налево — направо. И обратно. От одного окна к другому. Природа в Исландии завораживающе красива. Можно применить массу синонимов: «очаровательно», «восхитительно», «невероятно», «немыслимо», «изумительно», «космически», но «завораживающе» — единственное определение, которое крутилось у меня в голове. Мы действительно были загипнотизированы пейзажем и буквально открыли рты от восхищения. Кристально чистое небо с ослепительной и бездонной синевой, массивные живописные холмы, заснеженные вулканы, красочные равнины и лавовые поля, дымящиеся гейзеры и окаймленные радугой водопады, изумрудные озера. Вот где самое место для Хогвартса. Ни один художник на свете не сможет повторить сочность насыщенных красок местного предельно разнообразного ландшафта. Здесь, как говорится, надо видеть.

Куратор молчал, не мешая нам наслаждаться видами. Впрочем, молчаливость — одна из главных особенностей северных народов. Они практически никогда не тратят время и силы на пустые разговоры. Такой суровый и постоянный дзен. Да и о чем тут говорить? Нужно молча созерцать и внимать голосу природы.

Впрочем, мои познания об Исландии ограничивались просмотрами фильма «Невероятная жизнь Уолтера Митти» и пары матчей их футбольной сборной, ставшей для многих настоящим открытием на прошедшем чемпионате Европы. Познания Луизы оказались еще скромнее: «Песня вроде есть про Рейкьявик, и вулкан у них Эйяфьятлайокудль, который вообще язык сломаешь».

Гостиница. Ну, как гостиница. Скорее, гостевой домик, но, во-первых, мы не в Турцию ехали за комфортом пятизвездочных отелей, во-вторых, он был весьма уютный,

а в-третьих, какая разница вообще, если уже утром увидим китов? Мы приехали поздно и настолько устали, что тупо побросали вещи и сразу же уснули, несмотря на завывающий, как стая огромных волков, ветер. Да, воздух здесь невероятный и чистый. У меня даже голова ни разу не заболела. Правда и ароматы, мягко говоря, специфические.

А на рассвете мы стояли у причала. Мы, пожилая пара из Франции и еще несколько японцев, которые, не переставая, щелкали фотоаппаратами и одинаково позировали по очереди. Такое ощущение, что в какую точку мира ни ткни на карте, там обязательно окажется хотя бы один японец и будет щелкать затвором своего фотоаппарата.

Все мы с дичайшим акцентом изъяснялись по-английски, но главное, что понимали друг друга. Куратор подвел нас к проводнику. Он был такой же бородатый и длинноволосый, как и большинство исландцев. Викинги как-никак. Луизе понравилось его обветренное, красное от загара лицо, она достала айфон и, уподобившись японцам, стала снимать его на камеру. Экскурсовод ни капли не смутился, напротив, улыбнулся и подмигнул моей спутнице, хотя я готов был поверить, что жители этой прекрасной, но суровой страны никогда не улыбаются. Я тоже сделал пару снимков. Идеальнее места для инстаграма не бывает. Проводник был великолепно физически скроен. И это легко угадывалось, несмотря на мешковатую штормовку и комбинезон, скрывающие очертания его фигуры. Имя у него было под стать телосложению — Тор. Такое и захочешь — не забудешь. Тор усадил нас в прогулочный катер, бывший некогда небольшой рыболовецкой шхуной, и на нем мы вышли в открытое море.

Куратор остался на берегу. Он смотрел нам вслед и махал так, словно навсегда прощался с родственниками, решившими эмигрировать в далекие и более теплые страны. Я опустил руку в воду. Холодная. Французы последовали моему примеру, начали брызгаться и смеяться, как дети. Луиза неотрывно вглядывалась вдаль. Японцы тоже начали брызгаться и весело хихикать.

Море, несомненно, поражало мощью, величием и безграничностью. Когда-нибудь человечество научится строить подводные города, и, возможно, тогда проблема перенаселенности Земли станет менее острой, а пока же эти непокоренные водные просторы не подвластны никому — ни китам, ни тем более уступающим им в размерах подводным обитателям. Неудивительно, что исландцы верили во множество различных богов, разделивших между собой управление планетой и ее стихиями. В одиночку такую махину просто не потянуть.

Волны одна за другой неспешно накатывали на наш катер, в небе плавно кружили чайки, выискивая добычу и выкрикивая, по всей видимости, ругательства. Ну невозможно таким неприятным, гаркающим голосом рассказывать что-либо радужное или любезное. Это то же самое, как если бы группа «Rammstein» взялась исполнять сонеты Шекспира да еще взяла бы на подпевку Мэрлина Мэнсона. Ветер не стихал, соленые брызги летели прямо в лицо, а Тор с невозмутимым видом продолжал вести наш катер навстречу китам. Кивком он подозвал к себе Луизу и дал ей подержать штурвал. Заметившие это японцы тут же выстроились в очередь. Не пропустят ни одного движения. Французы не поддержали их инициативу. Кажется, их слегка тошнило.

И вот спустя каких-то десять минут Тор заглушил мотор и подозвал всех к бортику. Мы сгрудились, как щенята у миски с едой, и стали ждать. Казалось, что и море застыло в безмолвном и неподвижном ожидании. Ветер утих, спрятавшись в седине облаков, и даже японцы перестали шептаться и фотографировать. И вдруг, как сильнейшей ледяной грозой, с ног до головы нас обдало потоком брызг. Буквально в пяти метрах от нас, словно вырвавшись из другой реальности, в воздух взлетел огромный кит. Перевернувшись, он с шумом плюхнулся и погрузился в воду. Тулуп оказался

не хуже, чем у Авербуха. В воображении возникла Татьяна Тарасова с табличкой: «10.0». Ох уж это телевидение.

Не успели мы опомниться, как с другой стороны показался еще один подводный гигант. Он был крупнее предыдущего раза в полтора и выполнил тулуп куда эффективнее. Японцы начали шелкать, как угорелые. Французы обнялись. Луиза взяла меня за руку, и только Тор оставался неподвижен. На его лице не дрогнул ни единый мускул.

И вот первый кит вновь в воздухе. Теперь чуть дальше и дольше. Мы успели разглядеть его гладкое, каплевидное тело, размеры которого не могут не восхищать и не пугать одновременно. А какие у него полоски на горле. Мне почему-то они напомнили полоски на шаурме, после того как ее прижигают в электрогриле. Я начал воображать, какой здоровенный нужен гриль для того, чтобы приготовить китовую шаурму, но второй красавец уже переплыл на сторону к первому и, фыркнув, выпустил фонтан. Невысокий, метра четыре. Японцы завизжали и затопали ногами, Луиза тоже вскрикнула от восторга. Вслед за этим выдохнул и первый кит. Его фонтан выстрелил всего на пару метров. Я тоже достал телефон и сделал пару снимков. Хотя лучше было заснять видео.

Киты же немного покружились и покуражились, высывая из воды то плавники, то голову, то хвост, а после снова, практически одновременно, словно участвовали в соревнованиях по синхронному плаванию, взмыли в воздух, перевернулись и нырнули в морскую пучину с таким грохотом, будто взорвалась, как минимум, половина ядерного запаса Северной Кореи. Показательное выступление окончено. И вот уже только большие пятна кругов на воде напоминают об увиденном минутой ранее удивительном представлении.

— Офигеть, — не отрывая от моря глаз, выдохнула Луиза. Она, затаив дыхание, следила за происходящим.

— Да, — только и мог ответить я.

— Офигеть, — повторила она.

Зато японцы болтали без умолку и хвалились друг перед другом получившимися кадрами.

— Вот кто хозяин планеты, а не жалкие людишки. Они очень крутые, очень, да они само совершенство!

Насчет совершенства я не был согласен, но выглядят они и правда впечатляюще.

Тор с интересом смотрел на нас, и едва заметная улыбка вновь заиграла у него на губах. Конечно, он не понимал ни слова из нашего диалога, но наши эмоции не нуждались в переводе.

Походив, как говорят моряки, еще немного по морю, мы вернулись в бухту, к причалу. Обратный путь все провели в молчании, оставшись наедине со своими мыслями. Да и вообще, Исландия — такая страна, что здесь не хочется говорить: нужно вертеть головой во все стороны, чтобы не упустить чего-то невероятного и прекрасного. Здесь ты словно маленький ребенок, впервые попавший в цирк и верящий на сто процентов в магию всего происходящего. Глаза как пятирублевые монеты, а сердце готово выпрыгнуть из груди.

— Кстати, о китах, — сказала Луиза, поднеся ложку дымящегося рыбного супа ко рту. Мы сидели в небольшом местном кафе и обедали. — Пишут, что вышли на их след.

— Какой след? — не понял я.

— Нечеткий такой, размытый. Но ведет он в сторону ИГИЛ.

— А, ты про этих китов? — наконец сообразил я. — Я почему-то не сомневался, что он будет именно туда вести.

И тоже достал телефон. Хотел посмотреть на получившиеся фотки, но мессенджер известил о новых сообщениях. Я открыл вк и обомлел.

— Ты чего завис? — хмыкнула Луиза.

Но я не мог ничего ответить.

— Траванулся, что ли? — не унималась она.

Я молча протянул телефон, с экрана которого на нас смотрела бритоголовая девушка.

— Несси, что ли? — чуть не поперхнулась Луиза.

Я кивнул:

— Прислали вот. Тоже вышли на след. Несси в Тибете.

— Так это же, так это же... — она не закончила фразу и кинулась меня обнимать.

А потом как оттолкнет:

— Фиг ли ты расселся вообще? Быстрее заказывай билеты!

Трясущимися руками я пытался набрать адрес сайта, в голове сами собой замелькали картинки: самолет, Тибет, Несси, здоровая долгая жизнь, счастливая семья, дети, огромный дом на берегу океана. Да, именно так все и будет.

Я уже покупаю билет. Прямых рейсов нет. Не страшно. Пусть с пересадками. Главное — лечу к ней. Я наконец увижу ее. И время трансформируется. То пролетает незаметно, будто одно мгновение, то останавливается и движется так же медленно, как посылка с ярлыком «Почта России». Люди, сообщения, лица, плач, смех, крики — все кружится в бесконечной карусели. Телефон разряжается, телефон заряжается, а внутри с бешеной скоростью колотится сердце. И вот я снова в аэропорту, и снова делегация монахов. Впереди мелькают их оранжевые одеяния. Объявляют посадку. Монахи дружным строем направляются к стойке. И вдруг я слышу за спиной на ломаном русском: «Проследуйте за нами». — «Что такое? Вы мне? Я не могу. Мне надо на рейс. Там Инесса». Но они будто не слышат, они берут меня под руки, они ведут меня в какую-то комнату. Яркий свет в глаза. Все залито белым светом, и они похожи на ангелов. Они вылитые ангелы, но они не пустили меня в самолет, они обвиняют меня в какой-то пропаганде. И я понимаю, что это заговор, глобальный заговор. Вселенная не хочет пускать меня к ней. Сейчас она узнает, снова сбежит, а я останусь ни с чем. А я останусь в тюрьме, вдали от Родины, вдали от нее...

И тут раздался глухой скрип, как будто игла проигрывателя поцарапала пластинку. А вслед за ним испуганный голос Валеры:

— Илюха, хватит уже, очнись, я же вижу, ты дышишь, ты дышишь, черт возьми...

Щелчок, еще щелчок. Я почувствовал, как его мясистые ладони хлещут меня по щекам. И я вдруг твердо осознал, что это и есть реальность. Я лежу в своей квартире и нахожусь на краю жизни, если уже не переступил через этот край. Вот сейчас я открою глаза, если смогу, но ради чего? Ради чего мне их открывать? То есть ничего не было? Ни китов, ни фонда, ни Луизы? Или все-таки было? Ведь я отчетливо видел, переживал, чувствовал, испытывал боль... Что есть реальность?

— Илюха! — белугой ревел товарищ, призывая вернуться в мир, в который мне не хотелось возвращаться.

И вдруг я вспомнил, как безудержно и в то же время с завидным хладнокровием ныряли в воду молчаливые и величавые киты. Вот кто должен знать ответы на любые вопросы. Вот кто хранит все тайны вселенной. Набрав побольше воздуха в легкие, я погрузился вслед за ними в глубину. Вода тянула за собой, вода манила и дарила невероятное спокойствие, долгожданное и неспособное надоесть. А дальше...

Дальше: я мог уплыть с китами, я мог открыть глаза и обрадовать Валеру, я мог освободиться из-под стражи и бежать на самолет, я мог создать еще одну реальность.

А мог лежать и ничего не делать. Я так бы и поступил, но нужно было сделать выбор.

Валерий ДУДАРЕВ

ПЕТУШКИ — КОХМА,
ДАЛЕЕ НИГДЕ
Новеллы без героев

*Моим Марианне Андреевне
и малышу Ра посвящается*

КОХМА

Новелла первая — изначальная

Нам с тобой досталась малость,
Но она важна —
Кохма!

Кохмой называлась
Целая страна.

Жили-были Чудь да Меря —
Чудо-племена!
В семьях дружных в полной мере
Мяса да зерна.

В речках тех водилась рыба,
А в лесах зверье.
Вот уехал разве ты бы
Из нее?!

Гром гремел, бывало, гневно —
Молнии одне!
Поклонялись каждодневно
Солнцу да луне.

Сочиняли сказки, оды,
Плача да смеясь.
Правил ими воевода,
По-славянски — князь.

Краше не было на свете
Женихов, невест...
И над всем — над всем над этим
Водрузили крест!

Валерий Федорович Дударев — русский поэт, главный редактор журнала «Юность». О поэзии Дударева писали Лев Аннинский, Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Алла Марченко, Новелла Матвеева, Инна Ростовцева и другие.

Всех земля перемолола,
Все пережила.
И у Божьего Престола
Новые дела.

Я и сам в иное верю:
Разошлись пути.
Только знают Чудь да Меря,
Где меня найти.

ВЕСНА В КОХМЕ

Новелла вторая — скорбящих радость

На приступочке в малом провинциальном городе —
Место это даже крыльцом не назвать —
Застыл человек, словно мошка в янтарном коробе,
Подставил ноздри солнцу и — ать! —
Стал — человек как человек,
Ни с кем не сравнимый,
И смотрит сквозь снег,
И снега мимо.

А в конце дня желтым зажигаются окна,
И возле каждого такого окна
Во весь рост встает — вот как! —
Ни с чем не сравнимая тишина.

А когда руки ручьев
Ощупают землю, как скульптор глину,
Словно ничье,
Я свое сердце выну —
И
Монументально,
Непоправимо,
Любви полна,
Тут же взойдет она —
Ни с кем, ни с чем не сравнима,
Ранняя, раненая весна.

КОХМОФУТУРИЗМ

Новелла третья — формальная

Приедешь в Кохму навсегда,
Едва поймешь, что значит Кохма.
А Кохма — это просто кофта
Из кофт, что были и тогда —
В серебряные те года.

Словесность русская. Скрижали
Впитали глупость, риск и страх:
Как футуристы на столах
В тех желтых кофтах танцевали.

Среди забвений и угроз,
Среди родного пофигизма,
Среди придуманных берез
Жжет Кохма — центр футуризма!

Собрав вечерний свой наряд,
Вот Кохма вздыбится огнями —
То кофты желтые горят,
То футуристы с нами.

УВОДЪ

Новелла четвертая — русалочья

Уходит Уводь к небесам,
Качаясь и алея.
Узришь и ты, качаясь сам,
Как гаснет Лорелея.

Бурлаки идут бечевой —
Все белые как снега,
Их нрав свирепо-кочевой —
Все драки да набег.

Ясон все время за руном
Спешит, от страсти млея.
Но это все не сон!
 Не сон,
А та же Лорелея.

Жаль рыбаков; их лодок тьма,
Их невод крепче стали —
Им оборвет ночная тьма
Дыханье рыбьей стаи.

В домишках выше — вдоль реки —
Желтеют окон пятна.
Вот костерки,
 вон огоньки —
И все,
 и всем —
 понятно.

АТЛАНТИДА

Новелла пятая — таинственная

Я Кохмой иду.
Обретаются снова
Улыбки, приветы.
Живется легко!
Так в Вологде ждут не дождутся Рубцова,
Где так полногласно звучит «молоко».

О, я бы дождался!
Но Кохма — иное.
Повсюду звучит полногласное «я».
Пятнадцать, январь, лебядя и льняное,
Пятерочка, прялка и даже семья.

Как яство, несу нетяжелую фразу.
Вот так и бреду — бестолков и учен —
Из дежки отпив рукодельного квасу,
Отведав есенинских рыхлых драчен.

Ах, ярмарка-сказка вдруг скрылась из вида.
Так что это было?
Виденье ли?
Сон?

Не зря здесь под воду ушла Атлантида,
А якорь на Уводи бросил Ясон.

Ночь.
Женское племя встречается разно:
То тянется к небу, то падает ниц.
Задумайся, странник, получится разве
Нежнее, привольней сыскать чаровниц?

О, ясные очи!
О, яркие взоры!
Насмешница месяцем выгнула бровь.
Под гроздь салюта — под залпы Авроры
Судьбой наливаются кровь и любовь.

Здесь жить интересней.
Мне жить интересней.
Куда ни посмотришь — и явь, словно новь!
Куда ни придешь — обрети и воскресни!
О, как же насмешница вскинула бровь...

В домишке ближайшем звучит радиоло.
Дедок у плетня уплетает морковь.
И чудятся села — далекие села,
Где свадьба за свадьбой,
Где песня за песней,
Где все еще помнят, что значит ятровь.

КЛИМОВ-ЮЖИН

Новелла шестая — хулиганская

Не привлекался,
 Не скандалил,
 Не пел, не пил
В Кохме —
 Даже не обнаружен —
 Не какой-нибудь там debil —
Поэт-эрот
 Климов-Южин!

Легче в гаджет кидать понты.
Ах, мещанская душонка — дешевка,
Разве постигнуть сумеешь ты,
На что Климову-Южину Мурашовка?!

Разве сможешь поднять рюмаш,
Как в скитаньях из Южи в Кохму.
Климов-Южин — спасатель наш?!
Я — допишу!
 Я — не сдохну!

Смотрю в окошко — гляжу в печаль.
Нескончаемы снег и ветер!
Прав был Блок, но смертельно жаль
Всю вселенскую дурь в поэте.

Стрелопесни его — лови!
Рано Кохмой на бой разбужен
Одинокий певец любви,
Нескончаемый Климов-Южин!

ЛЕСИН

Новелла седьмая — героическая

Когда по Уводи — печальный —
Пройдет последний пароход,
Я вновь увижу берег дальний
И неподвластный мне народ.

Чудесно небо!
Мир чудесен!
Чудесен белый пароход!
Поэт-трибун Евгений Лесин
Застыл у черно-белых вод.

Взлетают волны роковые,
Стихия дикая ничья —
Ей удивительно: впервые
Евгений Лесин у ручья.

Евгений Лесин сплюнет жарко
И, равнодушный сделав вид,
Прозрит: по всем законам жанра,
На Черной речке он стоит!

Все как и прежде: или — или!
В руке не дрогнет пистолет!
Давно дуэли отменили,
А речку — нет.

ФРОСТ

Новелла восьмая — потусторонняя

...Бабачит и тычет...

О. М.

Сияют лозы.
Хохочут козы.
Бабачит кошка,
Ей тычет мошка:
Одна дорожка —
Всем на погост!
В чаду и скверне
Завис в таверне
Твой благоверный,
Твой Роберт Фрост!
В нем сиротливо
Цветет крапива,
В нем молчаливо
Взошел бурьян,
В нем, как монеты,
Звенят кометы,
Свежи приметы
Чужих семян.
Коль не из робких —
Спешу по тропке:
Начнутся сопки
И гаолян.

ШЕСТОВ

Новелла девятая — философская

*У нас в России до сих пор продолжают
смешивать чудеса с идеалами.*

Л. Ш.

В Кохме читают философа Льва Шестова —
В Кохме чтут и любят такого.
Эта — одна из кохмских чудес примет!
Оттого и струится здесь, роково и шизово,
Над халупой любой тот несказанный свет.

ТРОЕ

Новелла десятая — хрустальная

В Кохме ночи хрустальнее,
Чем роса на лугу.
В дымке облако дальнее
Обратилось в деньгу.

Над заморскими милями
Дождь монет.

Ну и ну!

Как же,
Осип Эмильевич,
Не почуять страну?

Это,
Осип Эмильевич,
Вам не лагерный тлен —
Поднимается милое
Чудо-Юдо с колен.

Рынок.
Турция.
Кофточку!

Перекур.
Перегар.
Под свиную ли косточку,
Под вороний ли «кар»

Александр Аркадьевич,
Вас погонят взашей!
Обращаются кадрово
Палачи в торгашей.

Обратилась загодя
Вся кремлевская рать —
Даже малая запонка,
А должна покорять.

Каждый вовремя ссучится —
Благодать да приять!
Улыбнись — и получится
И продать, и предать.

Как же нам — палисандровым —
Недосталось Руси?
Вон Сергей Александрович —
У него попроси!

ТРОЯ

Новелла одиннадцатая — тихая

В Кохме ночи неслышнее,
Чем роса на лугу.
В звездах облако ближнее
Обратилось в деньгу.

Над родимыми мелями
Дождь монет.

Ну и ну!

Жил-был
Осип Емельевич —
Чуял Трою-страну.

Жил Сергей Александрович,
Поживал — гой еси!
Мы же грезы Кассандровы.
Трои — нет!

Нет — Руси!

ЕРОФЕЕВ

Новелла двенадцатая — подарочная

Всем дарованы свыше:
И печаль, и печать —
Ерофеев не пишет:
Петушки либо Кохму
Как теперь выбирать?
От нее и оглохну,
И услышу опять —
Тишину над пригорком
В липком мареве горьком,
Где черникова прядь.

Гильотину ли, дыбу
Вымерять, выбирать —
Нескончаемый выбор!
Вся кремлевская рать
Отворит со кручиной
Потребительский рай!
Будь же, падла, женщиной:
Каравай выбирай!
Обращая в потеху
И тюрьму, и суму.
До кремля не доехать —
Никому.

Никому!

В Петушках в каждом доме,
Словно в озере кит,
На печи в полудреме
Ерофеев урчит.
Вот и вся подоплека.
Братцы! Мне какво —
Если в Кохме далекой:
Никого.

Никого!

В Кохме той полустанок
Паровозом прикрыт.
И светлы спозаранок
Буерак и бандит.
Предрассветные блики
И в раю, и в аду.
Ерофеев великий,
Я тебя подожду.
Там, где Уводь осокой
Шелестит на ветру,
В волхованье высоком
Обступают ветлу
Летописная мера,
Заповедная чудь.
В это трудно поверить,
Ну, хотя бы чуть-чуть.

ПЕТУШКИ — КОХМА

Новелла тринадцатая — отрадная

Каждый день Господь Бог создает небо и землю.
И Кохму создает Он.
Из сотворенного Кохму одну приемлю:
Вон — электричка.

Скорей — в вагон!

Если вдруг в электричке
Стянут горе-вещички,
Которые ты зачем-то нажил,
Не грусти даже —
Хлебни водички,
Прекрасна твоя пропажа!

Ведь в Кохму все пути, все дороги — млечны.
Это Петушки вечны,
А Кохму надо создавать каждодневно.
Лишь в Кохме моя царевна!

Но из Петушков в Кохму нет электричества.
Как же ты там, мое высочество, а может, величество?

Зато в Кохме певуч ночной тепловоз,
Добры собаки, печальны кони,
И на скамейке среди соловьев и роз
Мир ясен как на ладони.

Алексей ШЕПЕЛЁВ

СЕВЕРНЫЕ ЗАМЕТКИ О ЮЖНЫХ КРАЯХ

За окном — море! Или показалось?.. (вид и обзор с авторской точки зрения)

Казалось бы, о чем мечтать: вышел на кухню и вот оно синее — море из окна видно! Метров триста до него по прямой, не намного больше. На горизонте у моря не какие-то там привычные пятиэтажки красуются, а вилла белоснежная... Не «коттедж», пусть даже и огромный, тут один домик для прислуги полпятиэтажки стоит, а на оградке вечером дюжина ламп загорается и салютом вышпаривают — два раза в год, как приедет хозяин... Вид вообще на все это великолепие не какой-то урбанистической дрянью перекрыт, а прямо под окном пустырь расстилается, заросший дикими травами, к осени — по пояс, как полагается, в мае — в том числе маками!.. Утром он залит непередаваемой природы солнцем, длинная яркая тень будто ползет по нему к морю... И не будто — а на глазах ползет!

На балкон если выйти, посмотреть направо — купола золотятся, тут же пятиминутка колокольного звона, и дальше всю службу преотлично слышно: двери церкви открыты и хор там весьма хороший. Тут же рядом — как будто развалины древние, особенно если на фоне огненно-рыжего заката: красный кирпич, начатки сводов и арок — это новая церковь строится, причем очень внушительных размеров. От балкона рукой подать, каких-то полсотни метров, ей-богу. Если же чуть высунуться и взглянуть в другую сторону — влево то есть, — то увидеть можно виноградную лозу, вьющуюся от земли к балконам, — воистину лепота! Не плющ, подчеркиваю, а уже в конце июня свисают повсеместно шарики зеленые... А если еще чуть в окно высунуться, а лучше выйти к подъезду — тут же слева увидишь знакомую всем гору с «шампиньонами» военных радаров, открыточный вид, можно сказать.

А на другой квартире, предыдущей, у нас дерево с абрикосами под окном красовалось, причем увитое еще и виноградом!..

Алексей Шепелёв — прозаик, поэт, журналист, рок-музыкант, автор нескольких книг стихов и крупной прозы. В том числе книг «Настоящая любовь» (М.: Фонд СЭИП, 2013), «Мир-село и его обитатели» (М.: Эксмо, 2017). Кандидат филологических наук (диссертация о творчестве Достоевского и Набокова). Произведения публиковались в журналах «Дружба народов», «Новый мир», «Нева», «Волга», «Север», «День и ночь», «Православное книжное обозрение», альманахах «Черновик» (Нью-Джерси), «Reflection» (Чикаго), «НГ-Ex Libris», «Независимой газете», «Литературной России», сетевых изданиях «TextOnly», «Топос», «Литература», «Частный корреспондент» и мн. др. Лауреат премии «Нонконформизм» (2013), лауреат журнала «Север» (2009), Международной отметины им. Д. Бурлюка (2003), финалист премии «Дебют» (2002) и премии Андрея Белого (2014). Лонг-листер премии «Национальный бестселлер» (2017), премии им. Исаака Бабеля (2018), шорт-листер международного конкурса малых форм для театра «Красный Нос 2018» (СПб.). Член Союза писателей Москвы.

Все это чудесно, что и говорить, и как долго в угаре мегаполиса об этом мечталось, да даже не мечталось — а как изможденному зноем и не верящему уже фата-морганам оазисов хлебнуть воды трясущейся горстью. Но кругом, как водится, нынешнего пошиба люди, и вода эта их многочисленными горестями отравлена.

Вилла не моя — думаю, это понятно. Смотрю я на ее огни из пятиэтажки, и в комнате и кухне, по ним перемещаясь, гашу из экономии свет. Церковь отличная, этого не отнять, действительно отрада для глаза и для слуха. Та, что строится, — самая приличная на свете стройка: работают русские мужики, и хоть с бетоном все равно и с современным оборудованием, но как-то интеллигентно, тихо. Звон сменился на некий авангардный — не беда. А прочее вокруг уж и не знаю, как начать описывать...

Буквально на глазах исчезло море. В два месяца перекрыли весь горизонт — сначала десятками грузовиков навозили, прокатав колеи по пустырю, здоровенную кучу земли, бульдозерами еще зачем-то нагребли, разрыли котлованы, и тут же появились железобетонные сваи, уродливые серые клетки, в которых день и ночь, как муравьи, орудут и гомозятся гастарбайтеры. Мы уж было и забыли, как они орут! Причем день и ночь — это буквально: над стройкой висит-высится циклопическая стрела крана с прожекторами, и когда она вращается, всю округу почище всех остальных омерзительных строительных звуков режет какой-то метафизический скрежет. Сначала я подумал, что это сигнал бедствия какой-то корабли подадут... Не знаю, как там в вилле, наверное, кроме тех же арбайтеров в домике прислуги, постоянно жгущих у ворот бочки с гудроном, нечасто там гостят, а может, звукоизоляция... А тут, хоть дом и новый (и именно потому, что новый!), такой сверлеж и долбеж зубодробительный доносится со всех сторон, что хоть святых выноси. И не только святых: даже кот не знает, куда деться, а сами мы уж день и ночь в берушах — но толку-то! Не то что через стенку — через этаж, чрез два, в соседнем подъезде, в доме напротив насверливают!.. И врезаются, вгрызаются в этот картон-бетон, металл и железобетон ежедневно, нещадно, с остервенением, месяцами! Целые стены раздробив, в мешках выносят в мусор, другие наоборот — перегородки выстраивают...

За стройкой — новые еще дома торчат, другая стройка. Вообще со всех сторон горбатятся, пронзая гигантской буквой «Г» розоватое южное небо, эти высоченные краны с прожекторами или другие — отвратительно похожие на паучью ножку; день и ночь под ними долбят, варят и сверлят, и весь наш райончик, такой от природы прекрасный, одна сплошная неумолкающая стройплощадка. Загораживая виды на море, на гору, на церковь, на город, то тут, то там высятся несуразные для этих мест, для курортного городка вообще, в несуразнейших местах понатыканные многоэтажные громадины — полная победа победившего капитализма абсолютно надо всем — как будто над самой природой и здравым смыслом. Рядом с виллой коттеджи поскромнее и гостевые дома — буквально на глазах на пустырь лезут, будоража его рвами и разгораживая рабицей. «Проданная даль» — теперь понимаешь, что это значит: как будто окопы, доты, воронки и колючая проволока. И никакого тут художественного преувеличения в духе экзистенциалистского бреда, что, мол, нас, продвинутых, «от всего подташниковат», даже «от ваших моря и солнца», никакого кухонно-недовольного бормотания блогеров про открытый канализационный люк или выбоину на дороге. Как говаривал Паниковский: «Нет, вы поезжайте и спросите!»

«Развитие региона» — действительно прекрасно, и люди ежегодно приезжают, и немало, и селятся в коробки эти ноктюрнические и ремонтируют их напропалую, но стоит им прочувствовать, какой зимой ветрище в этих южных краях нижеет, как в восемь вечера гаснут повсюду окна, транспорт перестает ходить, город безлюднее, да и так всё работают толко лэтом и только в самозанятости... Тут же едва ли не на каж-

дом окне и балконе появляются таблички «Продаю», кто-то даже продает, и новые наивные жильцы с новыми силами начинают остервенело обустривать ту же жилплощадь — и так до бесконечности!

«Может быть, просто вам не повезло?» — да я и сам себе назло задаю все тот же вопрос. Конечно, мы выбирали квартиру из самых дешевых. Но не от хороших же условий мы уже здесь сменили четвертую. Да и то 15 тыс. за однушку в таких кондициях — это может показаться дешевой разве лишь только самым на все зажмурившимся москвичам.

Предыдущая квартира была в старом доме, и там если и не буравили и перфорировали настоль непрерывно и форсированно, как больше полугода здесь, то утро начиналось в шесть часов от дикого крика безумного мальчика сверху: звонок будильника и «А-а-а!» — даже с хрипотой, как в дурацком мультфильме. Потом топот целого табуна скакунов и перебранка с мамой и папой, такими же эксцентричными и истеричными, как их отпрыск. И так часов до двух дня, а после еще вечером «сет», и еще один на сон грядущий, иногда глубоко за полночь. Даже ходили к ним, но только развели руками: унять ребенка семи лет — кому это нынче по силам! Лишь девочка четырехлетняя, тоже среди этих безумств живущая, проживает свои дни совсем неслышно, сочувствуем ей, бедной...

Да что все это описывать — как будто продолжение романа «Москва-bad», ведь хочется-то о другом... И кто поймет и поверит: нашествие комаров, мошек, черных жуков и крыс — все из мусоропровода. Комаров и мушек — тучи, и неделями. Жуков — единицы, зато ежедневно и круглый год, и величиной они в палец. Крыса — одна, но приличного размера и воспитания настолько, что после кормить ее пришлось...

А главное на обеих квартирах — трансформатор прямо под окном, так что если и перестанут вдруг все вокруг высверливать, все одно от его неизбывного гуда ни днем ни ночью не спастись. Ну, летом, мне возразят, такой же трансформатор практически у каждого: жарыща аномальная, невыносимая духота (40–41 °С в 2017-м! — а тут и 25 уже каюк при штиле), кондиционеров понаврубает сто-о-олько! Здесь в каждом доме этот агрегат, а у иных их, как телевизоров, и два, а то и три! И круглосуточно! Разболтаны донельзя, капель — апрельская. А то зимой — на обогрев...

«Пиво, рыба, рьяки!» — все удовольствия местного гостеприимства, за ваши деньги. А бесплатно — немного иное, уже привычное на сетевых форумах недавно отдохнувших кубанское хамство. К примеру, такая сценка. Вокруг трансформаторов, меж вездесущих мусорных баков и понаставленных машин ютятся плодовые деревья: жердела, алыча, айва, шелковица, черешни, вишни, тот же абрикос... Все созревает на глазах, и даже по-туристски наивно думаешь, как прямо с ветки хоть чем-нибудь бы угоститься... Тут девушка с рюкзачком — шла мимо (видимо, на пляж) и решила до «персика» дотянуться. «Как выскочу, как выпрыгну!..» — из окна соседнего с нашим раздалась поистине достойные inferнальных церберов окрики местных пенсионеров. «Я тебе щас морду расшибу!» — цитирую дословно, опуская только нецензурщину. На девушку пятнадцатилетнюю! И тут же дед полоумный на улицу выскочил с палкой! Я тоже, признаться, не выдержав, схватил уже ручку от швабры, которую было мечтал использовать как плодосъемник... Не дождавшись наказания или заступничества, девчужка ретировалась, а дед и баба еще долго выкрикивали проклятия.

И такая «сигнализация» приставлена чуть ли не к каждому деревцу, так что с эдемской непосредственностью лучше не тянуться за каждым красивым плодом.

Конечно, никакое не Южное это полушарие, не кипрская Айя-Напа, всего лишь Черноморское побережье, не гоголевский Рим даже, чтоб к нему стремиться, — все равно типичная российская провинция, пусть и широко известная и не теряющая курорт-

ной популярности. В эпоху Интернета информация что-где-почем не дуже большая ценность, да и вообще не за тридевять земель, всего-то тыщи полторы км от МКАДа. Но все же одно дело «на недельку до второго» в пансион завалиться или просто га-лопом промчаться по всем типовым аттракционам, столовым и шашлычкам, и если уж совсем не удалось отравиться, то обязательно обгореть до состояния свежесваренного рака. Две недели в фанерной клетушке под positive vibrations кондиционера, ночное «Опа! Анапа», под вино и чачу — это для нашего человека даже как-то вдохновляюще... Немного другое — переехать сюда на ПМЖ и уже прожить безвыездно два года. Ну, и еще кое-какая русско-дауншифтерская специфика...

Конечно, немало здесь приветливых, отзывчивых людей, и природа, как ее ни уродуют, как ни наступают на нее со всех фронтов, богатая и благодатная. К сожалению, в наше время дефицит настоящего, содержательного общения такой же бич, как болезненное пристрастие к автомобилю или перфоратору, поэтому привычные сюжетные истории, на реальной основе, но типичные, написать затруднительно, а вот «натурфилософские» заметки так с первого дня на бумагу и просятся.

Город цветов. Город котов!

«Анапа — город цветов», такой по городу на баннерах поразвешан лозунг. И это правда: цветов тут очень много, они повсюду, и если не круглый год, то целых полгода сменяют друг друга, но сменяют с непривычной стремительностью.

Уже в марте, когда у нас в краях тамбовских совсем черно и голо, открывают цветочный сезон и начинают непрерывный марафон нарциссы: они на каждом клочке земли, под каждым окнами! В некоторых местах и никаких клумб или оградок нет: просто цветы под деревьями, при дорожках и тротуарах — как не понять, откуда вылезшие чуть увеличенные подснежники. А сначала одни листья — очень похожие на группку только что выбившихся из земли перьев дичков чеснока — но это в конце февраля!

Сразу за ними — тюльпаны. Их тоже можно встретить в самых неожиданных местах, я, например, не раз встречал одиночный прекрасный цветок «в полях» посреди обычного разнотравья. Один даже был виден из окна — маленькой алой точкой, как на картинке центр композиции. На пустыре срывали, а в городе любые цветы настолько привычны, что мы никогда не видели, чтобы их тут же, как у нас, «ошачили».

Затем постепенно подтягиваются ирисы — неспешно так вытягиваются и распускаются. «Вытягиваются» я пишу не зря, поскольку стебли тут у них непривычно длинные, и до самого лета все растут. А вот цветочки сами на них всегда настолько как-то высушенные, что не поверите — практически совсем не пахнут! На непрерывном солнце, на семи ветрах, в несуразной этой сухости климата — как не похожи они на наши, непомерно сочные, пахучие и листьями, и цветками! Летом они здесь вообще выгорают до полной белизны или слабо-красноватого какого-то оттенка — как будто искусственные бумажные цветочки.

Вот это неожиданный для нас, печальный и прискорбный факт: практически все цветы здесь не имеют ярко выраженного запаха — даже сирень, тоже какая-то странная, здесь не источает пьянящий аромат!

Пахнут только нарциссы — пока еще зимняя сырость, а в сентябре—октябре и даже в ноябре — повсюду на обочинах ярко-желтенькие цветочки, — но не повторное высыпание одуванчиков (которые по сочности и запаху здесь тоже не чемпионы), — а повторное цветение дикой рукколы. Причем ей тоже довольно ощутимо пахнет, и запах весьма сходен с ароматом нарциссов!

Раньше нарциссов — в теплый год иногда уже в середине февраля — зацветает абрикос, а затем повсюду — миндаль, алыча, японская айва, примерно как в средней полосе цвет вишне-яблоневый. Не бросаются в глаза и низкорослые одуванчики, торчащие кое-где вдоль дорог, — за три месяца до наших! Из цветов самых ранних, но уже тех, что в центре города на всех клумбах, — анютины глазки, и необычайно долго они держатся, по сути, весь год, не сторают в неделю, как высаженные у нас на участках под летним солнцем. Сами яблони и вишни здешние, когда зацветут, — почти незаметны, совсем без обозначения весеннего буйства чувств природы как ежегодного пика и рубежа. Вместо черемухи — акация, и вроде местами сладковатый дух по городу идет — но как несравнимо это с безумством шикарных запахов внезапно обрушившейся нашей весны!

Акаций здесь множество разных видов, самая интересная из них — альбиция, тропическая акация, цветущая розовыми пушистыми венчиками. Цветет она поздно, уже ближе к лету. Когда солнце не совсем еще эти ворсинки выжарит, можно, приняв себя, обонять их нежный сладковатый запах. Мы даже с Аней видели, как на таком деревце кормился... колибри! И не показалось, не перепутали с бражником (хотя они здесь как раз такого же размера), не «что-то промелькнуло»: это было уже вечером, и долго он суетился-обрабатывал, зависая, так что нам уже надоело наблюдать.

На самом деле это, кстати, и не акация, а из семейства бобовые. В апреле цветет повсюду другое примечательное дерево — катальпа, цветки его напоминают нечто среднее между белым ирисом и цветками картофеля. Летом и осенью все катальпы в гроздьях длинных стручков, если их разломить, пахнущих как зеленый горох, но это «дерево со стручками» наоборот к бобовым не имеет никакого отношения. Как ни странно, родственник катальпы — лиана камписис, «с гавайскими цветами», которой увиты многие крыши, бордюры и ограды.

Примечательно, что от жителей города, живущих здесь уже долго, но по инерции и уже в привычке к окружающей красоте, не удалось добиться ни одного из этих названий. «Дерево со стручками», «оранжевая лиана» или еще одно чудо, сосна пицундская — «просто елка». За суетой «в такие мелочи» (а тем более, что растет на лугах, на обочинах, в горах, а не под окнами и не в клумбах!) мало кто вникает: мало того, что в магазинах большинство товаров «опрощено» почти до неузнаваемости, на рынке, на привозе с надписью «смородина» продается гибрид йюшта, с надписью «слива» — чернослив, а то и редьку в супермаркете продают за репу и т. д. Это, конечно, не махинации, как с рыбой, когда не разбирающемуся покупателю более дешевый вид подсовывают или «все заедино» под видом осьминога расфасовывают щупальца кальмара, но все же обидно как-то — за сами культуры, за нашу культуру знать и различать дарованные человеку богатства биосферы.

Кстати, смотришь обычно на сосну: ну, шишки и шишки... А тут, наблюдая это уникальное (древнее!) дерево каждый день, открываешь для себя столько метаморфоз этих шишек и соцветий!..

Если кому-то не до шишек и прочих елок-иголок, то самое популярное растение Анапы — розы. Здесь они повсюду, их настолько много, разных цветов, калибров и видов, и настолько высоченные, плетистые и пышные, что у приезжего «европейского» человека дух захватывает! В Москве или в других холодных городах, понятно, насаждают розы — где-нибудь в центре, они как бы жмутся в тесных, неудобных клумбах посреди асфальта и бетона... А тут — из-за каждой ограды торчат россыпи — ростом выше человека! — ярко-красные, белые, розовые, желтые... Особенно привлекают туристов розарии в Ореховой роще — тут розы с мая по октябрь, и всячески окультурены — все ходят фотографируют, принимают. Какое-то благоухание от таких

больших массивов, конечно, есть, но опять же более-менее ожидаемо пахнуть каждый цветок начинает разве что в сентябре! А то и в ноябре иль даже в декабре белеет где-нибудь — и даже пахнет! — невзрачный запоздалый бутон...

Но не цветы нас наиболее поразили — коты. Конечно, и в прочих городах и весях мы всегда обращали на них внимание, но никогда нигде не видели их настолько много и практически повсеместно! Здесь под каждым под кустом — сидит кошечка с котом! И притом самое поразительное, что они не просто сидят — они здесь *живут*: живут на самой что ни на есть постоянной основе, в обычной своей котинной рутине и повседневности. В кустах этих под окнами многоэтажек — как будто целые кошачьи оазисы, тут обитают буквально целыми прайдами; у дверей магазина — как у сетевых супермаркетов, так и у каждой частной лавочки, будь то продуктовая, ремонт одежды или парикмахерская; просто у дороги, свернувшись клубочком, схоронившись от ветра и дождя в ямке за кочкой — зимой! И это никакое не «вторичное одичание»: все эти котики живут свободно — как им и подобает, у каждого своя территория (несколько раз мы видели пришлых, которым тяжело было приткнуться), их довольно регулярно кормят или подкармливают, при этом едва ли не каждый из них, если позвать и потихоньку подступить, готов к общению с человеком, хотя бы и незнакомым прохожим.

Самое известное и наглядное такое «котовье котов» — как по улице Гребенской к главному входу на центральный пляж выйти. Как увидите впереди железную карету, на коей шашлыки нажаривают, так по правую руку за забором и бордюром котовье и будет. Впрочем, коты и так дадут о себе знать: они здесь циркулируют повсюду. Колоритнейший еще в центре города котовый притон — у зеркальной стены аттракциона «комната смеха», всячески искажаясь и перемножаясь, сидят и тусуются с десяток крупных разноцветных красавцев! Каждый отдыхающий и от Высокого берега прогуливался по набережной: здесь вам и прайды попадутся, и едва ли не у каждой лавки сидят к ней прикрепленные кошечка иль котяра. Пройти дальше — отсюда спуститься по опоясывающим берег дорожкам к центральному пляжу — то же самое. Поражаешься: по лавкам и под ними, по обочинам в кустах, на клетках бетона, как фигуры шахматные — всё коты сидят, горбятся. И хорошо, когда лето — тепло и много прохожих, а то идешь зимой — морозец, ветрище невыносимый, а они всё дежурят. Своему коту выискиваешь в магазинах «ваську» подешевле, но иногда едва ли не один пакетик до дома и доносится — так хочется оделить всех котосов беспризорных!

Самые жалкие котики — уже потрепанные жизнью, увечные или просто жестоко очерствевшие — приходят не понять откуда и поселяются-то в самых нерыбных местах. К примеру, у будочки «Офис продаж от застройщика» у перекрестка напротив «Красной площади». Причем если перейти к торговому центру, то с другой стороны в сточной трубе ниже уровня дороги вполне благополучно (даже со стороны заметно: он очень любит играть, что все же для взрослого кота, тем более уличного, редкость) проживает коричнево-черный, как бы камуфляжный кот. У него там, как и у многих «коллег», выставлены импровизированные мисочки — чаще всего с какой-то дребеденью вроде размокшей одноразовой лапши, остатками сухого корма. Иногда, чтоб поживиться или припустить за котом, ныряют туда собаки. Иногда останавливаются и что-нибудь крошат вышедшие из гипермаркета. Однако эти котосы, даже и из самых черствых, оказывается, не всегда способны акцептировать любой вид корма. Подобно домашним (такие новые — как раз, наверное, выброшенные из дома), каждый из этих усатых-полосатых приучен к чему-то одному: кому сырую «ваську» подавай, кому сухую, кому человеческий корм. И им, как правило, дается. Не топят здесь котят — просто выносят в коробке на улицу: «Авось под елками пусть

живут!» (Как в скверике у памятника «Три свечи»; особенно живописно это котовье в редкостно новогодних для юга декорациях — между покрытых снегом разлапистых сосен!). Иногда, правда, можно заметить, что насыпали котикам какую-нибудь откровенную гадость вроде остриженных куриных когтей!

Наш знакомец по первой квартире Вася — матерый ушлый котяра, по сей день пробавляется на привозе. Вторник, суббота с восьми часов — он как штык у мясного или рыбного ларька, и видели бы вы его осанку, достоинство и взгляд! Как он определяет дни недели и что надо обойти весь дом — довольно далеко, по идее, уже не его территория — по каким часам перемещается от одного ларька к другому — одному ему известно.

И все же хоть и редко, но коты меняют дислокацию. Заметить это, конечно, по уличным питомцам трудно, но один больной котик, страдающий, видимо, от паразитов и похожий из-за этого на львенка (бежевый, иссохший, с высохшим совсем хвостом, так что осталась одна «грива»), сразу приковал наше внимание. Давали ему корм типа «Вискаса» — не стал. Обрелся он под «елкой», при дорожке как идти в Ореховую рощу. Издалека уже увидели, как женщина подошла его кормить, мы хотели завести разговор, что надо его лечить от паразитов, но подойти не успели. Потом мы все сокрушались, что «львенок» исчез, может быть, погиб уже. Однако через какое-то время увидели этого котольвенка в Ореховой роще — он был уже практически здоров, вполне упитан, с почти обросшим хвостиком, и люди его гладили.

В Ореховой или у магазинов только и слышишь: «Смотри: кися!» — сюсюкают ребятишкам мамочки чуть ли не до старших классов. А дальше повзрослел чуть — и резко по барабану всё, разве на фоне розанчиков пофоткаться, да тут и джип с музоном и перфоратор уже не за горами. Конечно, не все такие детки. Помимо котосов мы еще подкармливали на стройке двух кобельков — и как отрадно было увидеть, что им приносит еду и играет с ними девчужка лет пятнадцати! Как ни странно, здесь и взрослым есть какое-то дело до этих неизбывных котов, котят и кошечек. Вообще по месту и способу обитания, по приписке к объекту проживания коты распределяются по градациям. На улице живущие одиночно — это одно, на улице состоящие в семействе — уже другое. Иная категория — дежурящие, как сфинкс, у двери супермаркета и живущие на улице при магазинчиках. И уж совсем иное для счастливых (а их немало!), проживающих — или квартирующих, «временно размещенных» — внутри магазинов и различных заведений, причем не только и не столько закусочных или столовых, как можно подумать, но заведений самого широкого спектра, вплоть до банковских! Такого уж точно мало где увидишь! Заходишь в обувной — на банкетке, как так и надо, холеная кошечка распласталась; на витрине меж обувью, одежкой и бижутерией как будто выставлен — кот; суешься в окошко ларька «Ремонт обуви» — кот! В продуктовом коты-привратники дежурят; в кондитерской тебя чуть не сшибает с ног матерейший котяра, а хозяйка тут же объясняет, что «это он играет», и сама толкает его ногой, чуть не пинает, а кот примерно такой же нежной грубостью отвечает!..

Коты повсюду, даже у моря. Иные не то чтобы со скамеек или ступенек набережной величественные природные красоты созерцают — за ограждениями восседают на самых крутых обрывах, с величественным и невозмутимым — подстать обзору — видом! А некоторые — вообще морские: спускаются по лестнице, подбираются вплотную к морю, сидят и лежат, как и люди, развежившись от солнышка и бриза, на гальке и валунах, едва не омываемые волнами!..

Мы своего Кошмана тоже, как только приехали, к морю потащили. Но вечер уже был, бушевала стихия, и он не оценил... Да он и дома-то к необычному климату привыкал очень долго.

«Цветы любви»

При взгляде в окно ежедневном — какое-то странное ощущение, нечто странное видится: на парапланах вдоль линии горизонта любители проплывают, иногда такой парашют каждые пять минут! Но это даже умиротворяет взгляд, как и видимые тут же архетипически треугольные крыши гостевых домов — здесь даже на многих многоэтажках приделаны такие же навершия, что сразу же меняет вид, не то что не дающие душе секунды отдыха чудовищные коробки.

Или чайки с утра пораньше барражируют прямо перед окнами — кот недоумевает радикально! Настроишь взгляд и слух на ближнее: у переполненных утренних мусорных баков не голуби копошатся и воркуют, не воробьи чирикают и скачут (их здесь как-то нет вообще!) — а именно «бакланы», здоровые и жирнющие, восседают чинно или деловито потрошат пакеты.

Кстати, из невиданных для наших городских глаз пернатых тут можно встретить, к примеру, горлиц или с голубым оплечьем соек — иногда прямо в городе порхают по веткам алычи. На пеших тропах за городом — непременно жаворонки с хохолком, на деревьях возле автозаправок — дроздики, темные, в блестящих, будто конфетти, фиолетовых и желтоватых крапинках.

На парапланах летают вдоль берега моря, представляющего тут из себя довольно крутой, высотой, наверное, с пятиэтажный дом, обрыв. Нам сюда легко пешком — только пересечь пустырь. Берег моря здесь необычный, совсем не похожий ни на песчаный пляж, ни на каменистый, — здесь все в самой что ни на есть зеленой траве! С марта покрывается все дикими злаками, а над их волнистым ковром тут и там торчат конский щавель и лебеда — местные доминирующие сорняки. Сначала, конечно, весенние цветочки являются, низкорослые и, как и у нас, робкие, в основном на самых склонах, напоминая нашу мать-и-мачеху, но очень быстро оживает после безморозной зимы и все вышеназванное, зелень становится какой-то неприлично яркой, растет все, как в убыстренной съемке. Пара недель — и «лопухи» по пояс. А внизу, на нижнем ярусе — красивейшие дикие ирисы, фиолетовые и желтые, настоль миниатюрные и для весны неожиданные, что и не сразу разглядишь, за ними тут же гвоздичка какая-то дикая по обрыву лепится, цмин или бессмертник желтеет, а уже по дороге на гору — низкорослый чебрец, к началу лета можно собирать. По виду и по запаху вроде та же самая любимая наша травка для чая, но приняться — против «душицы» с тамбовских просторов совсем не то: отдает бензином, и в заварке тоже, чаще всего бабуси и продают этот подвид незадачливым туристам. Но главное, с самой весны здесь можно на каждом шагу сорвать, растерев в руках ее листья, особой приморской полыни — низенькой, с совсем не горьким, а тонким и сложным, напоминающим парфюмерную композицию ароматом. Есть и еще два вида полыни — та, наверное, что называется лимонной, ее мало, ну и наша горькая, которой много, так что уже в начале лета вся эта травища (плюс еще устрашающий своими размерами и видом чертополох и занесенная, как и упомянутый чебрец, в Красную книгу белладонна) стоит тут в рост человека. В этих зарослях сорняка кустиками и группами мелькает дикая мальва — так называемая *лесная*, с лиловыми цветками и приятным запахом, так что их тоже можно в чай добавлять — в горячей воде цветки становятся прозрачными, как будто медузы, и еще другая мальва, тоже дикая, но с желтыми цветочками покрупней, похожая на обычную. А в мае здесь и на подступах к горе цветет буйным цветом неизвестное мне растение — своей белизной и необычайным запахом оно напоминает и как бы замещает... черемуху! Это правда куст та-

кой травянистый, выглядит как зонт из белых цветочков, иногда диаметром больше метра, так что их издалека видно, как будто выводок ежей каких-то гигантских ползет в гору, а начинаешь подходить — льется по земле сладковатый дух, но все же не черемушный легковосторженный, а прилипчиво-приторный.

Особенно непривычно, что в самом начале весны не одни желтенькие первоцветы торчат повсюду, а красные и синеватые маленькие цветочки — яркие. А уж к июню заполняют все оставшиеся дикими обочины, луга и склоны целые поляны маков — красотища, да и только!

Обрисованный берег, неведомый большинству туристов, да, видимо, многим и из самих аборигенов, тянется вдоль грунтовой дороги на гору, на село Супсех. Условной границей этой природной дикости, шириной всего метров тридцать, служит как раз дорога, по коей часто ездят на машинах, гоняют на квадроциклах, а то и бесстрашно с кручи на великах несутся. С другой же стороны от дороги находятся недавно появившиеся улочки (с названием вроде Платановая, Камышовая — кругом, конечно, ни единого платана, а камышей, судя по всему, теперь еще долго не будет!) со строящимися коттеджами и даже вилами. Самая приметная тут Виллориба, чтоб москвичам и тамбовчанам было понятно, ничем, наверное, не уступает Асеевской усадьбе или чуть поскромнее и помельче масштабом Пашковского дома. Тут можно балы на весь свет задавать или приличную галерею разместить, но в наше время вряд ли и тень чего-то подобного промелькнет — когда «со всей губернии кареты съезжаются». У ее ворот можно иногда увидеть несколько авто с примечательными номерами: 001, 002 и т. д. до 007. (Но это еще что — подумаешь там, Джеймс Бонд ютится по соседству! Неоднократно я наблюдал в Анапе, причем на описанных обеих квартирах, странноватое, чуть ли не мистическое явление, когда утром или вечером глянешь в окно, и вдруг понимаешь, что все машины, припаркованные вокруг, — одного цвета! Чаще всего белые, иногда красные. Допустим, 23 белых и пару сероватых!) Вообще вся эта территория, как говорят, была некрополем античного полиса Горгиппия, гораздо большим, чем сам город, и, судя по всему, пустовала всю нашу эру и под тотальную застройку попала лишь года три назад. Грунтовка тоже странная, усыпанная круглыми камнями, явно из местной морской гальки, а в иных местах можно отчетливо различить маленькие участки мощеные — возможно, древняя дорога, да хотя бы и XIX века, о которой, впрочем, в местных музеях не сказано ни слова.

Сама гора, носящая, кстати, поэтическое название Экономическая, хотя она в Анапе видна практически отовсюду, с этого ракурса наиболее живописна, особенно если вам повезет, как однажды мне, увидеть ее вершины в клубах похожего на приземляющиеся облака молочного тумана... Если забраться довольно высоко пешком — вид почти как с вертолета: как на ладони весь город, раскинувшийся внизу на выступе в море. Здесь есть отличное место для купания, называемое в народе «1000 ступеней». Ступеней действительно много сотен, и металлическая лестница на совесть оборудована — видимо, каким-то частным лицом (поговаривают, вила, что напротив, — дача Пугачевой), поскольку казенная лестница — деревянный шаткий спуск на неофициальный, но популярный пляж на Высоком берегу, а также развалившиеся раздевалки на нем — всем хорошо знакомы. Довольно высоко на Лысой горе (другое ее название), в заросшей кустарником расщелине ютится сельское кладбище — для местных широт картина привычная, а для равнинных обитателей вид все же весьма неожиданный. Поселок, в духе типичного южного пейзажа, взбирается на гору, сам же город, отсюда хорошо видно, стоит в некоей округлой неглубокой впадине, напоминающей спутниковую тарелку, окаймленный на полгоризонта синеватыми в дымке горами — начало Кавказа, а с другой стороны — блистающей на солнце морской синевой. От-

сюда же можно разглядеть некоторые выдающиеся постройки в долине — опять не только коттеджи и домики всех мастей, а, например... средневековый замок! В натуральную величину, из серого такого теса. Мы даже сначала подумали, что это и есть Рыцарский замок для шоу, рекламируемый каждым плакатом на каждой остановке. Но побывали как-то в зарослях у этого туристского «замка» — куда там: невысокие стены, на которые налеплены убогие декоративные «булыжные» плитки, в каждой по несколько дырок с шурупом!.. А тут — эстетика, настоящий монументализм-феодализм.

Но главное — море. Подходишь к обрыву — сразу порывистый ветер в лицо. Иногда теплый, почти горячий, но сильный. В шторм — просто невероятный, буквально сногшибательный, едва можно дышать. Иногда, как ни странно, он дует в сторону моря, а не наоборот. Морская стихия бушует — допустим, в декабре — отрада! Брызги не долетают, но — запахи, пена, шум какой! (В зимнее время, пока не перекрыли все саундтреки урбанизма, как было слышно этот рокот дома — особенно по утрам!) Морская тишь и гладь зимой — январь, допустим — свинцово и сурово: как будто только что замерзшая у нас река или озеро. (Надо мной смеется Аня, что я постоянно сравниваю такую зимнюю морскую гладь с заснеженными полями родной Сосновки — эх, взять бы лыжи и погнать за горизонт!) А летом совсем другая гладь — вода прозрачная у кромки берега, отлично видно сверху прибрежное скалистое дно, как будто из плитки кафельной косые ряды выложены. И цвет такой на солнце почти открыточный, светлый циан, и тут же водоросли, медузы как грибы. Чайки над головой носятся, еще какая-то птичка интересная — парит над обрывом, зависая на месте без взмахов крыльями! Зубьями пилы торчат из обрыва углы каменных плит, на каменистом почти отвесном склоне колышутся камыши, сеть виднеется длиннющая, моторка вдалеке режет гладь — как будто жук-водомер. Кораблей здесь обычно не было, но в этом году (2017) показался у берега чуть ли не самый огромный в мире трубоукладчик (на кой как раз президент десантировался из вертолета), действительно нехилый, и около него несколько обычных корабликов, которые потом все лето у берегов курсировали. Вдалеке на горизонте голубеют в прозрачной лазурной ясности горы перешейка Тамани...

Все вроде бы прекрасно, но вообще-то подойти к обрыву и полюбоваться всеми этими красотами весьма непросто и, как сказали бы по-деревенски, гребостно. Виной тому опять же так называемые следы так называемой человеческой деятельности. А вернее, специфического местного отдыха. Приехать на машине пожарить шашлыки здесь, оглашая округу шансоном и пьяным гоготом, и не убраться за собой бутылки и баклажки — это еще что, цветочки. Из коттеджа или даже виллы сгрести сюда строительный хлам или выбросить мебель (как и специально привезти мусор и свалить его с другой стороны дороги, чтобы улучшить вид на гору и поселок) — тоже ничего, терпимо. Тут еще чище — в противоположном, конечно, смысле — развлечения: приехать на машине полюбоваться морем. Причем такой заезд прокатан через каждые метров пятьдесят, и на каждом таком пятачке постоянно стоит авто, по выходным особенный аншлаг — просто нигде не подойти к обрыву.

Да и когда походишь — всегда (подчеркиваю: всегда!) буквально утопаешь в артефактах активного отдыха. Судя по обилию сих артефактов и тому, что среди них преобладают даже не бутылки, объедки и баклажки, а презервативы и влажные салфетки, в массовом порядке сюда стекаются не просто любоваться, а этим любованием вдохновляться на самое элементарное прелюбодейство. Даже стоны порой из машин раздаются. Дело не мое и не твое, ничье вообще, но едва ли не самый красивый берег загажен, засран до полного неприличия! Буквально некуда ступить — какие цветочки, какое море! — здесь весь ассортимент аптеки под ногами! Стаканчики

с буквой «М» — прогресс: глобализированная забегаловка не так давно открылась, пусть и на другом конце города. И весь этот брег — километра два до самой горы — в таком же состоянии. А люди все равно идут и едут — кто с детьми, кто бегать тут пытается, кто с камерой возится, направляя ее поверх подножного изобилия и как-то между автомашин гигантских.

Под обрывом в одном месте, как стрижи, поселились... бомжи! Там будочка из деревяшек сколочена, землянка под ней вырыта, и даже веревки какие-то, чтоб не сорваться, по откосу тянутся. И все как раз напротив новой строящейся виллы — воистину контрасты! Мы уж задумывались себе такую же вырыть, но мегаджипинг и тотальная помойка и над обрывом не дадут приткнуться. К тому же — ветер...

«Цветы любви»! — шучу я не без горькости, пытаюсь отвлечь и развлечь чуткую к таким вещам жену Аню. И продолжаю: «Вот делают же всякие инсталляции, картины всяческие якобы необычные составляю кто из чего может... Тут можно столько „цветов любви“ использованных набрать — ну, или от них фантиков — прославишься точно в актуальном искусстве монументальным полотном!»

Но сами мы отходим к другой стороне обочины и набираем там великолепные — хотя подчас и пыльные от специально газующих по грунтовке машин — букеты настоящих цветов.

Вина Тамани — гордость Кубани!

Что все же особенно радует, что край здесь виноградный, винный — и именно здесь, на знаменитой 45-й параллели, пожалуй, как нигде в России, культура виноградарства, виноделия да и винопития постепенно возрождается. «Вина Тамани — гордость Кубани», «Последовательно и непублично улучшаем качество наших вин» — такие можно прочесть на бутылках слоганы, весьма непривычные. Ведь в нашей стране, что и говорить, в последние десятилетия куда как привычней, что «последовательно и непублично» ухудшают качество — и не только вин, или тоже довольно последовательно и не особо публично пьют горькую, а гордиться чем-нибудь специфически нашим как-то совсем поотвыкли.

Первоначально, по приезде, у меня была, конечно, идея-фикс приобщиться и самому производству — если уж не в рекламный отдел пойти, то хотя бы самым простецким сборщиком. Но, к сожалению, познакомиться с владельцами гаражных хозяйств или руководителей крупных фирм так толком и не удалось. Сезонная работа по чеканке (обрезке побегов), оказалось, требует особенной профсноровки орудовать таким «мачете» из лезвия косы да и вообще недюжинной выносливости. А чтобы стать сборщиком, надо примкнуть к артели, которая сплоченно трудится с четырех-пяти часов утра, пока не разгорелось пекло.

И все же виноград нам довелось собирать в частном секторе, что тоже довольно трудоемко, но главное, что даже в сентябре эти сорта оказались недозрелыми и вино не получилось.

С точки зрения потребительской здесь, естественно, ощутимый бонус в сравнительно низких ценах и большом ассортименте плюс в курортном южном ареале не такие пока драконовские меры ограничения продажи алкоголя (увы, без разграничения сухих натуральных вин от соответствующих им по градусам других спиртных напитков), есть небольшие хозяйства, делающие хорошие вина и развивающие винный туризм, появляются и европейского фасона заведения вроде анапского кафе с названием, созвучным самому населенному району Нью-Йорка, в коих с вполне бюджет-

ными тонкостями эногастрономии вам подадут не кислятину. Подчеркну, что речь идет хоть и об обычных, но специализированных магазинах, продающих бутылочное вино промышленного производства, а не о многочисленных магазинчиках и забегаловках с подзаголовками «на розлив» или «на разлив».

Тут, конечно, раздолье и красотища — выходишь на перекресток: с одной стороны «Алкомаркет», с другой «Алкотека», и по бокам еще «Коллекция градусов» и «Пивная застава»! И это не только благородство названий, а именно те самые специализированные магазины, просторные и вместительные.

Однако в заведениях сих обычно примерно в таком же стиле консультирование, что и в любом провинциальном городке, например в Тамбове, — коли уж доведется спросить что-то конкретное, то тебе тут же на всех парах выпаливают: «Мы с друзьями на день рождения брали — нормальное вино, вкусное! И башка почти не трещит!». Кондиционеры врублены на обогрев — для вина самое то (чтоб превратилось в укус). Молодые сотрудники вместо того, чтобы во что-то вникать, хоть в самый краешек необъятной энокультуры, так олухами и простаивают — ведь кассу все равно водяра делает, да в последнее время появилась мода на пятнично-уик-эндный наборчик «шампусик, коньячок, вискарь». В сетевых алкомагазинах день скидок так и называется: «Синяя пятница», «Красная пятница».

И даже здесь доводилось слышать, как на вопрос: «Есть ли у вас темрюкские вина?» (они здесь все темрюкские, кроме иностранных!) — молодой человек при бабочке замаялся и принялся перечислять расхожие крымские и грузинские...

Но в некоторых магазинах все же есть профессионалы. Здесь вас с порога могут встретить:

— Вы какие сорта предпочитаете: автохтонные или ампелографические?

Тут, конечно, покупатель теряется: «автохтонные» скажешь — пролетишь с ампелографическими... Ответишь «ампело...» — тоже мало ли что... Между белым и красным, между сухим и полусладким еще хоть как-то решаются сделать выбор (обычно в пользу второго, с вопрошаниями типа: «Оно *совсем* сухое? Совсем несладкое?»), а тут уж совсем запутаешься.

Но мы-то уж люди бывалые, в каждом магазине знаем свою недорогую, но вполне приличную полку и даже единственно верный ответ своей смекалкой выработали.

— Терруарные корнесобственные, — чуть небрежно отвечаешь, и все, вопросов больше нет.

После этого неплохо еще приобрести бутылочку с названием на этикетке «Голубок».

Конечно, все это анекдот, и оттенки в терминах-синонимах различимы лишь специалистам — почти как оттенки качественных вин.

«Голубок», кстати, — сложный гибрид, первоклассное вино, а есть еще «Рубин Голдриги», «Амурский Потепенко», «Цимлянский черный», «Шираз», «Каберне Кортис», «Санджовезе», «Франковка» — это уже не привычные простые мерло и каберне... Белыми мы меньше увлекаемся, но холодненький мускат летом в охоточку или гай-кодзорский «Гевюрцтраминер», шато-таманский «Рислинг»...

«Да все вино там порошковое!» — часто приходится слышать как от местных, так и от приезжих «знатоков». Люди столичные не без снобизма начинают нахваливать заморские вина (по ценам свежайших наших часто как раз сделанные из сухого концентрата), а товарищи попроще непременно оказываются в соответствующих ларьках и подвальчиках за дегустированием спиртовых настоек с ароматизаторами, как будто сами себе доказывая, что порошковое вино не миф. Кроме того, практически любая экскурсия «с дегустацией» (кроме туров на места производства, на заводы, например, в Абрау-Дюрсо или на Шкуратку) предполагает, что незадачливым туристам без вся-

кого зазрения совести будут плескаться в пластиковые стаканчики разнообразные «натуральные» «вина» и «коньяки», а те с умным видом будут смаковать, а потом еще за приличную цену приобретут по паре баклажек с собой. Когда мы, плюнув, вышли вон с очередной такой «презентации» и сорвали с двух одиноких шуплых кустиков изабеллы по яголке винограда, на нас тут же набросились: «Не рвите — мы его в вино *добавляем!*» Хваленое домашнее вино, пусть оно и «из чистейшего винограда», как правило, с сильным нарушением вкуса, с явными тонами уксуса, в лучшем случае переслащено добавленным сахаром. Такова, к сожалению, пока что отечественная культура винопития.

Но все же, повторюсь, не может не радовать, что такая фундаментальная, но непростая для нашей страны отрасль возрождается: закладываются новые виноградники, их площадь увеличивается (25 тыс. га нынешних супротив 70 советских), есть и фирмы, и фермы, и профи, и ценители, и продавцы хорошие (особенно продавщицы!), а то и даже с кем выпить.

Вьюжная — как ни странно!

Одной из самых больших неожиданностей оказалась для нас погода. Не вникая в тонкости, мы подумали, что везде, где есть море, круглый год тепло и влажно, как, например, в привычных окрестностях Сочи. В Анапе же климат оказался весьма редкостный — *средиземноморский сухой*, из-за чего, как уже упоминалось, летом сорокаградусный зной без вечерней прохлады, так что и цветы-то еле дышат. Пугали нас немного и анапской зимой: «Вот бора́ задует, дожди польют...» Да что мы жары, дождя и ветра не видали, что ли?

Но бора, оказалось, в Новороссийске лютует — когда все чуть ли не на бегу леденеет от ветра. Как там зимой живут люди, трудно и представить. Трудно представить, как при летнем зное и без моря живут в Краснодаре. А здесь, на Анапском мыске, все хитро: как только все курортники, даже и самые мудрые сентябрьские, за порог — налетают осенне-зимние ветра: порывистые, шквальные, а лучше сказать: практически непрерывные. Выходишь из подъезда и только высовываешься за угол дома — сразу чувствуешь, почем жизнь, как будто на палубу корабля ступаешь или делаешь первый шаг в экспедиции на Северный (ну, или Южный) полюс! Раз мне пришлось сушилку для белья тащить — и это вещь на парус никак не похожая — рвет из рук, и нужно всячески лавировать, а с зонтиком высунись — наверное, тут же улетишь или с одним крючком в руках останешься. Поэтому с ними никто и не ходит. Бывает холодный, пронизывающий ветрище — при температуре +5, +1, а тем паче при -1, наш мороз двадцатиградусный курортом покажется! Но бывает и зимой теплый ветер. Иногда глянешь с горы на панораму города — обдаст едва ли не горячим декабрьским ветром, и марево горячего воздуха вдалеке движется, как у нас в июле... Бывает, солнце, а ветрище еще тот, в общем, он тут постоянно. Приятного с непривычки мало, порой от порыва чуть дыхание не перехватывает — надоедает как-то, но местные жители не кутаются в платки и капюшоны, даже курить на улице умудряются!

Деревенский житель, я знаю, как зимой в трубе завывает. Снежные заносы — это одно, а если при оттепели выходишь в деревне после «урагана» — все кругом усеяно мелкими веточками. Ломаются большие сучья, падают столбы, деревья, долго нет света... А в городе — так и вообще кошмар, срывает дорожные знаки, вывески, провода. А здесь — грохочут, болтаясь «на соплях», все эти заграждения вокругстроек — из металлических щитов, дребезжат всю ночь листы на крышах — все только крепче

дрыхнут. Утром никаких тебе веток или разломленных стволов — покой, солнце, тот же веселый ветерок...

17, 20 м/с — привычно, а то и 24 м/с зарядит, а иногда и больше. 24 м/с — это «просто» шторм (а вообще-то «небольшие повреждения, ветер начинает разрушать крыши зданий»), в средней полосе после такого долго еще приосаниваются, а в столице так и вовсе полнейший коллапс случается. А здесь выглянешь в окно и только диву даешься — кто-то еще в майке неспешно шествует! Полезешь в октябре виноградику собрать на буйдане — плащ-дождевик просто раздирает в клочья. А люди работают!

«То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя...» — у нас это все же зимой, бурно и все же редко. А уж как здесь завывает ветер в вентиляции — наслушаешься ежедневно, вернее, еженощно, всю осень и всю зиму. Невольно нападает самая типичная, с оттенком романтики даже, меланхолия: раньше, читая, допустим, Стивенсона как было нам понять, что там вообще насвистывает и поддывает, нагоняя тоску морскую и жажду приключений, в прибрежных домиках и тавернах. Да в трубе еще что, а когда совсем вблизи от моря поселились, первый зимний месяц не могли привыкнуть и натопить холодные бетонные чертоги, в которых ветрище в буквальном смысле свищет — так и содит через всю квартиру из балкона во входную дверь. Балкон застеклен, дверь на него закрыта, щелей особо нет, но продувает, как сквозь какой-то полустаканок! И через каждые две минуты раздается в буквальном смысле свист — как свисток чайника, как будто кто-то, какой-то неведомый тролль иль, лучше, Муми-тролль выглядывает из-за угла и что есть мочи дает свисток. Кот бедный совсем был в шоке и дрожал как осиновый лист на семи ветрах. Но иногда ветер все же потише, в более-менее теплые дни в квартире душно, особенно при отоплении и уплотнении, и приходится на ночь окна открывать — ветер, как паруса, надув шторы, так и пролетает «транзитом», непривычно и неприятно, но постепенно и к такому привыкаешь.

С такими порывами дождь — как горсти гороха в окна... Благодать — хоть какая-то влажность. Летом дождей не дождешься. Но сейчас это и в Тамбовской области обычное дело, суть в другом. Пройдет дождь, и вроде бы приличный — с утра в окно все то же неизменное солнце — палящее летом, даже зимой такой же сухой, залитый светом асфальт... Раза два за первое лето видели ливень «тропический» — потоки по всему городу цвета сильно разбавленного молоком кофе — думали, смоят... Через два часа — так себе, как будто дождичек был позавчера. На другой день утром — сушняк, как будто вообще ни дождинки две недели не было! Не держится влага, все тут же высушивает и выдувает. Цветы на подоконнике летом держать нельзя — сгорают. Летят облака — в буквальном смысле летят — клочки их, ошметки, целые гирлянды и огромные тучи, даже голова с непривычки кружится! Всю гору заволакивает облачная мгла — темно и грозно — ну, думаешь, сейчас как грянет! Через полчаса глянешь — нет и следа! Да и ни капли, ни полдецибела грома!

Осенью-зимой вроде бы и дождь, и ветер ледяной, и тучи эти бродят, и всяческая отвратительная промозглая неуютность... а утром — слепящий блеск солнечного диска, сушь, по ярко-голубому небу облака несутся, веселенький ветерок!.. И так всю первую половину дня железно. Конечно, добавляет позитивности, как будто желтеньких шариков витаминов к каждому обеду, перекусу, даже к каждому блюду... Проснешься иногда с бессловесным осознанием картинки: «июль, жара...», и тут же спохватись, что на дворе вообще-то конец ноября или первые дни нового года! Кожа сохнет, как будто только из горячего моря выбрался, иной раз и в феврале так жарит, что приходится в темных очках выходить. Уж взвоешь тут по нашим пейзажам — когда все серое, сырое, раскисшее, мягкое... Неторопливая, тихая, но яркая осень — такие краски, такие запахи в прозрачном этом, насыщенном влагой воздухе — сухих

и гниющих листьев, их шелестение под дождем, плавное падение, сухое шуршание, их размокший ковер под ногами... Простейшие вещи — и не напрасно воспетые классиками! — их метафизику мы и всегда ощущали, и в городе, и в деревне, а здесь, когда ничем не пахнут листья, и только желтые с платанов и редких корявых березок — как-то тоскливо... Как ни цепляйся взглядом за виды ставшего неприветливым и величественным моря, за великолепнейшие закаты в немислимых фиолетовых флотилиях, плывущих сквозь ярко-оранжевые полосы в угасающем розовом своде небасолнца, как ни меси глинистую грязь по лугам и обрывам — никакой метафизичности нам отыскать и нагулять так и не удалось.

Особенно не хватает, что и говорить, снега. В первый год нам посчастливилось в ноябре увидеть привычное утро первого снежка. А под Рождество — целый снегопад, и впрямь, говорят, из разряда небывалых. На одну ночь все вокруг превратилось в зимний сказочный лес — южные сосны с длинными, как вязальные спицы, иглами¹ непередаваемо живописны. Однако дальше — лишь мгновенно сдуваемые с бордюров асфальта шепотки какой-то муки или манки — больше чем через год! Куда уж там о метели мечтать и вьюге. Новогодние бумажные снежинки на окнах здесь очень даже кстати.

Но все же вьюгу мы вскоре увидели — из песка приморского и соленых брызг!

Рапаны: морская тихая охота

Еще скучали мы из природного по грибам. В Интернете можно вычитать, что и здесь они есть, но и пишут как-то вяло, и в любом случае в таком деле нужен живой наставник. То весной какие-то грибы, как в лесистой части Тамбовщины сморчки и строчки (второй, между прочим, очень токсичен, а поди «по картинке» их отличи), то «в ельнике» (а какие тут ельники?), то «в лесу», тогда как по горам все эти заросли малопроезжимы, зато встречаются там ядовитые растения.

И все же нашлось занятие, весьма к грибной охоте близкое, — собирание рапанов. Это всем знакомые ракушки, которые обычно привозят с курортных поездок в виде сувениров, обитающий в них моллюск, если чуть припустить его с лучком, весьма напоминает жареные плотные грибки. После сильного шторма их немало выбрасывает на берег, идти «по рапаны» желательно утром, и так краем моря от впадающей в него речки Анапки и по всей песчаной косе, хоть до самого Витязева. Мы, однако, поутру не поспеваем, добираемся туда уже часа в три дня, а один раз даже с фонариком добычу выискивали! Но главное, все это зимой — декабрь, январь, февраль — и при самом ветре и холоде — самый рапан!

Море здесь самое классическое — центральный пляж и дальше от него сплошные пляжи, летом поделенные не менее многочисленными, чем грибы или рапаны, санаториями и кишашими людьми до каких-то невообразимых пределов человеко-единицы на квадратный метр. Санатории и пансионаты все эти, коммерческие пляжи огораживают *свои* участки нетесным заборчиком, как огороды в деревне, ставят на углу подобную деревянному нужнику раздевалочку и с удовольствием взимают за это мзду, без церемоний изгоняя тех, кто не хочет пожертвовать 150 р. за вытеснившее

¹ Сравнение из автобиографической повести К. Паустовского «Бросок на юг», которую мне довелось прочесть под конец работы над своей. Вообще пицундские сосны можно увидеть едва ли не в любом фильме-сказке, в зарубежных или наших приключенческих фильмах. Самые лучшие примеры — погони в «Королевстве кривых зеркал» и «Кавказской пленнице». Другое дерево сказочного леса — уникальный реликтовый можжевельник на Утрише. Но, к сожалению, и здесь не природа наступает, а со всех сторон на нее.

бесплатное пространство койко-место под солнцем, меж тем как обычных туалетов на побережье не сыскать, а из отелей канализационные стоки сливают в воду. Курортный сбор тут, конечно, есть за что платить! Экологи утверждают, что вред всей уникальной песчаной экосистеме наносится непоправимый, что строить вообще можно лишь на расстоянии в полкилометра, и это якобы даже закреплено в законодательстве, но что поделаешь — «людям нравится».

Но это летом, а сейчас тут всегдашний ветрина с моря, только зачехляйся, и на том же месте, где в сезон яблоку негде упасть, бредут вдоль моря редкие собиратели, любители прогулок, скандинавской ходьбы или бегут отважные спортсмены. Мы тоже, как только переехали, месяца два пытались тут чуть ли не ежедневно бегать. И кстати, здесь неплохо — лучше, чем по узкой набережной, где всегда народ да и так двоим бегунам едва разбежаться. Бежишь по самой кромке моря, только увиливая от непредсказуемых набегающих волн, свежий бриз, под ногами утрамбованный песок — тот же асфальт, только лучше и мягче. Некоторые и на великах здесь умудряются рассекать! Только осенью здесь все еще отдыхающие, а зимой все же обычно ветрище дикий.

Редких зимних приезжих определить легко — они собирают раковины рапанов и мелкие ракушки. Летом и осенью ни рапанчика не выкопаешь из песка вообще! Кое-как кому-то посчастливится найти ракушечку маленькую — праздник, а сейчас тут кучами намыто этого ракушечника, только хрустящего под ногами, — так же почти, как на Азовском море. Иногда могут и местные вместе с живыми рапанами собирать и пустые «домики» — в сезон-то каждая раковинка, покрытая лаком, в 20—30 рублей, и их тут видимо-невидимо, знать бы только, «куда сдавать».

Но все же местные обычно собирают рапанов — очень похоже на грибы: за каждым рапаненком нагнись, проверь, не пустой ли он, новый издалека приметь, грибников огляди, взглядом проводи, а сопутствующих — как-нибудь опереди! Нагибаться нужно чуть ли не через каждый шаг, и так прошагать километра два-три, руки на ветру и в воде сразу коченеют, свежий бриз этот через всю зимнюю экипировку порой пронизывает, не говоря о том, что грибцы-то они легкие, а бесплатный белковый продукт в оболочке — почитай как камни тащить. Но все равно — благодать, отличнейшее занятие и развлечение, с настоящим азартом грибника плюс вскоре мы, конечно, приобрели сноровку в различении «хороших» на глаз чуть ли не в темноте или вытаскивании только что выброшенных волной.

Но главная фишка и загвоздка в том, что только при самом холоде рождает море рапанов. Какая в данный миг стоит погодка в районе Центрального пляжа, угадать невозможно, нужно ехать. Как только тепло и ясно, море спокойное — ноль рапанов.

Описывать морские красоты при хорошей погоде не будем. Обычно мы на закат попадаем. И к морским закатам и видам быстро привыкаешь, особенно когда все на часы смотришь: дома дел полно, а добычи на ужин еще мало. Но можно узреть, например, и совсем редкое явление, оно уж не оставит равнодушным: над морем летят тончайшие белейшие облачка — как будто мазки кисти художника, обозначающие сверху картины череду каких-то перышков и паутинок, — летят они стремительно в одну сторону, а им навстречу чуть понизу плывут тяжелые кучевые... На глазах происходит взаимопроникновение, и кажется, что, встретившись, они пролетают друг через друга, как два эфемерных видения. Или на штормовом тяжелом-грозном фоне, весь в стихии-завесе дождя и брызг, покачивается близ берега корабль...

Но вообще первым делом мне рассказать хотелось не об этом.

«Змейкой мчится по земле легкая поземка!..» — вот что мы с Аней в один голос воскликнули. С детсадовских лет не могли не запомниться строчки: у нас обоих дни

рождения в феврале, и куда же там без поземки. Для меня это одна из любимых погод — бушевание зимней стихии. Или уже на грани медитации и меланхолии: когда идешь на лыжах или на машине едешь и видишь, как по сплошной белой плоскости проносятся рассыпчатыми змейками нечто — как будто стремительно сдувается все преходящее с лица земли. А вот и тут — в порывах ветра страшных вздымаются клубы песка и летят, нещадно гонимые, прямо на барханы! Вот вам и вьюга. Но чаще все же поземка. Приходишь по рапаны — вдруг налетает ветер, и дует, и дует — поземка песчаная так и мчится, точь-в-точь как снежная у нас! Ура!

Как правило, она в спину дует, в сторону Витязева и Джемете, или с моря, но все равно песок в глазах чиркает, на зубах похрустывает — но и к этому постепенно как-то привыкаешь.

Песок тут, все рекламируют, кварцевый, лечебный. Барханы как на картинке, хотя их зона вблизи Анапы очень узкая — всего лишь каких-то пара десятков метров между узкой полоской пляжной и наступающими коробками города. Напоминает те же наши посадки, в которых сформирована особая почти лесная экосистема меж привычных полей. Сколько раз приходилось тоже в юные лета перечитывать, как бы пропуская мимо внимания, ничего не означающие фразы приключенческих романов: «дюны, поросшие тамариском»... И вот он тамариск, и прочие пустынные колючки, особенно впечатляюще это смотрится в тот редкостный зимний час, когда покрыто неким подобием инея.

Растущие вдоль пляжей деревца, напоминающие наши ветлы по берегам речек, — *лох серебристый* или «дикая маслина»; плоды его, похожие на облепиху, только зеленоватую, туристам не удастся отведать: только к октябрю они становятся сладкими... Конечно, шутка: нынешнему всезнающему человеку (тоже сколько ни спрашивали, не могли дознаться, как называется!), когда кругом сплошная химическая аптека, отведать их и в голову не придет: невзрачные, косточка, да тонкая сухая шкурка, да еще колючки! На самом деле дерево народной медицины не хуже грецкого ореха.

Бредешь по берегу, отпрыгивая от волн... Как грибник к постоянным «полям», устремляешься к «рапановым заводям», где не только пустых ракушек, но и с живыми моллюсками обычно, бывает, не оберешься. Под ногами хрустит, как гравий, ракушечник, в нем попадают створки мидий, устриц, «ноготь русалки», сердцевидки (тоже съедобные — как попутные грибы в лукошко к основному виду), мелкие крабики, мутные кругляки дохлых медуз, дохлые птицы, коряги, ну и, конечно, пластиковые свидетельства присутствия человечества. Однако мидиями и «ноготками» не поживишься, устрицами и крабами и тем более: завезенный на днищах кораблей рапан пожрал и вытеснил всех благородных моллюсков.

А рапаны как те же грибы: если они есть, то есть. Пусть и перед тобой по той же дистанции пять раз уже прошли (особенно это наглядно не в лесу, а как у нас собирают грибы по посадкам) — все равно. Человек не все приметит, а при дождичке едва ли не на глазах выскакивают новые. А тут тем более — с каждой волной! Бывает, несколько километров проделаешь, кланяясь и измокнув, — что называется, на один раз пожарить не наскребется. Крайне редко, но иногда бывает и наоборот: штиль и чуть ли не летняя духота, но пару пакетов за полкилометра можно легко приобрести.

Иногда после сильного шторма их буквально приходится выкапывать из песка, а вся песчаная кромка усеяна створками от рапанов. Как правило, в такую пору появляется неожиданный конкурент — воробы.

Песчаное русло меняющей течение Анапки, зимой медленно несущей уже морскую воду обратно, иногда мелеет, и можно на обратном пути перейти его в сапогах. Прямо под деревянным мостиком видны торчащие из днища ржавые прутья арматуры: а ведь летом с этого моста прыгают дети, и Ане не раз приходилось обращать-

ся к ним или к их родителям — но ответ все тот же, что «кто сейчас остановит ребенка семи лет!..» Здесь и купаться-то не рекомендуется. Кстати, на Центральном пляже, где как медом намазано для любящих кучковаться отдыхающих (а на самом деле вонь и слизь от цветущей морской водоросли камки), песок самый обычный, из карьера, зимой можно видеть, как его привозят грузовики.

На Анапке утки плавают, и в море тоже, даже несколько видов, — качаются на волнах забавно, а так называемые крохали еще и ныряют, так что исчезают очень надолго, — кстати, за рапанами. Но уток кормить, скажу я вам, так себе удовольствие. Зимой здесь на море царствуют лебеди. Для нас это как бы дополнительный эстетический стимул к рапановой охоте. Не сказать даже, что стая — скорее, несколько стай. Иногда дюжина лебедей плавает за мостом в Анапке (там мы даже под мостом видели одного дохлого), всегда обширная группа штук в тридцать особей плещется в волнах на мелководье в аккурат напротив главного входа на Центральный пляж. Здесь-то с ними и общаются люди, фотографируют, обильно кормят хлебом. Другие стаи, особенно в шторм, попадают подалеже, по мере сбора рапанов...

Птицы, что и сказать, грациозные, белоснежные, большие... а уж какие большущие у них лапы! — не оранжевые, как у гусей, а черные, посаженные по сторонам, загнутые назад — что твои ласты! Подплывают они очень близко, и всю моторику этих необычайных лап можно наблюдать в прозрачных волнах в полуметре. Бросают корм лебедям, но тут же на него кидаются также нырки и утки, неизменно обрамляющие лебединую стаю. «Бакланы» — здоровые, чуть ли не с лебедя! — с криком перехватывают подачки на лету. Лебеди раскрываются, пытаются отобрать добычу — но не суетливо, а как будто играют в какую-то игру. Бывает, начинают шипать друг дружку, издают свой характерный звук, — но никак не шипение (лебедь-шипун называется), а что-то промежуточное между похрюкиванием и лошадиным всхрапыванием. Одни блестяще-белые — это, видимо, взрослые особи, а в оперении других едва заметно проступает некая сероватость, хоть и очень слабый, но все же намек на подростковый птичий пушок, знакомый нам по деревенским гусятам и утятам². Вообще пишут, что кормить их хлебом вредно, нужно брать крупы или листья салата... Только салатом никто их не балует, и не хотят они эту крупу!

Когда народу на берегу немного, лебеди выходят из воды, десятков самых смелых шипунов вполне можно подманить вплотную. И что самое интересное — они даже начинают есть из рук, с боязливым рывком неизменно прихватывая пальцы в перчатке или без, как уличный кобелек! Клювы у них большущие, но не больно. Аня таким образом выманила нескольких белых красавцев из воды, а двух из них, беседуя с ними, глядя и подкармливая, довела по песку до самих центральных ворот пляжа!

И особенно уморительно было то, что невдалеке под присмотром родителей то же самое робко проделывал маленький мальчуган — сам не больше птицы и ее боящийся, он едва ли не увел своего «гусю» домой!

Другие лебединые группки, менее скученные, покачиваются на волнах на отдалении от берега, как бы медитируют в одиночестве, забавно занырявают, поигрывая блестящими, как кисть в белой краске, гузками, иной раз становясь вертикально, как поплавок. Но больше всего поражаешься, как быстро лебедь из стаи у берега плывет к своим сородичам на расстоянии — вот что значит работа лапками! — причем лап не видно, и весь его вид, особенно когда выставляет на спине «закрылки» парусом, абсолютно величествен — как у яхты или каравеллы.

Рассказывали, что несколько лет назад саданул мороз под тридцать градусов, и людям приходилось вырубать бедным птицам изо льда лапки. Замерзла не только Анапка, но даже крошка моря!

² На второй год, когда лебедей прилетело мало, молодняк не «едва заметно», а очень сильно выделялся.

Но чаще бывает, что берег весьма сильно заливаает, нечто вроде небольшого наводнения. Пляжные строения подмывает, рапанов и прочее выносит чуть ли не до асфальтовой границы города. Один раз после такого половодья мы набрали пакетов шесть большущих — сколько смогли унести. Все никак не могли остановиться! Оказалось, что Сергей Левин, наш, по сути, единственный здесь гость, за пятнадцать лет в Анапе ни разу не пробовал рапанов! Устроили, конечно, рапановую мегавечеринку — на грани белкового отравления. Чищенных моллюсков отдали Сергею — у него есть холодильник, и он потом еще не раз хвалился, что все еще с удовольствием и вволю ест мороженых.

Конечно, рапановая охота и пескетарианское гурманство — удовольствие не для каждого. Таскайся с ними по холоду, еще домой их как-то, эти протекающие мешки, приволочи, а дальше еще кулинарная обработка, весьма, кстати, схожая с приготовлением грибов: свалив в таз, заливаешь водой, только замачивать не нужно, просто промыть от песка да и варить чуть, до кипения, а дальше как грибная чистка и сортировка... Хоп — на сковородку с лучком! Поначалу мы пытались все же «хоть как-то прожарить» — получалось на вкус как куриные пупки и жесткость соответствующая. В некоторых кафе отбивные из рапанов предлагают, но это опять же добрый кусман пережаренного кляра. С морепродуктами, известно, вся соль в том, что чем меньше их жарить, тем лучше. Можно вообще не жарить: порезать помельче, смешав с рубленой зеленью, оливковым маслом и соевым соусом — и к макаронам.

«Если уж захотел этих гадов попробовать, — обывательски рассуждают, — пошел вон на рынок, взял килограммчик!» И действительно, на Центральном рынке всегда можно купить рапанов, они уже очищены и заморожены в пакетах по килограмму. Полкило вам вряд ли отковырнут, но посмотреть и понюхать дадут. Надо сказать, что сами рапаны не имеют какого-то ярко выраженного вкуса (особенно выделяется разве что их печень, довольно большая, и при чистке не надо ее выковыривать), да и запаха, кроме типично ядовито-морского, при варке не благоухающего. А рыночные рапаны пахнут... арбузом! Тонкий такой запах, приятный — хочется прямо быстрее их на сковородку! Секрет, нам кажется, в том, что при промышленном производстве моллюсков замораживают с уксусом, вступающим в реакцию с белком. Может быть, уксус помимо консервации способствует отделению ножек от раковин. На вкус примерно такие же, как и свежие, разве что может быть горечь от недостаточной прочистки, да и стоимость 600 р. за кило. Здесь же, на рынке, в разделе разносолов, вам предложат 100 граммов маринованных рапанов за те же деньги. В первый раз я так и попробовал — съел, правда, один маленький шпынек, на большие растраты не решился. У всех этих так привлекательных и разнообразных на вид уличных маринадов один единый вкус — сильного уксуса.

А рапан свежайший — хочешь закуска, хочешь замаринуй, или плов можно соорудить неплохой, вроде паэли — все подспорье в хозяйстве и рационе.

Особенный момент, напоминающий какое-то пространственно-временное смещение или дежавю, когда, все же оторвавшись от затяжного собирания, нагруженные сумками с морепродуктами, мы выбредаем через полоску барханов на асфальтовую дорожку и, усталые и довольные, идем вдвоем по тополиной аллее... Сзади шумит стихия и догорает морской закат, а впереди эта аллея с жухлой листвой и круглогорично торчащей из серой земли щеточкой ярко-зеленой травки выглядит точь-в-точь как такая же обычная захолустная улочка в Тамбове, в наполняющие странным ощущением дни или даже часы ошутимого прихода весны в середине апреля.

«Там за барханами — море с рапанами!» — напеваем мы, благодарим море за его дары.

Руккола, грецкий орех и прочее собирательство

Пусть уж простит читатель: не будем вторить привычным блогерским зарисовкам, полным впечатлениями о купании, валянии на пляже и нехитрых развлечениях, пусть даже и так называемых экстремальных.

Родом я из тех мест, где «степь да степь кругом», и в детстве под палящим солнцем по иссушенным пыльным черноземным проселкам приходилось давать жару на велосипедах по несколько километров!.. Есть это купание и сейчас, но уже не на великах туда ребяшня наяривает — по два человека на каждые два колеса! — а на машинах, и гораздо реже: речки заболотились, дно не расчищено, не разбито пятками, тут же всасывает больше чем по колено в тину — приятного мало. В Тамбове же наоборот — все превращено в какой-то пляжный оазис, натыканы лавочки и грибки, насыпан песок, и молодежь только и делает, что целыми днями жарится на солнце, дефилируя в непривычных для наших широт мини-бикини и выкроенных по ним же микрошортах и кроп-топах, обретая тяжелый, сероватого какого-то оттенка загар. В студенческие мои деньки необустроенных 90-х на набережной ни намека не было ни на что подобное! Поэтому не привык я к праздному вылеживанию — мне даже на море сорока минут за глаза хватает!

Скажу только мельком, что купались мы здесь и при самых различных условиях, подчас весьма экстремальных. В самый шторм, когда можно кататься на волнах, вода, мутная от песка и водорослей, катит на тебя стеной, все гремит и брызжет... — но «почти серфинг»! Что называется, с осторожностью: даже на мелководье откатом волны сильно затягивает, а на каменном пляже вообще приходится выползать, как ящерица — на руках и животе, да и то по паре раз мы в «стиральной машинке» шторма порасшибли колени. Ночью купание — самое то, когда никого нет, серебрится лунная дорожка, а вода мягкая и прозрачная. Но в таких потемках я однажды поплыл к буйкам и возле них, не разглядев, наткнулся на двух огромных, не меньше волейбольного мяча, медуз, и одна из них меня прилично стреканула. В другой раз «укусил» коралл: только ступил ногой в воду — что-то кольнуло, и тут же вся ступня загорелась от боли, как будто стекловаты в нее натолкали. «Коралл», конечно, громко сказано — что-то малоприметное из обычной мелкой поросли на камнях, крошечный прокол кожи, но жжение такое, что ковылять пришлось целый день. А в перегретом солнцем море, кишасщем мелкими медузами, как будто в таз с замоченными грибами бултыхнулся, сто раз приходилось барахтаться, играть ими «в снежки». Но лучшее купание, конечно же, вдали от непролазной людской гущи, например на «1000 ступеней», — здесь как будто совсем другое море, свободное от всеразъедающей человеческой накипи.

В укромных таких местах часто встречаются дельфинов. В первое лето мы тоже не раз их видели — выпрыгивают себе в волнах и блеске. Это все с набережной видят. Разве что сфотографировать на приближении, и то из-за солнца не получится. Говорят, они никогда не заплывают в замкнутое пространство — как раз в бухточку (заливчик), где купаются. Но нам один раз чудесно повезло: дельфины стали резвиться прямо в десятке метров! Сначала мы, поглощенные радостью купания после долгой разлуки с морем, даже не понимали, в чем дело, на что люди так смотрят, с улыбкой показывают, восторженно реагируют. Только увидели «кульбиты» — совсем близко, в зоне купания на мелководье! — и тут же один дельфин выскочил в нескольких метрах от Ани! Я ей кричу что-то вроде: «Лови! Плыви к нему!», но она от неожиданности растерялась. Одно дело дельфинарий, а это же дикие! Я, уж насколько неважный пловец, со всех сил пустился, и она следом поплыла, но дельфинчики, показав на про-

щение шоу, все же скрылись. «Эх, надо было звать их, общаться!..» — сокрушались мы, и даже рассказу этому мало кто поверил.

О другом будет речь — о неприметных цветах пастушьей сумки — как в знаменитом хайку Басё. «Вглядишься» — и увидишь их «у плетня».

Переехав в Подмоскowie, я стал все больше обращать внимание на мир растительный, и даже не на деревья, в которых особого разнообразия в средней полосе нет, а именно на травы. Пешеходному человеку или даже на двух велосипедах куда как проще разглядеть то, что буквально «растет под ногами», и что уж точно не увидишь из-за баранки мегаджипа. Гуляя по берегу озера, в кое-где сохранившихся еще остатках лесов и лугов, я невольно начал вести сравнительный анализ, что из увиденного растет и у нас, а что нет. Я вдруг понял, что знаю названия всех трав, пусть и простонародные, произрастающих у нас в деревне. Да что названия — по запаху с закрытыми глазами отличу, а большинство из них я даже на вкус отлично представляю! — таков уж опыт детства. Конечно, гордиться тут нечем, знание для нынешнего индивида бесполезное, совсем далекое, вы добавите, от мира заработка и потребления, а потому даже и нелюбопытное. Мистер Набоков об этом что-то писал, что стыдно не знать названий трав, которые каждый день видишь, по которым ногой ступаешь, но он-то аристократ, с сачком своим бонмотировал от нечего делать, это еще до эпохи пост-исторического материализма было. Но Аня, как ни странно, меня поддержала. Пусть и городской она житель, но в детстве не об железобетон и «специальное покрытие» она, гоняясь, стесывала коленки, а лазала по деревьям, среди кустов и трав закапывала «секреты» и обустроивала шалаша. Слово за слово мы начали выяснять, что «растет в Тамбове, а что в Сосновке», затем еще в саму столицу переехали и даже здесь по кое-каким закоулкам и оставленным «под природу» клочкам так же юннатствовать умудрялись...

И вот, только выбравшись из такси с двумя чемоданами на асфальт, мы сразу увидели возле нашего нового — страшного, надо сказать, на вид — дома, в углу подле дверцы в мусоропровод... Ту самую пастушью сумку — «но немного не такую, как у нас», — пока без цветочков, ведь март! Никому она тут не нужна — просто сорняк на углу клумбы. Да и мы не знали или не вспомнили, что про нее триста лет назад дотошными японцами стихи сложены. Но вспомнилась мне потом гениальная фраза другого поэта и философа: «Сорняки — это растения, полезные свойства которых еще не открыты», и после, выходя из подъезда, невольно наблюдали мы за этой сумкой, когда она зацветет...

А в этот миг наша хозяйка, молодая и «из продвинутых», рекламируя квартиру, изрекла: «А вот тут, за домом, по субботам рынок. И там, представляете, даже рукколу можно иногда купить у бабушек! И недорого!..»

Мы, конечно, обрадовались. Знаем мы эту рукколу: в стольном граде приобщились к ней в пакетах из супермаркетов — дорогущая, однако, да и свежесть у нее недолго держится; «эмигрировав» из Москвы в деревню, первым делом принялись за возделывание для деревенского огорода неведомых (и никому из аборигенов и даром не нужных!) приправ... Все помним: засуха была такая, что ломом и лопатой кое-как обработали участок два на полтора, посеяли базилик, кинзу и чуть не три подвида рукколы, устроили даже навес от солнца, поливали... Базилик так и усох, рукколу вмиг пожрали мошки, а кинза к октябрю была изрядная!..

Уже недели через две, шествуя по улицам и дивясь всему тому, что «колосится» здесь на обычных клумбах в конце марта (розмарин, к примеру, а рядом с ним — лаванда), Аня вдруг с восклицанием: «Уж не рукколу ли кто здесь посадил?!» — указала мне на знакомые очертания листьев, едва ли не втоптаные в грязь. Мы сорвали ли-

сточки, растерли в пальцах — точно, руккола! Но зачем вдоль автодороги ее сажать, непонятно. Впрочем, дороги здесь повсюду — как и клумбы.

И поскольку мы всматривались не только в деревца и клумбы, но и во все зеленое под ногами, вскоре нас настигло открытие: это дикая руккола, и растет она тут повсеместно! На рынке действительно продается — зеленая-зеленая такая, 80 рублей пучочек. Но это что: прямо у нас возле дома, в закутке под деревцами — хоть коси этой рукколы — в двух десятках метров от того самого рынка-привоза! И везде, куда ни пойдешь — только приглядишься — эти темно-зеленые фигурные листочки тебя сопровождают!

Похвастились немногочисленным знакомым анапчанам — никто не верит. Да и кому она сдалась — заморская эта приправа! А на самом деле, как выяснилось, — *приморская*. Вскоре мы заметили, что вдоль всей дороги, где «цветы любви», и вообще по всем окраинам и пустырям все непролазные засохшие чащобы прошлогодних трав — это в основном руккола! И немудрено: у дикой рукколы, мы поняли, есть только два вредителя: жучки какие-то или мошки (их так и не видели), дырявящие летние листья, и те, кто окашивает лужайки. Дырявить листья можно сколько угодно: сто-о-олько рукколы вокруг, плюс делают они это все же очень скромно, с краешку, а вот непрерывное окашивание бензопилой возле домов порою оставляло нас без неперемного ежедневного компонента трапезы.

Даже к новогоднему столу мы обязательно насобираем немного свежей вкусной травки! Вкус у нее, правда, совсем другой, чем у привычной рукколы культурной: у той вкус неожиданно мясной, как у прилично зажаренного стейка, пряно-ореховый, а у этой — капустный, но все равно приятный, острый, притом что характерный запах тот же самый. Добавлять ее можно практически во все — как любую другую зелень, а по беднежью и вместо таковой. Но самое коронное блюдо — набить 50 процентов от другой зелени в зажаренную без масла пресную лепешку (это для тех, кто, как мы вскоре намастачились, на первый откус отличает *жингялов хац* от *кутаба с зеленью*!). Говорят, что для этих традиционных в кухне горцев блюд даже пастушья сумка идет в ход! Надо попробовать.

На окраинах руккола стоит стеной. Летом все это в пылище да и никому не интересно. Но столько рукколы, что можно было бы основать промышленное ее производство! Московские знакомые телеграфируют наперебой: «Шлите посылки!» Вот чем надо привлекать блондинок — а не шашлыком пережаренным и псевдогреческим — ага, с картошкой-фри и кетчупом! — гирсомом.

На каждом углу можжевелник всевозможных видов, можно даже синих ягодок набрать — отличная приправа или добавка в чай. На клумбах еще чуть ли не самое популярное растение — мята. Обычная мята перечная, но наша опять же не в пример вкуснее: здесь привкус сильно мягкий, как будто не мятный, а уже ментоловый, какой-то неестественный. Причем и на лугу полно этой мяты — пусть не такой зеленой и рослой, но на вкус и запах все равно такой же.

Да много всего насажено южного — самшитики декоративные или, к примеру, родственник агавы юкка, на постриженные ежики которой приезжие нередко говорят: «Смотри, ананас!» Но нас куда больше интересует то, что растет само — по оставшимся островкам природы, меж стройками и свалками, по канавам и углам, вдоль заборов и стен...

Подорожник — но не такой, как у нас. Тысячелистник — какой-то необычайно длинный, хоть по две палочки для И-цзинского гадания из каждой стебелюшки выделай, и в первый год мы ждали, когда он зацветет, — зацвел лишь через год! Цикорий — все лето тоже ждали, а он зацвел лишь к октябрю! То, что в тамбовских селах, да и в городищах тоже, так и душит, подавляет своей неумной растительной

мощью, здесь, как это ни удивительно, и не встретить вовсе! Крапивы вокруг — ноль, чистотел или лопушок увидишь — какая редкость!

Гадючий лук, котовник кошачий, синяк обыкновенный — не только названия, но и сами ярко-синие и фиолетовые цветочки вас поразят и видом и обилием. Пока не начнут окашивать все до былинки и бетонировать.

Но главное, конечно, — наш пустырь под окном. С самой весны его вид и сама его близость к жилым домам воспринимаются нами как нечто необычное, как чудесный подарок природы, который человек, правда, грызет со всех сторон, как червяки созревшее яблоко.

В первый год такой невзрачной травки, как мышинный горошек, не было видно вообще, зато уж к началу лета второго года группки синеватых цветочков уже создавали непривычный горожанину вид из окна — как будто на вересковую долину! А за лето его плетень и все новые цветочки заполнили практически все пространство луга. Появились и другие виды, или похожие цепляющиеся растения, цветущие желтым, белым, розовым. Все лето и здешнюю невзрачную осень — будто картина перед глазами, написанная живыми красками, залитая ярчайшим солнцем или его долгими закатными отсветами, оранжево блистающими, если смотреть с самого луга или с берега моря, в окнах всех окрестных домов. Больше всего, конечно, поражает период маков — издаലെка видные алые островки посреди буйной зелени. Ярко-желтая окантовка — вездесущая и тут сурепка, в конкуренции со своим сородичем рукколой. Ближе к осени — донник. Точки фиолетового, синего, фиолетово-синего — луговой шалфей, такой же, как и у нас, или две расцветки синяка — очень яркие. Не из окна, вблизи уже — голубенькие точки: какие-то появившиеся с самой весны цветочки — низкорослые, и маленькие такие на них звездочки, но истинно небесно-голубого цвета, что нечасто встретишь, как и такие же мелковатенькие ранневесенние красные.

Только ступишь на луг — сразу другой воздух: насыщенный запахами, естественный, приятный, успокаивающий, потрескивание насекомых... На каждой былинке — маленькие белые улиточки, а уж на прибрежных травах — вообще осыпные, своим недолгим хрупким бытием поддерживающие вековечный круговорот известняка. Обычно «в полях» и не так жарко: это асфальт и бетон нагреваются, но все равно крайне редко бывает, чтобы тут, как у нас в лугах и лощинках, вечером от земли шла прохлада. В знойные дни здесь и ночью — как ни странно! — ни ветерка, раскаленный стоячий воздух, часто еще подкрепляемый неделями горячей мусорной свалкой. Но все же «в полях» лучше, не так удушающе.

«Эх, телка бы сюда запустить!..» — как прирожденный деревенщик, все вздыхаю я, проходя по полю. Иронизирую, конечно, но вообще и то правда: такие уголья пропадают, травища сочнее, дикий овес, к середине лета ковыль даже — почти что гоголевская степь, хотя бы «филиал», а вокруг, во всем городе, ни единого телка — крокодиловая ферма есть, а более привычную живность детишки, наверное, по картинкам изучают: все живут лишь сезонной сдачей жилья.

Осенью постепенно картина меняется — другие травы выбиваются, высоченные, к примеру, что-то вроде нашего львиного зева, но метровой высоты. Обычная аптечная ромашка, зверобой — редкость, но есть их двойники — ромашкообразные цветочки, по-осеннему желтые или светло-фиолетовые. Из низеньких — дикий лен, и не в синий тон, а тоже такой слабо-лиловатый. Постепенно все жухнет, но и всю зиму колышутся за окном высохшие травы...

Небольшая полоска у церкви, временно оставленная в покое, также мгновенно заросла гигантских размеров невиданными растениями. И тоже какой тут неурбанистский запах, как приятно это созерцать! Много ли где увидишь, тем более *в черте города*, к примеру, синеголовник — и наберешь для икебаны его колючих веток с оперенными синими шариками? А тут — в рост человека — красотища! Но для челове-

ка его собственный рост не в пример дорожке: травка должна быть по щиколотку, по протектор кроссовка или по самый нижайший краешек машинной шины — как будто не детина он и царь природы, а жучок какой-то, что может в них заблудиться! Для него это все называется «бесхозность», «баг» в программе «развития», и едва только трава повылезет, сразу начинается периодическая санобработка. И не косой, как раньше, а будто бензопилой в содружестве с тем же перфоратором! Свалка и помойка кругом, здесь же — вечно растащенный ветрищем мусор, непременные выбросы питомцев, неизбежно раскрошенная человеком всякая гадость — это ладно, это в порядке вещей, а самопроизвольно растущие травы — криминал, островок неподконтрольной, непокоренной природы, по недосмотру не подклонившейся пока под плевки, протезы-протекторы и собачьи экскременты.

То, что не на джипе мы ежеутренне выкатываем из подъезда, а пешком «в поля» уходим да еще постоянно там что-то выискиваем, приходим с охапками и букетами, так и не давало соседям покоя, началось даже злословие. Немногие сейчас занимаются собирательством, а «в полевых условиях» и подавно. За чабрецом нормальным пришлось в Джигинку ехать, там все же угожья гораздо лучше. Но и в городе: цветет акация, цветет липа — только ленивому не успеть набрать. Но тут, конечно, все сложней выгадать, «чтоб не совсем у дороги». Календула, допустим, всегда под носом — нужна она кому? — тоже думаешь «на зиму», а она и в декабре, и в январе все так же расцветает!.. А чуть весеннее пригреет солнце — мускари — не лук, конечно, и да не «гадючий», а симпатичный цветочек из первоцветов, поэтому его еще не успевают выбривать, но в городе сам по себе он высыпает редко, его как раз полно в предгорьях, как, например, по берегам популярного у туристов живописного озера Сукко. На этом заповедном озере, кстати, все в том же духе идет «благоустройство»: чтоб, притащившись за сотни верст, все ту же пиццу с гамбургерами комфортно было уписывать и здесь, чего ж еще...

Но из деревьев здесь, без сомнения, главное — грецкий орех. Куда ни пойдешь, разлапистые старые ореховые деревья или молодые деревца на каждом шагу — в буквальной смысле. Зацепишь на ходу листья, изомнешь в руке — шампунью пахнет, для косметических целей самое то. Но сами орехи созреют лишь в октябре, детишки и бабушки пытаются их собирать, но выросшие в городских условиях, валяющиеся в лужах скорлупки в основном «пустые» — с высохшими или сгнившими ядрами. Иное дело — варенье из зеленых орехов, как пишут, любимое лакомство товарища Сталина. Прочитав рецепт, не каждый возьмется его варить, но мы взялись...

Когда орешки еще зеленые, пахучие и мягкие, ходишь по городу с котомкой и рвешь их с веток, иногда даже подпрыгивая... В людных местах, например в роще, что и говорить, каждый незадачливый турист (или даже местный, живущий «на всем готовом») считает своим долгом окликнуть и оговорить: «Что же вы их рвете — они еще не созрели!» Вроде как охраняют, чтобы «осенью для детей было побольше спелых» (тогда как зеленых пруд пруди, висят они все лето, а иногда и по два раза в год завязываются!). Вообще полакомиться с кустов и деревьев мало чем придется: виноград и абрикос не рви, инжир можно встретить, но смоковки его крошечные, зеленые, даже листья не пышные — совсем не вызревает. На деревьях айвы, тоже вызревающей плоховато, разве что к зиме, часто бывает бумажки наклеены: «Не рвите, это не груша, она еще не поспела!» Полудикую алычу бесхозную еще пытаются прохожие атаковать, сбивая палками, но из нее варенье — если у вас очень крепкая зубная эмаль — сплошная кислотища.

Или вот наловчились долму вертеть — знакомых с приусадебным виноградом нет, выходишь на весьма своеобразный промысел — нужно «ничейными» листьями раздобыться. И чтобы не в гари и пылище они были, да помягче, да лучше белых сортов...

Однако, как говорится, как ни крути — все равно из листьев своих лучше получается, чем из покупных.

А из орехов варенье — если соблюсти рецептуру (ну, и при этом ее упростить!) — доступная вещь, фактически бесплатная. Конечно, двести или триста орехов очистить ножом, а потом наколоть зубочисткой — не каждому под силу. (Все это в перчатках, но и сквозь них кончики пальцев недели на две окрасятся: сок этого ореха незакостеневшего — натуральный йод, практически как во флаконе!) Вымачивать, меняя воду, десять дней — это еще полбеды, а дальше чуть проварил — «оставить на сутки», и так три раза, а потом еще четвертый окончательный. Но самое отпугивающее и несурзное в большинстве рецептов — в растворе гашеной извести вымачивать! На практике мы быстро вывели, что известковую воду вполне можно заменить раствором лимонной кислоты, да и вообще не так уж и страшна эта горечь (можно не чистить полностью, только срезать участки с пораженных паршой плодов), просто варенье получится более терпким. Отлична и проста в изготовлении и спиртовая настойка на зеленых орехах — только долго ждать да потом не переборщить в ее использовании как ликера или коньяка.

Немало всего произрастает, не знаю, зачем взялся каталогизировать. Но все же хоть самые крошечные островки эти, осколки, мизерные капли первозданности — природные или устроенные в палисаднике далеким потомком Адама и Евы, хоть на секунду, хоть на волосок окрашивают, оживляют, скрашивают вытравленное бытие. Меня особенно радуют «зарницы» (мирабилис) — запах детства. Аня любит пионы, но их тут мало. Да и вообще, как вы заметили, сплошные парадоксы: какой-нибудь дурман — пожалуйста — и на участках, и дикий у моря, а обычные астры тут днем с огнем не сыщешь...

Забыл еще *актуальное* из растительного. Вблизи новостроек, когда счищен верхний слой почвы, первым делом заполняет все, как у нас «красная трава», крапива, или «американка», местный сорняк, как будто в насмешку именуемый амброзией. Да и повсюду он растет — эти неведомые листочки, по весне весьма смахивающие на морковные, я даже срывал и, растирая, нюхал, чуть ли не на вкус пробовал. Оказалось — сильнейший аллерген, о наличии коего подле детских площадок постоянно пишут на сетевых форумах.

Иногда из утреннего тумана и дыма от свалки выпрыгивает под ноги саранча. Почти как в видении Иоанна Богослова! Но пока что совсем не страшно: «кузнечики», конечно, немаленькие, и их немало — так и тянутся, скача вокруг и на тебя самого, до самого моря. И на набережной их полно, и в море — Аня даже сначала хотела их «спасать». Но это всего дня два, потом пропадают. А вот сколько бывает в летние дни, даже недели стрекоз — идешь тоже купаться и кругом, прямо в городе, так и носятся стаи!.. И не тощенькая сухонькая спичечка, одна-одинешенька или штук пять в жаре кружатся, как в наших пенатах, а целые вертолеты — крупные, глазастые, синие, зеленые, и заполняют, расцвечивая собой воздух, все вокруг — по-видимому, массовая миграция каких-то видов. Ане раз здоровенная стрекоза — синезеленая, блестящая, как будто изделие ювелира — присела сзади на косичку, как заколка, и так она с ней ходила по пляжу не меньше четверти часа!

Здесь будет город-сад?..

И все же побеседовать с людьми иногда удается, хотя бы с таксистами, водителями автобусов, шаурмистами да парикмахершами — иных профессий тут, по сути, и не сыскать, зато солнечная Анапа, в отличие от столицы, неожиданно предрасполагает

к подобным беседам. Приезжают отовсюду, даже поражаешься географии: из разных мест Сибири, из Прибалтики, Греции, из Голландии даже!.. Кошка под окошком, всему подъезду известная Мурлиза, и та эмигрантка, не говоря уже о нашем поколесившем по городам и весям Кошмане.

Переплетения стремлений и судеб непредсказуемые: как и в столицы, сюда стекаются ищущие новой жизни. Дерматолог открывает табачный ларек, или наоборот — офисная работница становится ландшафтным дизайнером. Однако не все здесь приживутся: в отличие от столиц, здесь ничего не делается для культуры. Главное и как будто даже *модное* занятие для молодежи — сидеть в фастфудовской забегаловке в торговом центре, причем даже без предварительного просмотра блокбастера.

Сибиряков нам попадалось не в пример больше, чем выходцев из европейской части, но большинству из них тут не нравится: в Норильске или Красноярске их подавляло промышленное загрязнение, а здесь разочаровали климат, люди, превращение приморского оазиса в спальный район.

Хозяйка нашей квартиры двадцать лет прожила в Нижневартовске, а вообще родом она украинка, с самого что ни на есть хутора, близ какой-то совсем гоголевской Диканьки, название я не запомнил. Рано оставшись без мужа, все в жизни она делает сама, характер кипучий — как будто со страниц «Тараса Бульбы». У всех квартир, где жила, она насадила цветов и плодовых деревьев, и, конечно, не успели мы заселиться, принеслась и к нам. Под угрозой, что «сама одна почну», вытащила, что называется, без подготовки сажать цветы, черешни и вишни под окном у трансформатора.

«Прылепин, да що вин туда поперся — на Украину-то?! — начинает она политический диспут. — Да еще ведь и писателей своих приволок целый отряд!..»

Телевизора у нас давно нет — как и холодильника, и прочего, да и вообще я, признаться, лет пять уже как совсем бросил смотреть оный да и вообще пристально следить за новостями: заголовки-то почитать и то весь оплывешь, такой абсурд происходит. Но тут мы с Аней сильно развеселились — только представь «отряд писателей»! Это таежника Михаила Тарковского можно представить с ружьем за плечом на самодельных лыжах в маскхалате... — а из нынешних «призывников» весь ихний Suicide Squat и ложку-то ко рту без приложения не поднесет, потом еще неделю офейсбучивать будет, ретвиттировать, телеграмить да инстаграмить! Оно, конечно, в реальности абсурда возможно что угодно, только город-сад никак не возможен, но дюже уж комично.

Забыл сказать, что хозяйке нашей Порфиловне ровно 80 лет, хотя на вид — никак не дашь.

Да вот и я таков же: стою тут у ненавистного трансформатора: бородатый, хоть не в сланцах приплюснутых, как все прочие, и не в идиотских шортах с отворотами — в камуфляжных штанах, в шнурованных ботинках, рукава засучены, руки по локоть в глинистой грязище, в одной руке — саперная лопатка сломанная, в другой — один из пятнадцати саженцев «на благо города-курорта»!.. А рядом еще ведро с топинамбуром — что твоя картошка, тоже хозяйкино произведение...

Аня попыталась ей объяснить причину нашего веселья, и даже что «Леша и сам писатель», и что даже знаком с «Прылепиным», но информация просто не воспринималась, и мы упорствовать не стали, тем более что надо было еще дело делать — и притом стремглав. Китайская дрянная лопатка развалилась, я постоянно порываюсь ее выбросить и сгонять в магазин за новой — как и за перчатками! — но такой уж неуправляемый темперамент у малороссийской бабушки: давай и давай, не то я сама! Голыми руками танк опрокинет — генералиссимус бабуся!

А мимо люди трусят и прохаживаются — озабоченно и празднично. И каждый, остановившись, начинает перекрестный допрос: что это вы сажаете, зачем, почему, это

домуправление опомнилось озеленить, или вы от мэрии, все равно засохнет, надо ямку-то глубже копать и черенок ровней держать, не лучше ли тут каштан посадить, орех или тополь, и кто вам вообще разрешил, не будет ли детям мешать, машинам или собакам?! Я только успеваю почву разрывать, Аня камни строительного мусора выковыривать, а Порфировна, помимо работы, еще и терпеливо на все вопросы отвечать! И нам: «Да пусть их, я уж тут столько за пятнадцать лет всего попересажала!»

«Вот типичная модель горожанина, — думаем мы, — и как отличен от них человек сельский и старой закалки!» На собрании жильцов нашего дома инициативной группой было предложено помимо вишен высадить деревья — липы и каштаны, но подавляющее большинство собравшихся категорически выступило против: «Липы на машины будут капать!», «Каштаны на машины будут падать!» Теперь понятно, почему все более-менее новые дома так и стоят голим, в стиле новомодном «три-фри»: все-все в бетоне — даже детские площадки! — и припаркованных под окнами машинах.

Порфировна, кстати, была очень удивлена, узнав, что мы, люди вроде бы современные и молодежавые, тоже собираем всяческие травы и знаем их названия и свойства, хлеб сами печем и прочее. Еще больше она удивилась, встретив нас в церкви.

Мы, честно говоря, удивились тоже, ведь куда привычнее, если сразу порчу снять предложат или, что РПЦ водкой торгует, простодушно расскажут. Да и вообще народ, как и в других городах, пошел неадекватный, как будто в облике его последствия недавней войны запечатлелись, не столько физически, сколько нравственно искорежив. Война эта за цивилизацию так называемую, с ее красотами и удобствами, раз такова она, что попишешь, в представлении наших рьяных граждан: вокруг дома и так куда ни обернешь — восемь штук этих гигантских Г-образных кранов, под ними чертоги мрачные, и днем и ночью скрежет, сверлеж, долбеж, сверкает сварка, пятиэтажки, только что возведенные, объявляются самостроем, с трудом и грохотом выкорчевываются — лишь для того, чтобы на их месте загремела стройка двадцатиэтажных монстров... Свет прожекторов прямо в окна, грохот, круглосуточный «день бульдозериста». «За три месяца подняли!» — хвастаются строители — из тех, кто может по-русски. Бутылки и объедки (остатки прокисшего плова, тюбики от острого кетчупа) вываливаются иноземными работягами за десять метров за забором, в аккурат на дорожку к морю...

Макростройка и макропомойка отражаются в микромасштабе: квартирные сверлежные работы — святейшее из дел, от коего продыху не жди: и в самые страстные дни, и на Пасху, и 1 января с утра! Приходилось мельком внутрь чертогов заглядывать: коридоры в зеркалах в позлащенных рамах, лепнина, барные стойки, колонны какие-то куцые — нечто среднее между двухэтажным самоваром и десятиэтажным тортом в розанах! — даже не бидермейер уже и мещанство, а нечто гиперзапредельное. «Опа! Анапа» — на максимальной громкости и раз пятьдесят подряд. От берущей болят уши, как в акваланге каком постоянно, от слоистых их втулок-елочек уже ушные каналы сделались ступенчатыми! Ругаться, умолять, взывать к диалогу и разуму, угрожать — бесполезно. Были тут соседи и с юридическими, даже полицейскими *подвязами*: «мне пофиг», «имею право», захлопнутая с нарочитым ударом железная дверь, и опять начинают гордыкать. Слово единственная устоявшая в социальных бурях идея-фикс, которая всех объединяет, — захват территории и любыми средствами форсированная подготовка к предполагаемой «будущей жизни».

Пусть и *через четыре года* — будет ли здесь цвести город-сад? Сомневаюсь. Даже если иметь в виду не роскошный образ из речевки Маяковского, но за весь XX век оставшуюся почитай лишь на бумаге современную градостроительную концепцию. Церковь будет — и это поражает, — как и темпы и особенности ее возведения: величественная, длинная, как корабль, но вокруг этого чудесного корабля — не море, не

облака, не поле, не зеленый городок курортный, а серо-бетонные каменные глыбы. Вечное разбитое корыто и неизбывные нереализованные амбиции — пусть и «у самого синего моря». В пейзаже ни капли синего, его даже трудно представить, да и зеленого уже мало — нагнали шлака, то ли дорогу затеявая, то ли просто забетонировать полпустыря...

Христианство, марксизм, коммунизм, все виды гуманизма и все богатства культуры — все вкатать в асфальт, как будто слои геологических эпох, забетонировать, а сверху — не что иное, как уже газует колоссальный джип с маленьким в нем, как в каком-то луноходе, повелителем-индивидом, или тот же индивидик, как космодесантник, наизготовку с перфоратором. Настоящий монумент, «инсталляция» — идол идиллии цивилизации! Джип — воплощение «мечты о свободе» — можно быстро перемещаться, не теряя достоинства и веса, наоборот приобретая да еще молодок привлекая: полюбоваться на закат, осыпать колонизируемую планету «цветами любви». Все улицы, очень узкие, запружены машинами — в любое время суток в любом месте города-курорта только гарь глотать. И каждая пятая в потоке или пробке бибика — здоровый, подчас, без преувеличения, с маршрутку, джипище — привлеченные кредитом, их массово скупают едва ли не с детсадовских ползунков, так что на каждого анапского жителя приходится по машине. Рэпак имбецильный вжарить на всех децибелах на всю окрестную ивановскую, девушку из лужи окатить — скорее, уже не исключения, а правила, rules — то, что сидит в башке и рулит.

Перфоратор — орудие переустройства мира, не молоток уже, не серп, залог семейного поощрения главы семейства, вольному лендроверству противовес. А не сложилось с тачками и телками, с одной женой негодной — есть сублимация — ударная машина! Доступно это чудо-юдо техники каждому: «самый китайский» и по акции — всего-то пару тысяч! И чем более инструмент дешевый и хлипкий, тем дольше и непрофессиональнее долбеж и вжикание.

Ну, просверлил восемь дырок, ну, дюжину — сорок минут каких-то — это еще можно понять, я и сам это делал: повесил книжную полку, крючки и шкафчик в ванной, светильник — все. Но не каждый день с утра до ночи круглый год! В первую очередь надо бы запретить не то что строить с картонными стенами, но вообще сдавать дома в полудостроенном состоянии, когда покупатель квартиры вынужден потом два года мучиться с отделкой, мозг сверлить себе и людям.

А обитатели этого загаженного, оскверненного, искривленного зазеркалья — вот они, возьмем для краткости хоть пару самых ближних... Не раз встречалась нам возле дома женщина с трехногой собачкой — наконец сама обратилась к Ане: «У вас лицо доброе, возьмите котеночка!» («Взяли бы — уж постоянно к котяркам уличным примериваемся — да тут и своему...») Оказывается, собачка у нее живет с котенком в отдельной квартире здесь, и чтобы воспроизвести эту трогательную прогулку на пустырь, она чуть не каждый день мотается на автобусе из Новороссийска! Пытались обсудить рациональные выходы, но дальше, почуввав слушателя, с придыханием понесла: «У него рот такой специальный: он им и мышей ловит, и змей!..» (Змеи тут, конечно, водятся — на том же заросшем травой обрыве, — но чтобы домашний котик их ловил...) И очень подробная околесица про этих «змеек» — я даже сразу не поверил. К соседям снизу приехала бабка — по-видимому, из отставных и заслужившихся «педобра́зов». И ка-ак начала визгливо, с поставленной дикцией часами дрессировать их мальчугана: «Кр-ра́сный. Пр-ра́вильно!», «Три. Плюс. Два? Так. Правильно. Пять!» — причем мальчику уже лет десять! Замуштрованный мальчик, доселе тихий, быстро перенял ее манеры. Но самое интересное началось, когда ученика куда-то увезли: «Правильно. Молодец, Мурлиза, пять!», «Неправильно, Мурлиза, два!» — и это, кажется, уже оценки, а не «из арифметики»... Тут и свой кот уже, наверно, скоро вы-

учится или рехнется — везет же на таких персонажей. Нормальные, обычные вроде с виду тетушки, жалко их.

Что же до разменявшей девятый десяток нашей Порфириновны, то у нее напротив видок самый продвинутый: в пакете коробка роллов, взяла для внука, который на побывку из морского училища прибыл. Берет не абы где — даже не мы, давно отвыкшие, рекомендовали — пока изготавливают, часок на службе отстоит. При взгляде на нее картинки Японии отчего-то вспоминаются: там даже на месте Хиросимы сейчас некий город-сад, потому что в их темных головках какая-то память традиции и общности сохраняется, а на Украине ее милой, совсем тут рядом, — воплощенный ад.

После службы, перебиваемая трелями дрелей с церковной стройки (и здесь все же начали!), рассказала нам о своей «закалке», история тоже чуть ли не в духе «Вечеров» или «Миргорода» оказалась:

«В молодости я верующей не была, да и потом все трошки. А тут, как вышла на пенсию и переехала в Анапу, сусидка оказалась ведьма, чорнокнижница какая-то. Усе говорили, а я в тэ не верила, пока сама не захворала: покрылась черными пятнами, и ночью страх такой — кукушкой кто-то начав кукати. Пошла я к батюшке, пожаловалась, исповедовалась по совету, причастилась, набрала воды святой, все в хате окропила, иконку повесила... Ничто не помогло! Я к батюшке опять: мол, не дие ваша вода! А вин: что вода, иконки — верить надо. И стала я, як ни хворала поначалу, ходить в церковь, молиться, хоть что-то разумети. Чого и вам желаю».

Не к нравоучениям у нее порыв энергии жизнерадостной, а сами видели к чему. Пусть засуха, булыжник придорожный и затоптали в клумбах половину вишен, главное — делать.

Ольга ГРЕНЕЦ

ФУТБОЛ В ДЖУНГЛЯХ

Рассказ

Гида по Амазонке звали Луисвальдо, не самое сложное из попавшихся нам в Бразилии имен, но в голове все время вертелось и чуть не срывалось с губ: Леонкавалло. Было в этом смуглом, упитанном молодом человеке что-то от оперного певца. Казалось, его звонкий, раскатистый голос и преувеличенные жесты предназначены для галерки: их охват явно превышал размах одной моторной лодки на восемь человек. Луисвальдо передал управление лодкой своему помощнику Родриго, мальчику лет тринадцати, сидевшему сзади на руле, а сам глушил пиво и на приличном английском скармливал нам байки о жизни в джунглях и о своей сложной судьбе. Одновременно с не меньшим энтузиазмом он разглагольствовал о проходившем в эти дни по всей Бразилии чемпионате мира по футболу. Мне вспоминался Карельский перешеек, где я выросла, мой тамошний приятель Тимка — и трагический клоун из «Паяцев». Очень хотелось позубоскалить. Я повернулась к Улли, чтобы поделиться с ним впечатлением, но он был погружен в свои мысли. Оперу он так же мало ценил, как и футбол. Не было шансов, что он меня поймет.

— У меня была возможность попасть на первый матч в Манаусе, — хвастался Луисвальдо. — Мой кузен вкалывал бетонщиком на строительстве стадиона, и ему удалось достать пару билетов. Но я не мог оставить работу. Я тут сейчас вроде как за главного. Босс поехал на чемпионат. Он страшный фанат. Вы заметили гирлянды из флажков в нашей столовой? А большой телевизор? Это все он постарался, специально к чемпионату. А сам купил билеты на все четыре матча в Манаусе и устроил себе отпуск. Впервые с тех пор, как открыл этот бизнес двадцать шесть лет назад! Его мама живет в другом городе, к востоку по реке, он ее уже столько лет не видел! Да ладно, я не жалею, что пропустил матч. Его даже по телевизору не имело смысла смотреть. Камерунцы без своего капитана бегали по полю, как потерянные дети. А в Манаус мне не стоит сейчас соваться. Бывшая подруга подстерегает, требует денег на воспитание дочери. Ей кажется, что я сделан из денег... Видите ту корову, да вот же, спустилась попить? — вдруг перебил себя Луисвальдо. — Смотрите, а вон там, левее, из воды торчат два глаза. Это кайман ее подстерегает.

Улли повернулся поглядеть, куда указал Луисвальдо, и тяжело вздохнул. Я будто читала мысли своего спутника: по берегам широко раскинувшегося притока Амазонки паслись стада мускулистых коров — одна из трагедий местной экологии.

Ольга Гронец — русско-американская писательница, родилась и окончила школу в Санкт-Петербурге, магистерскую степень по компаративистике защитила в Сан-Франциско. Публикуется в американских и английских журналах, лауреат премий короткого рассказа (Лондон-2016, Сан-Франциско-2017). Первые рассказы на русском опубликованы в журнале «Нева», 2006, № 1. Автор трех сборников рассказов, последняя книга «Хлоп-страна» вышла на русском в издательстве «Время», М., 2016. Работала заместителем главного редактора журнала «Narrative», Сан-Франциско. С 2015 года является одним из модераторов «San Francisco Writers Workshop».

Общемировая любовь к говядине толкала здешнее население разводить стада и вырубать лес под пастбища. Но Улли не удалось долго предаваться скорби: кайман выскочил из воды и попытался схватить неосторожную корову за ногу. Улли аж подпрыгнул на месте. Я засмеялась, а корова невозмутимо махнула хвостом и отбежала на несколько шагов.

— Зря старается, коровы быстрее кайманов и сильнее. Напрасно только пасть ржавеет, — объяснил Луисвальдо.

— Что тут смешного? — обиженно спросил меня Улли.

— Ты испугался за корову, а она разрушает всю экосистему, как ты говоришь.

— Не вижу тут повода для смеха.

Это было наше третье утро на Амазонке — памятная дата: 22 июня. Улли родился в Восточном Берлине, я — в Ленинграде. Мы познакомились в Калифорнии два года назад, в апреле съехались, сняли дом в городке под названием Маунтин-Вью, примерно посредине между офисами наших компаний. Но несмотря на положительную динамику наших отношений, несмотря на то, что Улли довольно открыто говорил о прошлом своей семьи, мы не раз обсуждали, что наши деды воевали во вражеских армиях, и это как будто добавляло интриги в наши отношения — мне все еще не хватало решимости спросить, что значила для него эта дата. Допускаю, что не значила ничего особенного: задолго до нападения на СССР Германия захватила Польшу, и тогда войну с Германией объявили Франция и Великобритания.

Выспаться никак не получалось. Всю ночь зудели комары, а под утро в лесу принимались кричать друг на друга птицы и обезьяны. Погода стояла пасмурная. С утра дождя еще не было, но нависшие над рекой тучи давали понять, что это всего лишь временный перерыв. Весь предыдущий день из-за ливня мы оказались запертыми на базе; уж на что Луисвальдо и другие гиды пытались развлечь нас, вытаскивали откуда-то жутких пауков, приносили какие-то диковинки местной флоры и фауны, все равно мы большую часть дня провели перед телевизором, где шли подряд три матча чемпионата мира. У экрана собирались все гиды и туристы из Австралии, Дании, Италии, Норвегии, Канады, Чили, Южной Бразилии и дружным хором встречали каждый гол. Так сложилось, что ни одна из наших национальных команд в тот день не играла, и все горели общим энтузиазмом.

Все, кроме Улли. Когда начался матч Германии с Ганой и все заулыбались, кивая ему как единственному немцу в группе, он скрылся в нашем домике.

— Неужели он так волнуется? У Германии сильная команда, все считают, что они составят хорошую конкуренцию Бразилии, — прокомментировал Луисвальдо побег Улли. Открыл очередную банку пива, оглядел всех собравшихся под навесом и радостно выдохнул. — Хорошо, что среди вас нет англичан! На прошлой неделе у нас тут вся база была ими забита, как кастрюля с вареной рыбой. Сюда приезжают туристы со всего мира, но неприятнее типов, чем эти футбольные фанаты, я еще не встречал. Все им не по душе. Сами потеют в три ручья, а в реку нырять отказываются: грязно, видите ли. И пираньи недостаточно зубастые, и дельфины близко не подплывают, и птицы слишком громко кричат, спать беднякам не дают. Я слышал, тренер английской команды обозвал Манаус адским местом. Недаром они проиграли. Поделом.

Матч Германия—Гана оказался интересным. Несмотря на жару и влажность, Германия сразу начала с атаки. Гана, однако, прекрасно отбивалась, и потихоньку игра передвинулась в центр поля. К концу первого тайма счет был все еще ноль-ноль, и только в начале второго тайма немцы разыграли классную атаку, и Марио Гетце забил головой гол с семи метров. И тут же ганцы ответили им по полной: после замены на поле вышел футболист Джордан Айю и, видимо, воодушевившись, его братец Андре Айю обыграл немецкого защитника, и вlepил мяч в левый нижний. Гооол!

Бразильские комментаторы закатились восторженными восклицаниями на добрых две минуты.

Не утерпев, я пошла искать Улли. Он сидел во влажной жаре нашей хижины в одних трусах под балдахинном из москитной сетки и смотрел какой-то британский сериал на своем компьютере. Интернета и мобильной связи на этой базе не было, разве что в столовой были розетки, где можно было подзарядить ноутбуки.

— Пропускаешь красивую игру, — сказала я Улли на английском, нашем с ним лингва франка. — Есть хороший шанс, что немцы все-таки проиграют. Пойдем, там все тебя ищут, чтобы поболеть вместе.

Улли засмеялся чему-то на своем экране, но потом все же видео остановил и поднял голову. Весь лоб его был покрыт бисеринками пота.

— Ты же знаешь, я считаю профессиональный спорт средством массовой пропаганды, откровенно националистическим проектом.

— Ты это всерьез? Ты мяч-то в детстве гонял с друзьями? Или нет, ты и тогда сидел вот так же взаперти и на улицу не выходил?

— Мяч гонял. Но это был не организованный спорт, а полная его противоположность. Детская игра. Я не собираюсь участвовать в этом зрелище даже в качестве наблюдателя.

— А в школе и в институте что ты делал? Тоже отказывался?

— Как когда. В школе, например, я прослышал, что во многих гимназиях в ФРГ спорт идет факультативом, и написал дирекции, что организованный спорт должен быть только для желающих и что у школы нет морального права заставлять меня как будущего инженера заниматься физкультурой.

В это я легко могла поверить. Родители Улли были физиками. Для себя он выбрал более практичную профессию инженера-электромеханика и занимался электрическими двигателями для автомобилей, но все равно не избавился от снобизма, воспитанного в семье.

До нашей хижины донеслись вопли из столовой и радостное скандирование: «Гана! Га-на!»

— Похоже, Гана забила еще один гол! Пойдем посмотрим. Тебе не интересно? В конце концов, это же такой шанс для бывших колоний — показать миру, на что они способны, — я пыталась использовать понятия, которые, мне казалось, Улли найдет убедительными.

Трудно было подобрать слова и объяснить Уилли, почему мне хочется, чтобы он вышел к телевизору. Казалось: если уж мы так промахнулись с подходящим сезоном для путешествия по Амазонке, стоит сдать на милость судьбы и радоваться, что она нам подкидывает другие развлечения. Я тоже за пять лет жизни в Америке перестала следить за футболом — подумать только: запланировать путешествие в Бразилию на время чемпионата мира, не подозревая об этом. В Силиконовой долине среди программистов даже крикет был популярнее, чем футбол. Хотя стоило нам с Улли купить билеты и собраться в поездку, вдруг добрая половина наших друзей проснулись и стали расспрашивать нас о маршруте и не собираемся ли мы приобщиться к большому спорту. Улли где-то вычитал, что на Амазонке футбол особой популярностью не пользуется, и до последнего не терял надежды, что мы сумеем избежать всеобщей лихорадки.

Выходить в столовую он принципиально отказался. Так и просидел весь вечер в хижине и заработал себе чесотку под мышками: то ли воспаление от жары, то ли укус какого-то насекомого. Я тем временем тусовалась с Луисвальдо и компанией. Мой дачный друг Тимка, такой же болтун, кроме всего прочего, еще и на гитаре играл. Я спросила у Луисвальдо, играет ли он на гитаре, но тот лишь покачал головой.

— Но мы потом можем поставить музыку и устроить танцы! Если после футбола у всех будет настроение. Мы в Бразилии очень любим танцы.

Следующим был матч Нигерии с Боснией и Герцеговиной, и хотя многие им интересовались, решено было переменить род занятий. Луисвальдо и другие гиды принялись сооружать кайпирины из местного тростникового рома, лайма и сахара. Включили музыку и цветовую подсветку — и сразу всех потянуло на флирт. Напиток бил наотмашь.

Гиды — кроме Луисвальдо, были еще один парень и две девушки — в отсутствие хозяина пили наравне с туристами и танцевали вместе с нами. Манаус — столица штата, туда за заработком устремлялось множество молодежи. Кто-то приходил из соседних деревень, кто-то попадал из ближних округов сверху или снизу по реке. Все они выросли на реке, чуть не от рождения умели управлять лодкой и прекрасно знали родную природу, им только языка не хватало, чтобы стать гидами, как раз в общении с туристами они и схватывали английский. Но было что-то, чем Луисвальдо отличался от всех остальных. Каким-то артистизмом, умением вызвать восхищение публики. Танцором он тоже оказался превосходным — хотя, по сути, не делал ничего особенного. Так, поводил себе бедрами и улыбался изо всех сил. Похоже, романы с туристками были для него обычным делом, а я, в общем-то, была не свободна. Но как я ни пыталась себя остудить, вырваться из его орбиты тем вечером было очень трудно.

Улли уже спал, когда я вернулась в нашу хижину. Спал беспокойно, утром чувствовал себя плохо и сейчас, уже сидя в лодке, продолжал кукситься и чесаться. Перед нами расположилась однополая пара из Норвегии, за нами две гетеропары: одна из Австралии и еще одна, как и мы, из США. Все послушно мотали головами по сторонам вслед за указаниями Луисвальдо: посмотрите сюда, посмотрите туда. Где-то на деревьях притаились ленивцы — Луисвальдо пытался объяснить нам приметы, показать их убежище, но мне так ничего и не удалось увидеть. Улли тем временем подозрительно поглядывал то на горизонт, то на нашего гида, который все свои рассказы запивал пивом и сейчас допивал уже третью или четвертую банку.

— Узнаю это место, — шепнул он мне. — Еще чуть-чуть, и мы доплывем до главного притока.

— Там, где в первый день мы видели розовых дельфинов?

— Там, где стоят плавучий магазин и кафе. Мука, молоко — и пива хоть залейся. Вот смотри, если сейчас пойдет дождь, еще полдня футбола нам обеспечено. Что же это за напасть такая!

— Да-а? А мне было интересно. Помнишь, там девочка стирала белье с мостков, и ее пиранья укусила за палец? Такое не каждый день увидишь.

Улли отодвинулся от меня и оглядел, как будто не узнавая.

— Очень рад, что тебе тут все по душе, — произнес он нехотя. И отвернулся.

А ведь он всерьез мечтал оказаться в настоящих джунглях и за экологию переживал по-настоящему, только никак не мог, бедняга, расслабиться, все время был на взводе. Ну что тут скажешь — типичный городской житель! А я, наоборот, получала такое удовольствие от поездки, которое, кажется, не испытывала с детства. Дачный поселок под Ленинградом, где я проводила каждое лето до отъезда в Америку, находился недалеко от каменистой и шустрой Вуоксы, куда мы бегали купаться и ловить рыбу. У моего приятеля Тимки была старая складная байдарка, несколько раз мы спускались вниз по течению, до самой Ладоги. Карельские сосны и скалы кажутся суровыми и малопригодными для жизни по сравнению с Амазонкой, и трудно ска-

зять, что именно в этом тропическом лесу навело меня на воспоминания о моем северном детстве.

Пока я не попала сюда — может быть, под влиянием Улли — при слове «Амазонка» передо мной всплывала картина гигантского леса, который постепенно уничтожает белый человек. И только тут, на месте, дошло: Амазонка — это же река! Система рек. По дороге из Манауса мы на протяжении нескольких километров своими глазами наблюдали «встречу вод» — линию, где соприкасались светлая горная река Солимоинс и темная, насыщенная минералами вода Рио-Негро — так сильно различались их воды, что, даже объединившись руслом, они не перемешивались друг с другом. А после весенних дождей реки были особенно полноводными; по слухам, части Манауса и местность вверх по течению Рио-Негро оказались вообще затопленными — на счастье, база, где мы зарезервировали места, оказалась в другой стороне.

И все же, несмотря на жаркую влагу, аромат перезревших фруктов и цветущих растений, несмотря на дельфинов и зубастых рыб, которыми кишели эти воды, с той минуты, как я ступила на палубу катера в Манаусе, воспоминания о Вуоксе и Ладоге не оставляли меня. Впечатление только усилилось, когда мы наконец добрались до деревни и прилегающего к ней туристического поселка, где нам предстояло провести неделю.

Хижины ютились на высоком пригорке, даже в самое полновожье вода не подбиралась к ним близко. Дорог тут не было — река вместо дорог. Лодки с моторами и без — вместо машин. Недалеко от наших хижин на другой стороне реки-дороги расположился центр деревушки. Луисвальдо без устали описывал местные достопримечательности: вот католическая церковь, вот баптистская церковь, вот школа, магазин, почтовое отделение, — все построено на иностранные благотворительные средства и на заработки от туристов. По обе стороны реки виднелись домики, стоящие на деревянных сваях и чуть возвышающиеся над высокой водой. На многих крышах, как вот и на крыше магазина, к которому мы в очередной раз подплывали, красовались огромные спутниковые антенны.

— И давно в этих краях телевидение? — спросил Улли.

— Раньше электричества! Высоковольтку провели только в прошлом году, а до того тут многие гоняли свои генераторы. На базе тоже свой генератор — мы его включаем, когда пропадает центральное электричество. Тут такое постоянно случается.

Лодка явно приближалась к причалу.

— Мы собираемся останавливаться? — поинтересовалась австралийка, сидящая ближе к рулю.

— Надо кое-чем запастись, — подмигнул Луисвальдо.

— Не хотелось бы пропустить прогулку по лесу. Пока нет дождя, — продолжала она.

Улли кивнул, с досадой поглядывая на тяжелую линию туч на горизонте.

— Не беспокойтесь! Я знаю, вы все тут из капиталистических стран, привыкли жить по часам. Деньги — время, время — деньги. Но сейчас вы в джунглях! Мы тут на часы не смотрим. Мы смотрим на небо, на реку, на лес. Если видим друзей, мы остановимся их поприветствовать.

С этими словами он взял веревку и, перескочив на мостки магазина, привязал лодку к колышку.

— Кому-нибудь что-то нужно?

Мы покачали головами. Луисвальдо исчез под навесом. К нам вышел Мануэль, один из братьев, управляющих магазином.

— Сегодня в восемнадцать ноль-ноль играют США—Португалия, — объявил он. — Не пропустите! Матч в Манаусе. Говорят, американцы привезли с собой больше охранников, чем англичане болельщиков. На каждого игрока по десять охранников, наверное, один на левую ногу, другой на правую, и так — на все части тела. Готов по-

спорить, если бы кому-то они были нужны, местные ребята увели бы их из-под носа охраны так, что никто бы ничего не сообразил.

Американская пара, сидящая за нами, оживилась.

— А что? В этом году наша команда вполне на уровне. С Португалией им есть о чем поговорить.

— Команда неплохая, — согласился Мануэль. — Демпси первоклассный бомбардир, стоит посмотреть.

— А вы за кого болеете, за США или за Германию? — парень сзади обратился к нам с Улли. — Они в одной группе, через пару дней им играть друг с другом. За кого будете болеть?

— Она из России, — Улли махнул рукой в мою сторону.

— Матч России с Бельгией вот-вот начнется, — объявил Мануэль. — Хотите посмотреть? Присоединяйтесь. Луис заедет за вами на обратном пути.

Улли забавно нахмурился.

— Не думаю, что моим сородичам тут что-то светит. Для них было победой пройти отборочный тур, — отшутилась я. Футбол я любила, в детстве на даче гоняла мяч вместе с мальчишками, но все-таки неужели променять джунгли на телевизор!

Луисвальдо вышел из магазина с двумя упаковками пива и сигаретами. Кинул все в лодку, отвязал нас от причала, и запрыгнул в лодку.

— Хотите? — предложил он нам свежую банку пива. — Холодное! Телевизор да холодильник — вот настоящие блага электрификации.

Мануэль что-то сказал Луисвальдо по-португальски и скрылся за занавесом. Через полминуты выскочил, улыбаясь во весь рот. В руках у него был футбольный мяч. Он кинул его Луисвальдо и помахал рукой.

— Пусть Луис покажет вам футбол в джунглях!

Как только мы отплыли от причала и стало ясно, что Луисвальдо действительно собирается нам сегодня что-то показать, лицо Улли заметно просветлело. Он задумчиво всматривался в берега.

— Интересно, как эта местность выглядит, когда уровень воды не такой высокий?

— А ты так и не ответил, за кого ты будешь болеть. За Германию или за США? Не может же быть, чтобы у тебя полностью отсутствовал азарт.

— А почему я должен за кого-то из них болеть? Сам я мяч не гонял уже лет сто, а команда объединенной Германии... Вот если бы ГДР еще раз удалось встретиться с СССР, на такой матч я бы постарался достать билеты.

— Шутишь.

— Нисколько. До сих пор помню разгромное поражение во время отборочного турнира перед чемпионатом Европы — дело было летом 1989 года, а потом страна исчезла, «объединилась» — и у наших футболистов не было шанса отквитаться. Мне было тогда двенадцать, и я не очень понимал, как жить дальше.

— Да, кстати, я тоже помню это ощущение. Не про футбол, а вообще. Вдруг все взрослые бросились зарабатывать деньги, и нам, школьникам, тоже надо было думать, как выбрать профессию, которая сможет прокормить. Не по интересу, а из какого-то другого, непонятного расчета.

— Ты выбрала вполне успешно. Что может быть практичнее программирования?

— Ну, я же не сразу. Сначала, как и ты, попробовала в науку. Но главное, вот что вспоминается: ведь мы же не о материальных благах мечтали в детстве? Кого тогда интересовали машины и большие дома? Не меня, точно. А вот я помню, как мы на даче мечтали о таком вот рае, — я кивнула на реку, — где ничего как будто и делать не надо, а природа сама тебя кормит. Мы часами мерзли у воды, чтобы поймать несколько тощих окушков, а тут сунул руку в реку, и рыба сама к тебе идет. Потряс дерево,

а на тебя кокосы падают. Смотри, какая роскошь! Понимаю теперь, почему экологи так переживают за эти леса. Настоящее богатство, другого такого у человечества нет.

— Не знаю, не знаю, — сказал Улли. — Жизнь в тропиках меня не прельщала. Лично я был уверен, что к 2014 году человечество уж точно будет иметь колонию на Марсе, а то и способ межгалактических полетов придумают.

— Все-таки в ГДР не было такого дефицита, как в Союзе во времена перестройки.

— Может быть, но знаешь, что-то общее между нами все-таки есть, потому что вот мы с тобой тут сидим, и я чувствую, что мы на одном языке разговариваем, а все остальные — на каком-то другом.

— Хоть и говорим мы с тобой по-английски.

Улли усмехнулся и кивнул. Я рада была, что настроение у него немного поправилось, и не хотела его расстраивать, но вчерашнее ощущение несовпадения не проходило.

Тем временем Луисвальдо, вернее, Родриго, его помощник, сидящий сзади на моторе, направлял лодку к одному «очень интересному местечку». Луисвальдо объяснил, что там растет самое высокое дерево во всей округе и должен быть незатопленный островок, где можно погулять.

Посреди реки танцевали розовые дельфины. Они были ничуть не меньше знакомых по Калифорнии океанских дельфинов, только кожа у них была нежно-розовая. Казалось, они водили хороводы и играли в догонялки. Родриго повел лодку вокруг них, а Луисвальдо предложил нам:

— Хотите окунуться? Вода чистая — дельфинов иначе бы не было. Туда, где течение сильное, кайманы не заплывают. Пираньи, правда, вас скоро почуют. Минут пять можно поплавать. Я рекомендую, это очень освежает.

Улли решительно замотал головой. Сам Луисвальдо скинул футболку и прыгнул за борт. Я и еще два парня решили принять вызов. Я аккуратно сложила шорты и майку и в одних трусах и лифчике окунулась в воду. Нырнула с головой, потом отплыла на несколько бросков от лодки и вернулась назад. Несмотря на пасмурный день, вода была теплой и явно кишела всякой живностью. Ничего общего с Вуоксой, над которой витал чистый запах костров и смолы. В какой-то момент показалось, что большая рыба проплыла мимо и коснулась моей ноги. Стало не по себе, и я быстро вернулась в лодку.

Луисвальдо тем временем выжал свои длинные волосы и открывал очередную банку пива.

— Да, хотел бы я быть в Манаусе сегодня, — вздохнул он. — Хотел бы показать дочке новый стадион. Совершенно уникальное архитектурное достижение! Такая беда, моя бывшая совсем меня за человека не держит, не доверяет остаться с дочкой одному даже на пару часов. Как будто я за пару часов могу ей как-то навредить — а я же ничего такого не делал. Всего-то предложил сводить на футбол. Но моя бывшая вообще ничего о футболе не хочет слышать. Многие местные такие узколобые. Весь мир собрался к нам в гости, чтобы поиграть в футбол и поделиться своей страстью, а мы только и делаем, что жалуемся на то, да на се.

— Я слышала, что в Манаусе при строительстве стадиона действительно кто-то погиб, — заметила австралийка.

— Погибли три строителя, ну да, страшная трагедия, согласен, можно искать виноватых и наказывать их, но что же теперь, футбол не смотреть? Моя бывшая считает, что место, где стоит стадион, охраняется духами — местные люди очень-очень суеверные. Все исходит из наших старых поверий. Сколько церковь нас ни учит, что Бог — один, все равно люди видят духов чуть ли не в каждом камне. Что ей стоит отпустить со мной дочь? А она — нет, ни в какую. Лучше, говорит, ты работай, деньги нам давай. И так всю жизнь!

Интересно, а если бы такой стадион построили где-нибудь в Приозерске и туристы со всего мира вдруг массой ринулись бы в Карелию? Я представила себе, как Тимка на своей допотопной парусиновой байдарке развлекает банду повидавших виды туристов. «Вон там проходила линия Маннергейма, и здесь до сих пор находят гильзы. А тут недавно видели лося!» С одним пивом он ни за что не справился бы, тут без водочки не обойтись, чтобы подобраться к тайнам наших духов.

Минут сорок, а то и больше спустя мы подплыли к месту назначения: это был земляной берег, выступавший из болотистой местности и быстро убегавший куда-то вверх. Луисвальдо набросил веревку на сук и, выхватив из лодки футбольный мяч, выпрыгнул на сушу. Причала у островка не было, и Родриго пришлось стоять по колено в воде и держать лодку, чтобы мы благополучно из нее выбрались. От долгого сидения затекли ноги и пошатывало. Особенно тяжело пришлось американской паре — они были старше всех, лет за пятьдесят, и явно не в форме. Мужчина чуть было не перевернул лодку, но Родриго успел его подхватить, так что обошлось без инцидентов. Луисвальдо повел нас куда-то в глубь леса. Тропа была вполне проходима — видно было, что место популярное. Вскоре мы вышли на поляну перед каким-то совершенно необъятным деревом с корневой системой, похожей на подножия калифорнийских гор, и серым серебристым стволом — он, как рукав гигантской рубахи, струился высоко в небо.

— Это дерево называется капок или сейба, — объяснил Луисвальдо. — Одно из самых высоких в этой части леса. Если на него забраться, можно увидеть все вокруг, до самого Манауса. Попробуйте его обойти, там есть тропа, а потом, — он кинул Улли мяч, — разомнитесь тут на полянке. А мы с Родриго сейчас принесем все, что надо для пикника, провиант нам на базе собрали.

Улли повертел в руках мяч и с легкой брезгливостью протянул его мне. Я засмеялась и взяла мяч под мышку. Мы пошли по тропе вокруг дерева, но не прошли и половины пути, как с берега услышали свист и крики на португальском языке. Что произошло? Родриго и Луисвальдо что-то не поделили? Мы переглянулись и замерли в нерешительности.

Крики сначала затихли, но потом опять послышался встревоженный голос Луисвальдо. Всей компанией мы ринулись обратно по широкой тропе на поляну, а оттуда к реке. На берегу отряхивался Родриго. Он был весь мокрый, как будто только что вышел из воды, неподалеку замер наш Канио-Луисвальдо. В ногах его стояли две неполных упаковки пива. Мы не сразу заметили, что отсутствовало в этой картине.

А когда поняли, то онемели: отсутствовала лодка. Вернее, она плыла сама по себе посередине реки. Родриго явно пытался догнать ее, но не успел. Река стремительно уносила ее вниз по течению, и вскоре лодка скрылась за поворотом.

— Он забыл как следует привязать судно! — сказал нам Родриго на вполне внятном английском, показывая подбородком в сторону Луисвальдо. Потом стянул с себя футболку и стал ее выжимать.

— Все не так уж плохо, — благодушно воскликнул Луисвальдо, как будто получал удовольствие от происходящего. — Зато у нас есть пиво!

— А вся еда осталась на лодке, — буркнул Родриго.

— Что же дальше будет? — растерянно спросил один из норвежцев. Остальные ошарашенно глядели то на Родриго, то на Луисвальдо, не зная, чьей реакции доверять: явному ли беспокойству Родриго или беспечному пьяному веселью его старшего товарища.

Те из нас, у кого на себе были телефоны, рефлексивно потянулись к ним, но без толку. Сигнала не было.

— Как же такое могло произойти? — сокрушался рядом с нами американец. — Неужели у вас нет элементарных правил безопасности, как работать с оборудованием?

Никто ему не ответил, даже его жена, она только тяжело вздохнула.

Все мое обманчивое ощущение беззаботности, слияния с райской природой медленно растворилось, и остался только страх. Предлагал же мне Мануэль задержаться в магазине, посмотреть на игру российской команды! И зачем я отказалась, вдруг это была моя роковая ошибка?

Мошकारа тучами собиралась вокруг нас, над нами нависали раскидистые ветви неизвестных деревьев, где-то среди этих ветвей кричали птицы с тяжелыми клювами. Лес, казалось, кишел невиданными пауками и змеями, одни ядовитее других. Луисвальдо, может быть, что-то обо всем этом и знал, но знания его в данную минуту перестали вызывать доверие. Недаром он мне всю дорогу так напоминал Тимку. Тот тоже был первоклассным завиралой. На какую помощь могли мы тут рассчитывать? Мы были во многих милях от цивилизации. Один раз мы вышли на байдарке в озеро, поднялся страшный ветер и отнес нас так далеко от берега, как мы никогда до тех пор не заходили. Я и еще одна девочка просили: «Заверни», «Давай обратно», но Тимка все хвастался, что он и не в такой переделке бывал, убеждал нас довериться его опыту. Другие парни ему вторили. С трудом мы пристали к небольшому островку и застряли там на весь день и всю ночь. Еда у нас заканчивалась, спички для костра тоже. Вокруг — никого. К вечеру поднялся туман, так что мы даже берег перестали видеть. От холода и страха сводило зубы, и даже костер толком не грел. Никогда до тех пор мне не доводилось испытывать такого животного страха. С тех пор я и на лодку-то не садилась. Вот как жизнь в Штатах расслабляет людей, заставляет терять бдительность.

Нет, смерть в джунглях, несмотря на всю экзотику «такого вот конца», меня никак не привлекала.

Не знаю, о чем думал в тот момент Улли, но выглядел он совершенно спокойным, как будто в выходной день мы вышли прогуляться в центр Пало-Альто. Он ждал ответа Луисвальдо, который по-португальски что-то обсуждал с Родриго. Оба они сложили ладони козырьком и глядели куда-то вверх по течению. Чуть ли не впервые за эти три дня я видела нашего гида без банки пива в руках.

— Беспокоиться совершенно не о чем, — обернулся к нам Луисвальдо. — Эта часть реки очень плотно населена. Вот-вот кто-нибудь проплывет мимо и заметит нас. Мы тут постоим с Родриго, посигналим, а вы отдыхайте на поляне. Об этом дереве ходит множество легенд, оно стоит того, чтобы познакомиться с ним поближе.

Лично мне от его слов спокойнее не стало, скорее наоборот. Я пыталась вспомнить, что я слышала в последнее время о пропажах туристов на Амазонке, ничего конкретного не приходило в голову, и это не успокаивало. Никто из нас не тронулся с места. Мы все стояли на берегу и вертели головами из стороны в сторону. На реке было тихо, только мошकारа кружилась возле берега, и где-то в болоте шло какое-то движение — там явно копошились кайманы.

Улли взял у меня из рук футбольный мяч, который я до сих пор крепко прижимала к себе.

— Пойдем поиграем?

— Ты шутишь?

— Пойдем! Что толку всем здесь толпиться?

— Футбол! Отличная идея, — воскликнула австралийка. Она потянулась к Улли, и тот кинул ей мяч.

Они пошли вперед, а за ними вся компания двинулась обратно по тропе к полянке перед высоким деревом. «Хлопковое дерево» вдруг вспомнилось мне почему-то.

Не знаю, откуда взялось это название, и было ли оно правильным, но от этих слов дышать как-то стало легче. Страх чуточку отпустил.

Поляна перед деревом была небольшой, но для наших целей вполне хватало. Мы обозначили ветками ворота, разбились на две команды по четыре человека в каждой. Мы с Улли в одной команде, австралийцы с нами, а против нас норвежцы и американцы. Американцы были старше всех и довольно долго раздумывали, присоединиться ли к игре, но в конце концов отказываться не стали. Правил никто из нас толком не помнил, хотя только накануне все, кроме Улли, смотрели чемпионат. Но смотреть телевизор — это одно, а играть — совсем другое.

Начали мы медленно, осторожно, тяжело дыша от жары и влаги и внимательно разглядывая траву под ногами — мало ли кто оттуда мог выскочить. Поначалу и на забитые голы мы внимания не обращали. Не сразу сообразили, что кому-то из нас следует взять на себя роль вратаря. Норвежцы оказались смешными — они все время путались между своими воротами и нашими и оба по очереди пытались забить гол в собственные ворота. Наши ворота оказались довольно широкими, и хоть Улли как самый длинноногий из нас стал нашим вратарем, получалось у него это не слишком хорошо. Лучшим игроком на поле оказалась американка. Как только она размялась и начала двигаться, стало понятно, что она спортсменка хоть куда. Она четко вела мяч, могла обвести противника и метко била по воротам. Потом показала настоящий класс, ловко отбив высоко летящий мяч головой. Игра остановилась, и все мы непроизвольно захлопали. Решили устроить перерыв.

Провиант наш уплыл вместе с лодкой, но мы добыли у Луисвальдо пиво и утоляли им жажду. Американка рассказала, что они с мужем жили в Техасе, и она много лет играла в футбол со своими сыновьями. Норвежцы, как и Улли, играли в футбол в детстве, а австралийская пара никогда не играла, они только смотрели иногда по телевизору. Оба выросли в одном из пригородов Сиднея на берегу океана и были зато первоклассными серфингистами.

После перерыва наша игра стала набирать скорость. Разогретые пивом и разминкой, мы уже готовы были забыть о подстерегающих нас опасностях. И казалось, что наши крики распугали всех зверей в окрестности. Ни птиц, ни обезьян, ни другой живности не было слышно — только наши голоса. Проснулся нешуточный азарт, и уже промашек в ведении счета мы не допускали. Улли раскраснелся и метался по всему полю, пытаясь закрыть собой все наши слабые места. В какой-то момент он прыгнул, чтобы поймать мяч, но промахнулся, хлопнулся животом на землю, не обратив на это внимания, встал и, даже не отряхнувшись, побежал дальше.

В конце концов мы так увлеклись, что не сразу услышали зов Луисвальдо. Вдруг он сам появился на поляне и объявил:

— Все в порядке! Можно возвращаться.

Мы вернулись к реке и увидели нашу лодку на месте. Рядом на другой моторной лодке сидела небольшая семья — папа, мама и очень симпатичный кудрявый малыш лет трех. Выяснилось, что они нашли нашу лодку и пригнали ее обратно. Мы попытались спросить у Луисвальдо, чем их отблагодарить, но Луисвальдо только мотал головой и улыбался.

— В джунглях мы все помогаем друг другу. По-другому никак.

По дороге обратно Луисвальдо раздал всем бутерброды и оставшееся пиво. Пива было немного, по банке на пару, и на этот раз от него никто не отказывался. Он принялся, как всегда, о чем-то болтать, рассказывал нам в очередной раз о своем происхождении, что родом он из деревни на Амазонке к востоку от Манауса и что отец его европейского происхождения, а мать из местных, что в Манаусе у него есть быв-

шая подруга и дочь от нее и что он предпочел бы билеты в Калифорнию по той цене, что просят за билеты на чемпионат мира...

Я быстро потеряла нить рассказа. Мысли витали где-то над лодкой, подумалось, что не случайно эти джунгли называют легкими планеты, что есть в этой реке и в этом лесе какая-то магия. Вспоминалось место, где Вуокса впадает в Ладогу и где стоит вечный туман. В детстве казалось, что световые мили, парсеки отделяют наш маленький мир от большого мира, мира за пределами города и страны, а вот оказалось, что нет, не так, и что, заблудившись в тумане недалеко от дома, можно ненароком выплыть в джунглях.

Улли нашел мою руку и крепко сжал мои пальцы, притянул к себе за плечи, поцеловал. Впервые за все это путешествие — а может быть, и впервые за все время нашего знакомства — вдруг перестало иметь значение, кто мы, откуда мы родом, наше этническое, классовое, религиозное и т. д. происхождение. Мы были просто двумя путешественниками, не слишком отважными и не слишком умелыми, и мы казались себе сильнее и лучше оттого, что мы были вдвоем и было с кем разделить неожиданности. Впрочем, я не знаю, о чем думал в этот момент Улли.

Тем вечером на базе мы всей командой собрались перед телевизором смотреть матч США—Португалия. Обеим командам было что защищать, и они показывали четкую, напряженную игру. Но речи о том, чтобы болеть за одну или другую команду, на этот раз не шло. Мы все, экипаж лодки Луисвальдо, собрались за одним столом, включая Улли, чокались кайпириньями, поднимали тосты за футбол и фотографировали друг друга на память. Австралийку, как оказалось, звали Джорджия, а ее мужа — Джейк. Норвежцы и американцы тоже представились друг другу. Мы обменялись адресами электронной почты и договорились встретиться в ресторане в Манаусе. В тот вечер каждый из нас ощущал себя победителем, и омрачало только то, что Луисвальдо напился не на шутку и приставал по очереди ко всем женщинам в группе.

— Увезите меня с собой, — просил он, делая вид, что говорит это в шутку, хотя всем, ну, или, по крайней мере, мне было ясно, что он просит совершенно всерьез. Хотелось спросить, а чего ты забыл за границей, когда весь мир просится к тебе в гости? Но было ясно, что человеком двигает ощущение собственной второсортности, полученное — откуда? Из телевизора? От родителей, учителей, сотрудников и боссов? От туристов? — и что обычными словами тут не поможешь.

Эта поза была настолько узнаваемой, столько жизни ушло, чтобы преодолеть это в себе, я поняла, что завожусь и долго выдержать так не смогу. На этот раз я увела Улли в хижину довольно рано, до того, как стали расходиться все остальные.

Мы чистили зубы водой из бутылки, когда вдруг я вспомнила:

— Сегодня 22 июня. Что для тебя значит эта дата?

Улли внимательно посмотрел на меня.

— В 1974 году команда ГДР впервые вышла на финальный раунд чемпионата мира, а 22 июня 1974 года обыграла команду ФРГ. Но ты ведь не об этом меня спрашиваешь?

— Не об этом.

Я выплюнула зубную пасту изо рта.

— Да, я слышал, что для русских 22 июня — это день памяти о Второй мировой войне. Меня об этом предупреждали родители, когда мы с тобой стали встречаться.

— Для русских — да, а тем более для ленинградцев. Я помню, как в детстве в этот день по радио звучала сирена. «Сегодня, в четыре часа утра, без предъявления претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну», — процитировала я по-русски.

Улли кивнул, но ничего не сказал. Он вынул зубную щетку и прополоскал рот.

— До сих пор помню ужас, который меня охватывал от этих слов. Бабушка в этот день всегда заводила рассказ, каково ей пришлось во время блокады.

— Ты сейчас хочешь, чтобы я тебе сказал, какой страшной ошибкой был фашизм, и признал вину своих предков? Я признаю.

— Ошибкой? Преступлением!

Улли снова молча кивнул.

— Ты говоришь, что между нами много общего, но я не знаю, сможем ли мы по-настоящему когда-нибудь понять друг друга, — сказала я. — Вот Луисвальдо, например, во многом мне гораздо ближе.

— Ты права, — сказал Улли. — Сейчас я тебя не совсем понимаю. Но мне кажется тем не менее, что у нас есть общий язык и есть предмет для разговора. Или я ошибаюсь?

Он произнес это так искренно и с такой неподдельной нежностью в голосе, что пришел мой черед прикусить язык. Показалось, что своими словами — или даже не столько словами, сколько самой интонацией — Улли вдруг приоткрыл новую дверцу в наших отношениях. Я отпила глоток воды из бутылки и закрыла ее крышкой. Ощущение горечи в гортани потихоньку рассеивалось. Подумалось, здорово, что, может быть, мы сейчас вот так запросто выпустили своих злых духов и дали им спокойно испариться. А завтра нам предстоит еще один день в джунглях — по расписанию, мы должны навестить деревню, познакомиться с местными жителями. Очень хотелось увидеть обещанное по прогнозу солнце.

Иван ГОБЗЕВ

РАССКАЗЫ

НИНА, Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ

— Сиськин, а что ты не подойдешь к ней, не скажешь, что она тебе нравится?

Сергей — мой друг и сидит со мной за одной партой.

Фамилия у меня не Сиськин, а Сосискин, но и то лучше, чем Сися или Сиська, как меня часто зовут ребята.

Сергей добрый и сильный. У девятиклассников я еще никогда не видел бороды и усов, но у него что-то такое торчит над губой и на подбородке. И красные щеки в точках, похоже, щетина пробивается. Волосы у него черные, кудрявые, непослушные. Он не очень высокий, но такой широкий, что кажется и высоким тоже. Его опасаются даже старшекласники. Вот на парте рядом со мной лежит его кулак. Он похож на кувалду, такой он массивный и мощный. Тетради перед Сергеем вообще нет, и я не понимаю, как он учится в школе, он же вообще ничего никогда не делает!

А передо мной тетрадь есть. Я в ней рисую: воздушные шарики, глаза, и головы с открытыми в крике ртами. Вот эти вот уроды — кричащие головы — мне самому не очень нравятся. Они страшные и не похожи на человеческие. Мама называет их бесами. Она права, есть что-то жуткое в них, и я их не хочу рисовать, они сами рисуются. А получается так вот почему. На уроке я честно стараюсь слушать учителя. Но всегда происходит одно и то же: через несколько минут (а может, даже секунд) я перестаю понимать, что он говорит. То есть я перестаю воспринимать его речь. Я слушаю, но не слышу или, наоборот, слышу, но не слушаю. Или даже и то и другое. Я как будто отключаюсь от окружающего, вылетаю из класса и где-то витаю. Не знаю где, но мне там хорошо.

— Сосискин! Рот закрой!

Это учитель. Все смеются. А я возвращаюсь в класс и понимаю, что уже давно не понимаю, о чем идет речь на уроке. Я упустил связующие звенья, и теперь еще сложнее следить за происходящим. Учитель произносит слова, они вылетают одно за другим и образуют стаи, и в каждой стае я вижу структуру и порядок. Но я не понимаю их смысла. Каждое слово в отдельности я понимаю, да, но в стае я теряюсь.

И тут я начинаю рисовать — со стороны кажется, что я записываю за учителем. Я начинаю рисовать воздушные шары, потом перехожу к глазам, а заканчивается все орущими головами. И вот когда я ловлю себя на том, что опять их рисую, мне становится не по себе, как будто меня выпотрошили.

Иван Александрович Гобзев родился в 1978 году, окончил МГУ (философский факультет). Там же защитил кандидатскую диссертацию по философии. Работал в разных профессиях, но дольше всего корреспондентом и преподавателем. Печатался в журналах «Нева», «Москва», «Новая Юность» и других. Автор трех книг: «Зона правды» (М., 2013), сборник повестей «Те, кого любят боги, умирают молодыми» (М., 2013), «Глубокое синее небо» (М., 2017). Живет в Подмоскowie.

— Сиськин, ты оглох? — Сергей толкает меня в бок локтем. — Тебе же нравится Нина?

Еще бы она мне не нравилась.

— Да, — говорю я.

Но продолжаю думать о трудностях учебы. Отчего все так сложно становится с каждым годом? Вот я помню, делали мы всякие поделки — из цветной бумаги, с ножницами и клеем-карандашом. Очень хорошо я научился их делать. Там все ясно было и просто. А математика совсем другое дело. Она коварна и сложна невероятно, и я не пойму ее никогда. Тут даже стараться бесполезно.

Иногда я рисую улыбки и цветы. Цветы реже всего, потому что их я рисую осознанно. В этом деле я мастер. Орхидеи, розы, тюльпаны, пионы, лилии и так далее, и так далее я изображаю подробно, со всеми сложностями лепестковых узоров, тенями и полутенями. Я рисую не только бутоны, но и стебли — с листьями, шипами, почками. Чтобы вышло хорошо, важны сосредоточенность и четкое видение того, что ты хочешь нарисовать, поэтому неосознанно толковый цветок не нарисуешь, разве что какую-нибудь очень схематичную ромашку.

Однажды на перемене Нина схватила мою тетрадь и прямо при всех стала ее листать и комментировать, как бы изображая учителя.

— Сися, домашнее задание опять не сделал! Почему?

Я попытался выхватить тетрадь, но не вышло, она быстро подняла ее над головой. Что делать? Не драться же с девочкой. Я сел обратно, красный.

— Забыл! — отвечаю смущенно.

— А голову ты свою не забыл? — спрашивает она и под общий смех продолжает: — Похоже, что да, учитывая, сколько у тебя нарисовано запасных в тетради!

Но тут она увидела что-то и стала листать молча, уже без учительских ужимок и комментариев. Потом закрыла ее и бросила на парту:

— Красивые цветы, Сися. Отлично рисуешь. Нарисуешь мне, если я попрошу?

— Мужчина не должен цветочки рисовать, — сказал Андреев.

— Ты тупой, — возразила Нина. — Ты так сам никогда не сможешь.

В общем, она так и не попросила. Но что похвалила меня, это было здорово!

Она выше меня и очень худая. Смуглая, с длинными черными волосами. Она не похожа на принцессу или на модель, как, например, Сабина и Ступакова. Сабина совсем уже женщина, у нее огромная грудь и зад как у Кардашьян. Она всегда накрашена, молчалива и что-то такое постоянно из себя изображает. Ступакова, наоборот, стройная и тонкая, но тоже модельная такая, ухоженная и сдержанная. А Нина все время кривляется. Точнее, у нее просто оживленная мимика, и все свои слова она сопровождает эмоциональными движениями губ, бровей и даже ушей.

Нина часто выкладывает свои фото в сетях. Сегодня было такое — она стоит у зеркала в школьном туалете с приподнятой юбкой. И подпись: «Я так волновалась перед уроком географии, что надела трусы наизнанку».

Всем нашим девочкам нравится географ. Мне нет. Не понимаю, почему другие не замечают, какой он жеманный и все такое.

— Сись, ты отупел? — это опять Сергей. — Я тебя спрашиваю, ты чего не скажешь Нине, что она тебе нравится?

Он не отстанет.

— Сергей, я ей не нравлюсь.

Все откуда-то знают, что мне нравится Нина. Хотя я никогда никому не рассказывал.

— Почем ты знаешь? Я вот слышал, как она говорила Андрееву, что ты ей нравишься больше, чем он.

Я перестаю рисовать и поворачиваю голову к нему.

— Правда?

— Блин, Сисяй, я когда-нибудь тебя обманывал?

Вообще было, да, как-то в пятом классе перед уроком он сказал мне, что за мной пришла мама и мне срочно надо идти. И я пошел и стоял около охранника, но меня не выпускали, а я говорил, что пришла моя мама, а он возражал, что никто не приходил, и я плакал.

Но я, конечно, ответил:

— Что ты, не было никогда.

Он положил локти на стол и наклонился ко мне. Он него повеяло запахом пота и чем-то еще очень мужским.

— Короче. Нина обожает стихи. Романтические. Типа от Татьяны к Онегину и прочую хрень.

— Я не умею стихи писать.

— Карпенюч умеет. Я его попрошу, хочешь? А скажем, что это от тебя.

— Но это же не честно.

— Да брось, Сиськин. Так всегда делали раньше. Думаешь, рыцари умели писать стихи? Они только махать хорошо могли. А стихи за них писали всякие трубадуры.

Я продолжаю рисовать. Мне не по себе, я не уверен, что-то в этом мне не нравится.

— Ну, ты согласен? — он толкает меня в бок.

Я знаю, что он не оставит меня в покое.

— Хорошо.

— О'кей, я с Карпенючем на перемене переговорю.

Каждый день я провожаю Нину до ее дома. Ну как провожаю, я иду следом на почтительном расстоянии. Одна она редко возвращается, обычно с одноклассниками, которым с ней по пути. Иногда ее провожают мальчики. В таком случае я стараюсь держаться дальше обычного. Когда она с девочками, то они оборачиваются и смотрят на меня. Я всегда в таких случаях останавливаюсь и стараюсь либо спрятаться, либо делаю вид, что рассматриваю витрины. Девочки смеются. В принципе, она не должна думать, что я специально хожу за ней, ведь мой дом находится в том же направлении, что и ее.

На перемене Сергей в самом деле о чем-то говорил с Иваном. Иван поглядывал на меня с непонятной мне улыбкой и кивал. Было ясно, что он согласен. Иван — наш лучший поэт в классе. Точнее, даже единственный. Он ловко складывает стихи, получается здорово. И смешно. Но стихи, как правило, неприличные, про всякие непристойности. Учится он плохо, но не потому, что такой же неспособный, как я, а потому, что ничего не хочет делать. Учителя говорят, что он очень умный и если бы не был таким ленивым, то учился бы на пятерки. Но этому никогда не бывать, Иван сам так говорит, что лучше сдохнуть, чем разбираться в химии и алгебре. Я с ним почти согласен, но не потому, что это лучше, а потому, что это легче.

Теперь русский. Вроде бы полегче математики, а все равно та еще премудрость. Как научиться разбираться во всех этих тонкостях грамматики? Я сдался, еще когда запятые проходили. Так я и не понял, почему их надо ставить там, где надо. Вот это вот: «Казнить, нельзя помиловать» — всегда приводят в качестве примера, почему надо ставить запятые по правилам. А по-моему, этот пример показывает, что их ставить надо, да, но не по правилам, а по смыслу. Читаешь текст и спотыкаешься, читаешь и спотыкаешься об эти запятые, как об кирпичи на дороге темной ночью. Они ведь не проясняют, а только затуманивают. Я бы вообще отменил правила с запятыми, чтобы все их ставили там, где считают нужным.

Тут я ловлю себя на том, что очень злюсь. Надо успокоиться. Бог с ними, с запятыми. Да и, может, прав был Андреев, когда сказал, что я не понимаю правила пунктуации, потому что тупой.

В середине урока я замечаю, что Иван передает записку Сергею. Я понимаю, что это стих. Я думаю, что сейчас Сергей передаст листочек мне. Я очень хочу посмотреть, что там написано, но он почему-то отдает его другому и показывает при этом на меня. Так стихотворение доходит до Нины. Она несколько секунд читает, и от волнения у меня перехватывает дыхание. Потом задумчиво смотрит на меня — мне кажется, очень долго. Я не выдерживаю и отвожу взгляд. Я чувствую, что лицо мое горит, а тело под рубашкой вспотело.

После звонка Нина быстро собирается и выходит в коридор. Я тоже спешу, я ведь должен ее провожать. Я выбегаю за ней, но она не ушла в раздевалку, как я думал, а стоит у дверей.

— Ты написал?

— Да, — отвечаю.

— Получай, — говорит она спокойно и бьет меня ладонью по лицу.

Щеку обожгло, я закрыл ее рукой. От обиды у меня выступили слезы.

Она сунула листок в нагрудный карман моей рубашки и пошла прочь. Я вытащил листочек и прочитал:

Нина, я тебя люблю
Очень нежно.
Оближу, позолочу
Твой проход промежуный!

И подпись: «Сосискин»

— Нина! Нина! — закричал я в отчаянии.

Она остановилась и обернулась.

— Ну? Чего тебе?

— Это не я написал! Это Карпенюч!

— Я так и подумала. А зачем сказал, что ты?

— Потому что ты мне очень нравишься! Очень! Я люблю тебя!

Я кричу на весь коридор, и меня слышат выходящие из классов. Все вокруг смеются, некоторые дают обидные комментарии. Но мне все равно.

— А ты мне нет! — зло кричит она в ответ. — Ты мне нет!

Почему-то мне становится очень больно от этих ее слов. Она меня как бы ударила еще раз, но теперь намного сильнее, и меня снова обжигает, но внутри. Я чувствую, что плачу уже всюду, по-настоящему.

— Почему? — тихо спрашиваю я.

— Да потому что ты фрикс, чего непонятного! Ты урод и дебил, ты вообще никому не можешь нравиться! И больше не смей ходить за мной. Ты понял? Не ходи больше никогда за мной, мне это надоело!

И она ушла. А напротив у стены стоит Сергей и хохочет в кулаки. Он прижал свои руки-кувалды к лицу и трясется от смеха, он стал совсем алый, прямо как роза.

Я спускаюсь вниз и захожу в раздевалку. Моя куртка валяется на полу, она грязная, по ней ходили. Я надеваю ее и выхожу на улицу. Я иду домой. Но вскоре замечаю впереди, совсем близко, Нину с подругами. Подруги оборачиваются и что-то говорят ей. Нина трясет головой и останавливается.

Я сворачиваю в подворотню и встаю у стены дома. Буду ждать, пока она не уйдет. Я закрываю глаза и вижу перед собой распускающуюся розу. Она раскрывает свои лепестки, как в замедленном кино, я вижу каждый в отдельности. Я даже ощущаю их фактуру и чувствую запах, и замечаю все прожилки и различия в оттенках красного. Я удивляюсь сам себе — оказывается, я могу рисовать цветы в воображении!

НОВАЯ МОДЕЛЬ

Поступила новая модель — XXX-10. Прямоугольная, совершенно черная. Такая же, как и все предыдущие, лично я никакой разницы не вижу. Но на презентации исполнительный директор, конечно, говорит о том, какие удивительные новшества она имеет. Он ходит по сцене вокруг модели перед сотнями журналистов, крутит ее, вертит, демонстрирует опции и, конечно, шутит.

Честно — ничего принципиально нового в ней нет. Да, модернизирована начинка, более высокий класс вибрации, засасывания, увеличена скорость отдачи и усовершенствована тактильность, чтобы ощущения, как говорится в рекламе, были «те самые». Но они и так те самые последние лет пять. Все эти обновления человек уже не способен заметить, ему что тактильность уровня 24, что уровня 16 — все едино, он не различит.

И с особо притягательной улыбкой, которая показывает, что сейчас будет сказано что-то важное, директор заявил:

— Количество оттенков серого увеличено на двести пятьдесят шесть тысяч!

Боже мой, я тут чуть не рассмеялась. Как будто кто-то в состоянии их распознать. Но справедливости ради сказать надо — поверхность XXX-10 и в самом деле выглядит чуть иначе. Она блестит, как черный бриллиант, а если приглядеться, то заметно, что она вся в мелких-мелких пупырышках. Не могу понять, в чем дело, но это пупырышки завораживают, и возникает нестерпимое желание их потрогать.

— Усовершенствована опция распознавания владельца, — говорит он, подходит вплотную к модели и ловкими отработанными движениями поглаживает ее корпус в определенном месте. Ничего не происходит.

Он поглаживает снова, но опять ничего не происходит, и по залу прокатывается негромкий смех. Директор тоже усмехается, но без всякого смущения.

— Она не хочет меня! — замечает он, быстро поворачиваясь к журналистам.

Раздается взрыв хохота.

Закатывают другую модель, эту увозят. Теперь у него все получается. Крышка раскрывается, и выдвигаются коммуникационные элементы. Директор отскакивает с деланным испугом.

— Как трудно устоять! — снова шутит он.

Журналисты смеются.

Хотя продажи начнутся только через три недели, к основному дилерскому центру, куда новая модель поступит в первую очередь, уже выстраивается очередь. Люди занимают места, чтобы жить в этой очереди три недели. Они будут здесь спать, есть и справлять нужду — в ближайших кафе. Понятно, что вот эти вот первые занявшие, скорее всего, не собираются покупать XXX-10. У них просто нет таких денег. Они стоят, чтобы потом продать свои места в очереди другим, тем, у кого деньги есть. Сложно сказать, сколько потребуют, но в случае прошлой модели цены за места в начале очереди доходили до двухсот тысяч. Разумеется, есть и такие среди уже занявших, кто эту модель купит. Это спекулянты. Потом они ее перепродадут — в полтора-два раза дороже.

Можно подумать, что для себя или в подарок близким покупают только богатые. Но самое забавное, что большая часть покупателей — среднего достатка. Модель рассчитана на массовый спрос. Чтобы позволить себе это удовольствие, люди берут огромные кредиты и расплачиваются потом всю жизнь. Они попадают в долговое рабство. А ведь и обслуживание модели тоже стоит немалых денег.

Директор легким движением толкает демонстрационный экземпляр, и он начинает плавно крутиться вокруг своей оси. И тут вся его бриллиантовая красота раскрывается в полной мере, он как будто образует сферу, и она сверкает, переливается, вспы-

хивает всевозможными огнями. Она вызывает настойчивые ассоциации из детства. Я вскоре понимаю, что это за ассоциации: модель напоминает нарядную елку в новогоднюю ночь, когда она завораживающе горит в полутьме. Разумеется, это не случайный эффект, создатели все это продумали. И как бы подтверждая мою догадку, директор говорит:

— Хотя дети не смогут использовать XXX-10 по назначению, они смогут ею любоваться.

Он отступает на два шага и указывает раскрытой ладонью на модель, улыбаясь в зал.

— Не правда ли, эстетичное зрелище?

Правда, — киваю я. Только все эти модели — одинаковые. Что у вас, что у других производителей. У всех почти в точности одно и то же: черное и прямоугольное! Ну хоть какое-то разнообразие, ну какие-нибудь цветные вставки, полосы, выступающие детали, хоть что-то новое! Но нет! Каждая очередная модель, вокруг которой столько шума, оказывается двойником предыдущей. Ну ладно, отличия, конечно, есть. Да только они все внутри и не очень-то оригинальны.

Самое странное, что всех все устраивает. Всем нравятся эти модели. И они будут выпускаться и продаваться, пока нравятся. Тут все ясно, есть спрос — будет и предложение.

Но неужели я одна такая, кому они кажутся ужасно страшными и однообразными? У меня мелькает неприятная мысль, которая посещала меня уже и раньше, что дело не в моделях, а во мне. Это я устарела и не меняюсь и поэтому не способна оценить все их совершенство.

— Может быть, может быть, — говорю я вслух.

— Еще как! — улыбается мне сосед, думая, видимо, что я комментирую презентацию.

По его глазам, тому, как он улыбнулся, как обернулся ко мне, я сразу безошибочно определяю, что он надеется подклеиться ко мне. В кроссовках, пиджаке, джинсах и квадратных очках в толстой черной оправе — типичный редактор второсортного интернет-издания. Больные эти мужчины все-таки. Всегда, в любой ситуации, в любом месте они думают только об одном.

— Они восхитительна! — сладко, полузакрытыми глазами глядя на модель, добавляет он.

Тут я понимаю, что ему нет до меня никакого дела и что рядом с моделью я для него — пустое место. Мне становится немного обидно.

И вдруг я понимаю: а ведь директор еще ни слова не сказал, какая эта модель — мужская или женская. Выглядят-то они все одинаково, но, судя по коммуникационным элементам, я могу предположить, что это девочка. Но не факт, подробности разглядеть не удалось. Директор молодец, сохраняет интригу.

Когда все это началось, первые модели, поступившие на рынок, были человекообразны. Точнее даже, они выглядели в точности как люди. И я испытываю ностальгию по тем временам. Производители пытались имитировать натуральную кожу, блеск глаз, сочность губ и, конечно, движения. Были, как всегда, и дешевые китайские подделки, их можно было заказать на али-экспресс за цену, раза в два ниже рыночной. Но и разочарованию покупателя потом не было границ.

Помню, как я шла из школы однажды, и мне под ноги свалилась модель. Звон битого стекла, мощный шмяк, крик — я сначала решила, что из окна выпал человек. Но кричала не она, а мужчина в окне. В майке на лямках, он высунулся и орал на упавшую, и лицо его было красным от ярости.

— Дешевая китайская с..., сдохни, сдохни!

А она упала так нелепо — на колени и лоб — и совершала теперь странные движения, взад-вперед, взад-вперед. Только кисти рук сломались и скальп частично слез, поэтому выглядело все это жутко.

Я расплакалась от шока и испуга. Хозяин ее вышел через минуту в этой же майке и трусах до колен, протянул мне шоколадку, схватил под мышку модель и уволок к себе, по пути крепко стукнув головой о железную дверь подъезда. «Милый» — нежным голосом сказала она, продолжая дрыгаться.

Я пошла дальше и вдруг слышу опять — шмяк! Оглядываюсь резко: а там букет цветов на тротуаре. И вот я до сих пор, когда вспоминаю эту историю, думаю: неужели он своей китайской модели цветы дарил?

В общем, было хорошее качество, было и плохое. Но хорошие производители, соревнуясь друг с другом, старались делать лучше, и каждый по-своему. Некоторые за основу брали известных голливудских актеров, некоторые образы живописи эпохи Возрождения, другие воссоздавали персонажей из фантастических фильмов.

Это было искусство. Производитель считал делом чести создать нечто необычное, такое, чего у других еще не было, и, само собой, отличного качества. Разнообразие было поразительное. Вот тебе Венера Милосская (правда, с руками, по понятной причине), вот Венера Боттичелли, а вот Венера Урбинская, выбирай, какую хочешь.

Хочешь Давида, а хочешь Голиафа, нет проблем. Хочется чего-то экзотического? Пожалуйста: инопланетянки, русалки, кентавры.

В те удивительные времена заговорили о новом Ренессансе. Изобразительное искусство получило стимул с неожиданной стороны. На моих глазах зарождалось то, что должно было стать классикой.

Но период классики прошел очень быстро, и наступил модерн. Так всегда бывает — найдется кто-то, кто нарисует черный квадрат. Но самое главное, что найдутся те, кто будет им восхищаться.

Одна корпорация, которая раньше занималась в основном разработкой космических технологий, вдруг заявила о выходе на рынок сексуальных роботов. X-Technology. Никто не верил в их успех, но произошло чудо: всего через пару месяцев все уже хотели покупать только их модель. Она называлась XXX-1. Черный глянцевый куб с сенсорной поверхностью. То есть модель вообще не походила на человека. Более того, мужские и женские модели выглядели совершенно одинаково, различия становились ясны только в функционале. Тем не менее желали ее все.

Через несколько лет конкуренты XXX разорились. Выжили те, кто стал тоже делать черные сенсорные кубы. Сразу появились новые китайские производители, которые делали, по сути, ту же самую XXX, только дешевле.

Но X-Technology всегда была на шаг впереди: едва все стали имитировать их кубы (с небольшими вариациями вроде острых или сглаженных углов), как появилась очередная модель — XXX-5. Она была не квадратной, а вытянутой прямоугольной за счет сокращения толщины вдвое. Это вызвало фурор.

Лично я совершенно не понимаю, почему это было воспринято как какое-то колоссальное нововведение. По мне, что квадрат, что прямоугольник — все одно. Они одинаковы. Но потребители посчитали иначе. И не только рядовые потребители — премьер-министр одной страны купил эту модель и ежедневно, совершая рабочие поездки на своем вертолете, брал ее с собой. Разумеется, он не был женат.

В дальнейшем модернизация шла по пути уточнения моделей, повышения эффективности функций и улучшения начинки. Программный код был открытым, и все желающие, кто в достаточной мере владел языками программирования, могли разрабатывать свои приложения.

Сейчас все пришло к тому, что модель превратилась в мультитул. Она даже предусматривает эффект погружения в виртуальное пространство, где возможна симуляция эротического опыта в различных культурах и в различные эпохи. Это позиционируется как такой дружественный шаг в сторону тех, кто ностальгирует по классике. А на деле — последний удар по конкурентам.

— Ну а теперь самое главное! — повысив голос, многозначительно говорит исполнительный.

Все затихают, и я тоже вновь включаю внимание. Мы заинтригованы, что и понятно: вроде бы он все уже рассказал, а тут появляется что-то главное. Хотя я уверена, что это очередной маркетинговый ход, ведь очевидно, что ничего нового придумать просто уже нельзя. О чем он там не успел еще сказать? Кажется, про ролевые игры ничего не было. Ну точно...

Но нет, он объявил совершенно другое:

— Впервые в мире мы представляем одновременно мужскую и женскую модель! Два в одном, мечты Платона сбылись! Перед вами — андрогин!

По залу прокатился вздох изумления, многие повскакали с мест и стали яростно фотографировать, хотя и так уже понаделали фоток больше некуда. Закричали — у журналистов сразу появилась куча вопросов. Еще бы, это действительно сногшибательная новость! Есть такие события в истории, после которых говорят: мир уже никогда не будет прежним, так вот это, похоже, тот самый случай. Я судорожно выхватила из сумки блокнот, ручку и стала быстро писать, стараясь ничего не пропустить во все нарастающем гуле.

ТЕСТ

Зашла девушка, я следующая. Это, кажется, самое долгое ожидание в моей жизни. Не совсем понимаю, чем они там столько времени занимаются.

Обратно выходят по-разному. Кто-то, повеселев, кто-то, погрузнев, а кто-то без изменений. Один раз вызывали «скорую помощь» и старика вынесли из кабинета на носилках. Возвращались и в слезах — дважды, кажется. Запомнила мужчину — пожилой уже, седой. Я на него обратила внимание еще до того, как он зашел в кабинет. Он сидел, закинув ногу на ногу, сложив руки на колене, спокойный и очень благообразный, хорошо одетый. Похож на профессора приличного университета. Вот, подумала я тогда, кто не волнуется и не боится, кто готов принять любой исход.

И что же, спустя пару часов, когда он покидал кабинет, в его глазах стояли слезы. На мокрых щеках отчетливее проступили морщины, и как-то острее обозначилась седина. Да и сами глаза от слез вроде стали белесыми, поседели. Он быстро прошел через приемную, и в этой его быстроте мне почудилось поражение.

А ведь все равно непонятно, от радости он плачет или от горя. Не суди по внешнему виду, — в который раз сказала я себе.

В приемной осталось всего пять человек, включая меня. Изначально было около двадцати, и мне казалось, что за пару-тройку часов разберемся. Кто же мог знать, что это затянется на весь день. Перед этим я ждала своей очереди два месяца и надеялась, что, когда настанет мой черед, все будет быстро и легко.

От напряженного ожидания кто-то начинает шутить.

— Как за новым айфоном, — говорит молодой человек и усмехается.

Ему улыбается бледная девушка напротив, остальные не реагируют. Им не до смеха, каждый не уверен в себе, никто не знает, чего ждать, и все чувствуют себя виноватыми.

— Пойду покурю, — смущаясь, произносит он и направляется к выходу. Он достаёт сигарету и закуривает прямо на пороге, перед лифтом. Никто не обращает на это внимания.

— Мама, долго еще? — спрашивает девочка.

Она спрашивает это уже не в первый раз. Мама устало и раздраженно отвечает:

— Откуда я знаю? Видишь, как все...

Девочка падает головой на мамины колени и замирает.

Я задумываюсь: может ли быть такое, что дети тоже должны проходить тест? Или просто маме не с кем было оставить ребенка?

Я встаю и подхожу к окну. Видимо, сделала это очень резко, потому что взгляды устремились на меня. Там осень. Деревья стоят желтые, красных листьев почти нет. Темно, по асфальту под фонарями видно, что идет дождь. Я вижу свое отражение, нечеткое, но то, что нарисовалась, все равно хорошо заметно. Ресницы длинные-длинные, как крылья у бабочки, и яркий розовый рот. Вообще у меня губы узкие, но вот так вот кажется, что широкие. Зачем я так нарисовалась? Из каких соображений? Соображений, похоже, не было.

В самом начале, когда только разработали этот тест, хотели классифицировать виды потенциальных преступников. В блогах писали, что будто бы даже планировали выпускать значки с надписями: «Убийца», «Насильник», «Вор», «Педофил». И вот человек ходил бы по улицам, ездил на работу с таким значком и не имел права его снимать — чтобы все были предупреждены об опасности.

Не думаю, что это правда. Вряд ли тест позволяет определить склонность к конкретному преступлению, он, скорее, выявляет потенциальных преступников вообще — тех, кто склонен нарушать закон.

Мой коллега, прошедший тест и вернувшийся со значком «безопасного члена общества», рассказал мне, как там все устроено. Ну, на самом деле он просто меня клеил, и я не уверена, что он не придумал все это, чтобы произвести на меня впечатление. Так вот, он рассказал, что в тесте используется статистический подход. На основе анализа ответов и реакций вычисляется вероятность того, что человек в будущем совершит преступление. Есть какое-то пороговое значение, он точно не знает. Если выше — получи значок опасного элемента, если ниже — безопасного.

Я как сама думаю: для того, чтобы получить плохой значок, вероятность преступления должна быть очень высока. Иначе каждый второй превратился бы в опасный элемент.

С тех пор, как год назад внедрили эти обязательные тесты, стали уже поступать тревожные слухи. Будто бы на нормальную работу не берут «опасных». А с теми, что уже в штате, стараются не продлевать контракт. Хотя официально было объявлено, что работодателей будут наказывать за пристрастное отношение. Потому что, как было сказано, эти граждане не преступники и, скорее всего, никаких преступлений не совершат. Но, вполне вероятно, совершили бы, если бы окружающие не были предупреждены о возможной опасности. Для этого, собственно, все и обязаны теперь носить значки.

Я вообще достаточно умна, чтобы понимать, зачем это понадобилось. Это, конечно, удобно: если вдруг где-то произошло преступление, сразу ясно, в какой категории лиц нужно искать. Правоохранительным органам проще.

Но все эти заявления, конечно, на работодателей не очень подействовали. Кто возьмет на работу учителя, скажем, физкультуры со значком потенциального преступника? Да и в самих правоохранительных органах сразу началась чистка. Первыми вылетели начальники разных уровней. Хотя в новостях это подавалось как «неполное служебное соответствие» и все такое.

Среди потенциальных оказались и несколько губернаторов, их тоже уже нет. Самым первым лицам повезло — они демонстративно прошли тест раньше всех и получили значки безопасных. Хотя уж вот тут, я совершенно уверена, запросто могла быть подтасовка.

Допустим, президент, премьер-министр или главный прокурор провалили бы тест. Неужто они допустили бы распространение такой информации? Уверена, что нет.

Ну что она там так долго? — я внезапно раздражаюсь и зло смотрю на дверь кабинета. Но тут же беру себя в руки и стараюсь переключиться.

Вот, кстати, к слову. Читаю сейчас в новостях:

«Народный артист Тимур Илдар улы Юнусов нецензурно выразил возмущение в своем блоге в связи с тем, что региональные власти препятствуют его выступлениям на концертных площадках. Напомним, что в результате обязательного участия в Национальной программе безопасности артист провалил тест и получил статус потенциально опасного элемента. Решается вопрос об избрании меры пресечения».

Некоторое время я напряженно пытаюсь сообразить, при чем здесь мера пресечения. Потом вспоминаю: он же высказался в своем блоге нецензурно! А это противоправно.

Ладно. Читаю дальше:

«Голографическая проекция Аллы Борисовны выступила в поддержку популярного исполнителя русских народных песен, добавив, что при жизни она лично знала Тимура и что „мальчик, несмотря на агрессивный имидж, совершенно безобиден“».

Я закатила глаза и шумно выдохнула. Все посмотрели на меня, я хотела сразу же поделиться с ними этим бредом, но, увидев их глаза, передумала. Им сейчас не до этого.

И тут мне самой становится не до возмущений и тем более не до смеха. Я сжимаюсь, словно от внезапного болезненного укола. Я замираю и превращаюсь в неподвижный комочек на холодном ветру. Что я скажу сыну? — думаю я. Ему скоро шесть, и он уже многое понимает. Об этом говорят в садике, в школе, по телевизору, повсюду. «Мама, но мы же не преступники!» — однажды, плача, прошепчет он перед сном, после целого дня издевательств со стороны одноклассников. И что будет с моей работой?

«Стоп! — говорю я себе. — Ты же еще не проходила тест! Может, все будет хорошо, а если нет, потом подумаешь...» Но я уже не могу вернуться в прежнее состояние равновесия, смутная тревога осталась во мне. Тут я понимаю, что эта тревога никуда и не уходила, я просто забывала о ее причинах и старалась прикрыть всякими посторонними делами. Вроде как снег укрывает на время мусор и грязь.

Тут я задумываюсь о том, что и то того, как возникла необходимость проходить тест, меня не покидала эта затаенная тревога, но по другим поводам. Когда же я впервые начала тревожиться? — испуганно заглядываю я в себя. И не нахожу ответа. Кажется, тревога была всегда.

«Господи, — мысленно говорю, глядя в черное окно, туда, где должно быть небо, — обещаю, что если успешно пройду этот проклятый тест, то уже никогда не буду ни о чем беспокоиться! Я буду счастливой!»

Не могу сказать, что я сильно верующая. Но вот в такие моменты, как этот, просыпается что-то такое.

Через приемную быстро проходит охранник и исчезает в кабинете. До нас доносятся резкие возгласы. Мы переглядываемся, что-то случилось. Спустя минуту охранник выводит из кабинета девушку, ту самую, что стояла в очереди передо мной. Она не сопротивляется, и выводит он ее вежливо — аккуратно, но крепко придерживая за локоть.

У нее заплаканные глаза, щеки покраснели и как будто вспухли. Я гадаю, кто она, что так расстроилась? Мать? Воспитательница в детском саду? Врач? Муж с ней разведется?

— Следующий, пожалуйста! — зовут из кабинета.

Очередь выжидательно смотрит на меня. Наверно, их раздражает, что я не тороплюсь покончить со всем этим. Я встаю и зачем-то начинаю изучать содержимое сумочки. Не знаю зачем, мне ничего там не нужно. Наверно, я это делаю назло очереди. А может, и не очереди, а тем, кто ждет в кабинете. Или даже не им. Потом застегиваю ее и не спеша иду к кабинету. Голова приподнята, спина прямая.

Юлия МИХАЙЛОВА

ЗАПИСКИ ДЕВОЧКИ ИЗ «ОБЕСПЕЧЕННОЙ» СЕМЬИ

Размышления о жизни и науке

В последние годы на страницах различных журналов появилось много воспоминаний людей, которым сейчас лет под семьдесят, а то и под восемьдесят. «Знамя», например, в прошлом году (№ 6) выпустило отдельный номер, посвященный теме «советского детства». В предисловии, написанном Натальей Ивановой, говорится о важности взаимодействия между индивидуальной и коллективной памятью и о стремлении составителей номера представить альтернативу «анонимному большинству, вспоминающему советское детство с ностальгией». Я также принадлежу к тому поколению, чье детство и молодость проходили в советские времена. Однако если я и чувствую ностальгию, то это скорее ностальгия по молодости, по тому времени, когда в жизни все было впереди, когда вокруг были люди, которые меня любили и ничего не требовали взамен. Возможно, многие мне завидовали, потому что я родилась в обеспеченной и благополучной семье. Не буду отрицать — с семьей мне повезло, и она дала мне многое, но нередко те же обеспеченность и благополучие оборачивались своей обратной стороной.

В настоящих записках мне хочется рассказать, как складывалась моя жизнь в Советском Союзе, и в особенности мой профессиональный путь в изучении Японии, как это стало главным делом моей жизни и с какими проблемами мне пришлось сталкиваться. В большинстве случаев я встречала понимание и поддержку со стороны своих родных, но бывало, что представления других людей о нашей семье становились причиной предвзятого отношения ко мне со стороны других, в одних случаях препятствовали, но нередко, наоборот, способствовали моему становлению как личности и профессионала, по-разному влияя на мою жизнь.

Семья, учеба, бабушкины заветы

Созидательницей семьи в широком смысле я считаю свою бабушку Евдокию Степановну, урожденную Кузнецову. Однако она не смогла бы ничего сделать, и прежде всего просто выжить, не повстречай она в двадцатые годы человека, вскоре ставшего маминым отчимом и которого я всю жизнь считаю своим дедушкой. Это был Во-

Юлия Михайлова родилась в 1948 году в Ленинграде. Окончила восточный факультет ЛГУ по специальности «История Японии». Имеет более ста научных публикаций. Несколько лет работала в Австралии. С 1996 года живет и работает в Японии. В журнале «Нева» публикуется впервые.

ловик Аркадий Борисович, тогда еще никому не известный детский врач. Он родился в Киеве, в обеспеченной еврейской семье и окончил медицинский факультет Казанского университета. Его старший брат, Давид стал выпускником Политехнического института в Петербурге, тоже женился на русской (вопреки желаниям семьи), но его карьера не сложилась столь же удачно, как у Аркадия Борисовича, и дедушка до последних дней своей жизни помогал материально и старшему брату, и младшей сестре с ее дочерью, которые жили в Киеве. Им же он оставил часть своего наследства, что было предметом бесконечных трений между дедушкой и бабушкой.

Дед вспоминал, что в годы учения в Казани его только косвенно затронули еврейские погромы, поскольку околоточный всегда предупреждал состоятельных людей заранее, за что и получал неизменно свой рубль. По окончании университета дедушка был направлен на работу в госпиталь в Никольск-Уссурийск, но перед этим заехал в Петроград (шел 1915 год) навестить своего дядю Е. С. Боришпольского, являвшегося психиатром, по воспоминаниям дедушки, чуть ли не при дворе Его Императорского Величества. Дед также утверждал, что один раз ему довелось сыграть в карты с самим Николаем II. Эти воспоминания, а возможно, и вымыслы были одним из любимых рассказов дедушки. Дядя Боришпольский имел свою клинику на ул. Рубинштейна, 36 и скончался только во время блокады. Его жена, в нашем домашнем обиходе «тетя Нюра», значительно пережила мужа и ушла из жизни где-то в 1960-х годах. Мне от нее достались в наследство шелковые шторы и салфеточки, именовавшиеся «японскими». Они хранятся, полуистлевшие, у меня до сих пор. Тетя Нюра была родной сестрой знаменитой танцовщицы и актрисы Иды Рубинштейн, запечатленной на картине В. Серова и прославившейся не только своими представлениями в стиле модерн, но и несколько скандальной репутацией. В семье не говорили об Иде вслух до тех пор, пока в 1970-х годах в Русском музее не прошла выставка «Русский портрет», на которой и была выставлена картина Серова, находившая до этого в запасниках. Из разговоров взрослых мне припоминается, что Ида завещала часть своего наследства родной сестре, но та, конечно, была вынуждена отдать его государству.

Еще в годы Первой мировой войны и японской оккупации дедушка ушел с военной службы, выбрав неожиданную для военного времени специализацию — стал лечить детей. В 1925 году он перебрался с Дальнего Востока в Ленинград и, работая в клинике профессора Н. И. Красногорского, участвовал в создании вакцины для лечения детей от дифтерии. Именно он высчитал пропорцию противодифтерийной сыворотки, необходимую для детей. Это позволило существенно снизить заболеваемость детьми дифтерией, в большинстве случаев являвшейся смертельной болезнью. Занимался он и другими инфекционными болезнями у детей — корью и скарлатиной. По иронии судьбы первой жертвой его исследований оказалась моя мама — он заразил ее и тем и другим. В результате она получила осложнение на уши и всю жизнь страдала плохим слухом.

Бабушка была уроженкой Шенкурска, небольшого городка вблизи Архангельска. Ее семья владела несколькими булочными и своей пекарней. По воспоминаниям бабушки, ее воспитателями и учителями были ссыльные революционеры. Именно от них она якобы усвоила мысль о том, что женщина должна освоить какую-нибудь достойную профессию и работать, чтобы быть независимой в материальном отношении от мужа. Бабушка проучилась два или три года на Бестужевских курсах, но из-за событий 1917 года побоялась вернуться в Петроград с летних каникул. В 1918 году в Архангельске во время английской оккупации она вышла замуж за морского офицера царского флота Смирнова Евгения Алексеевича. Он также окончил университет, о чем свидетельствовал значок, хранившийся в семье. Таким, как он, до революции жало-

вали дворянство. В 1919 году бабушка родила свою единственную дочь, мою маму, но перенесла распространившуюся в то время «испанку», что отрицательно повлияло в последующие годы на ее слух. Видно, у бабушки и у мамы уши были слабым местом. В 1922 году семья вернулась в Петроград, откуда муж был родом. Однако, как и следовало ожидать, на работу он устроиться не мог и проводил все время в игорном доме, находившемся в церкви на Владимирской площади. Вскоре его арестовали и в 1926 году расстреляли якобы за участие в антиправительственном заговоре. Недавно, разбирая бумаги, я нашла соответствующую справку, выданную бабушке. Таким образом она стала «лишенной», на работу ее не брали, пришлось шить шляпки и продавать их тут же у ворот дома на Разъезжей, 12, который до революции принадлежал семье Смирновых. Квартиры были уплотнены, и в доме поселилась семья Струцовских, родственником которых был Воловик Аркадий Борисович. Именно к ним он приехал с Дальнего Востока и тут же влюбился в мою бабушку. Сначала она предполагала, что ее первый муж будет куда-нибудь выслан, и не особенно привечала ухаживания деда. Но когда действительность оказалась намного хуже ожиданий, ей пришлось задуматься о том, как выживать. На руках были маленькая дочь, старик отец, старшая сестра, которая успела побывать в эмиграции в Греции, вырастившая детей нянька Ульяна и ее внучка. Как тут было не откликнуться на ухаживания человека, перед которым открывалось неплохое будущее. Уж не знаю, насколько она искренне любила своего второго мужа, или материальные соображения перевешивали, но он ее просто боготворил всю жизнь и мужественно взвалил на себя заботы обо всех ее родственниках. За стол, как она говаривала, садились «сам-семь». Вместо профессиональной карьеры бабушка стала командиром в семье.

В конце 1930-х годов, чтобы получить возможность учиться в вузе, мама была удочерена Воловиком. Однако бабушка, видно, не очень доверяла то ли дедушке, то ли советской власти. Как только деда призвали в армию с началом войны с Финляндией, она умудрилась перевести на себя все денежные накопления.

Все 900 дней блокады семья провела в осажденном Ленинграде. Выжили потому, что с зимы 1942 года жили при Институте детских инфекций, где питание было все же получше. Да и бабушка удивительно рачительно вела хозяйство: она сушила сухари и раздавали их всем поровну, а питались сотрудники больницы все вместе, жили как одна семья. Связи того времени сохранились на всю жизнь, так что когда после смерти бабушки дедушка утратил интерес к жизни и перестал вставать с постели, ухаживать за ним приходили, как ни странно, блокадные друзья, уже сами находившиеся в весьма преклонном возрасте.

Многие дети блокады из-за перенесенной дистрофии болели ревматизмом, который давал осложнения на сердце. У дедушки был какой-то особо острый слух на шумы в сердце. Он мог определить, свидетельствует ли шум об опасном заболевании, или это особенности возрастного периода. Таким образом, он стал одним из наиболее популярных в городе врачей. Помимо ежедневных обходов больных в двух больницах — Институте детских инфекций и на кафедре пропедевтики детских болезней в Педиатрическом институте, он каждый день после работы ходил еще по вызовам на квартиры. Впоследствии мне часто встречались люди, которым он спас жизнь, правильно определив диагноз болезни. Например, сыну японистки Лидии Львовны Громковской Володе, которому тогда было лет 15, он посоветовал спать по 18 часов, а чтобы достигнуть этого, принимать снотворные. В конечном счете Володя выздоровел. Дедушка к тому же был веселым человеком: при обходе больных он всегда шутил, пел и даже плясал для своих маленьких пациентов, что как бы придавало им жизненные силы.

Среди его пациентов были и дети тех, кто «проходил» по «ленинградскому делу». Семьи П. Попкова, Я. Капустина, А. Кузнецова он знал не понаслышке, и хотя опасался распространяться на эту тему, все же с малых лет я знала, что в отношении нашего города была совершена жуткая несправедливость. А в 1953 году дед жил в постоянном ожидании ареста по «делу врачей». Я помню, как он простаивал ночью у окна с собранным на всякий случай саквояжем. Но пронесло — скончался Сталин.

Дедушкино положение помогло мне начать в шесть лет изучение английского языка в группе при Доме ученых, а потом поступить в английскую школу. Преподавательница группы Ройтман Римма Исааковна стала мне второй матерью, и за всю ее жизнь (она умерла, когда мне было 18 лет) мы ни слова не сказали по-русски. Если дедушка являлся для семьи источником материальных благ, то вопросами морального и идейного воспитания ведала бабушка. Получение дочерью высшего образования считалось непреложной необходимостью. Неудивительно, что мама поступила в медицинский, который окончила во время блокады, и тут же стала работать хирургом, а потом отоларингологом. Однако в начале 50-х годов ее постоянно увольняли то с одной работы, то с другой. Возможно, это было потому, что она носила еврейскую фамилию отчима, которая в 20-е годы, наоборот, защитила ее от возможности преследований как дочери белого офицера. Вскоре мамин слух настолько ухудшился, что она уже не могла вести прием пациентов. Бабушка настояла, чтобы мама переквалифицировалась во врача-лаборанта. Поскольку ни бабушка, ни мама не смогли реализовать себя в профессиональном отношении, на меня возлагались особенные надежды.

По идее мне следовало бы поступать в медицинский институт, чтобы продолжить семейные традиции. Но химия и физика, необходимые для поступления в медицинский, не были в числе моих любимых предметов, и я боялась провалиться. Гораздо увереннее я себя чувствовала в области гуманитарных наук, особенно английского языка — все-таки занималась им с детства и окончила английскую школу. В семье хотели, чтобы я продолжала изучение английского. Меня же привлекали скандинавские языки — шведский и датский. Однако в год окончания мною школы в 1966 году на эти отделения не производился набор.

Когда я пришла на филологический факультет подавать заявление, оказалось, что в том же здании находился восточный факультет, о котором до этого я ничего не знала. Я сразу и безоговорочно выбрала Японию, что, правда, вызвало недовольство мамы (мол, что изучать япошек), но папа меня поддержал. В те годы в нашей стране о Японии знали не очень много. У одних она связывалась с Русско-японской войной, у других с бомбардировкой Хиросимы. Однако в 1960-е годы уже начинал формироваться и образ современной Японии как страны передовых технологий. В 1964 году в Токио прошли Олимпийские игры, где побывал в качестве судьи по спортивной ходьбе друг моего отца А. И. Иссурин. Особенно он был восхищен японской женской волейбольной командой, которая в пух и прах разгромила советскую. Наверное, именно от него я впервые услышала рассказы о Японии, о скоростных поездах и приемниках «Сони». Я не сомневалась, что профилирующий экзамен по английскому языку я смогу сдать на отлично. Труднее было с собеседованием. Считалось, что на восточном факультете преимущество отдается мальчикам, особенно из союзных республик. К тому же у меня была мамина еврейская фамилия Воловик, а не по папе Хренкова, поскольку бабушка считала ее неблагозвучной для женщины. Папа, который был главным редактором обкомовского издательства Лениздат, принес мне читать книги про Японию, в том числе «Японскую поэзию» Н. Позднякова (1905 год) и что-то из журнала «Мир искусства», авторы которого увлекались Японией. То ли я действительно про-

извела впечатление на приемную комиссию своим знанием японских трехстиший, то ли за моей спиной сработал какой-то механизм связей, на сей раз, по-видимому, отца, но я успешно поступила на отделение истории Японии кафедры истории стран Дальнего Востока. Этот факт определил всю мою дальнейшую жизнь. Правда, еврейская фамилия мне все же отыгралась через пару лет. Из нашей группы стали отбирать студентов для работы на ЭКСПО-70 в Японии. Тогда кто-то из членов райкомовской комиссии, проводившей собеседование, и задал мне вопрос: «А что это у вас за фамилия?» Мои уверения в том, что она, мол, неродного дедушки, да к тому же украинская, не имели никакого воздействия. В Японию я тогда не поехала, но зато родила сына. Ни в одной нормальной стране рождение ребенка не могло бы идти в сравнение с поездкой за рубеж. Но то был Советский Союз, откуда за границу обыкновенному человеку попасть было непросто, и в какой-то момент я все же колебалась — рожать или делать аборт. Так что слава богу, что меня тогда не отобрали для поездки в Японию и вопрос разрешился сам собой.

Учиться в университете было очень интересно. Особенно я любила иероглифику, которую преподавал Михаил Федорович Хван, кореец по национальности. Как известно, до 1945 года Корея была японской колонией, но Хван получил университетское образование. Потом семья Хвана бежала в Советский Союз в надежде на лучшее будущее, но, как и многие другие, оказалась в лагерях. Михаил Федорович вышел на свободу только в 1956 году. Он написал удивительную книгу «Идеография», в которой объяснял происхождение иероглифов и составляющих его частей, рассматривая их как упрощенные картинки-символы, отражающие образ мысли древних китайцев. Об иероглифе «женщина» он говорил примерно так: «Что для женщины главное? — думали древние китайцы. Главное, чтобы она рожала детей и кормила их грудью. Поэтому иероглиф „женщина“ представляет собой увеличенную женскую грудь и руки, которые держат ребенка, а внизу пририсованы совсем маленькие ножки, чтобы женщина не ушла далеко от дома. Голова же ей и вовсе не нужна, рассуждали китайцы, поэтому в иероглифе „женщина“ нет даже намека на голову».

Не менее интересным было чтение научных текстов на историческую тематику. Этот предмет вела Дагмара Павловна Бугаева. В 1958 году совместно с другим преподавателем кафедры японской филологии А. А. Бабинцевым она опубликовала книгу «Современные японские мыслители», а во время моей учебы готовила диссертацию о японском философе Таока Рэйун. Таким образом, мы читали и современные японские научные книги, и цитировавшиеся в них сочинения мыслителей периода Мэйдзи (1867–1912): Фукудзава Юкити, Куга Кацунан, Уэки Эмори и других. Наверное, именно направление работы Бугаевой оказало на меня наибольшее влияние, поскольку я выбрала для дипломной работы тему «Движение за свободу и народные права в Японии (1874–1889)», а поступив в аспирантуру Института востоковедения, продолжала заниматься изучением его идеологии.

Институт востоковедения: традиции, традиции...

К Институту востоковедения больше всего подошло бы название «храм науки». Сначала это был Азиатский музей, где хранились многочисленные коллекции рукописных и старопечатных книг, а также монет, вывезенных русскими путешественниками из стран Азии, в том числе во время колониальных захватов, или полученных в дар от правителей различных азиатских стран. Наличие такой богатой коллекции в столице Российской империи поднимало престиж России в глазах Запада, а в совет-

ское время играло своеобразную идеологическую роль, демонстрируя, как бережно Советский Союз хранит «наследие трудящихся Востока». В институте работали выдающиеся специалисты по Востоку В. В. Струве, С. Ф. Ольденбург, Л. Н. Меньшиков и многие другие. Одна из особенностей творческого коллектива института состояла в том, что, когда в 1956–1961 годах его директором был Иосиф Абгарович Орбели, в нем нашли себе работу многие бывшие узники ГУЛАГа. Традиция свободомыслия продолжала сохраняться и после кончины Орбели. Меня же институт встретил не очень дружелюбно, и на то имелись свои основания. Я не только не принадлежала к семье явно репрессированных, но мой отец был в числе тех, кто назывался «партийной номенклатурой». Естественно, что положение отца накладывало отпечаток и на отношение ко мне: меня воспринимали с недоверием. К тому же тема моей работы не считалась в числе профилирующих исследований Ленинградского отделения Института востоковедения: ни рукописей, ни старопечатных книг по теме «Движение за свободу и народные права» в институте не имелось. Помню, говорили: «Зачем вам такая актуальность?» Пришлось доказывать всем, что я хоть и «партийная дочка», но в состоянии самостоятельно заниматься научной работой. Когда же все увидели, что я сижу изо дня в день за письменным столом, читаю и перевожу тексты, пишу научные статьи и выступаю с докладами, отношение ко мне переменялось, хотя, быть может, не сразу и не у всех. В 1979 году я защитила диссертацию на степень кандидата исторических наук по теме «Движение за свободу и народные права в Японии: история и идеология левого крыла (1874–1889)» в Институте востоковедения, но в Москве. В Ленинградском отделении я стала котироваться позднее, примерно с 1983 года, после того, как выступила с докладом на годичной научной сессии и опубликовала статью о «Социализации детей в Японии».

Занимаясь изучением японского либерализма, я обратила внимание на то, что мало кто даже из наиболее радикально настроенных его представителей, включая тех, которые увлекались русскими народниками, выступал бы с критикой института императорской власти, но зато все поддерживали агрессивную внешнюю политику правительства. Захотелось разобраться, откуда пошли такие веяния. Первое, что приходило на ум, это было обращение к японской традиции. Так я стала заниматься Мотоори Норинага (1730–1801), мыслителем, который считался ведущим представителем «школы национальных наук» в Японии.

Эта «школа» сложилась в XVIII–XIX веках на основе интерпретации японской классической литературы и древних текстов, а потом стала одним из тех течений, в рамках которых формировалась идейная оппозиция правившему Японией дому Токугава. Если правители Токугава опирались на заимствованное из Китая конфуцианство, то заслуга Норинага состояла в том, что он смог предложить альтернативу «китайским учениям» в виде свода японских мифов и легенд под названием «Кодзики» (Записи о делах древности), которые, как считалось, он сумел прочесть и удобоваримо изложить. «Кодзики» возводили род японских императоров к богине Солнца Аматаэрасу и тем самым ставили Японию превыше Китая. Другими словами, можно считать, что именно в учение Норинага уходили корни японского национализма.

В действительности все было не совсем так. Мне удалось показать, что те идеи и понятия, которые Норинага выдавал за японские, в сущности своей являлись китайскими, но были переименованы им в японские. Его же утверждения базировались не столько на фактах «Кодзики», сколько были придуманы им самим в процессе толкования текста, записанного довольно сложным способом, а потом подкреплены верой в правоту учителя, раздутую до культа его учениками и последователями. Понять это мне помогли специалисты по Китаю и Корее, работавшие в Институте востокове-

дения. У нас было принято обсуждать уже почти завершённые работы всеми сотрудниками сектора Дальнего Востока, куда входили не только японисты, но китайисты, корейисты, маньчжуроведы и исследователи других стран Дальнего Востока. Это, конечно, очень расширяло кругозор молодежи, способствовало преемственности знаний. В дальнейшей своей жизни я нигде не сталкивалась с такой практикой обсуждения работ в неформальной обстановке. Интересно, что если в Институте востоковедения я очень стеснялась выступать в присутствии наших авторитетных специалистов, то выехав за рубеж, я обрела смелость и бойко выступала на разных семинарах и конференциях, даже несмотря на то, что это приходилось делать на иностранных языках.

Одним из «постулатов» Института востоковедения была трактовка понятия «традиции» в странах Востока как некоей незыблемой и извечно существующей ценности, передающейся из поколения в поколение. В случае с Японией вообще и «школой национальных наук» в частности такой традицией у нас считалась идея «почитания императора». Когда же в 1988 году я выступила на первой в моей жизни международной конференции Европейской ассоциации японоведения в городе Дареме с докладом, где прозвучала эта мысль, он был встречен с некоторым недоумением. Это как если бы говорилось всерьёз о всенародной любви к Сталину. На Западе в то время как раз становилась популярной выдвинутая английскими учеными Э. Хобсбаумом и Т. Рейнджером трактовка «традиции» как «изобретения» или как «идеологической конструкции» нового времени. Когда же мне задали вопрос, как я отношусь к книге Кэрол Глак «Современные японские мифы: идеология в конце периода Мэйдзи», я вынуждена была признаться, что книгу я не читала, как, впрочем, Хобсбаума и Рейнджера тоже. Если журналы, издававшиеся японскими историками-марксистами, в библиотеки Ленинграда еще поступали, то западная научная литература почти отсутствовала. Мы варились в собственном соку и ни с какими новыми теориями знакомы практически не были.

«Больным местом» для японистов моего поколения был вопрос о возможности научных командировок в страну изучаемого языка. В Японию постоянно ездили одни и те же люди — завсектором Японии В. Н. Горегляд и Г. Д. Иванова, которая еще в молодости успела поработать переводчиком в Маньчжурии. Однако ни М. В. Воробьев, крупнейший специалист по древней Японии, переведший «Свод законов Тайхоре, 702—718 гг.», ни З. Я. Ханин, занимавшийся проблемами дискриминационных меньшинств, в Японию не выпускались. Несколько позднее к «выездным» добавился Г. Г. Свиридов, сын известного композитора и комсомольский деятель районного масштаба. Однако до меня «очередь» долго не доходила. Наконец в 1983 году мне было разрешено поехать на один месяц в Университет Рицумэйкан в Киото, считавшийся марксистским. С ним Институт востоковедения состоял в отношениях научного обмена. Вдруг меня вызывает к себе куратор академических учреждений по линии КГБ и сообщает, что Японский фонд дает мне грант на полуторамесячную стажировку в Японии. Заявку в Японский фонд я подавала несколько лет подряд, но не была уверена, выходила ли она за пределы стен института. И вдруг такое везение. Однако, заявил куратор, дважды меня в Японию не пустят, и я должна выбрать одну командировку из двух. Он предложил предпочесть месячную командировку, поскольку, мол, на нее уже были оформлены документы. Поездка была намечена на октябрь 1983 года, но она чуть было не сорвалась. В сентябре наши сбили корейский самолет, на борту которого находилось много японцев. Япония наложила месячный запрет на выдачу советским въездных виз.

Все-таки в ноябре моя поездка состоялась. Как было положено в то время, перед отъездом меня вызвали в ЦК на Старой площади и проинструктировали, о чем можно и как нужно было говорить с японцами. Западные японоведы обычно попадали в Японию, будучи еще студентами или аспирантами, и проводили там, по меньшей ме-

ре, год. Я же должна была за месяц ознакомиться со страной в целом, хоть немного «развязать» свой японский язык, говорить на котором мне не очень приходилось, понять, кто и под каким углом зрения изучает «школу национальных наук», закупить или перекопировать необходимые научные труды и еще многое другое. Очень помог мне в осуществлении моих замыслов профессор Токийского университета Окуда Хироси. Сам он был экономистом и занимался коллективизацией в СССР, каждый год приезжал в Ленинград, и мы подружились. Он свозил меня на родину Мотоори Норианага в город Мацудзака. Я побывала в доме-музее ученого и узнала любопытный факт: у Норианага было две могилы. В одной, семейной на кладбище, по буддистскому обычаю хранился его прах и табличка с посмертным именем. Другая же находилась на горе над городом. На ней было написано знаменитое стихотворение:

Если спросят,
В чем душа Японии,
Ответь —
В аромате горных вишен на заре.

Норианага завещал направлять именно на эту могилу всех, кто захочет поклониться его праху. Под конец дня мы побывали в ресторане, где готовили (вернее, подавали сырой) знаменитую говядину Мацудзака вместе с сырыми яйцами. Туда же пришли и журналисты, весьма удивленные тем, что в далеком Советском Союзе кто-то знает имя японского мыслителя XVIII века.

Профессор Окуда также помог мне опубликовать в журнале японских русистов «Мадо» статью об Оттоне Оттоновиче Розенберге, российском буддологе, изучением творчества которого я занималась незадолго до поездки в Японию. В общем, поездка прошла плодотворно, и мое имя стало несколько известно в Японии. Перед отъездом японцы, конечно, поинтересовались, когда я приеду по гранту Японского фонда. Пришлось что-то наплести про семейные обстоятельства, которые якобы не позволят мне приехать. Но скажите, кому помешала бы еще одна подобная поездка, тем более что она могла быть осуществлена за счет Японского фонда?! Больше до перестройки я никуда не выезжала.

В остальном жизнь проходила более или менее как у всех советских людей. Благодаря папе и получаемому им «обкомовскому пайку» питались мы, пожалуй, получше среднего, но и проедали и пропивали этот «паек» вместе с компанией друзей. Помню, как одна моя подруга умяла одно целое блюдо севрюги, купить которую в магазинах было немыслимо. Наш дом был привлекательным для многих не только потому, что там можно было вкусно и много поесть, но и потому, что мой муж играл на многих музыкальных инструментах, пел блатные песни и коллекционировал музыкальные записи и пластинки. «Танцы-шманцы-обжиманцы» были нашим любимым развлечением в 1970-х годах. Однако постепенно нас стало увлекать не бурное веселье молодости, а беседы с отцом и людьми его поколения, которых я стала приглашать к нам в гости, и мы обсуждали насущные проблемы жизни, которая все более и более приобретала нежелательные черты. Особенно мы любили остроумные рассказы Бориса Абрамовича Фельда, сотрудника «Ленинградской правды», и Матвея Львовича Фролова, старейшего радиожурналиста города.

Благодаря отцу, члену Союза писателей, я могла выезжать на отдых зимой в Дом творчества Комарово, а летом в Коктебель. И то и другое были знамениты как места, куда стекалась интеллигенция всех поколений, — о них уже достаточно написано в литературе. Здесь мне хотелось бы добавить одну деталь. Среди писательской ин-

теллигенции преобладали, как говорится, лица еврейской национальности, многие из которых уже нацелились на выезд за рубеж. В нашей же семье никто об этом даже не помышлял, хотя мы подшучивали над дедушкой, что, мол, он один как еврей мог бы всех нас вывезти. Я стала себя неуютно чувствовать среди тех, для которых выезд из Советского Союза был главной целью, а они, естественно, сторонились меня — здесь сказывалось и общественное положение отца. Однако именно среди еврейской интеллигенции было много интересных и привлекательных молодых людей, но бабушка зорко следила, чтобы в среду моих кавалеров не попал еврей. Когда я ей рассказывала про какого-нибудь своего нового знакомого, первым делом она спрашивала его фамилию, чтобы определить национальность. Видно, настолько сильно ей запал в душу страх от пережитого в конце 1940-х — начале 1950-х годов. Найти интересного и умного русского мужа было делом далеко не простым, особенно на восточном факультете. Как мне стало известно позднее, многие «охотились» на меня, чтобы стать зятем моего «могущественного» папы. Разные знакомые рассказывали мне, что мой первый муж Александр, учившийся на том же восточном факультете, якобы бегал по факультетским коридорам с победным криком, но вовсе не потому, что мы решили пожениться, а потому, что отныне считал свою жизнь удачно устроенной. Сам он был родом из Баку и как всякий провинциал искал возможность зацепиться в Ленинграде. Я, наивная, об этом и не подозревала, хотя, вероятно, в его в принципе хорошем отношении ко мне не последнее место занимали и те возможности, которые перед ним открывала женитьба на мне. Мой отец всегда устраивал его то на одну, то на другую работу и в конце перестройки даже успел «выбить» помещение на Адмиралтейском проспекте для его любимого детища, издательства, занимавшегося выпуском изобразительной продукции, прежде всего с полотнами Эрмитажа. Правда, в начале 1990-х годов это помещение было захвачено рэкетирами, а в самого к тому времени уже бывшего мужа стреляли. К счастью, он остался жив, но прекратил всякое общение с членами своей бывшей семьи.

Дорога в Японию лежит через Европу и Австралию

В 1987 году в Институт востоковедения приехал английский ученый из Кембриджа Питер Корницкий. Тогда он занимался составлением каталога старопечатных японских книг, хранящихся в библиотеках и архивах Европы. Естественно, его интересовал наш рукописный фонд. Но поскольку иностранцев в сам фонд не пускали, меня поставили помогать Корницкому носить материалы из рукописного отдела в Японский кабинет и обратно. В процессе работы мы подружились. Корницкий прислал мне приглашение приехать на следующий год в Дарем на конференцию Европейской ассоциации японоведения, о которой я упоминала выше. Горегляд такое приглашение уже имел. В эти перестроечные времена все, казалось, устремились за границу. Отдел Академии наук, занимавшийся оформлением загранпаспортов и билетов, не справлялся с потоком желающих посмотреть мир. Выдержав многочасовое стояние в очередях, мы с Гореглядом где-то часов под десять вечера все же получили загранпаспорта и билеты, однако в паспорте мой год рождения был прописан как 1928-й вместо 1948-го. К концу этого тяжелого, но все же счастливого дня я уже и выглядела, наверное, лет на двадцать старше. Поехали куда-то исправлять паспорт, что получилось на удивление быстро, а потом на телеграф отправлять телеграмму Корницкому.

На следующий день прилетаем в Хитроу. Предполагалось, что Корницкий нас встретит и мы поедем на его машине в Дарем. Однако Корницкого в аэропорту мы не об-

наружили. Меняем копейки, выданные нам Академией наук, и звоним ему домой. Оказывается, что он не получил нашу телеграмму из-за забастовки почтовых служащих, проходившей в те дни в Англии. Сидим и терпеливо ждем, когда он приедет из Кембриджа в Хитроу. Наконец наш друг появляется. Мы едем к нему домой, где нас уже ждет польский профессор Катаньский, специалист по «Кодзики». Домик Корницкого чем-то напоминал нашу квартиру в Ленинграде. Кухня и столовая также были объединены. Привыкаем мыть лицо не струящейся из крана водой, а смешанной в раковине. Следующий день решаем посвятить экскурсии по Лондону: сначала Тауэр, потом Вестминстерское аббатство, охраняемое гвардейцами в меховых шапках, и Британский музей — все, как было написано в моих школьных учебниках по английскому языку. Мечта начинает становиться реальностью. Утром садимся в машину, мне выдается путевая карта — в мои обязанности входит следить за дорогой и указывать путь. Едем на север в Дарем. По дороге останавливаемся у какого-то, как мне кажется, полуразрушенного монастыря. Там дети в старинных костюмах разыгрывают пьесу Шекспира.

В Дареме нас селят в общежитие университета, расположенного в старинном замке, где повсюду стоят рыцари в латах. На приеме англичане запускают в виде воздушных шаров привидения, якобы обитающие в замке уже несколько веков. Ночью на меня падает висевшая над кроватью книжная полка — видно, привидение подстроило. Горегляд знакомит меня с японоведами из разных стран, которых он уже знает благодаря своему членству в Европейской ассоциации японоведения. Все очень интересно, я свободно общаюсь по-английски, с меньшим успехом по-японски, однако появляется проблема, с которой я столкнулась впервые в жизни.

На конференции принято подавать заявки заблаговременно. Потом из прошедших отбор заявок составляются тематические секции (так в принципе было и в Советском Союзе). Мне же никто не сказал, чтобы я подала заявку в Дарем заранее, так как вообще не было уверенности, что я туда попаду. Получилось, что мне негде было выступить — все секции забиты. Все же профессор Вильям Боут из Лейдена нашел возможность для моего выступления в руководимой им секции. Тут-то я и сказала про «незыблемость института императорской власти в Японии». Вежливые западные ученые не стали меня впрямую критиковать, они только поразились, что я так упорно добивалась выступления, чтобы сказать такую, по их мнению, чушь. Два года назад я встретила на симпозиуме в Норвегии с упоминавшейся выше Кэрл Глак, автором книги про японскую идеологию, и рассказала ей, как ее книга была одной из первых работ, которые ввели меня в русло интересов западных японоведов. С тех пор я стала активно и регулярно принимать участие во всех конференциях Европейской ассоциации японоведения, а с 2008-го по 2011 год входила в состав ее совета.

Осенью 1988 года благодаря К. О. Саркисову, заведующему сектором Японии в Московском отделении Института востоковедения, я вновь попала на месяц в Университет Рицумэйкан. Темой командировки был все тот же институт императорской власти. Надо сказать, что в тот год в Японии не было более животрепещущей темы. Близилась кончина тяжелобольного императора Хирохито. В средствах массовой информации и в научных кругах активно обсуждался не только вопрос о его ответственности за преступления Японии во время Второй мировой войны, но и характер предстоящей коронационной церемонии следующего императора. Мой старый друг Окуда Хириси, пять лет назад возивший меня на родину Мотоори Норинага, познакомил меня с профессором Ватанабэ Хириси с юридического факультета Токийского университета. Он занимался общественной мыслью Японии периода Токугава. Благодаря ему я смогла понять многие детали дискуссии о предстоящей коронации и, вернув-

шись в Ленинград, довольно быстро опубликовала статью в «Народах Азии и Африки» на тему «Дайдзесай — церемония великой пробы нового урожая (к вопросу о характере императорской власти в Японии)». Это как раз был отличный пример «изобретения традиции», но я все еще недостаточно четко это понимала и рассматривала «Дайдзесай» как воплощение древней традиции, хотя в действительности почти все, происходившее на этой церемонии, было «сконструировано» как раз во время коронации самого Хирохито в 1925 году.

В 1989 году в моей ленинградской квартире раздался телефонный звонок, и говорящий представился не кем иным, как профессором Хаями Акира, который был крупнейшим специалистом в области демографии Японии. Он спросил, не желаю ли я приехать в Японию на конференцию по сравнительной истории Японии и России и выступить вместе с Н. Ф. Лещенко и И. П. Лебедевой на специальном семинаре в только что открывшемся в Киото Институте японских исследований, у которого еще даже не было своего постоянного помещения. Надо ли говорить, что я с удовольствием приняла его приглашение. Именно благодаря этому проекту по сравнительной истории у меня завязались связи с японскими историками, благодаря которым я стала впоследствии работать в Японии и с которыми я общаюсь по сей день. Посещение Нитибункэна, как сокращенно именуется всеми Институт японских исследований, дало уже теперь мне возможность выступить с протекцией английского ученого Джона Чэпмена — я смогла представить его сотрудникам Института японских исследований. Он в свою очередь отблагодарил меня тем, что дал мне информацию о возможности подать заявку на грант в Фонд Кэнон в Европе на 1992 год. По условиям этого фонда можно было поехать на шесть месяцев в Японию, а еще шесть месяцев провести в каком-либо научном учреждении в Европе. Но всюду нужны были, как это принято, подтверждения о согласии принимающей стороны.

Этим я смогла заняться во время очередной конференции Европейской ассоциации японоведения, проходившей в Берлине в сентябре 1991 года. На сей раз к конференции я тщательно подготовила два доклада. Один был о «японских» и «китайских» концепциях в учении Мотоори Норинага, а второй о советских оценках «Революции Мэйдзи» в Японии. Главным для меня был первый доклад, так как в нем я изложила именно то, чему я научилась во время работы в Институте востоковедения. Выступить-то я выступила, но посыпались вопросы со стороны японцев, естественно, на японском языке. Говорить свободно по-японски я в то время еще не могла. К счастью, я догадалась начать писать по-японски на доске высказывания Норинага. Мой японский оппонент стал делать то же, а понимать написанное по-японски мне было легче, чем произнесенное. Получилось, что в результате я ему удачно парировала. Мое выступление произвело впечатление, возможно, даже не столько содержанием, сколько смелостью, с которой я себя вела. Лет через семь-восемь я повстречалась с моим тогдашним оппонентом уже в Японии, и мы вновь вспомнили дискуссию 1991 года.

Профессор Вильям Боут из Лейдена согласился стать моей «принимающей стороной» по Фонду Кэнон в Европе, а в Японии им стал профессор Кодзима Сеити из Университета Кофан (Кобэ), с которым мы с легкостью общались по-английски, участвуя вместе в проекте по сравнительной истории России и Японии. За эти годы Питер Корницкий еще раз приехал в Ленинград с женой и двумя детьми уже по моему личному приглашению. Именно от него я тогда узнала, что большинство ведущих японоведов Англии начинали свою карьеру в Австралии, где было легче найти работу, чем в Европе.

Осенью 1991 года я подала заявку на грант Фонда Кэнон в Европе. Ответ все не шел и не шел. К счастью, моя приятельница по Институту востоковедения Ксения Кеп-

пинг как раз находилась в Лейдене и зашла по моей просьбе в фонд, главная контролера которого была в Амстердаме. Оказалось, что моя заявка была одобрена и соответствующий факс уже давно был направлен в институт, но по какой-то причине не попал мне в руки. Факс был направлен вторично, и оформление моей поездки началось без особых проблем.

Шел конец 1991-го — начало 1992 года, когда Советский Союз уже рушился, а в стране происходила сумятица. Зарплату в институте не очень выплачивали, и ее не хватало на жизнь, так что все прирабатывали на стороне. Тут-то я и вспомнила рассказ Корницкого об Австралии, нашла в библиотеке института справочник японоведческих центров мира и послала в каждый центр в Австралии и Канаде письма с запросами о возможной работе. Письма я посылала с кем-нибудь из знакомых, выезжавших за границу. Очевидно, человек, с которым я послала письма в Канаду, подвел меня, так как из Канады я не получила ни одного ответа, а из Австралии их пришло несколько. Из них три университета действительно предлагали конкретную работу. Мне особенно подходила присланная мне факсом вырезка из газеты «The Australian», где содержалось объявление о позиции на факультете азиатских и международных исследований в Университете Гриффис в городе Брисбен. Им требовался преподаватель истории Японии, а именно история Японии была моей главной специальностью. На последние 30 долларов, полученных за публикацию очередной статьи в журнале «Мадо», я послала в Австралию пять страниц факсом со своей биографией, копией диплома и списком научных работ. Буквально через несколько дней позвонили по телефону мне домой и спросили, смогу ли я приехать на собеседование, разумеется, за их счет. Я как раз отъезжала в Лейден, и последующие переговоры о конкретном дне собеседования велась уже оттуда.

Итак, где-то 10 июня 1992 года я схожу по трапу с самолета в Брисбене в самодельной юбочке и кофточке, купленной уже в Голландии. Один день дается на отдых, а потом я выступаю с лекцией перед членами факультета и всеми желающими послушать. Хорошо, что в Лейдене я успела дать прочитать свою лекцию Тому Харперу, моему знакомому еще по Дарему, отрепетировать ее как следует, так что я даже умудрилась пошутить при ответе на вопросы. Вечером меня пригласили в ресторан и предложили место старшего лектора на три года с возможностью дальнейшего продления. Я, как послушный совок, позвонила в Посольство России в Канберре и спросила разрешения. Никто не возражал. Я не склонна приписывать себе особые заслуги в том, что мне предложили данную позицию. Просто кто-то уходил в годичный академический отпуск и, ища себе замену, послал мне вырезку из газеты. В то время в мире был большой интерес к людям из бывшего Советского Союза. На факультете азиатских и международных исследователей было много марксистов, правда, не советского, а альтузерианского (французского) толка, и, как оказалось в дальнейшем, среди студентов был популярен троцкизм.

В Университете Гриффис уже работало несколько поляков, можно сказать, друзей из бывшего социалистического лагеря. На следующий день они пригласили меня к себе домой на барбекю. В тот вечер жена одного из них сказала мне, чтобы я не надеялась найти себе мужа в Австралии, а лучше бы приезжала со своим. Однако мужа у меня уже не было. Был друг, которого я страстно любила много лет. Он был евреем из провинции и имел двух детей от первого брака, которых обожал больше всего на свете. Когда-то по молодости он вроде бы хотел, чтобы я родила ему ребенка, но жениться на мне не очень-то собирался. Не собиралась и я. Такой вариант никак не вписывался бы в представления о жизни моих уважаемых родственников. Я понимала, что у этой любви не может быть счастливого конца в виде брака, как то

предписывалось не только американскими фильмами, но и советскими представлениями об отношениях между мужчиной и женщиной. Поэтому разводиться с первым мужем я не собиралась до тех пор, пока он сам от меня не ушел, что, кстати, стало одним из стимулов к поиску работы в Австралии. К началу 1990-х годов бабушка и дедушка давно умерли. Мой некогда высокопоставленный отец прозябал на пенсии. Семьи в стране разваливались, как и сама страна. Поэтому я решила сделать Рудольфу (так звали любимого) предложение создать общую семью для наших детей и моих родителей в Австралии. Он согласился, мы поженились и стали оформлять документы в Австралию. Для него это еще была и возможность вывезти из России больного внука, поэтому совесть его была на этот раз спокойна.

Помимо занятия длительными бюрократическими процедурами по переводу документов сначала на голландский язык, а потом на английский, живя в Лейдене, я готовила себя к преподавательской работе в Австралии, читала всю ту научную литературу на английском языке, которую не могла прочесть в советские времена. Голландские коллеги с воодушевлением помогали мне разобраться в тонкостях преподавания в западном университете: учили, как составлять курсы лекций и семинарских занятий, как принято было оформлять научные статьи и строить научный аргумент. Ведь в Советском Союзе в области истории аргумент был один: раскритикуем буржуазный подход, покажем, как ту или иную тему следует подавать с точки зрения марксизма. Особенно я благодарна уже упоминавшемуся Тому Харперу, Курту Радке, Ричарду Бойлу и недавно скончавшемуся профессору Олафу Лидену из Дании. Одновременно меня пригласили выступить с серией лекций в университете города Тюбингена, что также стало хорошей тренировкой перед Австралией.

По условиям гранта Фонда Кэнон в Европе мне еще предстояла научная работа в Японии. Я уже была почти готова к поездке в Японию, но оставалось найти, где там можно жить, что с моим недостаточным опытом «свободной» жизни было не так просто. Раньше нас всегда селили в общежитии Университета Рицумэйкан или в Доме для иностранных ученых в Токио. Я обратилась за советом к профессору Кодзима Сеити, моему «приглашающему профессору» в Японии. Вдруг, как всегда неожиданно, раздается телефонный звонок в шесть часов утра. Звонит Кодзима и... предлагает мне работу в Японии в университете Хиросимы, которому еще предстояло открыться через три года. Кодзима выступал от имени профессора Хираи Томоеси, специалиста по советской истории, занимавшегося в тот момент организацией университета в Хиросиме. Более того, оказалось, что я смогу поселиться на два-три месяца у соседей профессора Хираи, да еще и весьма задешево. Договорились, что мы обсудим вопрос будущего во время моего пребывания в Японии. Наступал новый, 1993 год. Его я встретила в Японии.

Вскоре профессор Хираи пригласил меня на собеседование в мэрию Хиросимы. Мне предлагали начать через два года преподавание истории русско-японских отношений, истории и культуры России, русский и английский языки. Я колебалась, так как ни один из этих предметов я не знала так же хорошо, как историю Японии. Кроме того, мною уже был подписан контракт с Университетом Гриффис на три года, и в случае его несоблюдения мне следовало бы платить неустойку. Профессор Хираи нашел выход, заключавшийся в том, что я приеду в Японию после того, как отработаю положенные три года в Австралии, а Хиросима была готова меня подождать. Мои сомнения определялись еще и тем, что в Австралию я могла бы перевезти родителей — по условиям иммиграции в Австралию это было возможно, но Япония не была столь открыта для иммигрантов.

3 февраля 1993 года я приехала в Австралию и уже 14 февраля провела первую лекцию. В Австралии я быстро познакомилась со многими русскими, проживавшими

там как со времен послевоенной иммиграции, так и переехавшими туда совсем недавно. Они все много мне помогали в бытовом отношении разными советами, не всегда, правда, оказывавшимися удачными. Читать лекции было не очень трудно, но с семинарами было сложнее: австралийский английский значительно отличается от его британской версии, на которой я говорила, поэтому понимать студентов было трудновато. Иногда одни студенты, которые уже хорошо меня знали, просили остальных говорить на британском английском, но постепенно у меня стал вырабатываться австралийский акцент. Чаще меня ставили в тупик сами вопросы студентов. Например, помню, как при обсуждении проблемы о становлении национальных государств в Азии я не могла сказать ничего разумнее, кроме как вспомнить определение нации, данное Иосифом Виссарионовичем. По совету австралийских коллег я тщательно проштудировала книгу Бенедикта Андерсена «Воображаемые сообщества» (имелись в виду нации). Также я тогда довольно плохо ориентировалась в гендерной проблематике, которая все больше выходила в науке на первый план. Так что приходилось все время читать и читать, чтобы ликвидировать свои пробелы в научных знаниях. Зато я могла рассказать студентам много нового о советской политике в Азии, например, о роли Коминтерна в организации революционного движения в Японии, Китае и Вьетнаме. Благодаря работам бывшего коллеги З. Я. Ханина о дискриминируемых меньшинствах в Японии я приняла участие в предмете, который вела группа преподавателей. В данном случае он назывался «Дискриминируемые меньшинства в странах Азии». Накопленные к тому времени знания позволили мне предложить для аспирантуры курс «Японская цивилизация в современном мире», у меня появились и первые аспиранты.

Участвуя в конференциях, я поняла, что внимание ученых в то время стала привлекать проблема изучения роли «другого» (не только на личностном уровне, но и на уровне государства или этнического сообщества) в процессе формирования представлений о «себе». Новым для меня было и использование визуальных материалов в качестве научных. Так, меня просто потрясло выступление (сейчас не припомню, кто именно выступал), в котором анализировались картины Поля Гогена, изображавшие женщин Таити, с точки зрения создания художником собственного образа, а также с точки зрения феминизма и колониализма.

Моей первой работой, появившейся в австралийском научном журнале, стала статья «Образ Японии в советских исследованиях». В то же время я опубликовала на русском языке в журнале «Восток» статью «Японская национальная идея и Мотоори Норинага: вымысел или реальность?», в которой довела до конца свои разработки на тему традиции, понимаемой мною на сей раз как изобретение мыслителей и политиков, преследующих далеко не безобидные идеологические цели.

В 1995 году произошел инцидент в токийском метро, когда религиозная секта Аум-Синрикё использовала смертоносный газ зарин, от которого пострадали мирные жители. Испытания газа велись в Австралии, а сама секта проникла и в Россию. На этом основании мне удалось получить научный грант для исследования деятельности секты в России. Соответствующая статья была опубликована в журнале австралийских японоведов и довольно широко им анонсировалась. Так что постепенно я стала чувствовать себя уверенно в австралийском и вообще западном научном сообществе, занимавшемся Японией.

Если в научном плане моя жизнь складывалась довольно удачно, но этого нельзя было сказать про остальное. Подходили к концу первые три года пребывания в Австралии, мне продлили контракт на работу, но предстояло сделать окончательный выбор в пользу Австралии или Японии. К тому времени я уже получила австралий-

ское гражданство, причем Австралия не требовала отказа от российского. Так я стала человеком с двойным гражданством. По примеру русских, более длительное время проживавших в Австралии, я продала квартиру в Петербурге и купила дом для всей семьи в Брисбене, что было одним из необдуманных моих поступков. Если мама колебалась, ехать ко мне или нет, то отец наотрез отказался. Сын приезжал в гости два или три раза, но ему больше улыбались учеба и жизнь в Японии. Он тоже был японистом по профессии, поступил в магистратуру Университета Сэйнан гакуин к моему старинному другу профессору Евгению Борисовичу Ковригину, подрабатывал переводчиком, собирался жениться на японке. Одна из дочерей мужа тоже приезжала в гости. Австралия ей нравилась, но ее муж, с которым она развелась, отказывался дать разрешение на иммиграцию их общего сына. Мне предлагалось его «украсть», то есть пригласить в Австралию и оставить незаконно, что я решительно отказалась сделать. Тем временем японцы из Хиросимы все активнее вовлекали меня в работу в Муниципальном университете. Я писала планы занятий, думала, как совершенствовать свой японский язык. Надо сказать, что в Австралии изучение Японии очень хорошо развито, японский преподается в школах, все, кто хочет, постоянно бывает в Японии и может хорошо говорить по-японски. В этом плане я чувствовала свою уязвимость. Муж считал, что мне стоит переехать в Японию, так как только там я смогу состояться как японист. Видимо, чувствуя, что «австралийский план» выезда его дочерей из России вряд ли состоится, он понимал, что ему предстоит действовать другим путем. В конце концов он все же перевез дочерей и внука в Германию, иммигрировав туда по еврейской линии.

Факультет, где я работала в Университете Гриффис, предложил мне взять годичный отпуск без оплаты содержания, но требовалось основательно объяснить, почему я иду на такой шаг. Я написала в обосновании, что, будучи японистом, я не могла развиваться профессионально в достаточной степени в Советском Союзе, так как меня не выпускали в командировки в Японию и я плохо владею японским языком. Обоснование было признано удовлетворительным, я сдала в аренду австралийский дом и отправилась в Хиросиму.

Япония — история на всю жизнь

Проработав год в Японии, я поняла, что это «моя страна». Кому-то может показаться несущественным, но я весьма маленького роста и очень страдаю от этого. Западные люди, включая австралийцев, в большинстве своем высокие. В Австралии или в Германии в поезде я, например, не могу достать до полки, чтобы положить на нее чемодан. Стулья, кресла, раковины для мытья рук и прочее оборудование рассчитаны на людей высокого роста. То же относится и к недавно появившемуся поезду Москва—Петербург «Сапсан». Больших мучений, чем в креслах «Сапсана», я не испытываю нигде. В Японии же все рассчитано на людей, которые ближе мне по росту, мне здесь физически комфортно. Теперь уже мне приятно поговорить по-японски, который я наконец освоила. Японцы, как всем известно, отличаются большой вежливостью, всегда готовы во всем помочь, особенно западному человеку, и я получаю удовольствие от такого их поведения.

Хотя многие десятилетия отношения между Россией и Японией были напряженными, в действительности на повседневном уровне в жизни двух народов было много объединяющих их моментов. Приведу такой пример. Приезжаю в Японии на бензостанцию. Обычно спрашивают, из какой страны я приехала. Если скажу, что из Ав-

стралии, то в ответ, скорее всего, прозвучит: «А-а! Кенгуру! Коала!» Иногда назовут город, куда приходилось ездить отдыхать. Если же сказать, что ты из России, то чаще всего последует длинный рассказ из собственной жизни или жизни друзей-родственников, связанный с Россией. Так, когда мои родители все же приехали погостить в Японию и мы зашли на рынок в Ивакуни около знаменитого пятиарочного моста, продавцы, узнав, что мы из России, в один голос запели «Катюшу» и «Красный сарафан». Поэтому если я тороплюсь, то представляюсь как австралийка, что в принципе соответствует действительности, потому что я живу в Японии по австралийскому паспорту.

Поскольку в Хиросиме я преподавала российско-японские отношения, то это же стало и постоянной темой моих научных исследований. Я довольно удачно, правда не каждый год, получала гранты Муниципального университета Хиросимы и Японского общества содействия развитию науки, что давало возможность ездить в Россию. Да и зарплата позволяла это делать. В Австралии я научилась использовать визуальные материалы в качестве научных, и у меня появился интерес к исследованию проблемы национальной идентичности, а конкретную тему, как мне уже приходилось писать в другой статье, мне подсказал папа. Он вспомнил, что когда-то ему довелось увидеть в отделе эстампов Российской национальной библиотеки так называемые «народные картины» времен Русско-японской войны. Эти аляповатые и безвкусные листы в приличных семействах использовались разве что в качестве покрывок на сундуки, но в крестьянских семьях их вешали рядом с иконами. Поэтому созданные ими образы японцев как безобразных желтолицых карликов, всегда готовых обвести честного русского человека вокруг пальца, внедрились в народное сознание, стали почвой для появления презрительных выражений типа «япошки-макаки» и т. п. (к счастью, сейчас этого уже нет). В конце 1990-х годов как раз приближалась столетняя годовщина Русско-японской войны (1904—1905). «Народные картины» до тех пор не были еще объектом научного исследования, и мой папа предложил мне заняться изучением образа Японии в России, начав с «народных картин». Я последовала его совету. Вскоре я получила грант на тему «Взаимные русско-японские образы». Мне удалось объединить вокруг этой темы группу ученых, состоящую не только из русских, но японских и западных специалистов. В 2008 году в английском издательстве «Глобал оризентал» мы выпустили книгу «Япония и Россия. Триста лет взаимных образов», а в 2014 году книгу на русском «Япония и Россия. Национальная идентичность сквозь призму образов». Образы при этом трактовались нами в двойном плане: с одной стороны — как визуальные изображения, но с другой стороны — как образы, которые появляются в человеческом сознании как факторы, влияющие на формирование и в то же время отражающие наши представления о самих себе и о других.

Отдельно следует сказать и о русском научном сообществе, проживающем в Японии. С начала 1990-х годов японцы стали приглашать для работы в университетах ученых из России. Аспиранты из бывшего СССР также стали сначала учиться в университетах, а потом продолжали уже работать. Так набралось около сорока человек. Хотя никакой своей специфической организации у нас нет, мы активно сотрудничаем в японских научных ассоциациях и конференциях, каждая из которых является праздником, на котором можно пообщаться с соотечественниками.

Пять лет назад я по возрасту вышла на пенсию и, покинув Хиросиму, переехала, но не в Россию, а в Киото. Родители к тому времени уже скончались, а сын, второй раз женившись все же на русской, переехал в Японию окончательно и открыл в Киото Галерею японского искусства. У него трое детей, из которых двое уже учатся в японской

школе. Я же преподаю как почасовик в Университете Осака свой любимый предмет — историю Японии, а также визуальную культуру и курс «Культурные иконы в манга и анимэ». В качестве научной темы я по-прежнему занимаюсь русско-японскими отношениями и для сбора материалов постоянно езжу в Россию. Мне нравится жить на две, а то и на три-четыре страны, так как Австралию и Германию я тоже не забываю.

На сайте Института восточных рукописей (именно так теперь называется бывшее Ленинградское отделение Института востоковедения) стоит подзаголовок «Востоковедение как образ жизни». Очень точное название. Наверное, для каждого человека, занимающегося наукой, как, впрочем, любой другой творческой профессией, его любимое занятие становится «образом жизни», которому подчиняется все другое. Так, если кто-то из членов твоей семьи решил, к примеру, поехать на горный курорт покататься на лыжах в компании друзей, ты все же постарайся уклониться от этого и предпочтешь посидеть дома за письменным столом в тишине и одиночестве. Как пишет Леонид Зорин, письменный стол — это мука, которая всегда с тобой (Бубенчик). Правда, не всем членам семьи, особенно мужчинам, нравится такое поведение со стороны женщины, к тому же еще и бабушки, но мне кажется, что моя бабушка была бы мной довольна.

К 200-летию И. С. Тургенева

Марина СОЛОВЬЕВА

ЗАГАДКА ВЕЧНОЙ ЛЮБВИ: ИВАН ТУРГЕНЕВ И ПОЛИНА ВИАРДО

Неважно, что именно мы называем любовью — вождение или чувство, — источник возникновения этого огня остается загадкой.

Эрик Эммануэль Шмитт. Эликсир любви

Это твоё мгновение не кончится никогда.

И. С. Тургенев. Стой! (Стихотворения в прозе)

Первая встреча

27 октября 1843 года молодой барин, начинающий литератор, магистр философии и коллежский секретарь Министерства внутренних дел Иван Тургенев отправился в Петербургскую итальянскую оперу послушать новую оперную диву-испанку, приехавшую из Франции, — Полину Гарсиа-Виардо. Говорили, что собой она нехороша, но голос бесподобен! Сравнивали с ее же родной сестрой Марией Малибран, в 28 лет умершей от несчастного случая, несравненной красавицей, оставившей после себя не только память о красивом голосе, но и любовном скандале. Но что позволено красавицам — не прощается дурнушкам. Не оттого ли начинающая певица считалась примерной женой бывшего директора Парижской итальянской оперы, переводчика, литератора, искусствоведа Луи Виардо — человека умного, но унылого, «как ночной колпак» (по ехидному определению писательницы Жорж Санд). Возможно, «унылостью» эпатажная Аврора, она же Жорж Санд, считала прямолинейную моральную правильность, по ее мнению, сестру недалеко. Не эти ли качества спасли Луи от ненужных волнений и догадок? Но Ивана Тургенева все эти театральные

Марина Павловна Соловьева — поэт, прозаик, литературовед. Родилась в Москве. Окончила филологический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Член Московского Союза литераторов. Работала в Государственном Литературном музее, Государственном музее В. В. Маяковского, на радиостанции «Радио Россия». С 1990-го по 2001 год жила в США и Норвегии. Работала в Стэнфордском университете и Университете им. Дж. Вашингтона (США). Печаталась в журналах: «Наш современник», «Юность», «Молодая гвардия», «Огонек», «Даугава» (Рига), «Вопросы литературы», «Альманах Ъ», «Новый журнал» (Нью-Йорк), «Памятные книжные даты» (Москва), «Новый мир», «Номо Legens», в «Литературной газете». Автор двенадцати книг. В настоящее время живет в Москве.

сплетни мало волновали. Он не только был далек от театральной жизни, но даже никогда не учился музыке, а «ко всем возможным актрисам, певицам, танцовкам чувствовал крайнее отвращение». В тот роковой вечер Иван был озадачен другими проблемами: печальной необходимостью ходить на скучную службу, неопределенностью творческих замыслов и все возрастающих (видимо, с возрастом) деспотических претензий матушки Варвары Петровны, которая хоть и выдавала приличное содержание, но держала на коротком поводке: нужно было постоянно доказывать ей свою сыновнюю любовь: писать письма с каждой оказией, часто приезжать и выслушивать «советы», а по сути, указания по созданию карьеры государственного и семейного мужа. Иван почтительно любил матушку, но и раздражался на нее, страдал от ее барского самодурства непростительным при таком неординарном уме... и боялся. Боязнь эта шла из детских страхов наказания за ей одной ведомые провинности, а с возрастом глубоко спряталась в подсознание. Приедешь к ней, и матушка счастлива, и слуги радуются, а все время чувствуешь себя виноватым. Умела Варвара Петровна настроение портить своим домашним. В последнее время не нравилось ей и увлечение сына бумагомарательством. «Писатель и писец — одно и то же. И тот, и другой за деньги бумагу марают», — не один раз говорила она. А самое непотребное для нее заключалось в том, что какой-нибудь критик из поповичей будет разбирать Ванечкины стихи и, чего доброго, насмеяться над ним, столбовым дворянином, чьи предки служили еще Рюриковичам. Но поэму его «Парашу» маменька похвалила, написав, что «пахнет она земляничкой». Пускай любимый сын порадуетя, поймет наконец, что нет ближе друга, чем родная мать, да и по умению «марать бумагу» она будет поталантливей его новых дружков-выскочек. Но Варвара Петровна в одном была уверена: вторым Пушкиным Ивану не быть. И эту мысль постоянно сыну внушала. Поэтому Иван Тургенев об этом не раз думал, сомневаясь в себе и все еще пребывая на творческом распутье...

Но вот заиграла увертюра к «Севильскому цирюльнику», сразу грустные думы отступили, вспомнились строки из любимого «Евгения Онегина» про «упоительного Россини», раздвинулся занавес... «Началась картина первого акта. Комната в доме Бартоло. Выходит, Розина: небольшого роста, с довольно крупными чертами лица и большими, глубокими, горячими глазами, — спустя время напишет сам Тургенев. — Пестрый испанский костюм, высокий андалузский гребень торчит на голове немного вкось. „Некрасива!“ — повторил мой сосед сзади. „В самом деле“, — подумал я. Вдруг совершилось что-то необыкновенное! Раздались такие восхитительные бархатные ноты, каких, казалось, никто никогда не слыхивал... По залу мгновенно пробежала электрическая искра... В первую минуту — мертвая тишина, какое-то блаженное оцепенение... но молча прослушать до конца — нет, это было свыше сил! Порывистые „браво! браво!“ прерывали певицу на каждом шагу, заглушали ее... Сдержанность, соблюдение театральных условий были невозможны: никто не владел собою. Восторг уже не мог вместиться в огромной массе людей, жадно ловивших каждый звук, каждое дыхание этой волшебницы.... Да! Это была волшебница! И уста ее были прелестны! Кто сказал „некрасива“? — Нелепость!»

Иван Тургенев ликовал и бесновался вместе со всеми зрителями. «Я не мог дать себе отчета: где я? что со мною делается? Это было какое-то опьянение. Какая-то зараза энтузиазма.... Диапазон ее голоса от сопрано доходил до глубоких ласкающих сердце нот контральто с невероятной легкостью и силой. Обаяние певицы и женщины возрастало кресчендо... Вызовам, казалось, не будет конца...» Тургенев был так потрясен спектаклем, что решил во что бы то ни стало познакомиться с певицей и выразить ей весь свой восторг. Отыскав приятелей, записных театралов, он стал умолять представить его чете Виардо. На другой день знакомство с мужем певицы состоялось. Иван окружил его заботой и лестью. Это-то он умел. Ему хотелось произвести впе-

чатление на неординарную супружескую пару, ослепить их своей галантностью. Узнав, что Виардо охотник, тут же предложил совместную охоту. На другой же день он пишет господину Виардо письмо, дабы француз понял, что такое настоящая русская охота, которую может предложить только настоящий русский барин.

«...Косули будут несомненно, лоси тоже... Хотите приезжайте ко мне в охотничьем снаряжении к половине третьего? Вы бы пообедали у меня, а потом отправились. За нами будут присланы сани. ...И пожалуйста, не стесняйтесь. Если вы не можете или не хотите ехать, так и не делайте этого. Мне нет нужды говорить, что все мы будем очень рады, поохотится вместе с вами...» Подробно описав, что следует с собой брать и сколько все будет стоить (Тургенев договорился об охоте в поместье своего знакомого с его егерями), даже в этом деловом письме Иван счел нужным добавить:

«...Ваша жена... — величайшая, по моему мнению, единственная певица в долнем мире».

Иван своего добился. Луи понравился юный русский аристократ, и он дал согласие не только на совместную охоту, но и на знакомство с супругой. Теперь надо было покорить и ее. Знакомство с Полиной состоялось 1 ноября или 28 октября 1843 года по русскому стилю, а 9 ноября по европейскому календарю Ивану Тургеневу исполнилось 25 лет. По современным меркам — он был юношей, по меркам того времени — взрослым мужчиной. Что он представлял из себя в ту пору? Лучше самого Тургенева об этом не скажешь: «походочка с запинкой, голос с пришепеткой, улыбка, как у ребенка... *мягкость, мягкость, мягкость*». Но мягкость эта была все же обманчива. Мог он и посмеяться, и позлословить. У Тургенева к этому времени были и романы, и увлечения, и разбитые сердца с двух сторон, и укоренившиеся житейские привычки.

Впрочем, чтобы лучше понять душу нашего героя, надо заглянуть в его детскую, а может быть, и еще дальше — в спальню его матушки.

Семейные тайны

Отчего Варвара Петровна была тяжелой матерью и склонной к самодурству помещицей? Отчего сын тяготился ее обществом, а влюбившись в проезжую певицу, тотчас же раздумывая уехал за ней, рискуя остаться без содержания?

Ответ на эти вопросы следует искать в детстве Варвары Лутовиновой. По ее туманным намекам и косвенным свидетельствам, она испытала самое ужасное, что может испытать девочка-подросток: ее чуть не изнасиловал (а скорее всего, это и случилось) отчим. Поэтому ночью Варя в чем была и сбежала к своим дядям и осталась у них до замужества. Почему дяди не только безоговорочно приняли беглянку, да еще оставили ей все свое состояние, почему ее не вернули обратно? Скорее всего, решили по-семейному шума не поднимать, но отныне Варвара жила не дома. Когда она уже была взрослой, то с маленькой дочерью посетила пустой отчий дом. На вопрос: что там за заколоченными дверями в спальню покои, с содроганием ответила: «Это проклятые комнаты, не пойдем туда» — и быстро покинула дом. Наверное, все-таки самое страшное с ней именно там и случилось. У психологов считается, что человек, перенесший насилие, потом становится сам жестоким, если обладает сильным характером, или всегда будет жертвой, если характер у него мягкий и слабый. Варвара Петровна была сильным человеком. И часто сама прибегала к насилию: физическому и моральному. Например, она жестоко порола своих сыновей. Дело кончилось тем, что маленький Иван решил ночью сбежать из дома, но его спасло вмешательство учителя. Детей на время забрали родители мужа, и какое-то время они жили у бабушки и дедушки Тургеневых. Но Варвара Петровна не была садисткой, она по-своему лю-

била своих сыновей, просто не могла бороться со вспышками ярости. И в замужестве она оказалась несчастна, да и иначе быть не могло. Отец будущего писателя Сергей Петрович Тургенев был в юности кавалергардом — а в кавалергарды отбирали высоких красавцев блондинов с голубыми глазами. Его однажды назвали самым красивым мужчиной в столице, уступающему по красоте только Александру Первому.

Семья его была родовитая и небогатая, но сестры нуждались в хорошем приданом, а сыновья могла поправить свои дела, женившись (при такой-красоте-то) на богатых невестах. Что Сергей Петрович и сделал. Но жизнь как-то сразу не заладилась. Варвара оказалась болезненно ревнивой и, по ее же словам, «скучала о муже, когда он только выходил в другую комнату». Она была одной из самых богатых невест не только в своей губернии, но и в России. Возможно, это ощущение вседозволенности уже пустило ростки в ее сердце, и она считала, что за ее богатство можно и притвориться любящим супругом. Но Сергей Петрович имел свои привычки — его слабостью, на беду жены, были женщины. С женой он вел себя подчеркнуто вежливо, а она срывала свою горечь на детях и крепостных. Нездоровая атмосфера в семье не могла не сказаться на сыновьях. Злясь на мать, они все равно искали в женщинах ее черты: независимость, строгость, практический ум и сумасбродство. Их семейная жизнь не стала для Ивана образцом идеального состояния и союза двух людей. Хотя мама Варвара Петровна больше всех сыновей любила «Ваничку». Коля был хороший мальчик, но обыкновенный, Сережа страдал эпилепсией (она, как все люди авторитарного склада, брезговала инвалидами и всяким «уродством», сыном вообще не занималась, и он рано умер), а вот Ваня был красавец, умница, ласковый и послушный ребенок. Матушка русский язык не уважала, зато французский знала блестяще. По-русски она тоже писала, хотя с ошибками, но стиль у нее был отменный. И еще она всегда поддерживала желание детей совершенствовать свое образование. Захотел «Ваничка» учить древнегреческий — пожалуйста, тут же выписывается учитель; захотел изучать философию в Германии после Московского и Петербургского университетов — пожалуйста — езжай учишься. Даже отрывает от себя ему в сопровождение своего незаменимого секретаря, лекаря-самоучку, и, чего «Ваничке» знать было не обязательно, его единокровного брата Порфирия (сколько еще этих «братцев» живет по деревням из-за распущенности ее покойного мужа, Варвара Петровна знать не хотела, но Порфирий был особенный: такой же высоченный богатырь, как и Иван, и так же склонный к учению, но при этом почтительный ее слуга, обладающий каким-то особенным даром успокаивать ей нервы). Однако от учебы толку, по мнению Варвары Петровны, не получилось. В Германии Иван вел себя как заправский немецкий студент: проказничал, дрался на дуэлях, волочился за сомнительными девицами и вдовушками, а Порфирия из почтительного слуги сделал своим развязным конфидендом, да еще чуть не женил на немецкой барышне. Правда, оба значительно преуспели в немецком (Ивану языки вообще хорошо давались), а Порфирий выучился на доктора. Но Ивану новые знания не помогли. Кафедру философии, на которую Ивана обещали взять профессором, по Высочайшему распоряжению не открыли из-за соображений политической вредности сей науки для русских неокрепших юнцов.

Кем он был к 25 годам? Маменькиным сыном, богатым наследником, юношей со странностями (все от неуверенности в себе). Его мать была очень богатой женщиной — 5000 душ крепостных, несколько деревень. К тому же она обладала умением управлять хозяйством и «держат все под контролем». Но при всем своем властном характере она одна из немногих помещиц платила своим крепостным слугам жалованье и следила за тем, чтобы все были сыты и прилично одеты. Ее сыновья, выросшие в атмосфере обожания и подчинения, не испытывали сексуального голода современных подростков.

Всегда находилась девка или молодка, идущая навстречу желанию молодого барича. Тот же Порфирий любил на старости лет обменяться с бариним колкостями по поводу их юношеских пристрастий к женскому полу. Познал Иван и глубокое разочарование в любви романтической. И этот удар был такой силы, что не только отразился в его книгах, но и установил некий психологический барьер в отношениях с «юными девушками». Он влюбился в княжну Екатерину Шаховскую, девушку возвышенной души, поэтессу. Семья князя Шаховского жила возле Нескучного сада, но все говорила о том, что от былого величия и богатства ничего не осталось. Летом 1833 года семья Тургеневых сняла дачу напротив их дома: Иван готовился к поступлению в Московский университет. Екатерина была старше Ивана на три года и к его любви относилась снисходительно. Тургенев матушку побаивался, а отца обожал. И узнав о связи княжны и Сергея Петровича, Иван был раздавлен. Роман отца на этот раз разрушил все в семье Тургеневых: Екатерина забеременела и пыталась даже объясниться с Варварой Петровной, та в ярости уехала за границу, а Сергей Петрович, запутавшись в этих отношениях, неожиданно умер от «каменной болезни», то есть от острого приступа панкреатита (говоря современным языком), который всегда у людей нервных провоцируется глубоким стрессом. Варвара Петровна то ли в отместку мужу, то ли устав от постоянного чувства ненужности мужчине, которого влекло ко всем, кроме нее, сама завела роман и не приехала на похороны Сергея Петровича. А в семье Тургеневых появилась девочка Варя, маленькая Биби, которая официально считалась воспитанницей новоиспеченной вдовы. Отцом девочки был молодой врач Андрей Берс, поселившийся в поместье именно как врач и даже получавший жалованье. Его положение в доме было двусмысленным и странным. Вскорости, он уехал и счастливо женился. Его законная дочь Софья стала женой графа Льва Толстого. Спустя много лет писатели со смехом вычисляли степень своего родства. Но в тот момент наивысшего накала этой дворянской «Санта-Барбары» что чувствовал юный Иван? Какие бури бушевали в его душе? Предательство на предательстве — и вот неожиданная смерть отца, постыдная слабость людей, казавшихся святыми, лицемерие «невинной» девушки, его первой любви... Какой удар для юного чувствительного сердца! Свою «Повесть о первой любви» Тургенев напишет, уже став известным писателем. Видно, долго затягивалась эта рана в его сердце. Но на всю жизнь у Тургенева осталось стойкое неприятие к ухаживанию за девушкой-невестой и ко всем этим атрибутам романтических встреч, ведущих к свадьбе. Сколько раз у него возникали ситуации, при которых мог бы состояться счастливый роман. Но каждый раз что-то мешало ему сделать последний шаг, сказать главные слова, после которых мужчина становится женихом, а затем и мужем. Но все же писатель и поэт Иван Тургенев остался романтиком, он мечтал о любви, и ему, как и его отцу, всегда нравились женщины, но женщины особенные: яркие, умные, недоступные...

Роковая Полина

Кем же была певица Полина Виардо в момент их встречи? Тогда ей было всего 23 года, но она уже была матерью двухлетней дочери Луизы и женой 43-летнего солидного человека, чью кандидатуру как жениха одобрила сама Жорж Санд. Сплетники поговаривали, что старшая подруга не хотела видеть Полину женой своего бывшего любовника Альфреда де Мюссе, потому что всегда была собственницей. Но Полина ей доверяла беспредельно. Альфред — человек, не созданный для семейной жизни, а вот господин Виардо... Жорж Санд, правда, не могла удержаться и написала в сво-

ем дневнике: «Семейная жизнь Полины будет без грез и романтики...» Но романтики в жизни Полины оказалось предостаточно!

Почтительная верность мужу по мере его старения сменится чередой возлюбленных, но все же для многих она войдет в историю не как блестящая певица и композитор, а как подруга великого русского писателя, вдохновлявшая его более 40 лет. Тургенев написал в одной из повестей: «Но видно, ни судьбы своей переменить нельзя, ни самого себя никто не знает, да и будущее предвидеть невозможно. По-настоящему в жизни случается одно только неожиданное, и мы целый век только и делаем, что приотраиваемся к событиям»

Вопреки мнению Жорж Санд, многие считали господина Виардо очень умным господином. «Это для нас, русских *monsieur* Виардо только муж Полины Виардо, а для французов *madame* Виардо только жена Луи Виардо. Это очень образованный и очень сведущий в литературе и искусстве человек. Интересовался он и политикой и смыслил в ней много», — считал Герман Лопатин, кстати, один из прототипов Базарова из тургеневских «Отцов и детей»

Образованность и самодостаточность Луи Виардо и сыграли роль в выборе юной Полины. Он отлично разбирался в тонкостях светского поведения и многому мог ее научить. Правда, судя по письмам к Тургеневу, все-таки Луи был действительно человеком ограниченным. Права был Жорж Санд. Прочитав повесть «Первая любовь», Виардо возмутился неделикатностью автора, посмеявшегося так откровенно описать своего отца. Повесть посчитал неприличной, героиню распушенной, а сюжет надуманным. Да, наверное, он вообще не поверил, что такое может случиться в культурной семье. А если и случилось, то об этом надо молчать. А не в романах описывать. Судя по всему, хоть и был он переводчиком и знатоком литературы, но отличить «факт литературы» от «факта биографии» ему было не по силам. Так что Полине было просто с ним: сплетен он не слушал, ревностью не страдал и намеков никаких ни в жизни, ни в литературе не понимал. Главное, соблюдать внешние приличия — а Полина их умела соблюдать. Она была женщиной очень светской, по-европейски доброжелательной. И это отмечали все, кого она у себя принимала. Она была в меру открытой и в то же время очень скрытной, простой и загадочной одновременно.

В первые дни знакомства с Тургеневым стройная молодая женщина с огромными глазами, большим ртом и пухлыми губами (мода на такие придет только в наше время, а тогда это считалось некрасивым и даже уродливым) снисходительно смотрела на смущенного русского богатыря, которого ей представили как плохого поэта, но хорошего охотника. Но когда он заговорил, она оценила его прекрасный, хотя немного старомодный французский язык. Это был литературный язык XVIII века, на котором говорили аристократы-эмигранты, сбежавшие из Франции в Россию после революции и осевшие в дворянских семьях учителями и гувернерами. Этим великолепным произношением Тургенева потом будут восхищаться его новые друзья — цвет французской литературы: Флобер, Золя, Доде, братья Гонкуры. Хотя Иван и любил музыку, но сам музыке не учился, за что пенял иногда матушке. Готовясь ко встрече с Полиной, Иван рьяно бросился изучать тонкости оперного вокального искусства. Им овладело желание быть ей не только интересным, но и полезным — ведь только так можно завоевать любую женщину: говорить о том, что ей интересно. Чем еще он мог заинтересовать Полину? Хотя достоинств у него было много. Вот что писал о нем после знакомства Достоевский: «Я... едва ль не влюбился в него. Поэт, талант, аристократ, красавец, богач, умен, образован, двадцать пять лет — я не знаю, в чем природа отказала ему...» Однако Иван был далеко не так прекрасендушен в молодые годы. Зачем-то написал злую эпиграмму на очарованного им Достоевского, который и так всех дичился. Сравнил его с прыщом на лице литературы. Каких только глупостей не сделаешь

в молодости! Достоевский позже отомстил Тургеневу, описав его под именем Кармазинова в «Бесах». Разумеется, в этом карикатурном персонаже все узнали Тургенева, но скорее по фактам биографии, чем по реальному описанию. Писатели на то и писатели, что мстят своим коллегам исключительно эпиграммами и романами.

Друг Тургенева Павел Анненков замечал, что «разговор его был чрезвычайно привлекателен... Всегда оживленная, мягкая речь его была разнообразна и занимательна. В женском обществе к этому присоединялись и не совсем приятные черты: он позировал».

Иногда даже слишком этим увлекался. Например, испугал Наталию, юную жену Александра Герцена, изображая сумасшедшего. Она и на самом деле начала сомневаться в его вменяемости. Постепенно Иван избавился от своей юношеской эксцентричности. И научился все свои «странные» мысли прятать в речь своих литературных персонажей.

Внешность у Тургенева была замечательная: рост 192 см, красивое породистое лицо, роскошные темно-русые волосы, за которыми он всегда тщательно ухаживал. И хотя волосы и сменившая усы борода рано поседел, но красота осталась навсегда, восхищая и юных, и опытных дам до самой смерти писателя. Единственное, что было странным, — это тонкий голос, совершенно не сочетавшийся с его крупной фигурой и пышной гривой волос.

Итак, в первые годы знакомства для Полины Виардо Тургенев всего лишь один из многих поклонников, среди которых были и богачи, и аристократы, и красавцы... Ах, если бы он был известный поэт! Например, как Альфред де Мюссе... Вот такой поклонник делает честь любой женщине. А вовсе не избалованный барчук, наследник своей матери и, даже стыдно сказать своим богемным друзьям, рабовладелец...

Сама же Полина была одержима работой. Родившись в семье известного певца, испанца с примесью цыганской крови Мануэля дель Пополо-Винсента-Родригеса-Гарсия и певицы и либреттистки Хоакины Сичес, она с детства училась музыке и вокалу. Отец Полины, человек талантливый и властный, не отказывался ни от одного ангажемента. Хлеб артиста труден: чтобы заработать хорошие гонорары для содержания большой семьи, отец предпринял поездку в Америку. Но даже на пароходе заставлял старшую дочь Марию работать над сложными нотами. Его вспыльчивость и педагогическое нетерпение не знали границ: и вот на один из уроков к нему явился капитан корабля и сурово приказал прекратить издеваться над ученицей (поступила жалоба от пассажиров на грубые крики учителя), иначе господина Гарсия высадят в ближайшем порту... Но самое страшное воспоминание детства Полины — это не строгость отца. Полина сама была на него похожа своим не знающим границ трудолюбием и упорством. Самое страшное, что с ней случилось и навсегда осталось в памяти, — это когда разбойники, напав на них, перед самым возвращением на родину, отняли все заработанные в заграничном турне деньги. Умом вся семья понимала, то эта потеря не самая большая плата за сохраненную жизнь, и кое-как с ней смирилась. Но свое чувство ужаса и бессилия Полине забыть было невозможно. С этой поры ее всегда пугали авантюры под девизом «Все или ничего». Она рано поняла, что риск чаще всего не оправдывает средства, и, несмотря на врожденный испанский темперамент, всегда выбирала разумный расчет ума, а не страстное веление сердца.

По удивительному совпадению русский след появился в ее жизни с рождения. Ее крестной стала Прасковья Голицына (в девичестве Шувалова) — поэтесса и переводчица. Ее богатство и высокое положение при русском дворе давало ей возможность не только покровительствовать бедным артистам, но и на ее странные увлечения смотрели сквозь пальцы: например, Голицына приняла католичество и из Прасковьи стала Полиной. Впрочем, так на французский манер звали всех Прасковей и не только дво-

рянских дочек. Помните, мама Татьяны Лариной под пером Александра Пушкина, кстати, друга этой феи-крестной, «звала Полиною Прасковью». И малютку Гарсиа нарекли Полиной в честь такой высокой покровительницы. Потому к русским и России у Полины было теплое отношение. В отличие от необразованных европейских обывателей, она знала, что медведи там по городам не ходят, а уж петербургский вышедший свет по своей чопорности не уступает английскому. И если твой талант признали в России, то двери любых театров для тебя будут открыты. А русские поклонники, может, и похожи на медведей, как этот юноша Тургенев, но они богаты, щедры и ведут себя очень по-джентльменски. Правда, не на всех дам это распространяется. На одном балу, куда ее пригласили, все почему-то держались от нее отстраненно и никто не решался пригласить танцевать. Но если бы там был Иван — он бы точно ее пригласил. Уже во время первой встречи его глаза сияли этим огнем тайной страсти, словно он сам герой одной из опер.

О чем они говорили при первой встрече? Скорее всего, это был обмен любезностями. Но Иван страстно в нее влюбился, и с ним случилось самое прекрасное, что может случиться с каждым писателем, — он нашел источник вдохновения.

Его первая вспышка любви носила характер восторженного почитания и постоянного восхищения. Кто-то из его друзей высказывался, что не всякий способен на такую любовь, а Белинский со свойственной ему прямолинейностью называл любовь Тургенева «трескучей». Сам же Тургенев всегда говорил, что настоящая любовь — это не эгоизм, а фанатичная преданность интересам другого человека. Он на самом деле фанатично погрузился в мир интересов Виардо: музыку, оперное исполнение, закулисные интриги. Но за что все мы должны быть благодарны этой любви — она заставила молодого поэта трудиться над прозой, добиваться литературного признания.

Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Все, все вокруг тебя звучало обо мне...

Любовь Тургенева питал и голос Полины Виардо. Не случайно его чарующие звуки восхищали современников, но для людей, особо чувствительных к звуку, восприятие певческого голоса приносит наслаждение равное сексуальному. А кто сравнится с Тургеневым чуткостью к красоте слова и умением так изысканно воспроизвести его на бумаге? Его отточенный музыкальный слух улавливал любое колебание природы. И, конечно же, звуки голоса возлюбленной стали для него источником блаженства, а говоря современным языком — эндорфином — гормоном радости.

Погоня за счастьем

Пока Полина гастролирует по России, на страницах журналов и альманахов один за другим выходят рассказы, стихи и статьи Тургенева. Ради свободного творчества и постоянного нахождения вблизи предмета обожания Тургенев увольняется со службы. Происходит неприятный разговор с Варварой Петровной, который заканчивается скандалом и снижением денежного содержания. Варвара Петровна уже наслышана об увлечении сына «цыганкой». Что ж, среди мужчин ее круга это обычное дело! В России к актрисам отношение весьма двусмысленное. Но чтобы ради этого государственную службу бросать! А посему: швыряться деньгами Иван больше не будет, денег едва будет хватать на хлеб. Конечно, матушке пришлось признать, что «хорошо

проклятая цыганка поет». Но пением сыт не будешь, поймет, что с Ивана взять нечего, и от него сама отстанет.

Но случилось все наоборот. Восхищенные, интересные и остроумные наблюдения Ивана Полине приятно и познавательно было слушать. Красивый юноша доказал свою преданность и бескорыстие. А чудесные, умные письма Ивана сделали свое дело — заинтересовали Полину. Иван начал учить испанский. Потом и Полина попросит заниматься с ней русским языком. Идеальный музыкальный слух помогает Полине запомнить произношение трудных русских слов. Это делать легче всего, когда они поются. Романс Алябьева «Соловей» в ее исполнении производит фурор. Что касается физической близости... Нам остается только догадываться об интимной стороне жизни этой пары. Во времена Тургенева слово «интимный» означало не физическую близость, а всего лишь особую доверительность духовных отношений. Идеальная любовь была возможна, потому что ее не смешивали с близостью сексуальной. Для физической близости к услугам молодых обеспеченных людей были крепостные девушки и дамы полусвета. Привыкнув к такому разделению отношений, люди, вступившие в брак, не всегда были счастливы. Исполнение супружеских обязанностей для многих было чем-то оскорбительным по отношению к порядочной девушке, ставшей женой. К тому же рождение детей в те времена было не безопасным — смерть от родов была частым явлением. Но подобные трепетные взгляды на близость некоторые благородные женщины могли использовать для манипуляции мужчиной. Хотя пока Тургенев был лишен матушкиного содержания и был глубоко предан своему ангелу Полине, манипулировать им было незачем. А в Петербурге тем временем с удовольствием распускали сплетни о непомерной жадности мадам Виардо. Авдотья Панаева, женщина красивая и талантливая, отчасти русская Жорж Санд, и сама была не без греха, умудрившись при живом муже жить в гражданском браке с поэтом Некрасовым, тактично умалчивала сплетни о любовном союзе Тургенева и Виардо. Но зато с удовольствием рассказала в своих воспоминаниях, как Виардо без обиняков запросила 500 рублей за концерт в доме русского вельможи. Были там и другие приглашенные артисты, которые по скромности о цене не спросили, а приняли само приглашение как подарок. И вот Виардо после ее исполнения вынесли конверт с деньгами и холодно попрощались. А остальных артистов пригласили на роскошный обед и вручили подарки ценой за 1000 рублей. С современной точки зрения, Виардо была права: труд артиста должен быть оплачен. Но и в то время в русском обществе жили «по понятиям». Прямо говорить о деньгах считалось моветоном, а принимать подачки от вельмож — почетом.

Тургенев сплетен не слушает, в жадность Полины не верит, но свое отсутствие денег удаётся скрывать все труднее. Он прибегает к хитростям: слушает Полину на галерке, а в антракте спускается в фойе партера, важно сообщая, что рассаживал клаверов. Приглашает на обед друзей, а сам исчезает, надеясь, что это спишут на поэтическую рассеянность. У него такой вальяжный барский вид, что никому не приходит в голову, что у него нет денег не только на дружеский обед, но и на кусок хлеба и стакан чая. И все равно — он едет за ней в Париж. Это любовь! Ивану нужно быть независимым от богатой матери, он должен стать известным писателем и жить на честно заработанные деньги! Но Тургенев еще сомневается: прилично ли ему, дворянину, брать деньги за писательство? И он начинает рассказывать небылицы, что денег за рукописи не берет, а дарит издателям. К счастью, Некрасов, открывший потом Тургеневу безлимитный кредит в «Современнике», объяснил ему, что авторские гонорары — одни из самых приличных и почетных заработков.

Полина (почему? По доброте, или расчету, или, может быть, уже по любви?) решила помочь Тургеневу стать настоящим литератором — и предложила поселиться в их

доме, чтобы там в одиночестве он смог написать новые произведения. О чем? Ну, вы же прекрасный охотник — вот и пишите об охоте! «Воспользуйтесь благодатным дуновением, которое вам посылает Аполлон. У вас появился вкус к работе. Это лучшее, чем стоит заниматься в любой стране, в любом положении, особенно в вашем — положении богатого сына — и особенно в Париже, где, по общему мнению, работать надо не покладая рук и т. д. и т. д. Трудитесь на поприще искусства, вы в этом никогда не расклетаетесь и всегда останетесь молодым и открытым для всех радостей жизни и стойким ко всяким невзгодам. Я тоже тружусь, и, признаюсь, это является моим единственным развлечением, единственной радостью. Если это не цель моей жизни, то, по крайней мере, способ существования. Пишите, Прощайте. Полина Виардо». Рассказывая Афанасию Футу, грубоватому кавалерийскому офицеру и тончайшему лирическому поэту, о первых своих шагах в литературе, Тургенев признавался в том, что загородный дом, вернее, замок Виардо Куртавнель стал «колыбелью моей литературной известности. Здесь, не имея средств жить в Париже, я, с разрешения любезных хозяев, провел зиму в одиночестве, питаюсь супом из „полукурицы с яичницей“, приготовляемых мне старухой ключницей. Здесь, желая добыть денег, я написал большую часть своих „Записок охотника“...»

Помощь молодому литератору была для Полины делом естественным, к тому же он так трогательно влюблен в нее и нравится всем ее родным. Он — верный настоящий друг. А друзьями не разбрасываются.

Часть «Записок» Тургенев напишет и в отцовском имении, которое с трудом отвоевал его брат Николай у матери. Пока жива была матушка, Ивану в России жить было негде: у брата своя семья, находится с матерью под одной крышей невыносимо. Особенно Ивана мучило ее самодурство по отношению к крестьянам и дворовым. Чтобы заступиться за кого-то, приходилось продумывать целую стратегию, начинать разговор издалека и каждый раз наталкиваться на полное непонимание. Да что им надо — я всем своим слугам жалованье плачу, все сыты, одеты, обуты, а что жениться и замуж не разрешаю, так я и сама не замужем, я не могу всю дворню осчастливить... Вот ее обычные отговорки на слова сына о чувстве достоинства, свободе и праве выбора человека. Впрочем, все эти рассуждения могли понять только близкие Тургеневу по духу люди: Бакунин, Белинский, Анненков, Герцен. Понимали его и в семье Виардо. Прежде чем стать любовниками, Тургенев и Виардо стали друзьями. Не это ли было главным залогом их долгих отношений?

Было или не было?

Когда они стали любовниками? Некоторые экзальтированные дамы, описывающие их роман в художественном ключе, предполагали исключительно платонические отношения. Биографы мужчины строили свои версии: возможно — да, но не сразу или да, но как любовник Тургенев не мог насытить южную страсть Полины, и она в промежутках между встречами находила утешение в объятиях других. Имеет ли это какое-то значение в понимании литературной миссии писателя? Скорее всего, эта загадка «вечной любви» заставляет нас искать ответ в его книгах, расширяющих познание бездн души великих людей, давая отблеск и на нашу жизнь, жизнь современного читателя. Попробуем разгадать эту тайну. Но часть их переписки бесследно исчезла. Что-то уничтожила сама Полина (возможно, самое откровенное). Часть писем украл домашний врач — последнее увлечение стареющей Виардо (зачем они ему были нужны? Не от ревности же и не для шантажа... Или понял, что их можно выгодно продать,

да и растерял, дожидаясь удачного момента?). Остались вежливые, полные подробных описаний письма, подписанные не только Полиной, но и ее супругом. Однако по некоторым намекам между строк можно делать предположения... В одном из писем, находясь в Лондоне, Полина с удивительной дотошностью описывает три гравюры, висащие в их временном жилье. «Одна изображает прекрасного юношу, лежащего на скамье, играющего с собакой и как будто не обращающего ни малейшего внимания на бедную девушку, прислонившуюся к стене, которая стоит, опустив руки, и кажется полностью поглощенной немым созерцанием бездушного красавца. Бедняжка, представляю, как сильно она должна страдать! На другой гравюре изображен молодой человек в тюрьме, несомненно осужденный. Поскольку он сидит, обхватив голову руками и отвернувшись от молодой девицы, возможно, его возлюбленной, которая пришла утешить отверженного обществом, но любимого ею человека, смерть которого убьет его. Во всем этом у женщин хорошие роли. Третья гравюра незначительна. Юная парочка у колодца. Молодой человек, похоже, делает честное предложение, которое глупышка с сожалением отвергает, только почему она его отвергает? Он выглядит гораздо умнее и лучше ее». Какие фантазии! И зачем нужно так подробно описывать посредственные гравюры в маленьком отеле?

Но возможно, в них заложены ответы на вопросы, которые волнуют Тургенева. Молодой человек с собакой — не Тургенев ли это, который за границу всегда брал свою охотничью собаку Дианку и других собак. Полина любила собак и ласкала их, о чем всегда вспоминал Иван, с особой нежностью прикасаясь к верному другу его охотничьей страсти. Возможно, в какой-то момент молодому человеку не хватило смелости — ведь он так был увлечен охотой с ее мужем...

Вторая гравюра. На родине Тургенева постоянно какие-то неприятности: то его ругают в журнале, то вовсе обвиняют в нелояльности к правительству... А ее героическая натура всегда будет поддерживать его и, конечно же, не переживет его смерти — он дорог ей! Пускай она не приехала к нему, когда он был в ссылке в Спасском — это могло бы кончиться скандалом. Но мысленно она всегда с ним.

На третьей гравюре молодой человек делает «честное предложение» — то есть предложение руки и сердца. А что может предложить романтик и благородный рыцарь Тургенев? Не пошлую интрижку, не адюльтер... Она предложения не принимает... И это понятно. Она оперная певица — кому она будет петь в Спасском, став его женой? Курам, медведям? Да, «он умнее и лучше ее»... она его любит, хотя и не может принять предложение... Продолжения объяснения нет... Но любовь есть, и она может длиться долго-долго, но по правилам самой Полины... Это красиво. Ничего не обещая и обещая все, Полина Виардо раскрывает свои карты — тем самым больше привязывает к себя поклонника.

Вот и матушка умерла, Иван становится наследником богатого имения. А их отношения стали еще более доверительными и, возможно, близкими в том самом человеческом смысле. Может быть, в этом и был ее расчет? Но все же, мне кажется, их близость наступила раньше, еще до обретенного Тургеневым богатства.

За три года до смерти матери Тургенев поселился с приятелями в немецком городе Зальцбрунне, а это были его самые в то время близкие по духу люди: Виссарион Белинский и Павел Анненков. Приятели предвкушали провести вместе июнь 1847 года, наполненный умными беседами и дружескими застольями. К тому же Белинский проходил курс лечения. А Тургенев дописывал свои «Записки охотника». Анненков был просто счастлив их дружбой и помогал в обустройстве быта. Виардо пела в Берлине, но они уже повидались и распрощались с ней. Однажды утром Тургенев сказал, что ему надо на пару дней уехать по делам: попрощаться с друзьями, отъезжающими в Ан-

глию. Он взял с собой одну смену белья и какую-то парфюмерную мелочь. Уехал... и пропал. Он не вернулся ни через два дня, ни через месяц. Ни писем, ни записок от него не поступило. Белинский всерьез решил, что он заболел или умер. Оставленный чемодан с вещами сиротливо стоял в углу и начинал выглядеть как-то зловеще. Съезжая, чемодан Анненков все же взял и повез его в Париж. Была уже осень. Там он и встретил Тургенева. Страх не подтвердился, а негодование к тому времени притупилось. На вопрос друга Иван только пожал плечами. Ответа так никто и не дождался. Но может быть, мы найдем его в романах уже зрелого писателя?

«— Куда же ты едешь? — спрашивала она его. — В Париж — или во Франкфурт? — Я еду туда, где будешь ты, — и буду с тобой, пока ты меня не прогонишь, — отвечал он с отчаянием и припал к рукам своей властительницы... Она медленно перебирала и крутила эти безответные волосы... на губах змеилось, торжество — а глаза... выражали одну безжалостную тупость и сытость победы. У ястреба, который когтит пойманную птицу, такие бывают глаза» («Вешние воды»).

А может быть, это произошло так:

«Он обернулся; у двери, закутанная в черную мантилью, стояла женщина...

Она подняла голову и упала к нему на грудь.

Два часа спустя он сидел у себя на диване... на следующее утро он получил от нее ответ. „Днем позже, днем раньше, — писала она, — это было неизбежно. А я повторяю тебе, что вчера сказала: жизнь моя в твоих руках, делай со мной что хочешь. Я не хочу стеснять твою свободу, но знай, что если нужно, я все брошу и пойду за тобой на край земли...“» («Дым»).

При всей бурной писательской фантазии все же подобные сцены автор должен пережить. И ничто так не удерживает мужчину, как слова возлюбленной: «Я не хочу стеснять твоей свободы»!

Даже если обещание «все бросить» она не сдерживает.

Такие исчезновения были у Тургенева не редкость. Он исчезал, как только появлялось что-то похожее на серьезное увлечение — его троюродная сестра Ольга Тургенева, сестра Льва Толстого — Мария... Эти чудесные достойные женщины вдруг оказывались в странном положении: человек, который был так добр, так близок, так доверителен, что казалось — еще немного, и слова о любви и браке сорвутся у него с уст, вдруг исчезал и оказывался рядом с той, что будто бы и не была уже ему такой близкой, но она позвала... и он мчался по ее первому зову. «Я подчинен воле этой женщины. Нет! Она заслонила от меня все остальное, так мне и надо. Я только тогда блаженствую, когда женщина каблуком наступит мне на шею и вдавит мне лицо носом в грязь...» Было ли это признание Фету поэтической гиперболой, или на самом деле деспотический нрав его матери сформировал его психику так, что настоящий восторг любви он мог испытывать только с любовницей-госпожой? А впрочем — какое это имеет значение? Он любил — и эта любовь давала ему вдохновение. И не только... Однажды летом 1850 года ему пришлось попросить любимую женщину об одолжении... необычном одолжении.

Две Полины

«Уже шесть дней, как я в Москве... однако я не переставал о вас думать и не проходит ночи, чтобы вы мне не приснились... И чтобы начать с чего-то необычайного и неожиданного, скажу вам, что я нашел здесь — догадайтесь что? — мою дочку 8-ми лет, разительно на меня похожую. Не могу описать вам ощущение, которое вызвал во мне ее вид — представьте себе, что я даже не припоминаю черт лица ее матери — гово-

рю это, нисколько не преувеличивая... Глядя на это бедное маленькое создание (я попросил слугу моей матери привести ее на бульвар, где встретился с ней как бы невзначай), я почувствовал свои обязанности по отношению к ней — и я их выполню — она никогда не узнает нищеты — я устрою ее жизнь как можно лучше... Это сходство... Отчего это сходство? Какая насмешка! Глядя на нее, я словно видел себя в детстве... Во всем этом есть что-то невольно пугающее меня. Право, это нечто вроде преступления... и так оно и есть. При рождении (в мае 42-го) ей дали русское имя... Пелагея, которое обычно переводится как Полина. Она кажется очень смысленная... Скажите, что вы обо всем этом думаете и что я должен сделать?.. Мне хотелось бы, чтобы вы дали мне совет — я буду счастлив ему последовать... Ее мать. В сущности, не падшая женщина — это портниха, которая зарабатывает на жизнь работой. Но у нее есть любовники, и Бог знает какие! Я ни в коем случае не хочу оставлять ее у матери, которая только и мечтает от нее отделаться... Итак, не правда ли, я могу рассчитывать на добрый совет, которому слепо последую... Я верю, что полюблю эту бедную девочку, хотя бы уже потому, что, как мне кажется, вы ею заинтересуетесь...»

Под словом «совет» Тургенев явно подразумевал другое — помощь, но ставить в неловкое положение семью близких людей он не смел. Просьба дать совет, даже самый странный, не так ставит в неловкое положение, как просьба в реальной помощи. Но Полина поступила так, как он и надеялся: она предложила привести девочку к ним в семью и воспитывать ее, ну разумеется, при определенном денежном содержании. Эта история почему-то всегда вызывала кривотолки у друзей писателя и даже у его биографов. Виардо приписывали дальновидный расчет, смаковали незаладившиеся отношения маленькой Полины и ее тезки и пеняли самому Тургеневу, что дочь русского писателя забыла русский язык. С высоты сегодняшнего дня, подводя итоги человеческим слабостям, вспомним, кто из великих и невеликих признавал своих незаконнорожденных детей и всю жизнь им помогал? Кто из женщин соглашался взять в семью незаконного ребенка своего любовника? Мы «тьму примеров» знаем, что и детей от прошлых браков мужа многие жены старались сбегать подальше. Полина забыла русский язык? Эка беда — она училась в пансионе, и ей надо было быстрее выучить французский, чтобы хорошо учиться. А было бы лучше, если бы она говорила на чистом русском и жила в нищете, подвергаясь насилию пьяных любовников своей матери или издевательствам капризной бабушки, которая так испортила свою собственную дочь Биби, что спустя годы Тургенев не узнал в хитрой интриганке смешную девчушку, которой он в детстве рассказывал сказки? Что же до отношений двух Полин, то ни одна девочка-подросток не любит свою мачеху или женщину, которую любит ее отец, — так было во все времена и, к сожалению, так есть и сейчас... Маленькой Полине было непросто и в новой семье, и в пансионе, где она училась. И дело даже не в том, что она сначала не знала язык и не привыкла к другой жизни. Характер у нее тоже был непростой. Ведь по бабушке она тоже была Лутовинова. И Ивану Сергеевичу было трудно находить с дочерью общий язык. Как сам он с горечью признавался, Полина не любила ни собак, ни оперы, ни охоты, ни музыки, ни книг. Но все равно Тургенев любил дочь или хотел полюбить ее. Кстати, именно из-за дочери, поругался он со Львом Толстым, да так, что чуть не подрался с ним на дуэли. А помирился только незадолго до смерти. Тургенев желая показать, как хорошо он воспитывает дочь, рассказал, что девочка учится помогать бедным, например, чинит специально принесенную ей гувернанткой одежду, а потом отдает в приюты и в семьи. Толстой, уже взявший за правило всем говорить правду в лицо, тут же ответил, что это чушь и притворство. Как говорится, слово за слово — и вот уже Тургенев кричит: «Немедленно замолчите, я вас оскорблением заставляю молчать!» Потом все успокоились, но Толстой уехал, и наступило взаимное охлаждение на долгие годы.

Ссора глупая, но что за ней стояло? Тургенев всегда болезненно переживал из-за чьих-то сомнений в своей порядочности. Он хотел думать, что он хороший отец, а друзья замечали какие-то погрешности. Вот и Фет заметил, что хорошо бы девочку записать под фамилией отца. Однако удочерение в России — дело хлопотное, и Тургенев сам решил вопрос: он просто предложил дочери подписываться его фамилией. А может, скандал спровоцировал другой случай? Сестра Толстого Мария, несчастная в браке, очень тесно общалась с Тургеневым во время его очередного пребывания на родине. Они увлеклись друг другом, это было взаимное влечение душ, но всего лишь поцелованный Тургеневым обороненный платок Марии Николаевны стал доказательством этой несостоявшейся страсти. Часто разговаривая с дамами, Тургенев намекал, что кого-то не слишком любит, чтобы жениться, но слишком уважает, чтобы предложить стать любовниками. Да, он был весь в этом — честный и благородный, но нерешительный и перегоревший душой в своей роковой страсти. Мария Николаевна все-таки развелась с мужем, но Тургенева уже рядом не было, а когда они снова встретились, то что-то все же оказалось упущенным... Но в конце жизни, уже став монахиней, Мария, глядя на фотографию Тургенева, обронила, что он был однолюб и любил только одну Полину, а если бы не это — то мы были бы счастливы. А Толстой, человек решительный и дерзкий, никогда не понимал этой стороны души Тургенева. Возможно, он вдруг увидел в Тургеневе Вронского, увлекшего Кити и вероломно променявшего ее на Каренину. У которой такие же блестящие черные глаза, как у Виардо...

Однако после участия Полины Виардо в дочери Тургенева их уже соединяли «залог, которые уничтожают всякий материальный расчет», о чем в сердцах сказала Виардо после смерти писателя, когда кто-то упрекал ее в меркантильности их отношений.

Что чувствовал Тургенев, обретя долгожданную близость с Полиной? Не то ли чувство он описывает в своих романах: «Появилось какое-то небывалое ощущение, сильное, сладкое — и недоброе... он не стыдился боле, он трусил — и в то же время отчаянная отвага в нем загоралась; взятым, побежденным знакома эта смесь противоположенных чувств; не безызвестна она и вору после первой кражи».

Но можно было ли жить по-другому, любя замужнюю женщину? И какой ответ он мог получить от нее? Не тот ли, что дала героиня его романа «Дым», одного из поздних его романов: «О, мой милый! Ах, я не могла отдать тебе мою молодость, как бы я хотела, но никаких обязанностей я не наложила на тебя, ни от какого обещания я не разрешила тебя... делай, что хочешь, ты свободен как воздух, ты ничем не связан, знай это, знай!.. Будем свободны! К чему эти взаимные цепи? Мы теперь одни с тобою, ты меня любишь; я люблю тебя; неужели нам только и дела, что выпытывать друг у друга наши мнения?.. Будем свободны, говорю я. День наш — век наш».

Вот она разгадка их отношений: свобода и любовь, любовь без обязательств и «кухонного чада», который так презирал Тургенев.

«Сколько раз мне казалось, что я до безумия влюблен в женщину, но вдруг от ее платья пахнет кухонным чадом — и вся иллюзия пропала...» То же самое говорила Виардо своим ученицам — это было ее женское и творческое кредо: «Никто, никогда не должен видеть вашей кухни. Даже самых близких друзей не пускайте за кулисы театра своей жизни».

Разумеется, речь шла не только о кухне в прямом значении. Это изнанка семейной жизни, когда у супругов нет тайн, когда возникает та простота отношений, что хуже воровства — ибо ворует влечение.

Свободная любовь

Жизнь Тургенева переменялась — он живет на две страны. А потом и на три (еще и Германия, где в Бадене одно время жила семья Виардо). Иногда в России Тургенев застревает надолго: встречи с литераторами и издателями, дружеские и писательские обязательства, разбор имущественных дел после смерти матушки (отношения в последние годы так испортились, что Иван «случайно» опоздал проститься с ней и похоронить, словно подсознательно отомстил за отца). К слову сказать, у Ивана Сергеевича была фобия к похоронам. Он почти никогда на них не присутствовал, даже похороны близких друзей пропускал. Он вообще был очень мнителен: боялся заразиться холерой, сойти с ума, а любая смерть его вообще страшила своей мистической необъяснимостью. И только рядом с Полиной успокаивался. Ее «свободная грация и приветливая любезность образованной женщины» его умиротворяли. Но были между ними и бури, и раздражения, и даже резкие слова о ее «безобразии» и тирании. Но это имело свои причины.

У Полины было четверо детей. Старшая дочь Луиза родилась сразу после замужества. Остальные дети появились спустя 11 лет. Дочки Клавдия, Марианна и сын Поль. Их отцами (опять же — сплетни, сплетни...) называли композитора Шарля Гуно, художника Ари Шефера, даже одного принца и известного дирижера... и самого Тургенева. Прямых доказательств этому нет, а Тургенев страдал и злился, догадываясь о романах Полины. И все же он одинаково любил всех ее детей, потому что дети любимой женщины — это часть ее самой. И настоящая благородная любовь мужчины, лишенная эгоизма, не мыслит по-другому. Но еще и потому, что все-таки верил, что кто-то из детей — его. Тем более что и Марианна, и Клоди были ему по-человечески близки, даже более близки, чем его родная дочь. Они любили и его собак, и книги, и музыку...

Разозлившись на Полину, Тургенев тоже мог влюбиться. Но в благородных женщин он влюблялся платонически, и обычно между ними завязывался бурный эпистолярный роман. Это и Юлия Вревская, и украинская писательница Мария Маркович (писавшая под псевдонимом Марко Вовчок), и актриса Мария Савина. Последняя даже жила у него в Спасском и всюю с ним флиртвала, хотя была невестой другого. Но и физически Тургенев не хранил монашеской верности Виардо: чего стоила его авантюра с крепостной девушкой Фетиской, которую он выкупил за баснословные деньги. Насладившись красавицей, он быстро разочаровался: говорить им было не о чем, к тому же характер у девушки оказался скандальный. Как правило, бывшие барские наложницы получали вольную, хорошее приданое и покладистого мужа. Фетиска не стала исключением.

Чем старше Тургенев становился, тем сильнее хотелось ему очутиться в семейном гнезде. Впрочем, теоретически об этом мечтает каждый холостяк, ничего для этого не делая. «Судьба не послала мне собственного моего семейства, и я прикрепился, вошел в состав чуждой семьи, и случайно выпало, что это семья французская. С давних пор моя жизнь переплелась с жизнью этой семьи. Там на меня смотрят не как на литератора, а как на человека, и среди ее мне спокойно и тепло». Сначала Тургенев снимает квартиру в Париже, где до замужества с ним живет его дочь. Туда, на улицу Дуэ, каждый день приходила «Виардо, с которой Тургенев читал по утрам по-русски». Но потом они решили жить в одном доме и купили большой особняк, в котором Тургенев занимал целый этаж.

Дочь Луи и Полины Луиза Виардо-Герритт заметила по этому поводу: «Злословию самому по себе не удавалось нарушить гармонию этих отношений, и оно должно было стушеваться перед снисходительным и гордым презрением, с каким оно прини-

малось». Но нельзя считать, что жизнь этой легендарной пары строилась только на высокой романтической ноте. Они любили шутки, смех, это были люди карнавала! Полина после сорока лет, к своему ужасу, стала терять голос. Она переключилась на композиторство. Писала романсы на стихи русских поэтов, которые подбирал для нее Тургенев. Композитор Лист оркестровал их. При всем уважении к певице (а возможно, и давнишнему их роману) великий маэстро не стал бы возиться с бездарными опусами. Тургенев сочинял либретто оперетт на сказочные сюжеты, Полина писала музыку и играла на спектаклях. Сольные номера исполняли ее ученицы, а характерные мужские — сам Тургенев. Это вызывало удивление публики. На фоне весельчака Тургуенева другие писатели-корифеи французской литературы смотрелись уныло. Но Флобер оценил яркую индивидуальность русского писателя — они стали близкими друзьями. «Я провел вчера прекрасный день с Тургуеневым...Какой слушатель! и какой критик! Он поразил меня глубиной и четкостью своего суждения. Ничто не ускользает от его внимания, к концу поэмы в сотню стихов он помнит слабый эпитет...»

Скоро возник «Обед пяти»: Тургенев, Флобер, Золя, Доде и Э. Гонкур стали регулярно обедать, беседуя о судьбах мира и искусства. Можно с уверенностью сказать, что Тургенев подарил России Францию, а России открыл новую французскую литературу. Его вклад в сближение двух культур огромен.

Русские поклонники Тургуенева сетовали, что Виардо отняла Тургуенева у России. Вообще-то первой эту мысль высказала Наталия Тучкова-Огарева, ставшая потом женой Герцена. Девушка непростая, чья личная жизнь тоже вызывает много вопросов и сомнений, она все же умудрилась бросить свой камешек в сторону Тургуенева. Но было ли дело в одной Виардо? Все меньше и меньше оставалось у Тургуенева близких людей в России, но он никогда не считал себя изгнанником, покинувшим родину. Хотя ему всегда претило отношение многих современников к России как некоей мессианской державе со «своим путем». Он заметил, что в речи к открытию памятника Пушкину Достоевский льстит русскому человеку, называя его каким-то особым и богоносным. Тургенев был убежден, что Россия — великая европейская держава и такой должна оставаться, не скатываясь в средневековье и мракобесие. Тургенев много помогал своим соотечественникам за рубежом и, особенно, русским литераторам. По свидетельству его друга и биографа П. Анненкова, «кошелек Тургуенева был открыт для всех, кто прибегал к нему. Пересчитать людей, материально ему обязанных, почти и невозможно за их многочисленностью. Денежное пособие было, однако же, низшим видом его благотворительности: он являлся с услугой. Когда нужно было поднять дух пациента, разбудить его волю, внушить уверенность к себе... Вообще говоря, нравственная доблесть его превышала все его недостатки. И требовалось много усилий и громадное количество литературных и жизненных неприличий, чтобы из такого человека сделать себе врага и недоброжелателя...»

Тургуеневу принадлежит идея создать Литературный фонд для помощи литераторам, а также библиотеку. Что же касается его литературного творчества, то оно было высоко оценено его современниками. Его «Записки охотника» произвели нравственный переворот в сердце молодого наследника русского престола, будущего Александра II и побудили его отменить крепостное право. Образ «тургуеневской девушки», чистой и решительной, прочно вошел в обиход русской жизни. Его романам рукопискала Россия 70-х годов — и по сей день тургуеневские образы волнуют режиссеров кино и театра. Но все свои произведения он всегда читал Полине Виардо, а его последние рассказы она собственноручно записывала, когда он, мучаясь от смертельной болезни, не мог писать. Тургенев умирал от болезни, которую и сейчас трудно распознать и потому невозможно вылечить, — от рака спинного мозга. В самые тяжелые моменты рядом с ним были Полина и ее дочери. Когда Тургуенева не стало, нача-

лись склоки и упреки его окружению. Каждый считал долгом отметить небрежность Полины Виардо в организации похорон, забывая, что она сама перенесла тяжелую потерю. Но отпевание было достойным, тело писателя отправлено на родину, а Полине, оставшись одной, надо было думать о будущем. Тургенев оставил ей права на свои издания. Она их тотчас продала, возможно, решив, что позже их никто не купит. Потом спохватилась. Начала распродавать его архив, спорила, торговалась. Боязнь нищеты охватила ее, как в детстве страх перед разбойниками. Но гордость все равно осталась, и она достойно ответила всем, пресекая сплетни: «Какое право имеют так называемые друзья Тургенева клеймить меня и его в наших отношениях. Все люди от рождения свободны, и все их действия, не приносящие вреда обществу, не подвержены ничьему суду! Чувства и действия мои и его были основаны на законах, нами принятых, непонятных для толпы, да и для многих лиц, считающих себя умными и честными. Сорок два года я прожила с избранником моего сердца. Вредя разве себе, но никому другому. Но мы слишком хорошо понимали друг друга, чтобы заботиться о вреде и что о нас говорят, ибо обоюдное наше положение было признано законным теми, кто нас знал и ценил. Если русские дорожат именем Тургенева, то с гордостью могу сказать, что сопоставленное с ним имя Полины Виардо никак его не умаляет, а разве возвышает». Дочь Тургенева Полина осталась без наследства. Правда, Тургенев в свое время дал ей прекрасное и богатое приданое, а когда она разошлась с мужем, содержал ее. Но он так и не удочерил ее официально, суд с Полиной она проиграла. Сама Полина пережила Тургенева на 27 лет... Русские имения Тургеневых достались родственникам жены старшего брата Николая и дальним родственникам по линии отца. Но после революции и это стало уже несущественным.

Когда Иван Тургенев умер, в английском еженедельнике «Saturday Review» написали: «В европейской литературе образовалась огромная брешь, которую уже ничто не закроет...» Без Тургенева нет русской литературы. Полина Виардо знала это, ценила и могла по праву гордиться, что внесла и свою лепту в формирование этой планетарной личности.

Мы можем гадать о сущности отношений Тургенева и Виардо, приводя свои доводы и догадки. Но если вдуматься — а важно ли это сейчас для нас? Ведь самое важное то, что он когда-то написал о ней: «Стой! И дай мне быть участником твоего бессмертия, урони в душу мою отблеск твоей вечности!» Хотя именно Иван Тургенев сделал Полину Виардо участницей своего бессмертия. А не было бы его, кто бы о ней вспомнил? Ведь голоса ее мы уже никогда не услышим...

Дмитрий КАПУСТИН

АНТОН ЧЕХОВ: ПОБЕГ В ЕВРОПУ (путешествие второе)¹

Второе путешествие Чехова в Европу (сентябрь—октябрь 1894 года) было в чем-то похожим на первое: так же неожиданно сорвался с места и опять же с Сувориным

К лету 1894 года быт в милом Мелихове был уже налажен, хорошо работалось, но «доброкачественна зараза», она же «страсть к передвижению», опять звала в дорогу. В августе вместе с Потапенко писатель задумал «Волго-Донской круиз» — от Ярославля до Царицына по Волге, а потом из Калача в Таганрог по Дону. Но уже в Нижнем ему стало «душно, нудно и тошно», он подхватил чемодан и «позорно бежал» в Москву, Потапенко за ним. Отходили душой и телом уже в Сумах, на реке Псел, где «поэзии хоть отбавляй», а еще «тепло, масса воды и зелени и прекрасные люди».

Потом шесть дней Чехов провел в родном Таганроге и в начале сентября приехал в Феодосию к Суворину на его богатую дачу. Но тот сентябрь в Крыму выдался удивительно холодным. «В Феодосии дует холодный северный ветер, море бушует, пальцы коченеют; сплю под тремя одеялами и вижу нехорошие сны. Холодище ужасный <...>, — писал он 6 сентября своей хорошей сумской знакомой Н. М. Линтваревой. — Ужасно хочется в тепло, куда-нибудь в Египет или на озеро Комо. Ах, как холодно!!! Брррр!! Дом у Суворина великолепный, но нет печей»².

Еще 4 сентября Чехов обещал друзьям быть в Москве «дней через десять», но уже 13-го беглецы были в Одессе. Здесь случился «паспортный инцидент»: писатель запросил телеграммой серпуховского исправника «донести одесскому градоначальнику об неимении препятствий» его выезду за границу. Это было основанием, чтобы ему выдали его заграничный паспорт, хранившийся в Одессе еще со времени возвращения из азиатского путешествия. Но путешественники слишком спешили, и Суворин написал гневное письмо одесскому градоначальнику Зеленому. Буквально ночью примчался нарочный, отпер канцелярию и выдал Чехову его паспорт.

Дмитрий Тимофеевич Капустин родился в 1942 году в Москве. Окончил МГИМО, востоковед-международник, кандидат исторических наук. Автор книг и статей по международным отношениям на Дальнем Востоке. В сферу его увлечений и научных интересов входит также творчество и биография А. П. Чехова. По этой теме опубликовал ряд статей и две книги: «Антон Чехов на Востоке. Сборник статей». Saarbrücken. Lambert Academic Publishing. 2012. 264 с. (на русском языке); «Азиатское путешествие Антона Чехова. 1890 год». М.: Этерна, 2014. 280 с.

¹ Начало цикла «Чехов в Европе», см.: Нева, 2018, № 1. Первый выезд в Европу.

² Письма цитируются по Полному собранию сочинений и писем А. П. Чехова (1974—1983) — далее ПССиП. Даты писем упомянуты в тексте.

По-видимому, 16—17 сентября путешественники приехали в «галицийскую столицу», австро-венгерский Лемберг (нынешний Львов). Здесь Чехов купил два тома Шевиченко и был на польской выставке, где «видел патриотическую, но очень жидкую живопись». Удивился, что здесь «видимо-невидимо» необыкновенных евреев «в лапсердаках и пейзажах» и все «говорят по-русски».

А 18-го спутники достигли Вены, где остановились всего на пару дней. Лишь одна фраза осталась в воспоминаниях о тех днях, мол, там «ел очень вкусный хлеб» и «купил новую чернильницу, а также жокейский картуз с ушами». Узнав, что Лика Мизинова находится в Швейцарии, Чехов сразу написал ей 18 сентября: «Умоляю, не пишите никому в России, что я за границей. Уехал тайно, как вор. Маша думает, что я в Феодосии <...>. Будут огорчены, ибо мои частые поездки давно уже надоели». Он жаловался на «непрерывный кашель» и грустно признавался: «Очевидно, и здоровье я прозевал так же, как Вас».

Адриатика

От дождей в Вене («каждый час дождь») поехали в Аббацию, «этот рай земной, но и тут дожди!!!» — сообщил Чехов Линтваревой 21 сентября. И в том же письме: «Аббатия и Адриатическое море великолепны, но Лука и Псел лучше». Надо подчеркнуть, что этот хорватский городок (ныне г. Опатия), превратившийся из захудалого поселка в модный курорт, входил тогда в состав Австро-Венгрии, а выход к Адриатическому побережью превращал эту, казалось бы, сугубо сухопутную империю в морскую державу.

Прекрасное описание этого курортного местечка, почти физический «эффект присутствия» есть в рассказе Чехова «Ариадна» (1895), явно написанного под впечатлениями этого выезда в Европу, как, впрочем, и деталей первого выезда в 1891 году.

Вы бывали когда-нибудь в Аббации? Это грязный славянский городишко с одною только улицей, которая воняет и по которой после дождя нельзя проходить без калош. Я так много и всякий раз с таким умилением читал про этот рай земной, что когда я потом, подсучив брюки, осторожно переходил через узкую улицу и от скуки покупал жесткие груши у старой бабы, которая, узнав во мне русского, говорила «читирь», «двадцать», и когда я в недоумении спрашивал себя, куда же мне, наконец, идти и что мне тут делать, и когда мне непременно встречались русские, обманутые так же, как я, то мне становилось досадно и стыдно. Тут есть тихая бухта, по которой ходят пароходы и лодки с разноцветными парусами; отсюда видны и Фиуме (ныне г. Риека. — Д. К.), и далекие острова, покрытые лиловою мглой, и это было бы картинно, если бы вид на бухту не загораживали отели и их *dépendance*'ы (пристройки. — Д. К.) нелепой мещанской архитектуры, которыми застроили весь этот зеленый берег жадные торгаши, так что большею частью вы ничего не видите в раю, кроме окон, террас и площадок с белыми столиками и черными лакейскими фраками. Тут есть парк, какой вы найдете теперь во всяком заграничном курорте. И темная, неподвижная, молчаливая зелень пальм, и ярко-желтый песок на аллеях, я ярко-зеленые скамьи, и блеск ревущих солдатских труб, и красные лампасы генерала — все это надоедает в десять минут. А между тем вы обязаны почему-то прожить здесь десять дней, десять недель! Таскаясь поневоле по этим курортам, я все более убеждался, как неудобно и скучно живет сытым и богатым, как вяло и слабо воображение у них, как несмелы их вкусы и желания. И во сколько раз счастливее их те старые и молодые туристы, которые, не имея денег, чтобы жить в отелях, живут, где придется, любят вид моря с высоты гор, лежа на зеленой траве,

ходят пешком, видят близко леса, деревни, наблюдают обычаи страны, слышат ее песни, влюбляются в ее женщин...³

Подобно героям рассказа, Чехов с Сувориным бежали от дождей и скуки в Италию. Причем бытовая сторона как бы списана в «Ариадне» с привычек и замашек Суворина, привыкшего к роскоши и хорошим ресторанам.

Мы останавливались в Венеции, в Болонье, во Флоренции и в каждом городе непременно попадали в дорогой отель, где с нас драли отдельно и за освещение, и за прислугу, и за отопление, и за хлеб к завтраку, и за право пообедать не в общей зале. Ели мы ужасно много. Утром нам подавали *café complet* (кофе с молоком, булочки, масло. — Д. К.). В час завтрак: мясо, рыба, какой-нибудь омлет, сыр, фрукты и вино. В шесть часов обед из восьми блюд, с длинными антрактами, в течение которых мы пили пиво и вино. В девятом часу чай⁴.

В рассказе есть и еще одна любопытная «зарисовка с натуры», по-видимому, из первого европейского турне 1891 года, поскольку в этот раз путешественники Рима не посещали.

То же было и в Риме. Тут шел дождь, дул холодный ветер. После жирного завтрака мы поехали осматривать храм Петра (в Ватикане. — Д. К.) и, благодаря нашей сытости и, быть может, дурной погоде, он не произвел на нас никакого впечатления, и мы, уличая друг друга в равнодушии к искусству, едва не поссорились.⁵

Милан и Генуя

29 сентября Антон пишет сестре Маше, находясь уже в Милане, важное письмо. Во-первых, он столь поздно сообщает самым близким родным, что уехал за границу. (Старшему брату Александру, который не жил с семьей, он сообщил об этом еще из Вены.) Причина этого заключалась, вероятно, в том, что Чехов испытывал угрызения совести, поскольку являлся главным содержателем всей семьи и хозяином «великого герцогства», то есть усадьбы в Мелихове, купленной в 1892 году в рассрочку и банковский залог. «Вероятно, у тебя нет или очень мало денег, — написал он. — Потерпи с недельку; в Ницце я получу подробный расчет из книжного магазина «Нового времени» и тогда прикажу выслать вам денег. Надо еще в банк 180 р. заплатить». В те годы писатель уже неплохо зарабатывал («4–5 тысяч в год»), но и расходы гостеприимного семейства были немалые.

Во-вторых, в письме он сообщает более или менее подробный маршрут после Аббации: Фиум, Триест, «откуда ходят громадные пароходы во все части света», Венеция («тут напала на меня крапивная лихорадка, не оставляющая меня и поныне»). Помимо этой напасти, писатель Чехов в нескольких письмах повторял: «покашливаю», «кашляю, но в общем здоров». Но три года спустя Венеция, видимо, не произвела на Чехова столь же сильного впечатления. В письмах и воспоминаниях той поры, помимо крапивницы, остались лишь беглые замечания о хорошей погоде, катании на гондоле, сырости по вечерам и покупки сувениров: стакана, «окрашенного в райские цвета»

³ ПССиП, т. 9, с. 118–119.

⁴ Там же, с. 121.

⁵ Там же, с. 122.

(видимо, муранского стекла. — Д. К.), а также трех шелковых галстуков и булавки. Хотя, казалось бы, Венеция потрясает и во второе, и в третье посещение.

Из Венеции путь лежал на север, в Милан, где писатель еще не бывал («пейзажи в Ломбардии изумительные, — пожалуй, как нигде в свете»). Конечно, был осмотрен знаменитый беломраморный собор (так называемой «пламенеющей готики») в историческом центре города, который «так красив, что даже страшно». Также посетили расположенную рядом не менее известную Галерею Виктора Эммануила II (в то время короля Италии. — Д. К.) — один из первых в Европе пассажей, великолепно украшенный мозаичными панно и скульптурами 24 великих итальянцев, с художественными салонами, дорогими магазинами, ресторанами и кафе. Но эти замечательные творения итальянского искусства удостоились у Чехова лишь кратких упоминаний в письмах.

А далее была Генуя. «Тут тьма кораблей и знаменитое кладбище, богатое статуями, — написал он Линтваревой 1 октября. — Статуй, в самом деле, очень много. Изображены в натуральную величину и во весь рост не только покойники, но даже и их неутешные вдовы, тещи и дети. Есть статуя одной старушки-помещицы, которая держит в руке два сдобных хохлацких бублика». А ранее, в Милане, Чехов впервые осмотрел «крематорию, где сжигают покойников». Надо сказать, что и Суворин отмечал тягу писателя к посещению за границей кладбищ, как и в первой совместной поездке в 1891 году. Вероятно, это объясняется их скульптурным и художественным богатством по сравнению российскими убогими погостами и захоронениями и в целом европейской культурой погребения. Все это производило впечатление на Чехова.

В нескольких письмах из Европы Чехов сообщал, что пишет «повесть из московской жизни» («не маленькую, да и не особенно большую»). «Работаю кропотливо и потому едва ли кончу ранее декабря», — сообщал он, например, 6 октября В. А. Гольцеву, редактору журнала «Русская мысль». Повесть «Три года» (с первоначальным подзаголовком «рассказ») была опубликована в журнале уже в № 1 за 1895 год. Впечатлений от этого европейского турне она не содержала.

Зато впечатления о Генуе вошли в ткань пьесы «Чайка», над которой Чехов начал работать вскоре (1895—1896) и опубликовал в № 12 «Русской мысли» в 1896 году. Премьера состоялась 17 октября 1896 года на сцене Александринского театра в Петербурге.

В четвертом действии пьесы по-чеховски, как бы между прочим, возникает такой диалог:

М е д в е д е н к о. Позвольте вас спросить, доктор, какой город за границей вам больше понравился?

Д о р н. Генуя.

Т р е п л е в. Почему Генуя?

Д о р н. Там превосходная уличная толпа. Когда вечером выходишь из отеля, то вся улица бывает запружена народом. Движешься потом в толпе без всякой цели, туда-сюда, по ломаной линии, живешь с нею вместе, сливаешься с нею психически и начинаешь верить, что в самом деле возможна одна мировая душа, вроде той, которую когда-то в вашей пьесе играла Нина Заречная. Кстати, где теперь Заречная? Где она и как?⁶

Как видим, очевидное творческое последствие совсем недавней поездки в Европу.

В письме Линтваревой содержалась и еще одна идея, будоражившая мысли Чехова еще с дней первого «погружения» в Европу: «Путешествие за границей обходится гораздо дешевле, чем, например, поездка на Волгу. Я часто думаю: не собраться ли нам большой компанией и не поехать ли за границу? Это было бы и дешево, и весело. Я,

⁶ ПССиП, т. 13, с. 49.

Потапенко, Маша, Вы и т. д., и т. д. Как Вы думаете?» Однако поехать компанией ни в Европу, ни даже на Волгу Чехову в отпущенное ему десятилетие не удалось.

Опять Ницца. Драма Лики Мизиновой

2 октября путешественники приехали в Ниццу, «цветущее кладбище европейской аристократии», по выражению Мопассана. Остановились в роскошном прибрежном отеле «Beau Rivage». (Ныне на отеле установлена мемориальная доска о пребывании в нем в 1891 году Антона Чехова (Antoine Tchekhov), «русского романиста и драматурга», то есть во время первого посещения Ниццы, что по косвенным признакам весьма вероятно, но документально до сих пор не подтверждено. А второе пребывание в отеле отмечено самим писателем в письме Лике Мизиновой от 2 октября, но мемориальная доска об этом не сообщает.)

В письме Гольцеву четыре дня спустя писатель неуверенно убеждает то ли себя, то ли адресата: «Я кашляю, кашляю и кашляю. Но самочувствие прекрасное. Заграница удивительно бодрит». И в приписке: «Ах, какое здесь пиво! Я выпиваю по бутылке в день. Что за пиво!»

Узнав из полученных от коллеги писем, что ему причитаются некоторые суммы за публикации, Чехов просит об услуге — заплатить 187 рублей в Земельный банк за имение: «Я еще не платил за вторую половину этого года».

В день приезда на Лазурный берег Чехов пишет важное письмо родным (на имя Марии Павловны): «Я в Ницце. Здесь жарко, шумит море, но особенно интересного мало, так как раньше я уже был в Ницце. Отсюда поеду на 2—3 дня в Париж, а затем в Россию. Рассчитывал повидаться в Париже с Ликой, но оказывается, что она в Швейцарии, туда же мне не рука. Да и надоело уже ездить. Был я в Милане, в Генуе.

Потапенко жид и свинья.

Скоро я буду дома. Оставайся здорова и кланяйся.

Твой А. Чехов.

Здесь масса русских».

Основной смысл всех слов и ругательств связан прежде всего с Лидией Стахивевой Мизиновой. Удивительная и загадочная влюбленность и противостояние с «адской красавицей» продолжалось у Чехова все последние пять лет. «Золотая, перламутровая и фильдекосовая Лика», «милая Канталупочка», «кукуруза души моей»⁷, — изощрялся писатель в обращениях к ней. Если в дни отъезда в азиатское путешествие весной 1890 года он писал ей полушутя-полусерьезно, что бежит от нее на Сахалин, в момент восхождения на Везувий в 1891 году только и «думал о ней», то теперь, в сентябре 1894 года, признавал: «Очевидно, я и здоровье прозевал так же, как и Вас». Впрочем, и здесь сомнения: так уж и прозевал ее?

Именно в Ницце Чехова нагоняют полуистерические письма Лики, полные слез, упреков и мольбы повидаться: «Предупреждаю, не удивляться ничему. Если не боитесь разочароваться в прежней Лике, то приезжайте! От нее не осталось и помину! Да, какие-нибудь шесть месяцев перевернули всю жизнь, не оставили, как говорится, камня на камне! Впрочем, я не думаю, чтобы Вы бросили в меня камнем!» (в письме от 21 сентября из Монре). В открытую намекает, что она в «интересном положении» (о чем Чехов и так уже догадывался) — так закончился ее «роман», на этот раз с Игнатием Потапенко, женатым человеком.

⁷ Фильдекос — шелковистая ткань для изготовления тонких трикотажных изделий: перчаток, чулок и проч. Канталупа — сорт ароматной, сладкой дыни.

2 октября Чехов отстраненно отвечает: «К сожалению, я не могу ехать в Швейцарию, так как я с Сувориным, которому необходимо в Париж. В Ницце я пробуду 5—7 дней, отсюда в Париж — тут 3—4 дня, а затем в Мелихово. В Париже буду жить в Grand Hôtel'e. О моем равнодушии к людям Вы могли бы не писать. Не скучайте, будьте бодры и берегите свое здоровье. Низко Вам кланяюсь и крепко, крепко жму руку <...>. Если бы мне удалось получить Ваше письмо в Аббации, то в Ниццу я проехал бы через Швейцарию и повидался бы с Вами, теперь же неудобно тащить Суворина». В тот же день, еще не получив этого ответа, Лика в отчаянии бросает обвинение: «От прежней Лики не осталось и следа, и, как я думаю, все-таки не могу не сказать, что виной всему Вы».

По существу, последний акт драмы их отношений кончился, хотя они еще долго оставались друзьями, переписывались, встречались в Мелихово. А канва этих сложных взаимоотношений нашла заметное отражение в творчестве писателя и драматурга. И прежде всего в рассказе «Ариадна».

Специалисты считают, что в образе героини переплелись черты трех подруг писателя: Ариадны Черец, дочери таганрогского инспектора, Лидии Мизиновой и актрисы Лидии Яворской. О том, что Лика не отрицала этого сходства, говорит ее подпись в письме к Чехову 1 ноября 1896 года: «Отвергнутая Вами два раза Ар.». Недопи- санное слово Ар было зачеркнуто автором письма⁸.

А в драматургии Чехова образ Чайки — Нины Заречной напрямую связывается с судьбой Лики Мизиновой. Вот лишь продолжение реплик из «Чайки», приведенные выше:

Т р е п л е в. Должно быть, здорова.

Д о р н. Мне говорили, будто она повела какую-то особенную жизнь. В чем дело?

Т р е п л е в. Это, доктор, длинная история.

Д о р н. А вы покороче.

(Пауза)

Т р е п л е в. Она убежала из дому и сошлась с Тригориным. Это вам известно?

Д о р н. Знаю.

Т р е п л е в. Был у нее ребенок. Ребенок умер. Тригорин разлюбил ее и вернулся к своим прежним привязанностям, как и следовало ожидать. Впрочем, он никогда не покидал прежних, а по бесхарактерности как-то ухитрился и тут и там. Насколько я мог понять из того, что мне известно, личная жизнь Нины не удалась совершенно.

Д о р н. А сцена?

Т р е п л е в. Кажется, еще хуже. Дебютировала она под Москвой в дачном театре, потом уехала в провинцию. Тогда я не упустил ее из виду и некоторое время куда она, туда и я. Бралась она все за большие роли, но играла грубо, безвкусно, с завы- ваниями, с резкими жестами. Бывали моменты, когда она талантливо вскрикивала, талантливо умирала, но это были только моменты.

Д о р н. Значит, все-таки есть талант?

Т р е п л е в. Понять было трудно. Должно быть, есть. Я ее видел, но она не хоте- ла меня видеть, и прислуга не пускала меня к ней в номер. Я понимал ее настроение и не настаивал на свидании.

(Пауза)

Что же вам еще сказать? Потом я, когда уже вернулся домой, получал от нее письма. Письма умные, теплые, интересные; она не жаловалась, но я чувствовал, что

⁸ Цит. по: Э. А. Полоцкая. Источники рассказа Чехова «Ариадна» (жизненные впечатления) — Известия АН СССР, Отд. литературы и языка, 1972, т. XXXI, вып. 1 // Летопись жизни и творчества А. П. Че- хова, т. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2009, с. 551.

она глубоко несчастна; что ни строчка, то больной, натянутый нерв. И воображение немного расстроено. Она подписывалась Чайкой. В «Русалке» мельник говорит, что он ворон, так она в письмах все повторяла, что она чайка. Теперь она здесь.

Д о р н. То есть как, здесь?

Т р е п л е в. В городе, на постоялом дворе. Уже дней пять как живет там в номере. Я было поехал к ней, и вот Марья Ильинишна ездила, но она никого не принимает. Семен Семенович уверяет, будто вчера после обеда видел ее в поле, в двух верстах отсюда.

М е д в е д е н к о. Да, я видел. Шла в ту сторону» к городу. Я поклонился, спросил, отчего не идет к нам в гости. Она сказала, что придет.

Т р е п л е в. Не придет она.

(Пауза)

Отец и мачеха не хотят ее знать. Везде расставили сторожей, чтобы даже близко не допускать ее к усадьбе. (Отходит с доктором к письменному столу.) Как легко, доктор, быть философом на бумаге и как это трудно на деле!

С о р и н. Прелестная была девушка.

Д о р н. Что-с?

С о р и н. Прелестная, говорю, была девушка. Действительный статский советник Сорин был даже в нее влюблен некоторое время.

Д о р н. Старый ловелас?

Очевидно не только совпадение черт характера героини и прототипа, но и мистическое предсказание судьбы. Ли́ка Мизи́нова не преуспела в карьере актрисы или певицы, к чему так стремилась, а ее маленькая дочка действительно умерла, но уже после написания пьесы, спустя три недели после первого, провального ее представления в Петербурге. Воистину, большие писатели и поэты часто бывают провидцами.

(Как вспоминала М. П. Чехова, «после похорон Антона Павловича Ли́ка, вся в черном, пришла к нам и часа два молча простояла у окна, не отвечая на наши попытки заговорить с ней... Все прошлое, пережитое, должно быть, стояло перед ее глазами»¹⁰. Л. С. Мизинова впоследствии вышла замуж за актера и режиссера МХТ А. А. Санина (Шенберга), ставшего за границей известным режиссером. Она прожила довольно долгую жизнь, умерла в Париже в 1939 году. В отличие от многих пассий великого писателя не оставила о нем воспоминаний.)

Из Ниццы путь уже лежал домой. 7–9 октября путешественники находились в Париже, а 10-го остановились «для передышки в Берлине» в Hotel «Bristol». Они устали от ежедневного общения и надоели друг другу. «Оба скитаются и оба молчат», — делала вывод современница, ссылаясь на письмо Суворина из Ниццы¹¹.

14 октября 1894 года Антон Чехов возвратился в Москву, пробыв за границей чуть менее месяца. Второе путешествие в Европу закончилось. С головой, без передышки он возвратился в творческую работу («пишу длинную повесть»).

2 ноября Чехов подсчитал и сообщил в письме Суворину о своем долге за путешествие — 1200 рублей. Однако добавил, что «заплатить я сейчас этого долга не могу, ибо я бессребреник».

Одна из современниц Чехова, «антоновка» Т. Л. Щепкина-Куперник, упрекала Чехова в том, что «заграничные путешествия не отзывались ни на его творчестве, ни на нем самом», поскольку он «не владел ни одним европейским языком». «Таким образом, — объясняла она, — его жизнь за границей превращалась для него во что-то

⁹ ПССиП, т. 13, с. 49–51.

¹⁰ М. П. Чехова. Из далекого прошлого. М.: Художественная литература, 1960, с. 152.

¹¹ Цит. по: Дональд Рейфилд. Жизнь Антона Чехова. М.: Изд-во «Независимая газета», 2006, с. 437.

вроде кинофильма: он, так сказать, чувствовал себя глухонемым: один пейзаж, да и тот „бутафорский“, казавшийся ему слишком нарочито красивым, не удовлетворял его»¹².

Во-первых, как показано выше, это не совсем так. Впечатления от поездок как в Европу, так и в Азию «вкраплены» в тексты ряда произведений. Кроме того, Чехов на бытовом уровне говорил и писал как на немецком («я понимаю, и меня понимают»), так и на французском (и чем дальше, тем лучше, позднее даже брал уроки в Ницце).

А во-вторых — и в основном, — дело совсем в другом. Чехов до глубины души, до последних нейронов своего мозга оставался русским писателем, так сказать, певцом среднерусской и южнорусской России. Большие сюжеты европейской или азиатской жизни «не ложились» у него на бумагу, хотя, как известно, были и задумки, и даже наброски. Кстати, И. С. Тургенев, в отличие от Чехова, прекрасно знал французский и английский (переводил Шекспира и Байрона), долго жил во Франции, объездил всю Европу, но остался глубоко русским писателем, ничего не написав о французской жизни.

¹² Т. Л. Щепкина-Куперник. О Чехове // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1986, с. 254.

ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Александр МЕЛИХОВ

ДУХ ВРЕМЕНИ

Наследие Римской империи огромно — это и дороги, и римское право, и романские языки, и архитектурные стили, и — и легенды. Мифы. Власть римского мифа была настолько огромной, что в течение едва ли не всего средневековья монархи варварских европейских королевств мечтали о воссоздании Римской империи. Им казалось, что даже их собственное величие не может быть полным без привязки к римскому мифу. И они именовали свои государства Римскими империями Германской нации...

И Французскую революцию невозможно представить без римской риторики. И движение декабристов.

Наследие Советской империи тоже будет еще долго отзываться и в материальной, и в культурной сфере, и чрезвычайно интересно, каким в конечном счете останется хотя бы в российской истории советский миф, когда он сделается не слишком актуален для политической пропаганды. Народное воображение уже работает, но этот фольклор пока, мне кажется, практически никем не фиксируется. Именно поэтому книгу Натальи Игруновой «Воздух времени. После СССР: мы и наши мифы»¹ я проглотил

Александр Мотельевич Мелихов родился в 1947 году в г. Россошь Воронежской области. Окончил матмех ЛГУ, работал в НИИ прикладной математики при ЛГУ. Кандидат физико-математических наук. Как прозаик печатается с 1979 года. Литературный критик, публицист, зам. гл. редактора журнала «Нева». Произведения переводились на английский, венгерский, итальянский, китайский, корейский, немецкий, польский языки. Набоковская премия СП Санкт-Петербурга (1993) за роман «Исповедь еврея». Премия петербургского ПЕН-клуба (1995) за «Роман с простатитом». Премия интернет-конкурса «Тенета.ринет»-2002 в номинации «Литературные очерки, публицистика». Премия им. Гоголя от правительства Санкт-Петербурга и СП Санкт-Петербурга за роман «Чума» (2003), за роман «Интернационал дураков» (2009) и за роман «Тень отца» (2011), премия правительства Санкт-Петербурга (2006) за роман «В долине блаженных». Премия «Учительской газеты» «Серебряное перо». Премия 2008 года журнала «Полдень, XXI век» (гл. редактор Борис Стругацкий). Премия фонда «Антифашист». Лауреат премии журнала «Иностранная литература» за 2015 год. Премия им. Гоголя за роман «Свидание с Квизимодо» (2017).

¹ Н. Игрунова. Воздух времени. После СССР: мы и наши мифы. М.: 2015.

на одном дыхании. Книга собиралась около двух десятилетий, но совершенно не устарела — мифы и вообще чем старе, тем сильнее. Что отражено и в издательской аннотации: «Всего 25 лет нет на карте мира СССР. Но порой уже трудно разглядеть живую жизнь под патиной мифа. Мифом становится все: общественное устройство, победы и поражения, биографии вождей и героев, повседневный быт. Собранные под одной обложкой беседы Натальи Игруновой с известными политиками, социологами, культурологами, режиссерами, писателями из России и „ближнего“ и „дальнего“ зарубежья дают возможность проследить, как менялась конструкция образа прошлого».

Наталья Игрунова — известный литературный критик, переводчик, радиоведущий, а кроме того, заместитель главного редактора журнала «Дружба народов», то есть дружба и вражда народов для нее не только предмет исследовательского интереса, но и что-то вроде служебных обязанностей. И ее знание культурной жизни «национальных» (как будто есть еще какие-то!) республик впечатляет не менее, чем ответы ее собеседников, а это люди сплошь неординарные. Невозможно не согласиться с предупредительным замечанием Льва Аннинского, что вопросы, задаваемые Натальей Игруновой, часто еще более интересны, чем получаемые ответы. Они сегодня, пожалуй, даже еще интереснее, чем три года назад.

Так возьмем же на пробу и тех, и других по ломтику. Или по пузырьку, коли уж дело идет о воздухе времени, или, как его именовали в более пафосные времена, о *духе времени*.

Нелли Мельц, известная внимательному российскому читателю как переводчик эстонской прозы Нелли Абашина, выросшая в ссылке, но оттого ничуть не озлобившаяся, догадывающаяся, что и русские, и эстонцы сделались жертвами общего безумия, захватившего всю Евразию, отвечает на вопрос Н. Игруновой:

— *А вокруг национального языка все так же кипят страсти?*

— Эстонцев можно понять — они хотят сохранить свой язык. Но для русских получать образование на эстонском — проблема непростая. Эстонский знать, конечно, нужно, нужно знать язык народа, среди которого живешь, из уважения к этому народу, для удобства общения. Но «радиус» его действия пока еще очень ограничен, и если уж получать образование, то лучше на английском или на русском, имеющих широкий спектр приложения. Сейчас главные силы эстонской интеллигенции, эстонского духа отданы на это: расширить сферу распространения национального языка, добиться, чтобы мировые культурные ценности стали доступны на национальном языке. Раньше приобщение к ним достигалось через русский. Теперь это возможно еще и через английский. Думаю, в Эстонии пока еще не отдают себе отчета в том, что ни на одном языке эстонская литература все равно не получит такого широкого распространения, какое она имела на русском. Потому что русский читатель, это нам всем известно, отличается от любого другого, он считает литературу не развлечением, а очень серьезной частью жизни. Может быть, это наша беда, а может — духовная опора, которая дает нам возможность держаться, оставаться людьми. Эстонская литература всегда шла как будто чуть-чуть впереди союзной, она имела возможность чуть больше сказать о жизни. И это было важно и необходимо для русского читателя. (Я не выношу эту злобу, которая в последнее время вскипает: пусть она идет на свой Запад, эта Прибалтика, раз отделилась...) Понимание того, что западная культура может погубить, подмять под себя, поглотить эстонскую культуру, начинает приходиться. Но оно приходит медленно. И, чтобы этому противостоять, эстонской культуре, по-моему, нужно опираться на какую-то другую, которая вынесет ее в мир.

Это чистая правда. В эпоху глобализации национальным культурам, не подкрепленным исторически наработанным престижем (да и былой престиж не очень-то по-

могает) и экономическими и политическими инструментами продвижения («мягкой силой»), почти невозможно сохранить себя, даже и в рамках формально суверенного государства. Именно в империи, защищающей малые народы от давления большого мира и не посягающей на их культурную автономию, им гораздо легче сохранить и продвинуть свою культуру, особенно малым народам, пользующимся репутацией особо «продвинутых». Но когда такие пустяки волновали националистов! Им важно лишь отгородиться и властвовать! Именно они сумели превратить слово «империя» в ругательство — либералы лишь воспользовались их победой.

Однако двинемся дальше — выдающийся кинорежиссер Григорий Чухрай. Посвященная ему глава «Мы были великим поколением» начинается с жестоких фронтовых воспоминаний, это нужно читать полностью, как, впрочем, и всю книгу.

— *Сегодня говорят, что побежденные живут лучше, чем победители, лучше бы вам проиграть войну.*

— Мы живем сегодня плохо. Но не потому, естественно, что выиграли войну. Здесь другие причины. Освободить нашу страну от фашистского нашествия, помочь закабаленным народам Европы и уничтожить фашизм в его логове был наш исторический долг перед страной и человечеством.

Современные недоучки говорят: «Если бы вы проиграли войну, мы бы сейчас пили баварское пиво». Помой бы они сейчас пили, а не баварское пиво. Фашистская армия вторглась в нашу страну не для того, чтобы раздавать подарки. Им нужна была наша территория, наши богатства, а народ они рассматривали как потенциальных рабов для своего государства. Они этого не скрывали, писали, говорили и действовали. Нашим бы недоучкам спросить у тех, кто был выслан на работы в Германию: много ли они пили баварского пива. Они бы им ответили...

— *А как вы относитесь к тому, что современные политики во главу угла своих программ все чаще ставят национальную идею?*

— Национальная идея внешне привлекательна и широко используется политиками. Плохо, когда национальная идея превращается в национальный эгоизм. Немецкие фашисты хотели обеспечить счастье и достаток своего народа за счет ограбления, унижения и физического уничтожения других народов. За это мы их ненавидели. После войны наши идеологи утверждали: «Мы победили, потому что мы патриоты!» Но ведь немцы тоже считали себя патриотами, они воевали за Великую Германию. Очевидно, их патриотизм чем-то отличался от нашего. Песней нашего поколения была светловская «Гренада»: «Я хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать...» — *отдать*, а не захватить! Сделать счастливыми, свободными, а не поработить. И эта жертвенность во имя добра — главная даже не идея, а сверхидея нашего поколения. Немцами же двигало совершенно другое: захватить, отнять и поработить, господствовать. Разница этих патриотизмов и сыграла, по-моему, главную роль в исходе войны.

А если не делать разницы между патриотизмом и патриотизмом, получается вот что. Россия — многонациональное государство. Так оно складывалось веками. И если внутри этого государства поднять крик, что русские — пуп земли, а остальные — песок, миленькие мои, да рассыпется это государство!

— *Григорий Наумович, а вокруг каких идей, идеалов можно нас всех объединить сегодня — и вообще возможно ли это?*

— Сегодня — нельзя. Идеалов нет, а идеал богатства разъединяет.

Вот так.

А вот диалог со Светланой Алексиевич 1995 года.

— *Если бы вы участвовали в референдуме, вы бы на все вопросы ответили «нет»?*

— Нет, я бы, конечно, голосовала за интеграцию с Россией.

— *А по поводу государственного языка?*

— Наверняка меня многие в Белоруссии не поймут, но я считаю, что сейчас реально сделать единственным государственным языком белорусский.

— *А что-то с положением белорусского языка изменилось в последние годы? На уровне не государства — а опять же — отдельного человека.*

— Очень немного. Появились молодые люди, прекрасно владеющие языком, но за этим не столько дух национального возрождения, сколько стремление приобщиться к элите. Наши писатели обижаются, что их не переводят на Западе. Но не хотят признать, что читатели открывали нас через русский язык. В то же время я понимаю, что в такой жесткой конкуренции с русским языком и американской массовой культурой вряд ли у белорусского языка есть реальная возможность возродиться. Ситуация трагическая. Нельзя создать «резервацию» и ограничить народ единственным языком, единственной культурой. А с другой стороны — это последний исторический шанс для возрождения белорусской нации... Но я все-таки думаю, что замыкаться нельзя, и не представляю, чтобы Белоруссия повернулась, скажем, в сторону Польши. Русская культура нам все-таки ближе. Это мой взгляд. Сейчас много разных других.

— *Самые популярные — ориентация на Запад или на Союз?*

— На Союз, на Россию. Ориентацию на Запад исповедует национальная интеллигенция, считая, что это путь к спасению. Но народное сознание ориентировано на Россию. Это и референдум показал.

Насколько интеллигенция по настроениям сейчас едина?

— Единой интеллигенции нет. Если я говорю об интеллигенции, то имею в виду лишь небольшую ее часть, которая активно пытается влиять на политические процессы. Парламент? Церковь? Такое ощущение, что это место отводила интеллигенции власть, а не сама интеллигенция его отвоевала. Когда же появилась свобода выбора, она добровольно отказалась от этой роли. Кто-то уехал за границу, кто-то ушел в свои проблемы. Звучит банально, но все-таки скажу: нужно становиться профессионалом, чтобы выжить в новой действительности.

...Не дело интеллектуалов быть властью или бороться с властью. Осмысливать процессы, подходы к жизни — вот что мы должны делать. Должны дать человеческой душе ориентиры, чтобы ее не захлестнули какие-то уже буквально космические размеры зла.

Бороться с националистическим сознанием бывает куда опаснее, чем бороться с властью — нынешнее начальство нужно долго раздраживать, чтобы оно наконец взялось за оружие. А у националистов это мигом.

Глава, посвященная Анатолию Киму, называется «Моя родина — русский язык». Анатолий Ким происходит из дальневосточных корейцев, с середины XIX века перебивавшихся в Российской империю от безземелья, а затем и от японских оккупантов.

— *А как жилось им в России? Искомые эмигрантами обеспеченность и покой, безбедное, во всех смыслах, существование — все это не слишком вяжется с реалиями российской действительности первой половины нашего века.*

— В России в 36–37-м годах началось «великое переселение» народов. Корейцы были самыми первыми жертвами политики «великого переселения», которая принесла столько бед чеченцам, ингушам, калмыкам, крымским татарам, курдам...

Усадили в теплушки и осенью вывезли в Среднюю Азию — в Киргизию — и в Казахстан. Среди них были мои родители. Отец рассказывал, что иногда на станциях поезд, в котором везли корейцев, оказывался на соседнем пути, рядом со встречным поездом эшелонного конвоя, в котором везли людей в колымские лагеря, и они перебрасывались записками, узнавали друг о друге.

— *И как их судьба сложилась дальше?*

— Отец тогда был студентом. Когда переселили, перешел в педагогический институт, учился русскому языку и литературе. Корейцы жили на положении спецпоселенцев. Не было паспортов. Я родился уже в Казахстане, в селе Сергиевка. Отец там работал в школе. В войну отец примерно год проработал в трудовой армии на Карагандинской шахте. Но его потом отпустили назад, учителей не хватало.

— *Как вы думаете, для отца, советского студента, учителя, было важно «вписаться» в эту жизнь?*

— Отец рассказывал, что, когда они переселялись, им было приказано проявлять всяческий энтузиазм. На больших сибирских станциях, когда эшелон останавливался, танцевали тустеп, падекатр. Короче говоря, они-то изо всех сил стремились вписаться в новые обстоятельства, в новый мир. Да, это было общим настроением. Новая жизнь, новые ее хозяева.

— *А корейские традиции, быт сохранялись в семье, или шла ассимиляция?*

— Произошла смена языка. Родители говорили между собой по-корейски (мама тоже корейка), а с нами, детьми, уже только по-русски. Корейских школ не было. Сколько я себя помню, все было связано с русским языком. Изменение жизненного уклада связано в первую очередь с языком.

Да, русский мир создавался и такими методами. Но разрушать его просто из мести означает сделать принесенные жертвы совсем уже бессмысленными.

А в новые времена русского писателя Анатолия Кима позвала историческая родина — южнокорейский университет, переводы, тишь, гладь и благодать...

— *А сейчас давайте вернемся к вашей поездке в Корею. Приехав туда, вы почувствовали, что там — родина? Где для вас дом — там или здесь?*

— Вы знаете, это вопрос очень простой. И ответу я вам просто, как в армии говорят: «Делай — раз, делай — два...» Я там не почувствовал, что это моя родина — раз. Второе — я почувствовал, что моя родина здесь. И третье — я не могу определить, где моя родина здесь. Географически. Не Казахстан. Не Москва. Не Мещера...

— *Так что же это для вас? Образ жизни? Воздух?..*

— Нет. Я нашел родину наконец. Родина моя — это русский язык. Почему я, наверно, не стал живописцем. Мне дорог не внешний образ, не ландшафт, а то, что несет с собою слово. Слово в его оболочке смысловой, в его интонационной мелодике — я чувствую, что я там, я оттуда появился. Я родился, очевидно, тогда, когда захотел писать. Это странно, но, ей-Богу, это не красивая фигура.

А вот что рассказывает о русской культуре в довоенной Литве поэт и диссидент Томас Венцлова.

Присутствие русской культуры в Литве было очень заметно. В Литву приезжал Андрей Белый (у меня об этом есть статья), там какое-то время жил Саша Черный, даже стихи о Литве писал. Конечно, в независимой Литве существовала определенная настороженность по отношению к России, и, как показали события 1940 года, настороженность оправданная, но тем не менее русская культура в Литве существовала, никак не преследовалась, занимала свое место, и русские эмигранты считали Литву одним из своих центров (менее важным, правда, чем Рига). Ситуация, вероятно, в какой-то мере повторится. Сейчас все еще существует эта настороженность (Литва имеет основания не доверять Москве и московским политикам на протяжении столетий), но, я думаю, по мере того как будет укрепляться демократия в России, как будет стабилизироваться Россия, по мере того как будет укрепляться демократия в Литве и стабилизироваться Литва, будет приближаться момент, когда отношения этих культур станут вполне нормальными. То же самое, кстати, было и в межвоенные времена. В 20-е годы к русской культуре относились очень остро-

рожно, в 30-е — уже гораздо больше переводили, больше общались. Правда, когда произошли известные печальные события, настороженность в отношении к русской культуре возродилась, что для Литвы в советское время было отчасти даже вредно. Многие литовцы с этим не согласятся, но мне всегда казалось, что отчужденность от всего русского, которая была довольно естественной и неизбежной при советском режиме, в чем-то все-таки Литве мешала. Была ведь и неофициальная русская культура — те же Пастернак, Ахматова, Бродский, — которая могла очень много дать Литве, если бы та к ним больше приглядывалась, больше их читала и больше ими занималась. Я был одним из немногих, кто этим занимался. Все же большинство как-то внутренне от этого отталкивалось, и их можно вполне понять. Но пользы от этого, мне кажется, было мало. Теперь, при той ситуации, когда Литва, слава Богу, управляется не из Москвы, а сама по себе, эти отношения могут стать более аутентичными, в каком-то смысле даже более тесными. Дай Бог, чтобы так получилось.

Дай-то, конечно, дай, но надежды все меньше...

И трудно даже сказать, какие нелепости в большей степени тому причиной. Первая нелепость — «вечные» геополитические противоречия, в сегодняшнем мире особенно иррациональные, ибо все, что сегодня можно завоевать, гораздо дешевле купить (ну а пресловутые зоны влияния тем более чистая фикция, ибо контролировать жизнь любого народа означает наживать в нем сначала тайного, а потом и явного врага). Вторая нелепость — социальный расизм, приписывающий народам какие-то «вечные» свойства. Наталья Солженицына в беседе с Игруновой приводит солженицынскую цитату о 90-х годах: «Я неоднократно зывал к западным силам не отождествлять советский коммунизм с самой Россией и русской историей. Увы, многие силы на Западе не провели этого различия, а политика западных держав и после падения советской диктатуры не много изменилась в жесткости по отношению к России. Это — глубоко разочаровывает».

Но если жесткость обращена не только к каким-то частным проявлениям, но и к целостной, «вечной» России, то и оборонительные силы она пробудит «целостные», которые начнут защищать в ее прошлом и настоящем любую частность, если даже до этого она им была сравнительно безразлична или даже неприятна. Так избличения Сталина в этом контексте стали восприниматься лишь поводом для дискредитации России как целого — отсюда и произошло возрождение Сталина из полузабытого деспота в актуальную героическую фигуру. Подобная героизация будет происходить и с любой другой фигурой, которую пожелают дискредитировать наши «партнеры».

Сам я этого особенно не помню, ибо советская власть меня слишком уж достала, но я не вижу причин не доверять впечатлению писателя следующего поколения — Захара Прилепина.

— А что для вас значит советский опыт?

— Это опыт... как бы его определить... тут много слов надо... Небывалый... Чувовищный... Определивший историю человечества... Крайне важный, отрицать его совершенно невозможно. То, что от него отмахнулись, связано в том числе и со слабостью человеческой породы, которая пыталась на сломе эпохи каким-то образом выстроить свою судьбу, дать себе новое имя, испытать полноту ощущений, пиная то, что уже и так рассыпалось. Я не думаю, что борьба с советским строем, который уже исчез, демонстрировала наше мужество, нашу смелость и высоту наших побуждений. Мне в 91-м году было шестнадцать, и уже тогда, в юности, мне было глубоко неприятно это поругание если не святынь, то того, что определило историю нашего народа в XX веке.

— Люди старших поколений жестко делают свою жизнь на «до» и «после» развала Советского Союза. Вам было шестнадцать. Жизнь разломилась?

— У меня разломилась. И ощущения были очень болезненные. Было ощущение, что пляска бесов какая-то происходит. Открываешь газету и читаешь, что Зоя Космодемьянская — проститутка, заблудилась, пьяная, и ее немцы поймали, что Александр Матросов — зэк, что он просто поскользнулся и упал на амбразуру дота...

— *А вы были мальчиком, читающим газеты?*

— А тогда все читали! И «Огонек», и «Комсомольская правда», и много чего еще у меня до сих пор хранится на даче. Я иногда их листаю. И у меня и теперь легкая изморозь брезгливости пробегает по спине и по рукам. Я думаю, это в течение десяти лет продолжавшееся беснование аналогов в истории не имеет. Я, возможно, сейчас был бы более толерантен к русскому либерализму, если бы оно не прошло через меня в течение моей юности.

— *И к нацболам пришли поэтому?*

— Отчасти. Приход в радикальную политику состоялся, когда я начал заниматься журналистикой, близко общаться с политиками конца девяностых—начала нулевых годов.

— *После Чечни?*

— После, да. Но то, что я стал политически ангажированным, было связано не с Чечней, а с тем, что я стал близко общаться с этими людьми и их мотивы поведения мне стали тогда понятны. Идеи государственного строительства или сбережения народа им далеки настолько, что даже представить невозможно.

Можно отмахнуться — а, мол, чего ждать от национал-большевика! — но можно и задуматься: что-то же его сделало национал-большевиком? Ведь даже социальные расисты вряд ли станут утверждать, что есть такая особая порода — национал-большевики. Даже не соглашаясь с Прилепиным, нельзя отворачиваться от его «мыслечувств», ибо душа талантливого писателя — это всегда чуткий сейсмограф.

— *А есть сейчас идея, способная объединить общество?*

— Осталась, пожалуй, одна идея, на которой может подняться общество. Возможно, она не самая лучшая, возможно, она даже худшая, но ввиду того, что все идеологии XX века были подвергнуты обструкции, в том числе и социалистическая, и либерально-демократическая, осталась только одна идеология, которая может людей сплотить, — это идеология националистическая.

— *Скомпрометированная более всего. Мир уже прошел однажды через фашизм, Захар.*

— Фашизм был, но не надо весь и всякий национализм путать с фашизмом. Это крайняя степень, а крайняя степень есть у всего — и у любви к детям, и у любви к женщине, у страсти, у нежности, у всего есть крайности, которые могут привести к катастрофическим результатам. Фашизм — это одна идеология, а национализм — чувство почвы, чувство родства со своей родней, со своей землей и народом — это и есть то истинное и врожденное, что может людей сплотить. Другой вопрос, что вы совершенно правы и это может обернуться какими-то невыносимыми катастрофами. И государство национальную карту пытается активно использовать, насаждая госпатриотизм, и даже эту, врожденную, несомую в кровотоке идеологию, опошляет. И в конце концов не остается ничего, ради чего мы могли бы, что называется, взяться за руки все вместе.

Национализм, на мой взгляд, идеология настолько опасная, что опошление ее госпатриотизмом можно лишь приветствовать. Ибо национализм — это вовсе не крайняя степень патриотизма, экзальтированное чувство родства со своим народом и землей, на которой он живет, — это светская религия, усматривающая в нации божество, уже не нуждающееся в совершенствовании, а требующее исключительно борьбы за его доминирование решительно во всем, — что и подобает совершенству.

Пока что в России, мне кажется, преобладает национализм оборонительный, но если его разоблачение и дальше будет оставаться таким же непримиримым и тотальным, он вполне может перейти и в наступательный. Ведь национализм сегодня главным образом и порождается борьбой с ним.

В книге столько интересных диалогов и ярких собеседников, что отклика требуют они все, а статья и так уже угрожает затянуться. И тут пора вспомнить, что речь в ней идет о духе времени, а дух времени, как писал Лев Толстой в своем неоконченном романе о Петре Первом, представляют люди, не думающие «по-своему», то есть оригинально, к чему склонны практически все собеседники Н. Игруновой. В среде интеллектуалов всегда можно найти полный спектр всевозможных мнений от Ромула до наших дней, а вот из признаний каких-нибудь не блестящих образованием провинциальных школьников гораздо точнее можно узнать, каким воздухом дышит нынешнее время. И таких признаний в «Воздухе времени» десятки.

Вот цитаты из сочинений белгородских школьников 1992—1993 учебного года.

Владимир, 3-й класс: «Я мечтаю быть экскурсоводом. После школы я пойду в институт. Я получу диплом. Потом я пойду в армию. Потом я женюсь. У меня будут дети. Я хочу, чтобы у меня был сын. Я хочу, чтобы его звали Андрей. Я хочу жить в Америке. Я буду зарабатывать на жизнь. Моя жена будет работать в магазине. Я буду жить в доме. У меня будет видик. У меня будет собака овчарка. Ее будут звать Амур».

Елена, 10-й класс: «У меня есть мечта, точнее, не мечта, а так — иногда по вечерам я представляю такую картину.

Побережье Средиземного моря. Песчаный берег усыпан ракушками и мелкими камушками. Закат, и небо чистое, с уже кое-где появившимися звездами. Я плыву в прозрачной воде, иногда ныряя в темные глубины моря. Водоросли щекочут ноги и руки, испуганные рыбки расплываются в разные стороны. Мне хорошо, так как я знаю, что на берегу меня ждет человек, которого люблю, в котором уверена и знаю, что он меня любит и ни когда не бросит. На горизонте в лучах уходящего солнца плещутся дельфины.

И еще одна картина.

Это же место, но лет через десять. На побережье стоит прекрасная вилла с бассейном. В доме можно найти все что угодно: прекрасную мебель, дорогую посуду, изящные статуэтки, ковры, картины. В гараже стоят две машины: моя и мужа. У меня есть все: дети, муж, преданные друзья, любящие родственники, работа, которую я люблю, деньги.

Дав указания повару, я одеваюсь и иду на пляж. Подходя к пляжу, слышу звонкие голоса детей и смех мужчины. Это мой муж и дети».

Александр, 3-й класс: «Я хочу доучиться на хорошую оценку. Мне хочется пойти в институт, а после того получить диплом. В дальнейшем мне хочется стать бизнесменом. Потому что я хочу летать в Америку, в Германию и в разные другие страны за рубеж. Мне хочется зарабатывать много денег и очень хочется, чтобы зарплата была в валюте. Мне хочется жить в России потому, что это моя Родина. Я хочу построить себе дом, и чтобы он был с бассейном и огромным оазисом. Мне нужно будет построить себе хорошую дачу и выращивать овощи и фрукты. Я хочу заработать и построить себе „Супер Банк“ и накопить себе миллиарды долларов. И хочу купить себе джип „Сироки“. Я очень хочу стать бизнесменом! И надеюсь стать им».

Андрей, 5-й класс: «Я мечтаю иметь дом, тысячу душ, три машины: BMW, „Ладду“, ВАЗ 6-й модели. Также я хочу стать директором предприятия, чтобы у меня была собственная машина с шофером и с телефоном. Я также хочу быть программистом и иметь собственный компьютер. Я хочу стать футболистом или тренером команды, и чтобы моя команда выиграла Кубок Кубков и была чемпионом СНГ. Хотелось бы, чтобы наша страна была бы самой цивилизованной страной в мире».

Маша: «Я учусь в 5-м классе. Моя мечта стать Мисс Королевой 1995 года. Я хочу, как и все другие женщины, выиграть белую лисью шубу, корону из драгоценных камней и много-много денег. Я хочу быть знаменитой-знаменитой, чтобы все всегда брали у меня интервью, и эта «профессия» осталась у меня не на один год. Мне хочется стать миллионером, когда я выиграю у других девочек. На эти деньги я купала бы себе каждый день мороженое, шоколад, мармелад, конфеты и другие вкусные сладости. Когда я шла бы по улице или поехала бы на новеньком модном автомобиле, то меня бы останавливали и здоровались или спрашивали: как у вас здоровье. Называли бы меня на «вы». Каждую неделю приходили бы ко мне гости, а я завела бы все больше и больше новых друзей. Были бы у меня слуги, я кормила бы их очень хорошо и платила бы им хорошую зарплату. Я бы садила много деревьев, цветов и кустов, сделала бы так — купила бы всем квартиры, и на земле никогда не было бы нищих и голодных. Все бы были счастливы. И людей не тревожили бы никакие проблемы о пище, об одежде. На улицах не было бы нищих и голодных. Как и раньше, я бы очень хотела ходить на бал. И произвела старые традиции».

Владик, 10-й класс: «Хочу: IBM PC AT-487 с принтером, автоматическим сканером. Спортивный «Феррари», гараж, охрану, сигнализацию, 100 000 000 долларов США в Швейцарском банке, владеть контрольным пакетом акций самых богатых нефтяных месторождений, жить на Гавайских островах, иметь собственный самолет или вертолет, уметь им управлять, дворец с бассейном и прислугой, в совершенстве владеть английским, прочитать „Силмариллион“ и „Властелина Колец“ Толкина в оригинале, научиться прекрасно программировать на ассемблере, иметь собственную хорошо оснащенную химическую и физическую лабораторию со штатом сотрудников (предполагается, что я буду большим специалистом в этих науках), изучить квантовую механику, доказать возможность движения тел с действительной массой (любой) со сверхзвуковой скоростью, построить космический аппарат, обладающий такой способностью, и, при обнаружении планет, пригодных для жизни, около ближайших звезд туда убраться, заниматься разработкой программ искусственного интеллекта, изучить возможности применения компьютеров для решения задач выбора, изучить Риманову n-мерную геометрию, геометрию Лобачевского, свободные алгебры неклассических логик H , I_n и т. д., иметь безукоризненное здоровье, продлить свое бытие как можно дольше (желательно навсегда), стать Господом Богом и всегда иметь то, что хочу».

Дети не забывают и о родине.

Елена, 6-й класс: «Я мечтаю стать президентом. Если бы я была президентом, я бы поставила все на свои места. Тогда бы я снизила цены на продукты, вещи, на все остальное. Ну, а сейчас жить просто невыносимо, потому что у нас в стране цены растут все выше и выше. Как сейчас можно жить старым людям, инвалидам, ветеранам, если у них такая маленькая пенсия, что они на нее даже не могут нормально питаться и одеваться. Просто невозможно смотреть, когда у церкви стоят алкаши и просят у всех прохожих милостыню. Ладно там калеки, которым на войне оторвало ноги или руки, но алкашам, мне кажется, давать грех. Но я думаю, что когда-нибудь у нас в стране будет хороший президент».

Света, 6-й класс: «Я мечтаю стать президентом. Если бы я была президентом, я бы сделала, чтобы всем людям жилось хорошо и чтобы они не боялись идти вечером домой — они боятся, что их кто-нибудь изобьет или снимут дорогие вещи. Я бы это отменила. Я бы сделала, чтобы продукты стоили намного дешевле и не были такие сумасшедшие цены, как сейчас... Как сейчас можно жить пожилым людям, у них пенсия один раз в месяц. Они на эти деньги могут купить себе только еду, а на остальное не хватит. Я думаю, может быть, хоть один найдется такой президент, который бы не допустил такого, как сейчас в нашей стране, и вытащил бы нас из этой ямы».

Оксана, 7-й класс: «...А еще я мечтала, чтобы стать президентом. Я бы обязательно снизила цены на продукты. Я бы запретила убивать, воровать, пить. И мне очень обидно за нашу Россию. Почему сейчас мы стали разделяться на отдельные государства? Ведь раньше мы жили вместе, и если приедешь на Украину, тебя встречают как брата. А сейчас? Сейчас все обозлились. Это очень плохо. И почему мы все так бежим за Америкой? Я не против того, чтобы мы дружили с другими государствами. Только не надо перенимать плохое. Ведь очень много хорошего и у них, и у нас. Только все наше хорошее прикрылось грязью, плохим. Пока это все мои мечты, но в будущем, я думаю, они еще появятся. Ведь нельзя жить без мечты».

Это точно, нельзя. В этих сочинениях-исповедях рассыпано столько жемчужин, что трудно остановиться в их цитировании. В общем, читайте и обрящете, а мне пора перейти к 2008 году — ребята той же школы рассказывают, что они знают об СССР.

Пятый класс (1997—1998 годы рождения).

Лера: «Я мало что знаю, но попробую рассказать. Мне рассказывала мама, что она до 11-го класса ходила в школу в форме. Еще раньше 9 копеек стоило мороженое. У меня дома есть старые книги, и на обратной стороне написано 50 копеек или другая цена. Вот мне кажется еще, что раньше все жили дружно. У мамы я видела фотографию, где все дети были в форме на площади. В Советском Союзе 7 ноября был день Октябрьской Революции. В те времена в школе были пионеры. Я смотрела фильм про двух мальчиков, они были пионерами. У них были очень красивые повязочки на шею. И вот этих двух мальчиков не любили, потому что они были самыми лучшими. Вот я например не хотела бы быть пионером. Потому что я не умею командовать. Но я хотела бы жить в те времена. Потому что мне кажется, что все были дружны».

Кристина: «Я не много знаю о Советском Союзе. Но я думаю, что раньше люди жили по-другому. Я думаю, что цены были другие и одежда была не похожа на нашу. По-моему, объединились несколько республик. Я знаю то, что дети приходили в школьных формах. Когда у людей не было света, они зажигали киросиновые лампы. 7 ноября был день Октябрьской революции. Раньше у людей были черно-белые телевизоры. В них было всего два канала. Мне мама говорила о том, что моя бабушка разрешала смотреть телевизор всего по два часа. Президентами были Хрущев, Сталин, Брежнев. Мне мама рассказала, что люди могли ездить в горы и кататься на лыжах. Ходили они на катки и катались на коньках. Моя мама была пионером. Она ходила в красном галстуке».

Дарья: «Я думаю, что Советский Союз — это государство, которое было очень ответственное и дружное. Наши бабушки и дедушки жили в очень страшное время, когда каждой семье выдавался один кусок хлеба. А сейчас мы такой кусок хлеба крошим голубям, люди стали жестокими и безответственными. В Советском Союзе не было голубокровок, все трудились не покладая рук. Власти стали убирать праздники, которые очень много значили для Советских людей, но мы их все равно помним. Очень изменились города, раньше можно было сесть на электричку и доехать до Харькова, а сейчас стоять на таможне три часа. По-моему, Советский Союз распался из-за того, что каждый захотел быть сам за себя».

Юля: «Я знаю, что СССР переводится как Советский Союз Социалистических Республик. В те времена было все красиво. По-моему, в СССР не было слишком богатых людей. За кражу отрезали кисти рук, в школе все дети были в одинаковой форме. Жалко, что его сейчас не осталось».

Соня: «Вернемся в те года. В Советском союзе были преграды во внешности человека. Нельзя было носить джинсы, носить длинные волосы. Я слышала что нельзя было слушать группу чин-гинскан. По-моему Советский союз распался в 1991. Причиной этому наверно стала вот что: ведь Россия была лучшей и всегда будет лучшей!!!! А всем частям союза было завидно успешной и богатой России. Я слышала что

В. В. Путин хотел восстановить Советский союз, но это не получилось. По-моему им было стыдно воссоединяться. В СССР был президент Ленин, которого — загадка — до сих пор показывают по телевизору, Ельцин, Хрущев, Брежнев. Раньше были орлята и пионеры. Эти дети участвовали в лагере и носили красные шарфики на шею. Они помогали людям, пожилым и больным. Строили скворешники и делали много добрых дел. На нынешний момент дети стали злее, хуже, в общем изменились не в лучшую сторону. Появились эти телефоны, которые портят детям психику, и они закачивают туда всякую гадость. Мне бы хотелось чтобы некоторые „вещи“ вернулись из СССР. Цены, меньше бомжей, чтобы люди перестали делиться на богатых и бедных. Вернулись лагерь, орлята. И то веселье».

Владислав: «По-моему в советский Союз были включены три страны: Казахстан, Украина и Россия. Советский Союз распался благодаря октябрьской революции. Она произошла седьмого ноября, а сейчас этот праздник празднуется четвертого ноября и называется Днем Народного Единства. В те времена жилось не очень весело. Нашему поколению повезло больше!»

А вот седьмой класс.

Степан: «Советский Союз состоял из 7 современных стран. По-моему он развалился в 1991 году. Из-за Октябрьской Революции. СССР состоял из: России, Белоруссии, Украины, Грузии, Киргизии, Казахстана, Чечни. Первым президентом стал Сталин».

Катя: «СССР для меня — время спокойного жития народа. Тогда правительство заботилось о людях. Причина исчезновения — это пришествие Горбачева. Я не помню точно его имя. Горбачев это всего лишь мое предположение. Мне бабушка недавно рассказывала всю историю исчезновения Советского Союза, поскольку я ему задавала этот вопрос. Но было много имен, и я все забыла. У меня дома осталось много монет, которые действовали при СССР. Я бы хотела, чтобы СССР вернулся».

Эвелина: «Мне кажется, что советский союз распался из-за того, что Ельцин был плохим президентом! Он не любил свою страну, свою работу. Президентом он был только потому, что он имел власть и деньги».

Артем: «Раньше в СССР входило шесть стран: Украина, Абхазия, Казахстан, Белоруссия, Татарстан и Россия. Все жили в мире и согласии. Позже некто «Ельцин» порвал Советский Союз. Люди легли спать в СССР, а проснулись не известно где, в России. Вот так благодаря одному человеку распался Советский Союз».

И нечто вроде итога.

Полина: «Что нынешнее поколение знает о СССР? Почти ничего. Единственное, что остается у нас в памяти это великое событие — Война. И больше ничего. Скоро умрет последнее поколение советских людей — и память о Советском союзе исчезнет навсегда. Но для людей, сохранивших и передающих советские традиции из поколения в поколение, СССР не умрет никогда. Что я знаю о Советском Союзе? Это было хорошее время, как говорит мне мама. И очень жалеет, что он распался. В Советском Союзе совершилось множество разных открытий и событий. Война, первый полет в Космос... Это очень закалило людей, поэтому советские люди очень выносливые и крепкие. Они очень отличаются от нынешнего поколения. Наше поколение не переживет даже элементарного дефицита товаров, а советским людям к этому не привыкать, ведь они перенесли голод и холод. Советское время было проще и лучше, поэтому я бы хотела жить в СССР».

Истинная реставрация Советского Союза происходит не в умствованиях идеологов, а в фантазиях бесхитростных Катя и Полин, подобно тому как, по мнению того же Толстого, грозу двенадцатого года одолели мужики Карп и Влас, отказавшиеся

везти Наполеону сено, хотя им предлагали хорошие деньги. И если СССР когда-либо в какой-то степени восстановится, то уж во всяком случае не во плоти, но разве что примерно так, как Древний Рим восстановился в Священной Римской империи. Для этого, однако, должно произойти массовое разочарование в религии национальной независимости, по-видимому и определившей главные кошмары XX века. Именно она и привела к катастрофе 1914-го, и она же не позволила завершить ее в 1918-м. Ведь как красиво это звучало: малые народы должны обладать собственными государствами так же, как и большие, — и эта версальская нарезка позволила Гитлеру с легкостью заглатывать их по частям.

Надеюсь, на этот раз мы до такого не дойдем, но отнюдь не потому, что мы сделали умнее, — просто на нашу безмозглость нашлись ядерные тормоза. Однако не знаю, какие еще кошмары будут способны ответить на один из завершающих книгу вопросов Льва Аннинского: «Жизнеспособно ли национальное государство в нынешнем глобальном мире?» Ясно, что национальные государства будут бороться за существование, доколь в подлунном мире жив будет хоть один националист. Ведь всегда найдутся наивные идеалисты, готовые поддерживать его уже за одно то, что он «меньшинство». И всегда найдутся прохвосты, старающиеся использовать его против своих конкурентов. Хотя использовать национализм в каких-то конструктивных целях так же невозможно, как пахать на тигре, ибо это религия, не терпящая соперников, видящая в любом компромиссе унижение и поражение.

Томас Венцлова, в советское время считавшийся литовским «буржуазным националистом», после обретения национальной независимости заговорил совершенно по-новому — см. «Пограничье» (СПб., 2015): «Когда в Литве боролись за независимость, то повторяли: «Ах, большевики уничтожают нацию!» Но сейчас она тает гораздо быстрее. Большевики ее как раз консервировали. Лучшим способом сохранения так называемых национальных ценностей оказалась как раз советская власть — ее по заслугам ненавидели, поэтому ставили акцент на этих ценностях, клялись в верности им. Сейчас это стало скорее демагогией». Что было вполне предсказуемо: нацию разрушает не угроза, а соблазн, и советская власть ограждала от соблазна.

«Расцвет национализма был уже довольно давно, и люди подзабыли, что это такое. На эту приманку сейчас, увы, поддаются сильнее, чем на коммунистическую» — так она и проще: коммунизм еще нужно строить, а нация — уже готовое совершенство. «И возможно, для малых народов она особенно привлекательна — помогает преодолеть комплекс неполноценности, связанный именно с величиной, и превращает этот комплекс в манию величия. Это очень опасно». «Сейчас эта тенденция начинает побеждать, и вполне возможно, что об этом придется говорить очень резко и очень откровенно». Хотя куда уж откровеннее! Даже независимость уже не кажется Венцлове «лучшей гарантией, что язык и культура будут сохранены»: «Гитлеровская Германия тоже была вполне независимой. И сталинский Советский Союз тоже — попробуй ему кто-нибудь что-нибудь указать. А что в них было хорошего? Северная Корея вполне независима. Очень независимая страна — Иран, но не хотел бы я жить там, и, кстати, многие мусульмане не хотят». Больше того: «Если исчезнет нормальная человеческая ментальность, то, на мой взгляд, это хуже, чем потерять язык». Но, разумеется, о том, чтобы вернуться в Российскую империю, не может быть и речи. Даже и в далеком прошлом, «если бы русское национальное самосознание, отличное от имперского, своевременно и полностью сформировалось, история России и всей Восточной Европы была бы счастливее»; «все мы должны любыми возможными способами поощрять русский национализм, нормальный национализм, с которым приходит понимание собственных национальных интересов, а вместе с ним осознание, что империя только вредит этим интересам».

Это, пожалуй, главный пропагандистский успех националистов — они превратили слово «империя» в ругательство (либералы лишь воспользовались плодами их победы), хотя именно развитые империи ввели представление о культурной автономии национальных меньшинств, с которой национальные государства либо покончили, либо пытались и пытаются руками националистов это сделать. Гердер обзывал многонациональные империи государствами испорченными, развращенными, ибо не только совместное проживание, но даже использование чужого языка заражает иностранными пороками (почему-то не достоинствами). Национальные эгоцентрики сумели изобразить имперское сознание еще и высшей степенью национального эгоцентризма, хотя имперский принцип напротив требует преодоления национального эгоизма во имя более высокого и многосложного целого.

Я тоже с младенчества усвоил либеральные принципы: все народы, все культуры заслуживают равного уважения, но в случае конфликта нужно быть на стороне слабого, на стороне Давида против Голиафа. И лишь в последние годы во мне вызрело страшное подозрение, что нетерпимость в мир несут не сильные, а слабые, Давиды, ищущие реванша за свое реальное или воображаемое унижение. Но это мало замечается, поскольку у них недостает сил натворить особенно много ужасов. Главные ужасы начинаются тогда, когда слабыми, обиженными начинают ощущать себя сильные. А значит, в том, чтобы не обижали сильных, более всего заинтересованы слабые, ибо все обиды сильные выместят прежде всего на них. И наоборот: будучи спокойны за свое доминирование, сильные будут не только заинтересованы в сохранении мира, но и сумеют его обеспечить — от чего в первую очередь выиграют опять-таки слабые. Они сохраняют жизнь, имущество, но национальное достоинство им придется обретать не на силовом, а на творческом пути, националистам предельно безразличном.

Классическая геополитика стояла на принципе «миром должны править сильные», усматривая в нем и определенную гуманность: власть все равно перейдет к сильным, но только через страдания и кровь — так не лучше ли сразу прийти к этому же результату? Но если мы не столько мечтаем о земном рае, сколько страшимся земного ада, может быть, и нам стоит почаще вспоминать, что равенство наций есть чисто умозрительный идеал, не работавший ни единой минуты. А относительный мир между народами удавалось установить лишь империям, использовавшим мудрый принцип: собирай подати и по возможности не трогай культуру. Сохрани за покоренными народами право молиться, как они хотят, жениться, как и на ком хотят, есть, пить, танцевать, одеваться и даже судиться, и лучше всего управлять народами-вассалами руками их же собственных элит, усыпляя гордость последних возможностью входить в элиты «федеральные», тогда как гордость «плебса» будет убаюкана тем, что с чужеземцами в своей будничной жизни ему сталкиваться почти не придется.

Если же имперская элита окажется неспособной укротить кнутом или пряником неизбежные амбиции отдельных народов, она открывает путь конфликтам всех со всеми: или все ненавидят центральную власть и воображают, что без нее жили бы в мире и дружбе, или все грызутся друг с другом и мечтают о центральной власти, у которой они могли бы найти управу на наглость соседей.

Коммунистическая власть тоже довольно скоро поняла, что равенство индивидов — вещь более или менее возможная, но равенство культур — опасная утопия, возможна и необходима лишь декорация этого равенства. И после десятилетий страшного террора национальное замирение удавалось поддерживать столь малой кровью, что наивным людям этот вынужденный худой мир до сих пор представляется дружбой народов. Однако в советской империи простор открывался только личным, но не национальным амбициям, а потому все брюзжали, но оставались живы.

Нечто подобное можно было бы осуществить и в мировом масштабе, если бы Голиафы не взращивали друг против друга пламенных Давидов, увеличивая число игроков на международной арене, что уже само по себе затрудняет возможность разделения сфер контроля, и, что еще хуже, увеличивая его за счет пассионариев, готовых ставить на карту даже собственную жизнь, не говоря уже о прочей человеческой плоти.

Рано или поздно кто-то из сбросивших ярмо Давидов наконец сумеет-таки ввергнуть человечество в мировую войну, если, к счастью, немногочисленные и относительно рациональные Голиафы не осознают, что главную опасность для каждого из них представляют не другие Голиафы, которыми есть много что терять, а бесчисленные Давиды, которым терять, как им кажется, почти нечего. Если каждый Голиаф станет держать в узде своих отморозков и не подзуживать чужих, мир получит шанс на новую передышку.

Сегодня совершенно необходим новый Священный Союз Голиафов против Давидов: мир делится на Союзы национальных государств, каждый из которых на старых, хотя и не всегда добрых имперских принципах контролируется собственным рациональным Голиафом. Который помнит, что при всех его недовольствах другими Голиафами главной опасностью для него и всех остальных является националистическая или религиозная иррациональность.

Впрочем, почему «или»? Националистическая и есть религиозная.

К 100-летию А. Солженицына

Олег АЛИФАНОВ

СОЛЖЕНИЦЫН — НЕСВЫСОКА

К Солженицыну теперь принято относиться свысока.

Различаются две стадии: журить по-сыновнему, мол, папка чуть сбрендил, и пинать по-взрослому, как хтоническое зло.

Это такой сейчас тон. Напиететничались, утерлись и...

Есть стойкое ощущение, что славословили и хулят — одни и те же. Персоналий вспомнить невозможно, ибо имя паукам — легион, но ощущение такое, что «натерпелись! Воля!» Лев умер. Лапой повести некому.

Расстегнулись. «Вермонтский обком закрылся».

Внезапно выяснилось, что Солженицын-то — стукач, сумасшедший, сволочь и расист.

Выяснилось также, что так думали всегда.

Это пауки выясняли внутри себя. Сами с собой договорились, когда именно они «всегда так говорили».

Олег Владимирович Алифанов родился в 1967 году в Москве. В 1992 году окончил Московский инженерно-физический институт. С середины 1990-х публиковал в различных, в том числе «толстых», журналах и литературных сборниках статьи и эссе.

Да! Забыли мелочь-то! Писал он скверно. Премию получил политическую. Они — всегда политические.

А если поговорить только о качестве литературы?

Солженицын — крупнейший русский писатель второй половины XX века. Да и сейчас, в начале XXI, ему равных нет. Именно по качеству прозы. (Жлобы скажут, мол, Гулливер — обычный моряк. Поставь его среди людей — и... Жлобы по генезису, разумеется, лилипуты.)

Чтобы понять уровень Достоевского, надо прочитать пару крупных романов, Толстого — один из двух, Чехова — штук десять рассказов (достаточно три, но по инерции меньше не получится). Чтобы понять уровень Солженицына, необходимо и достаточно прочитать «Один...»

Уровень там феноменальный. Но остановиться на нем хочется не поэтому. Уровень у Солженицына везде запредельный, потому и непонятен: «слишком просто все», приходится объяснять «слишком простое». Урка Шарарову, играющему этюд Шопена: «Это и я так могу». Не можешь, дурка. Все вышесказанное не значит, конечно, что у Солженицына нет слабых мест. Есть — и предостаточно. А остановлюсь я на «Иване Денисовиче» по нескольким причинам: это первая опубликованная вещь писателя; это короткая вещь, и в ней видно мастерство в высочайшей плотности; это чистая беллетристика; наконец, этот рассказ был напечатан легально, читали его и читают общедоступным способом все культурные люди с момента публикации. Для них и объясню то, чего они недопоняли.

Думается, что Солженицын и обиделся на интеллигенцию именно тогда. Прозвал «образованцы» (слышится как смесь «образины» и «оборванцы»). Ну что тут будешь делать: повесть читали все, хвалили многие, а не понял никто. Определили в гетто лагерной прозы. А потому считали — лагерным писателем. Обличителем культа личности. Критиком отдельных сторон... Но по пункту первому Шаламов, мол, правднее. По второму Симонов лучше объяснил и т. д...

Обозлишься тут.

А повесть не о лагере, не о культе, не о вселенной. Солженицын писал ее, когда лагерь уже отменили, Сталин умер, а вселенной предсказали тепловой коллапс. Жив остался только Шухов. О нем и повесть. Лагерь — фон. Как «Титаник» в фильме «Титаник». Как Анна Каренина в романе «Анна Каренина».

Ключевые 32 слова из середины повести:

— *Иди, бригадир! Иди, ты там нужней!* — (Зовет Шухов его Андрей Прокофьевичем, но сейчас работой своей он с бригадиром сравнялся. Не то чтоб думал так: «Вот я сравнялся», а просто чувствует, что так.)

В короткой повести трудно изобразить галерею персонажей, как они есть. Галерею архетипов напунктировать можно, а целостный ряд — задача архисложная. Тем более в прокрустовом ложе форм-фактора: «1 день». Солженицын изобразил четырех человек в их существенной полноте, так, что мы их воспринимаем людьми, а не образами: Шухов, бригадир, кавторанг, баптист. (Скажут, что там есть еще один необыкновенно странный тип неопределенной профессии (киношник-театрал), неопределенной национальности (грек-еврей-цыган) и чудовищно неопределенного имени (Цезарь-Маркович), но это не так. Этот вообще не человек. Он демон-искуситель из вечности Свидригайлова, он обитает в избе с пауками, внезапно появляется и исчезает, катализируя/карикатузируя черты остальных персонажей. Ну, или Агасфер, если Мефистофель кому-то не нравится...) Подробно имеет смысл остановиться только на Шухове, остальные проявятся в процессе, ибо их полнота — полнота флюса.

Штука в том, что Шухов в разных пропорциях состоит из всех четырех личностей (сам Шухов, бригадир, кавторанг, баптист). Поэтому он выживает. Мы — ему насле-

дую. Не троим другим. В России чистые формы после 17-го не живут. Люди вообще редко вспоминают о том, что они потомки не дворян/крестьян, а — выживших. Вот черты Шухова (нас): мягкий, твердый, халявшик, трудяга, глупый, сметливый, честный, жуликоватый, трусливый, смелый, решительный, нерешительный, везучий, невезучий и т. д. Он не молится, и он однажды взмолится. Он нигде не христианин, а Бог призывает его. Шухов — сложный. Его сложность — второго порядка сравнительно с другими персонажами. Они сильнее, каждый по-своему. Они правильнее. Они чистые и холодные. Они — динозавры, он — млекопитающее. Мир будет принадлежать ему. Он теплый в мире айсбергов. Они прекраснее, но он симпатичнее.

Рассказ начинается с того, что Шухов захворал. А кончается тем, что исцеляется без лазарета. Исцеление — Господне чудо. Для Солженицына это очевидно. В жизни с ним это было. Как Достоевский казнь и эпилепсию, как Гоголь нос, тему исцеления он тянет красной нитью через свои тексты. В «Раковом...» в конце, в «Круге...» — в самом начале. У него это — Дар. Награда.

За что — автор и показывает между концом и началом. В середине.

Шухов — середина. Так САМ выбрал. Бригадир, понятно, царь и бог. Его — по имени-отчеству. Но и Шухова — по имени-отчеству. С самого заголовка — по имени-отчеству: Твардовский удачно исправил. Но и «Щ-854» — удачное название. Щ — индекс подводных лодок «Шука». Шухов как та лодка — везде пронырнет и отхватит хлеб насущный. На зоне Шухов шустрит, будто последний. На работе — первый, там уважаем. Там он бригадиру ровня. И так он тоже САМ выбрал. В процессе выравнивания кладки стены (кладут блоки оба) стена их отношений выравнивается. И:

— *Иди, бригадир! Иди, ты там нужней!* — (Зовет Шухов его Андрей Прокофьевичем, но сейчас работой своей он с бригадиром сравнялся. Не то чтоб думал так: «Вот я сравнялся», а просто чувствует, что так.)

Но Шухов — не простая середина, — он верхний ее уровень. Поэтому с бригадиром, находящимся в самом низу лагерной аристократии, они иногда и могут идти рука об руку (в часы, когда бригадир становится просто работающим зэком). Но Шухов в верхний слой не попадет, даже выйдя из лагеря, и это показано в рассуждениях, как он начнет жить через два года.

Даже на воле красильником (ковры по трафареткам на простынях рисовать, на самолетах летать, деньги заколачивать, перейти в верхний слой) не хочет. И так он САМ выбрал. Вроде непонятно, а на самом деле понятно почему. У Шухова две профессии: гражданская — плотник, тюремная — каменщик. Иисус был плотником. Камень — Петр. Шухов держит ключи от рая для всей бригады, зарабатывая дополнительную пайку на всех. «*Кто работу крепко тянет, тот над соседями тоже вроде бригадира*». Командует Шухов и неистовым кавторангом — и не по имени-отчеству. Тот по миноносному голосу — царь, а так — овца на заклятие. Овцарь.

«— *Кавторанг, побыстрей! Кавторанг, шлакоблоков!*» А фамилия его — не Шлакоблоков, а Буйновский (а толку?), а имени у капитана еще нет или уже нет.

«— *Раствору!* — *орет Шухов через стенку*». (Голодный большой работяга, из крестьян, в плену доходил, кладку кладет, для всех кладет, на всех кладет. САМ выбрал.)

«— *Да-е-мо!* — *Павло кричит*». (Сытый помбригадир — бугор, бандеровец, людей изпод лесу стрелял, раствор месит. Не сам выбрал, подражает бригадиру.)

Но и внизу Шухову не быть. Не хочет. САМ — не хочет. Никогда он ничего не просит (ну, только раз — у небесных сил — железку чтоб не нашли), а ему дают за услуги: и колбаски, и печеньки, и лишнюю пайку. И докурить. И по имени-отчеству при этом. А другим, как ни просят, не дают. Ни земные, ни...

Нападки на Солженицына сродни нападкам на Достоевского. Оба с кайлом в руках — в жизни и в литературе. Их ругатели тоже схожи — селфи на фоне.

Ввел это в практику Набоков. Его жеманная лекция о Достоевском пронизана лицемерием второй свежести. Тональность ее напоминает голубого воришку из «12 стульев».

Он пишет о Достоевском как о фрике, которого упоминать в приличном обществе стыдно, словно кто-то рыгнул и вдобавок попросил прощения. Но тихо — вроде можно.

Он тихо: «Тургенев прозвал его прыщом на носу русской литературы».

Вдобавок он грозился предать огласке какие-то злопамятные письма-прошения из крепости, в которой сидел писатель (писатель — Достоевский). И в которой комендантом служил дед Набокова. Эмигрант, получается, имел на Достоевского *компромат*, вывез его как *ценность*. Угрожал *предать* огласке... Что поделать, гены: внук генерал-вертухая, сын английского шпиона и пособника экстремистов (отца застрелили при покушении на Милюкова — идеолога и вдохновителя резни 1917+).

Набокова я вообще-то люблю. Но... «Человека можно и так повернуть, и так...» — Солженицын от лица Шухова.

А писатель Набоков прекрасный. Первый во втором ряду. Всю жизнь пытался пересесть.

Изящная словесность — это часть литературы. Но литературу она не образует. И в этом причина ревности Набокова. Пишу я лучше, а читают его. Это правда. Достоевский пронизан идеями и сюжетами. Третья составная часть литературы — изящная словесность у него в зачатке. У Набокова наоборот. Ну, как если бы ваяли они скульптуру «Чапаев». У Достоевского — композиция большая гранитная, издали — шедевр динамики: все скачет, пули летят. Вблизи — трещины, сколы от обуха, зад недоделан: топор раскололся. У Толстого вблизи все подчищено, издали — кони пасутся, из тачанки четыре разнополюе ноги торчат. Василиваныч в траве навзничь в небо глядит. Набор инструментов — резцы профессиональные, пользованные. У Набокова — остро отполированный комплект. — А где «Чапаев»? — «Утонул».

Но Набоков — мировая величина. И Достоевский — мировая величина.

Но и Солженицын — мировая величина. Играет с пауками на вечность.

А те, кто?..

«Искусство — это не что, а как» (Солженицын. «Один день...»). Но литература — искусство специфическое, сродни науке.

Осталось два года. Иван Денисович сам ведет игру. Бескозырка. Ни хорошо, ни плохо. Полет нормальный. Точнее, плавание ПЛ «Щ-854» проекта «Шухов».

«От хорошего дня развеселился Шухов, даже и спать вроде не хочется. Слава тебе, Господи, еще один день прошел. (Евангелие: «...не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны».)

Услышал Алешка (не фарисей, но книжник, начетчик), как Шухов вслух Бога похвалил, и обернулся.

— Ведь вот, Иван Денисович, душа-то ваша просится Богу молиться. Почему ж вы ей воли не даете, а?

Покосился Шухов на Алешку. Глаза, как свечи две, теплятся. Вздохнул.

— Потому, Алешка, что молитвы те, как заявления, или не доходят, или „в жалобе отказать“».

Шухов не жалуется.

Солженицыну не отказано.

ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

Вера ХАРЧЕНКО

МИТРОПОЛИТ МАКАРИЙ (БУЛГАКОВ): УРОКИ БЛАГОРОДСТВА

Исчезающие концепты...

Собственно, на написание статьи нас подтолкнула уже написанная и изданная книга¹, при подготовке которой мы неоднократно сталкивались с повторяющейся характеристикой митрополита Макария, сосредоточенной всего в одном повторяющемся слове: *благородный*. Подчеркивание благородства характера митрополита Макария передавалось из уст в уста всеми, кто хорошо знал и юного Михаила, который, по свидетельству тех, с кем учился в семинарии, а потом в академии, вел себя так, что его, юношу, окружающие уважительно величали *Михаилом Петровичем*. Впрочем, уже в те юные годы были и завистники, «для ослабления коих требовались с его стороны великое терпение и смирение»².

Как самую отличительную черту характера Михаила Булгакова — благородство отмечали и те, кто знал митрополита Макария уже как прославленного служителя церкви. «*Виленская публика*, — писал один из очевидцев первого священнослужения преосв. Макария, — *в восхищении от своего нового архипастыря, высокопреосвященного Макария (бывшего архиепископа Харьковского). Своим служением, своею проповедью, своим обхождением он с первого раза уже привлек к себе сердца всех*»³.

О порядочности, благородстве, рыцарстве существует немало литературы. В частности, отмечено, что современные проблемы нашей страны во многом объясняются тем, что в России отсутствовал институт рыцарства. При этом почему-то не упоминается о старцах, монахах-подвижниках, о существовании знаковой пословицы «Не сто-

Вера Константиновна Харченко родилась в Калинин (Тверь), окончила Новосибирский педагогический институт и аспирантуру при кафедре русского языка Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета. Автор более 600 научных работ и пяти поэтических сборников. За двухтомный «Словарь богатств русского языка» в 2004 году удостоена медали ВВЦ (ВДНХ). В журнале «Знамя» в 2006 году опубликовала статью «Русский язык: бедность или богатство?». Живет в Белгороде.

¹ В. К. Харченко. Митрополит Макарий (Булгаков): пластика языка и стиля. — Белгород: ЗАО «Белгородская областная типография», 2017. 224 с.

² Титов Федор. Материалы к жизнеописанию митрополита Макария (Булгакова). М.; село Белянка, 2015. Т. 1. С. 52.

³ Титов Федор. Материалы к жизнеописанию митрополита Макария (Булгакова). Т. 3. М.; село Белянка, 2015. С. 5.

ит село без праведника». Философ Мераб Мамардашвили, которого величают грузинским Сократом, совершенно точно отметил, что нравственные качества обладают цельностью, целостностью. Нельзя быть *немного* порядочным. Более того, это качество требует ежедневных, если не сказать, ежечасных усилий. «Мы все время должны заново устанавливаться на какой-то вершине, потому что с нее мы неминуемо соскальзываем то в одну, то в другую сторону»⁴. Так что если митрополиту Макарию устойчиво приписывали благородство, то в подлинности этого наитруднейшего свойства личности сомневаться не приходится.

Здесь дело еще в том, что на наших глазах многие концепты уходят из светлого поля сознания соотечественников. Так, проведенное недавно, в 2014 году, Е. Н. Кондратенко экспериментальное исследование выявило... исчезновение из активного лексикона такого слова, как «честь». Респонденты давали характерные, знаковые ответы: *уже не в чести; то, что отсутствует у многих в современном мире; то, что присуще рыцарям; редкость; забытое качество; традиции прошлого*⁵. Учитель православия из белянковской средней школы Валентина Александровна Коваленко, выступая 15 марта 2017 года на мероприятии «Поезд творческих идей», поделилась своим наблюдением над исчезновением из речи учащихся такого слова, как «труд». И предмет, говорит, такой отменили, заменив «технологиями». Полагаем, что в печальной серии исчезающих концептов находится сейчас и концепт БЛАГОРОДСТВО. Как шутила Фаина Раневская: «Я еще помню порядочных людей. Боже, как я старая!»

Об отношении к противникам

У митрополита Макария немало было недоброжелателей. Далеко не случайно в своей «Истории русской церкви» митрополит Макарий пишет о том, какие испытания посылает подчас судьба и как чувство чести заставляет человека достойно выдерживать испытания. Достаточно вчитаться в с. 116–126 кн. IV, ч. 1, чтобы заметить частоту использования слов ЧЕСТЬ и БЛАГОРОДСТВО при описании судьбы архиепископа Новгородского — митрополита Макария. *Не устыдившись и первосвященителя, стеснили его, порвали на нем мантию, но он успел, по крайней мере, удержать неистовых от смертоубийства (9 сентября 1543 г.). Через два года некоторые из этих самых бояр подверглись опале великого князя; Макарий ходатайствовал и за них, и князь уважил его ходатайство (декабрь 1545 г.)*⁶. Кстати, этот эпизод о высшем проявлении благородства корреспондирует с поступком самого историографа, за собственный счет опубликовавшего труд своего принципиального противника Евгения Евстигнеевича Голубинского.

Достоинство как исследовательская честность

Достоинство автора ИРЦ (истории русской церкви) как языковой личности можно проследить и на альтернативном материале отношения к идейным противникам, выдающимся католикам, «латинянам», например, на объективной оценке заслуг Франциска Скорины, который был католиком, но печатал и православные книги. Не скрывает в «Истории русской церкви» митрополит Макарий и случаев нерадения священнослужителей о состоянии западнорусских церквей и монастырей в относитель-

⁴ Мамардашвили М. К. Кантские вариации. — М.: Аграф, 1997. С. 265.

⁵ Кондратенко Е. Н. Идеологические проксонимы в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование). Дис. ... канд. филол. наук. — Курск, 2014. С. 106.

⁶ Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Книга четвертая. Часть первая. — М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. С. 119.

но спокойный период истории. И ведь это актуально и сейчас: как важно использовать более-менее спокойное время для наведения порядка в том, за что непосредственно отвечаешь.

Благородство в цитировании

В «Истории русской церкви» немало места отведено анализу проповедей Кирилла Туровского. Чем вообще интересен и поучителен анализ проповедей в ИРЦ? Этот анализ уникален своей внутренней этикой. Не согрешив против правды и покритиковав проповедь, например, «Слово Фотия на Благовещение Господне», историограф далее цитирует самый лучший, на его взгляд, отрывок из проповеди, сберегая тем самым и популяризируя текстовый шедевр. И это не единственный такой случай, пример **высшей этики по отношению к трудам предшественников**. Сказанное относится и к проповедям Григория Самвлака.

Благородство и долг: личный труд на грани фантастики

Мы привыкли рассматривать поведение несколько обособленно от трудовой деятельности. Да, человек *вынужден* трудиться, он *должен* обеспечивать себя и семью — какое уж тут рыцарство и благородство? Однако и здесь есть на что обратить внимание. Это объем сделанного. Объем написанного митрополитом Макарием, выражаясь современным языком, зашкаливает, исчисляясь сотнями печатных листов. Как сказал по поводу выдающегося лексикографа В. И. Даля профессор Воронежского государственного университета Г. Ф. Ковалев, *коллектив не сделает — человек сделает!* Сказанное относится и к «Истории русской церкви», запечатленной в трудах митрополита Макария. Чтобы ощутить **общий объем повествования**, надо подержать в руках эти 12 томов (8 весьма тяжелых книг, четвертая книга вышла в двух частях!), в своей совокупности составляющих целостное здание Истории русской церкви.

Чтобы такое не просто «написать» (причем написать научно, проведя исследование по огромному числу первоисточников!), но при этом написать так, **чтобы написанное сделать читабельным**, пластичным, интересным, нужно было приложить еще немало усилий. Объем сделанного великим историком русской церкви — это дар не только истории и богословию, догматике и православию в целом, нет, это еще и дар национальному языку в развитие всего многообразия его стилей и подстилей.

Линейка крупных форм

Наше неблагородство по отношению к словесности (и к научным трудам) просматривается еще и небрежением к написанию многотомных, масштабных произведений, к разработке специфических жанров. Не каждый способен работать с океаном творчества, что требует особой методологии анализа и весьма строгой исполнительской дисциплины, максимально четкой при творческом полете исследовательской мысли. Здесь мы вынуждены развенчать устойчивый миф, противопоставляющий «много» и «хорошо». Пример митрополита показывает, что колоссальный объем работы отнюдь не сопровождался снижением качества ее исполнения. В одном из писем брату А. П. Булгакову 16 февраля 1858 года Макарий пишет, что от отца Викторина получил в подарок его книгу: «И инспектор академии не постыдился печатать?.. Это сокровище можно сделать в одну неделю! Из вежливости я поблагодарил его за книгу»⁷.

⁷ Письма митрополита Макария к брату протоиерею А. П. Булгакову // Протоиерей Федор Титов. Материалы к жизнеописанию митрополита Макария (Булгакова). М., 2015. Т. 3. ХСПП.

Уважение к социальному статусу

Митрополит не только писал историю русской церкви. Много времени (и сил, и здоровья!) уходило на архипастырские обязанности, на контроль над деятельностью Тамбовской, Харьковской, Виленской, а в конце жизни Московской и Коломенской епархий, а это отчеты в Священный Синод, прием посетителей, поиск средств на ремонт и на строительство церквей, подготовка документации, вдохновенные проповеди, речи по случаю... Причем сам митрополит считал, что выбора у него не было. «...Давно бы отпросился я на покой, если б имел на то какое-нибудь право, **но как монах, я связан обетом безусловного послушания**».

Есть творческие люди, в частности писатели, которые еще и служили, и есть те, которые чурались «работать на самодержавие», что особенно часто интерпретировалось в советское время как доблесть. К сожалению, альтернативная позиция интеллигенции к правительству и, соответственно, правительственным учреждениям пустила глубокие корни и до сих пор считается едва ли не доблестью противостоять любой власти. Вот почему особенно актуально сейчас изучать биографии (а биографический метод ой как необходим при любом раскладе методик и «технологий»!), изучить опыт тех прекрасных творцов, которые еще и благородно служили отечеству. Это опыт Г. Р. Державина и И. И. Лажечникова, И. А. Крылова и Ф. И. Тютчева. И митрополит Макарий (Булгаков), конечно же, относится к этой когорте подвижников.

Достоинство старости

В жизнеописании митрополита, блестяще осуществленном Ф. И. Титовым, обратим внимание на эпитет: «*Посреди кипучего же труда постигла его и смерть*». В современном социуме старение никак не ассоциируется с кипучим трудом. О нет, я не хочу утверждать, что каждый, кому за 60, лежит-полеживает, но в «коллективном бессознательном» старость ассоциируется с жалобами на болезни, низкие пенсии, увольнения, обременения. Это факт. Татьяна Чеснокова в статье «Не торопите Харона» пишет о дискриминации возрастных групп, о «списывании» пожилых людей⁸.

Как филологу мне высветилась не так давно любопытная задача — составить блок художественных текстов, в которых блестяще была бы отражена, да, трудная, но такая насыщенная жизнь главных героев и героинь, которым за 70, за 80. Это замечательный рассказ Фазиля Искандера «Дедушка», это рассказ Бориса Екимова «Возвращение», это воспоминания Анастасии Цветаевой, умевшей не только много работать, но и ценить каждую мелочь в жизни. Как бы ни относилось общество к стареющим соотечественникам, но сами мы могли бы заводить часы своей жизни тем самым неустанным, кипучим трудом, чему учит нас еще и пример митрополита Макария, превозмогавшего боли, болезни, слабости, недомогания и в итоге осуществившего то, что невозможно себе вообразить. Осуществившего свой подвиг без компьютера, без секретарей-помощников-переписчиков, каким-то наитием, силой своего долга перед небом.

Благородство и... консерватизм

Дело еще и в том, что, находясь в какой-то мере у руля правления, творческий человек понимал, как часто в прошлом мы видим только плохое, а в новациях только хорошее, что нередко оборачивается ухудшением и того, что ранее существовало. В Китае

⁸ Чеснокова Т. Не торопите Харона // Нева. 2011. № 4. 160 с.

в последнее десятилетие активно изучается феномен консерватизма. Само слово «консерватизм» уже не первое десятилетие играет негативными красками, оттенками, флюидами, хотя не зря говорится в пословице: *Ломать не строить!* Сейчас в России и в других странах, в частности, повторим, в Китае, всколыхнулись исследования русского консерватизма. Освещая подход Эдмунда Берка, Андрей Тесла пишет: *Примерно таков и подход Берка: при любом положении вещей возможно еще худшее. Его консерватизм — это осознание хрупкости социального и того, что при переменах мы рискуем не каким-то одним элементом, но и обществом в целом... Изначальный же тезис Берка — сложность и хрупкость происходящего. Так возникает задача оберегания сложившегося — неизвестно ведь, к чему приведет следующий шаг*⁹.

В своей архипастырской деятельности митрополит Макарий исключительно ответственно подходил к совершенствованию монастырской жизни, и если и предлагал какие-то новшества, то весьма сдержанные и объясняемые большим опытом наблюдения и отслеживания ситуаций среди монашествующих. Апология консерватизма требует благородного мужества: предложить сохранять *status quo*, не боясь упреков и обвинений в ретроградстве, консерватизме, отсталости взглядов.

Достоинство и... здоровье

В Голландии несколько лет назад провели опрос: кого люди предпочитают видеть своим лидером (начальником, президентом), и оказалось, что... нет, не умного, а здорового (Знание — сила. 2015. № 3. С. 45). Митрополит Макарий соблюдал внутрисуточные ритмы. «Постепенному укреплению здоровья Михаила Булгакова больше всего содействовал строго правильный образ жизни: занятия его в семинарии всегда были аккуратно распределены по часам и раз заведенный порядок времяпрепровождения никогда не нарушался за весьма редкими исключениями». Урок митрополита Макария просматривается еще и в том, что этот подвижник на протяжении всей своей жизни гениально умел работать, распределяя время так, чтобы успевать все, при том, что сетования на плохое самочувствие составляли, как мы видели, значительную часть содержания писем к брату, то есть здоровье митрополита напряженному труду отнюдь не способствовало.

Счастливый камень

Рассказывают, пишет Ф. И. Титов, что однажды Михаил Булгаков готовил урок в южной части семинарского (а вместе и училищного) двора, где обыкновенно складывались дрова. Здесь было любимое место занятий усердного мальчика. И вот в то самое время, когда мальчик был всецело поглощен чтением урока, на голову ему упал камень, брошенный одним из играющих товарищей. Камень рассек голову, следствием чего было сильное кровоизлияние. Ожидали, что кровопролитие еще более увеличит болезненность мальчика, но вышло как раз наоборот. Вместе с заживлением раны, происшедшей от удара камнем, сошли все золотушные прыщи, и с тех пор прежняя мучительная болезнь навсегда оставила Михаила Булгакова. Но этого мало. Физическое выздоровление мальчика имело одним из своих следствий обнаружение в нем необыкновенных умственных дарований.

А если бы камня не было? Перешло бы тогда количество усилий в качество памяти, мышления, внимания? Безусловно! Ведь это из притчи про человека, в течение пяти лет носившего воду в пустыню и поливавшего жалкий пруттик. Но в один прекрасный день пришедший с водой на месте прутика увидел прекрасный сад. Будем помнить, что наши усилия и награды загадочно асимметричны.

⁹ Тесла А. Консерватизм — осознание хрупкости // Знание — сила. 2014. № 5. С. 60.

Человек и сад

Когда мы вчитаемся в «режим дня» митрополита Макария, то обратим внимание на утреннюю прогулку, с пяти до шести, в любую погоду, и часто по саду. Сады окружали митрополита. Впрочем, сад играл свою замечательную, не всегда, правда, замечаемую роль в развитии и самостоянии личности русского человека. Митрополит тонко чувствовал сезонные изменения в природе, умел наслаждаться и пением соловьев, и запахом цветущей сирени, и свежестью утреннего воздуха. *Ах, как прекрасно поет теперь у меня соловей совершенно под окном на той высокой липе, что против моего кабинета! Поет и щелкает на все лады, когда я пишу это письмо в восемь часов прекраснейшего утра...*

И еще о саде и человеке. Мы так часто повторяем: построить дом, посадить дерево, родить ребенка, что и не задумываемся, что не деревья, а сады пристало нам сажать и сажать, не дерево пестовать, а леса, леса. Вспоминается замечательный рассказ Антона Тихолоза, сделавший этого автора сразу знаменитым: «Старик, посадивший лес». Какое благородство сквозит в уходе за садом, а в его создании — с нуля, в посадке! Вот информация о судьбе другого человека. *«Второй комендант Форта, Ираклий Усков, его жена Агата и их сын искренне полюбили Шевченко и оставили жить при комендантском доме внизу, в слободе, за стенами укрепления. Сохранилась крошечная землянка, вырытая комендантом для отдыха в тени, которую Усков уступил Шевченко: оконце, столик, топчан. Все, что нужно настоящему художнику для творения. Впервые после своего ареста он осознает, что именно здесь никто не помешает ему задумать и исполнить любое художественное произведение. И поэт отблагодарил коменданта Ускова: день за днем, а точнее сказать, год за годом рядовой Шевченко подбирает росточки, лозиночки, сажает поливает. Создает сад. Этот сад и поныне единственный на Мангышлаке»¹⁰.*

Идеальный язык как проект

Создавая «Историю русской церкви», митрополит Макарий строго придерживался научного стиля, однако где прорывается свет эмоций и восхищение, так это в первом томе, когда речь заходит о Кирилле и Мефодии и появлении на Руси церковнославянского языка. Выдающийся историограф сердечно приветствует это событие. *Следствия перевода Библии и церковных книг на славянский язык были величайшие и благотворнейшие как для славян вообще, так, в особенности, для русских. Этот перевод имел самое сильное влияние на пробуждение духа народного в славянах и уяснение их народного самосознания. Здесь в первый раз услышали они звуки родного слова в речи стройной, облагороженной, возвышенной и в первый раз начали понимать, как богат, величествен и прекрасен язык их предков, в первый раз заглянули, так сказать, лицом к лицу в собственную душу и увидели все величие и крепость ее природных сил, для выражения которых служит такое могущественное слово¹¹.* Этот фрагмент, как, впрочем, и многие другие в ИРЦ, не просто легко читается вслух — его хочется читать вслух, — настолько хорошо он написан. О да, мы учим со студентами старославянизмы и библеизмы, но не читаем старинные тексты по-церковнославянски. Видимо, в глубине каждой нации таится голод по идеалу, в том числе по языковому идеалу. И хорошо бы заучивать наизусть целые отрывки. И вот что ученые обнаружили. Почему так хорошо выступал Авраам Линкольн? А потому, что в основе его речей лежали библейские тексты.

¹⁰ Голованов В. Восточный берег // Русский мир. 2013. № 7. С. 89.

¹¹ Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Книга первая. — М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. С. 191.

Уместно привести отрывок из, в общем-то, весьма печальной повести Валентина Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана», когда мальчик вдруг ощутил очарование церковнославянских слов: *Полистал, вслух повторяя осторожно и трогательно, словно пробуя на вкус и боясь спугнуть: лепота, вельми, верея, чресла, навет, златозарный, светосиянный.... <...> Иван точно клавиши перебирал, и дивная музыка узнавания звучала в нем мягкими и торжественными аккордами. Все эти слова, все понятия эти в Иване были, их надо было только разбудить, все-все знакомое, откликающееся, давно стучащееся в стенки... «Душу мою озари сияньми невечерними», — пропел Иван, заглядывая в словарь и опять замирая в восторге и изнеможении¹²*. Удивительно, как митрополит Макарий видел на перспективу столь необходимый русскому сердцу язык высоких слов и чистых образов.

Благородство – условие соборности?

В «Истории русской церкви» митрополиту удалось избежать **гиперкритицизма**, когда все прошлое трактуется в негативном свете, однако неоднократно высвечивал митрополит междоусобицу между князьями, «распри», взаимную ненависть вплоть до убийств. Увы и ах, проблема неединства элиты перекечевала и в XXI век и сейчас работает против внутринационального единства. Каким сердцем надо обладать, чтобы противостоять этому разъединению? Восточная мудрость гласит: **«Человек совершенного ума словами улаживает такие дела, которые невозможно осуществить с помощью сотен храбрых воинов»**. Так что благородство поступка подчас может быть следствием высокоразвитого сознания, то есть такого сознания, которое не боится упреков в толерантности, примиренчестве («и нашим, и вашим») и т. п.

Благородство ответственности перед историей

В истории нет мелочей, и важно сохранить для потомства как можно больше сведений на уровне печатного слова. Как писал И. А. Бунин в известном стихотворении «Слово»: *«Молчат могилы, мумии и кости. — / Лишь слову жизнь дана. / Из древней тьмы, на мировом погосте, / Звучат лишь письма»*. «Слово более живуче, более долговечно, чем вещь и личность, и более изменчиво, чем они»¹³.

Митрополит Макарий своим трудом по истории русской церкви учит писать историю. Историю вуза и завода (Максим Горький в 20–30-х годах призывал писателей писать историю заводов), села и района, собственной семьи и больницы (журналист Яков Григорьевич Мень в настоящее время завершает работу над историей 1-й городской больницы Белгорода), школы и банка, воинской части и торгового учреждения. Учит писать максимально подробно и объективно, мастерски включая в повествование элементы описания и рассуждения, используя различные способы включения «чужого слова»: цитацию, пересказ. Мы говорим об этом сейчас потому, что, оказывается, это весьма ответственно — писать историю,

во-первых, писать одному человеку, принимая на себя все бремя (и счастье!) ответственности;

во-вторых, писать, не впадая в крайности, не захваливая и не очерняя события,

в-третьих, писать, опираясь на документальную базу (ее-то надо еще и найти, и грамотно проанализировать!),

¹² Распутин В. Г. Дочь Ивана, мать Ивана // Дочь Ивана, мать Ивана: Повесть. Рассказы. М.: Изд-во РАГС, 2009. С. 154–155.

¹³ Виноградов В. В. Слово и значение как предмет лексикологического исследования // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 15.

в-четвертых, как уже говорилось, уметь переключать реле: с повествования на рассуждение-размышление, с рассуждения переходить плавно на описание, но держать в памяти канву сюжета.

А главное, при всем этом наборе требований неукоснительно блюсти гармонию стиля и содержания. Собственно, этому и учит нас своими трудами митрополит Макарий.

Мы имеем в виду именно историю, а не великолепные по оформлению юбилейные издания с реестрами успехов, и только успехов...

Благородство в одежде

Мы не раз отмечали (точнее, замечали!) и по личной переписке митрополита, и по сведениям из трехтомного жизнеописания митрополита Макария, блестяще осуществленного Федором Ивановичем Титовым, что митрополит очень торжественно обставлял богослужения. И не только богослужения. Чего стоит, например, такая обмолвка: мы *торжествовали* юбилей. Не «отмечали», как теперь говорят, а именно торжествовали, то есть радовались тому, что юбиляр был среди нас, и, соответственно, одевались и вели себя достойно. *И мы торжествовали юбилей Карамзина. И я сказал о нем краткое слово. И слово мое здесь чрезвычайно понравилось всем, даже учащейся молодежи [СХСVIII]. На днях мы ждем к себе Государя Императора. Дай Бог, чтобы хоть тогда была у нас хорошая погодка и чтобы мы могли встретить дорогого Гостя с надлежащею светлою торжественностию [ССXXI].*

Актуально ли это требование нарядности, торжественности для сегодняшнего «джинсового» времени? Боюсь, что мы излишне примитивно воспринимаем требования скромности в одежде и всерьез здесь проигрываем. Даже торговым агентам советуют... наряжаться.

Энциклопедизм знаний

Уже в первых абзацах, первых строках автор «Истории русской церкви» прорисовывает старинные карты происходящих событий. Знают ли современные школьники карту своей страны? Сохранились экзаменационные билеты гимназии города Симбирска, в которой учился Владимир Ульянов. Один из вопросов по географии звучал следующим образом: назовите, с какими губерниями граничит Смоленская губерния.

Спросим себя: справится ли современный школяр с подобным «тестом», не прибегая ни к карте, ни к всезнающему Интернету? Какой пласт действительно прочных знаний мы утрачиваем, устранив «зубрежку» и даже такую форму повторения знаний, как государственный экзамен в вузе? Приведем здесь и актуальные слова председателя комитета по образованию в Государственной Думе В. А. Никонова: «Наш бакалавриат сопоставим с западным, но мы проигрываем в продвинутых уровнях образования. То есть наша аспирантура — это достаточно формальная вещь. Люди там не учатся, они сдают минимум и пишут диссертации. И то, сейчас уже даже и диссертации писать не надо. А в Америке — наоборот. Это тот уровень, когда лучшие профессора начинают учить лучших студентов»¹⁴.

В обществе, среди интеллектуальной элиты, должны быть **энциклопедически образованные** люди. Даже небольшие отрывки из произведений митрополита Макария (Булгакова) высвечивают энциклопедизм этой языковой личности. Этот уникальный энциклопедизм ярче всего продемонстрировать, просчитав указатель имен, например, в конце первого тома «Истории русской церкви». В этом многостраничном списке

¹⁴ Никонов В. А. Россия готова к стратегическому рывку // Русский мир. 2015. № 8. С. 13.

встречаем: *Аквила*, переводчик Библии с еврейского на греческий язык, *Аммиан Марцеллин*, древнеримский историк, *Анахарсис*, легендарный скифский философ, *Атанарик*, король вестготский, *Барбаро Иосафат*, венецианский дипломат, автор записок, *Бергий*, издатель, *Вавил*, католикос Грузинский, *Врамшанух*, царь армянский, *Галан Климент*, историк, *Галлиен*, император римский, *Замолксис*, легендарный языческий философ, *Манассия Константин*, византийский писатель, *Мехмет II*, турецкий султан — всего... **751 имя**. Разумеется, мы не просчитывали отсылочные именованья типа *Шемс-ад-Дин см. Димашки* и под. В списке семь *Петров*, семь *Григориев*, семь *Львов*, тридцать два *Иоанна*, и эти совпадающие имена требовали еще более внимательного отслеживания и еще более точных знаний.

Теперь спросим себя: к какому времени относится такая характеристика, как энциклопедизм знаний? Увы и ах, относится к прошлым векам, к людям прошлого. Сейчас, когда есть Википедия, когда доступны справочники, само слово «энциклопедизм» незаметно исчезает из характеристик личности.

Между тем это весьма серьезный симптом — исчезновение энциклопедически образованных людей. А таковые должны быть для благополучия социума, должны быть и среди дипломатов (блистательный пример — князь А. М. Горчаков!), и среди управленцев (менеджеров), и среди ученых, тем более наставников, научных руководителей молодежи, что, в общем-то, как требование ожидаемо, и среди, что неожиданно, учителей начальных классов. Приведем фрагмент недавно прозвучавшего монолога-воспоминания Г. М. Шипицыной — доктора филологических наук, в давние годы (1958—1959), будучи старшеклассницей-отличницей, направленной на работу в сельскую малокомплектную школу в село Плашкино Нижне-Ингашского района Красноярского края на время декрета и последующего отсутствия учительницы. Та наставляла юную «замену»:

Учитель начальных классов — это энциклопедист! Потому что он знает все! Говорит: перечисли мне 12 типов задач во втором классе. Один тип я помню, потому что на нем я прогорела: дети нашли 12 орешков, два потеряли, остальное поделили поровну. Или во втором классе надо было определять падежи. Старая классика эта учительница! Она все подходы знала к этим падежам! Если ты сейчас, говорит, не заложишь, в пятом классе уже ничего не получится. Ты судьбу им создаешь! Потом — да, правила, а сейчас научи без правил. Как подбирать родственные слова... И два года с детьми я работала, и все классы сразу вела (03.12.2016).

Изучение судеб энциклопедически образованных людей прошлого: митрополита Макария (Булгакова), о. Павла Флоренского, дипломата Александра Горчакова, лексикографа Владимира Даля, инженера В. Г. Шухова¹⁵, повторим, как раз и «разбудит», обновит **утраченное требование широты знаний**, без чего невозможно лидерство страны, начинающееся, как известно, с уровня развития ее подданных. Но здесь есть и методические составляющие:

а) наличие, циркуляция в «коллективном бессознательном» самого требования большей широты знаний вопреки циркулирующей сейчас лукавой возможности обращения к Интернету, опоре на Интернет;

б) применительно к элите общества целесообразно восстановить значимость энциклопедизма знаний, во всяком случае, приветствовать и поощрять людей, отвечающих этому требованию;

в) усиление требований к тому объему знаний, который человек должен *помнить*, что соблюдается при подготовке врачей и священнослужителей, но в идеале должно охватывать практически все специальности и направления подготовки;

¹⁵ О В. Г. Шухове см.: Лескова Н. Человек-фабрика // Наука и жизнь. 2013. № 12. С.97—109.

г) разработка **специальных, особых, закрытых учебников для профессиональной элиты**. О таком «закрытом учебнике» турецкого языка рассказывал во время нашей поездки в Ахты на малый форум «Единение народов России» профессор В. А. Надин-Раевский (08.09.2014). Какая-то часть знаний и может, и должна быть закрытой, как ни эпатажно это сейчас звучит. Но ведь и тем привлекательнее станет путь к настоящему профессионализму! Как писал Ф. Ницше, настоящий человек — это сверхчеловек, ему присущи воля к власти (прежде всего над самим собой) и стремление к вершинам. «Я говорю вам: **нужно носить в себе еще хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду**. Я говорю вам: в вас есть еще хаос»¹⁶.

Соответствие своему делу, своим книгам

Урок благородства митрополита Макария — это соответствие личности автора своим текстам. Впрочем, для любого автора такое соответствие, скорее, первый и главный урок, поскольку в каждом тексте просвечивает, проступает, обнажается, обнаруживается моральное лицо творца. Но это и самый трудный урок, поскольку гениальный текст начинает *post factum* испытывать своего создателя, о чем пишет В. Непомнящий в статье «Дар», освещая судьбу Пушкина с таких непривычных для нас позиций, как соответствие собственному дарованию. «Как писал Баратынский, „дарование есть поручение“. <...> Человек задыхается, не поспевая за своим даром, идет, сбивая ноги и обливаясь потом, падает, поднимается, падает...»¹⁷

Жало в плоть?

Собственно, это продолжение предыдущего фрагмента. Судьба посылает испытания. Да, Бог по силам крест налагает. Тут еще важное уточнение: речь идет о ежедневном несении креста! Не вообще, а в том числе и сегодня, сейчас. Тяжко? Терпи! Но помимо метафоры креста в Библии есть и более острая метафора про жало в плоть. Испытания бывают изощренными. Валентин Распутин, которого мы цитировали, вынужден был похоронить единственную дочь, сгоревшую в самолете, который выехал за пределы взлетной полосы. А по Иркутску уже расклеены были афиши, ждали эту девушку-музыкантшу.

Митрополит Макарий был уличен... в распространении фальшивых денег! Да разве только это пришлось пережить? Вот оно, благородство, точнее, цена за дар, талант, подвижничество. Чего стоили обвинения в... манкировании своими архипастырскими обязанностями в виленский период деятельности! Замечательный биограф митрополита Ф. И. Титов блестяще ответил на эти обвинения, составив и опубликовав, выражаясь современным языком, «хронотоп» деятельности (поездок, встреч, богослужений) митрополита Макария, перечень дел, восхищающий своей интенсивностью и насыщенностью. Предваряя свою трехтомную биографию митрополита, Ф. И. Титов с горечью пишет: «Но ныне уже пора бы, кажется, снять с главы покойного святителя **венец злохуления, каким увенчала его неразумная человеческая ненависть**».

Похоже, и нам следует на порядок чаще рассказывать не только о заслугах великих людей, но и о степени их скорби, тем самым уготовляя молодое поколение вынести то, что брезжит впереди буквально каждому при всем разнообразии и разноударности посылаемых испытаний.

¹⁶ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. <http://lib.ru/NICSHE/zaratustra.txt>

¹⁷ Непомнящий В. Дар. Заметки о духовной биографии Пушкина // Новый мир. 1989. № 6. С. 249, 257.

Ценность записывания

Урок благородства — это, помимо всего прочего, и ценность записывания, фиксации происходящего. Записывание, конечно же, необходимо и для укрепления памяти как дар богине памяти Мнемозине, и как условие энциклопедизма завтрашнего дня, но также и как условие самосбережения, благородства, устойчивости личности. Письмо уходит и из современной школы, заменяясь тестами, работой на клавиатуре, а что это опасно для достойного развития мозга — стали осознавать не так давно у нас и, особенно, за рубежом, где муссируются проекты по отмене такого предмета, как чистописание. Об удивительной пользе письма (именно письма, а не набора на компьютере, хотя без этого тоже сейчас не обойтись!) читаем в статье¹⁸.

Посредники благородства

Мы их обязаны назвать — прекрасных учителей будущего митрополита Макария. Это Д. С. Любицкий, П. Я. Красин, П. Д. Вышемирский, Я. К. Амфитеатров, отец Иннокентий (Борисов). Все эти яркие личности тем сильнее воздействовали на юные души, чем — в противоположность живому слову — воздействовали на обучаемых семинарские учебники с их тяжелым языком, обильными длинными периодами и устаревшими выражениями.

Без гипокритики и оценочного пафоса

О гипокритике мы прочитали в предисловии к «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци¹⁹. Там было написано, что наряду с гиперкритикой нежелательной альтернативой является и гипокритика, когда труды служителей церкви цитируются, как мы бы сказали, с придыханием, подчеркнуто благоговейно, вне всякого анализа и критики. Митрополит Макарий этого счастливо избежал, почему «История русской церкви» воспринимается как объективный, научный, выверенный труд. Историки советской школы со мной не согласятся, коль скоро время от времени митрополит объясняет происходящие события промыслом Божиим, но, согласимся, в истории слишком много таинственного и необъяснимого. Вместе с тем поражает читательское восприятие утонченная объективность изложения. Без заигрывания с действующей властью. Без верноподданнических интонаций.

Воззвание к благородству другого: проповеди

Миссия священнослужителей и, соответственно, жанр проповеди остаются востребованными и уникальными по вееру реализуемых, в том числе имплицитных, потаенных своих функций. Лучезарную простоту проповедей митрополита Макария (Булгакова) высоко ценили именитые и простые прихожане. В проповедническом деле митрополит был профессионалом высокого класса. Это объяснялось и напряженным графиком проповедничества, и качеством текста, и выразительностью его интонационного и звукового оформления. Вот что пишет 20 августа 1859 года митрополит брату о Феофане, заступившем на пост в Тамбове после перевода Макария в Харьков: «Тамбовцы недовольны им после меня, особенно в проповеди: говорит мало и по тетрадке, так что знать перестала ездить на архиерейские служения» [СXXXI—СXXXII]. Гово-

¹⁸ Волков А. С авторучкой, книгой, планшетом // Знание — сила. 2016. № 9. С. 4—11.

¹⁹ Хоренаци М. История Армении. Пер. с древнеарм. Г. Саркисяна. — Ереван: Айастан, 1990. 291 с.

рит мало... Но говорить «много», выступая с проповедью, — это значит обеспечить текст насыщенным и актуальным содержанием. Митрополит блестяще владел этим нaitруднейшим искусством.

Уникальный по богатству словарь

Пытаясь разгадать секреты пластики языка и стиля митрополита Макария, мы провели подсчеты числа повторений одного и того же слова при развертывании текста «Истории русской церкви». Для такого квантитативного анализа был выбран небольшой, но относительно завершённый авторский текст, а именно предисловие к книге I, которое, во-первых, с высоты птичьего полета охватывает все предстоящее содержание большого труда и, во-вторых, лексические единицы которого менее привязаны к тому или иному конкретному блоку событий. Гипотетически мы ожидали, что при наложении двух списков проценты единожды употребленных слов, а также употребленных дважды и трижды снизятся: однократное перейдет в двукратное, двукратное в трехкратное и так далее. Прирост, однако, наблюдался на частотных словах, тогда как процент малоупотребительных оказался едва ли не тождественным.

Больше половины слов — это слова с единичным словоупотреблением: 51,6 %. Если присовокупить двукратное употребление, то процент вырастет до 67,6 %. Не более трех раз — 75,3 %.

Интуитивно (конечно же, интуитивно, но гениально интуитивно!) выстраивая текст предисловия (а мы брали этот текст как модельный!), митрополит Макарий заботился о свежей лексике, не довольствуясь тем, что было уже употреблено, почему столь легко читается эта священная, но, в общем-то, весьма далекая от нашего времени история русской церкви. Когда книга была уже в типографии, мы наткнулись на статью в журнале «Знание — сила» (2017. № 1), в которой рассказывается об исследовательском проекте шведских ученых-физиков, просчитывающих степень лексического разнообразия у самых различных писателей и составляющих так называемые метатексты. Оказывается, для языковой личности эта манера разнообразить свой глоссарий — величина постоянная, что в небольшом рассказе, что в отрывке из большого романа. Надо будет попытаться разыскать этих авторов и познакомить их с нашими подсчетами, поскольку внешне не очень заметная (текст-то научный!), но при вычислении совершенно уникальная степень разнообразия используемых митрополитом Макарием слов, что называется, даст фору знаменитым беллетристам.

Формирование национальной элиты

Это самый короткий, итоговый, заключительный пассаж публикации. Биографии выдающихся людей надо изучать. Огонь от огня. Образование — это не что иное, как лепка образа, преображение личности, но, согласимся, личности языковой. И язык чужих жизнеописаний, поведенческий анализ ситуаций, пережитых великими людьми, остро необходим и для формирования молодого сознания, и для устояния более старших лиц перед испытаниями, которыми всегда так насыщена жизнь.

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ПАЛЕСТИНСКИЕ ОБИТЕЛИ И РОССИЯ

Часть 9

МОНАСТЫРЬ ПРЕП. ФЕОДОСИЯ ВЕЛИКОГО

На расстоянии 8–10 километров к востоку от Вифлеема находится монастырь Св. Феодосия, основанный в V веке. Поскольку Феодосий первым в Палестине сделал свою обитель *киновией*, то есть ввел в ней общежительный устав, его называют «общих житий начальником» (или, по-гречески, «киновиархом»)¹. Монахи жили по уставу святого Василия Великого и именовались киновиотами (киновия – по-гречески общежитие). Киновиоты не имели никакой собственности, трудились для обители, но зато все содержание имели от нее. Трапеза у них была общая. Пустынники жили каждый в своей пещере, сами заботились о своем пропитании (почти все зарабатывали плетением корзин) и сходились в церковь только по субботам и воскресеньям².

Образ жизни монашеских обителей в древнее время разделялся на два разряда. Одни из этих обителей были общежительные в полном значении этого слова. Все обитающие в них монахи жили одной общей жизнью: вместе молились, вместе трудились, вместе трапезовали. Сюда поступали «первоначальники» монашеской жизни. Жизнь в общежитии была легче для начинающих: монашеский искуc, и надзор за ними и руководство ими – удобнее. Такие общежительные обители носили название киновий. В *лаврах*, напротив, общего жития не было, и каждый подвизался в своей келье или пещере, руководствуясь относительно духовной жизни лишь советами своего старца. Как уже испытанным в духовной жизни, насельникам лавр путь спасения предоставлялся их собственному опыту. Раз в неделю, в субботу вечером, сходились они в лавру на общую молитву, а затем в воскресенье вечером вновь все расходились по своим кельям и пещерам³.

Житие преп. Феодосия

Феодосий родился в 424 году в каппадокийском селении Магариссос, в семье набожных и благочестивых родителей Прозерия и Евлогии. С детских лет Феодосий про-

Архимандрит Августин (в миру – Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Лисовой Николай. Святая Земля: история и наследие. М.; СПб., 2015. С. 282.

² Серафим, епископ. Паломничество из Нью-Йорка в Святую Землю. Нью-Йорк, б/г. С. 152.

³ Хитрово В. Н. Русские паломники Святой Земли. СПб., 1905. С. 235.

явил незаурядные способности, быстро научившись читать, что позволило ему стать певцом в приходской церкви в городе Коман. Но несмотря на открывающуюся перед ним блестящую карьеру на церковном поприще, он не слишком стремился утвердиться в ней, так как с юношеских лет мечтал о пустынной уединенной жизни отшельника. Отнюдь не будучи неудачником и отверженным в миру, он просто избрал для себя другое призвание, к которому влекло его сердце. В 451 году он оставил свою должность и отправился в Иерусалим, получив на пути благословение св. Симеона Столпника⁴.

Когда Феодосий приблизился к столпу преподобного, тот назвал его по имени, сказав: «добре пришел еси, человеце Божий, Феодосие»; предрек ему, что он будет пастырем словесных овец, и отпустил с миром. В то время из числа проводивших в окрестностях Иерусалима подвижническую жизнь особенно славился старец Лонгин, который, живя в затворе при столпе, называемом Давидовым, как пчела, возделывал трудолюбно сладкий мед добродетелей. Под его-то опытным руководством Феодосий положил начало иноческой жизни⁵.

Потом по указанию Лонгина Феодосий поселился в так называемом Кафисмате, пригородном монастыре, где Феодосия по кончине игумена хотели сделать настоятелем. Он же, считая себя еще неокрепшим в иноческих подвигах, тайно скрылся оттуда и пошел искать уединения и безмолвного жития⁶. Феодосий решил поселиться в одном из пустынных монастырей. Вблизи Метопы (ныне Умм-Туба) он нашел монастырь, бывший под управлением учеников св. Евфимия и блаженного Феоктиста: Марина (Марана) и Луки, и под их руководством начал постигать искусство жизни пустытника. Вскоре он направился к востоку, в пустыню, и на вершине одного из горных кряжей нашел удобную пещеру, в которой, по преданию, провели ночь евангельские волхвы на обратном пути из Вифлеема, где было им дано во сне откровение возвращаться в свои страны другой дорогой⁷.

Здесь он прожил довольно долго один, питаясь лишь финиками и мочеными овощами; хлеба он не вкусил ни разу в течение 30 лет. День и ночь стоял он на молитве, для недолгого отдохновения лишь иногда опираясь на протянутые в пещере веревки. Потом стали приходиться желавшие подражать ему в трудах. Он принял сначала шесть братьев, но вскоре число их удвоилось, и были еще просившиеся. Время было создавать обитель, по предсказанию св. Симеона Столпника, но где? Пещера волхвов стала тесна.

Рождение обители

Св. Феодосий отправился на поиски удобного места, взяв с собой заправленное, но незажженное кадило. «Разыскивая место для постройки обители, святой наполнил имевшуюся у него в руках кадильницу холодным углем с фициями, — пишет епископ Волоколамский Арсений (Стадницкий) (1900 г.). — Когда он шел недалеко от св. пещеры, уголья в кадильнице внезапно загорелись сами собой, и благоуханный дым воскурился из нее. Святой понял, что это место избрано Богом для постройки монастыря, и он беспрекословно выполнил веление Божие»⁸. «И вот, он, взяв кадиль-

⁴ http://www.orthodox-jerusalem.ru/publ/monastyr_39_sv_feodosija_kinoviarha/1-1-0-61

⁵ Леонид (Кавелин), архимандрит. Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника а. Л-а. М., 1873. С. 434.

⁶ Святая Земля. Париж, 1961. С. 137.

⁷ http://www.orthodox-jerusalem.ru/publ/monastyr_39_sv_feodosija_kinoviarha/1-1-0-61

⁸ Арсений (Стадницкий), епископ Волоколамский. В стране священных воспоминаний. М.; СПб., 2014. С. 312.

ницу, и положив в нее холодные угли, стал обходить все пустынные места и ходил до тех пор, пока не пришел к сей пещере и вдруг совершилось великое чудо, кадило само собою возгорелось и воскурился фимиам, издавая чудное благоухание, — пишет иеромонах Серафим (1908 г.). — В этом необыкновенном чуде святой Феодосий ясно познал указание Божие и с великим усердием начал устраивать свою обитель»⁹.

Феодосий поначалу вовсе не помышлял об устройстве монастыря и никоим образом не стремился стать настоятелем, но Провидение распорядилось иначе, ибо слава всегда бежит за теми, кто от нее скрывается. Вскоре к Феодосию присоединились ученики и последователи, нарушив тем самым уединение отшельника, и жизнь закипела. Монахи объединились в большую коммуну и выбрали Феодосия своим наставником. Постепенно слава о его уединенных подвигах привлекла к нему учеников, и Феодосий создал небольшую общину, превратившуюся постепенно в многолюдный монастырь (475 г.)¹⁰

С умножением числа подвижников здесь возникла лавра с четырьмя великолепными храмами, в которых богослужение совершалось на трех языках: для греков, для грузин и для армян. Рукодельные работы и изделия насельников этого монастыря, служившие главным источником доходов на пропитание братии, славились не только в Иерусалиме и его окрестностях, но и в весьма отдаленных местах¹¹.

«Собранная в обители преп. Феодосия братия была не из одного рода или племени, но различных; почему он и устроил для них несколько церквей, чтобы каждое племя могло славословить Бога на своем природном языке, — пишет о. Леонид (Кавелин). — В соборной или великой церкви Успения Пресвятой Богородицы — греки, в другой грузины, в третьей армяне исполняли свое церковное правило, собираясь на оное семь раз в день, по слову Давида: «седмерицею днем хвалих Тя»; для больных была особая церковь. Для причащения же Св. Таин вся разноплеменная братия, из всех церквей, должна была собираться в великую церковь, в которой служили греки, и там причащались все вместе. Всех братьев, духовных чад преподобного, которых он породил духовно, воспитал отечески и наставил на путь добродетели, было числом 693»¹².

Преп. Феодосий ревностно противоборствовал ересям Севира, Евтихия, Македония и Нестория, которые волновали в это время Церковь, и изрек в иерусалимском храме анафему на последователей этих ересей¹³.

Преп. Феодосий был не только настоятелем своей обители, но и архимандритом всех киновий в стране; он помимо заботы о монашествующих принимал странников, кормил убогих и привечал больных: при обители были дом призрения и больница. Ава Феодосий отошел к Господу 11 января 529 года в возрасте 105 лет и был погребен в пещере. Там же, в пещере, нашли упокоение его мать Евлогия, инокиня-мать преп. Саввы София, также Феодотия, мать свв. бессребреников Косьмы и Дамиана, Мария — мать преп. Аркадия и Иоанна¹⁴.

О кончине преп. Феодосия повествует о. Леонид (Кавелин): «Перед смертью жестокая болезнь томила его. Один старец говорил ему: помолись, чтобы боль смягчилась. Феодосий отвечал: «успевший во всех предприятиях моей жизни, окруженный славой, не должен ли я скорее радоваться сим страданиям на исходе, чтобы не сказали мне: чадо, помяни, яко приял еси благая в животе твоём». Братия с любовью окружала одр

⁹ Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 92.

¹⁰ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 282.

¹¹ Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 175.

¹² Леонид (Кавелин), архимандрит. Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника а. Л-а. М., 1873. С. 437.

¹³ Норов А. С. Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток. СПб., 1878. С. 50.

¹⁴ Святая Земля. Париж, 1961. С. 138.

болящего, и он прощаясь с каждым, укрепляя всех и каждого мужественно подвизаться на духовной брани. Три епископа находились при его исходе и смешали свои слезы со слезами учеников, чувствуя, чего лишалась Церковь и обитель кончиной такого мужа. Сам патриарх Иерусалимский Петр прибыл на погребение отшедшего ко Господу аввы; иноки пустыни Св. Града с преп. Саввой во главе собрались в осиротившую обитель воздать последний долг великому подвижнику, и погребли его с честью многой в пещере, которая послужила основанием его знаменитой обители»¹⁵.

«После своего преставления св. Феодосий был погребен в пещере волхвов, какое место показывают и поныне, — пишет иеромонах Серафим (1908 г.). — Мощи же его, вероятно, разнесены по разным местам света, как, например, нижнюю челюсть от главы я видел в Константинополе во Влахернской церкви»¹⁶. На рубеже VI века обитель Феодосия — уже современники называли его «Великим» — переживала эпоху расцвета. При кончине Феодосия число монашествующих превосходило 400, а в начале VII века в обители проживало около 700 монахов, — и еще до двух с половиной тысяч жили небольшими группами вокруг монастыря¹⁷.

Эпоха средневековья

В лавре преп. Феодосия жил в конце V века блаженный Иоанн Мосх, составитель «Духовного луга». В обители преп. Феодосия Иоанн сблизился с Софронием, впоследствии патриархом Иерусалимским. Иоанн Мосх и Софроний упоминают в своих сказаниях о трех настоятелях монастыря Феодосиева: авве Леонтии (гл. 4), авве Георгии (гл. 108) и авве Стратигии (гл. 102) и о подвижнике того же монастыря Христофоре (гл. 104). Блаженный Иоанн Мосх после долгих странствий скончался в Риме около 622 года¹⁸.

В 614 году монастырь, так же как и все другие его соседи, был разрушен персами. Персы нанесли монашескому движению, пожалуй, самый жестокий и сокрушительный удар, после которого большинство монастырей так и не смогло оправиться, а вслед за ними и весь край превратился в пустыню. Ими было вырезано 30 тысяч христиан, все святые были осквернены и разграблены. В 628 году шах Хосров был убит своим сыном, а в 629 году византийский император Иракий, разгромив персов, полностью освободил Палестину, передав всю власть христианским патриархам. Жизнь монахов монастыря Св. Феодосия вошла в свое прежнее русло¹⁹. Монастырь богател и имел в стенах около 1000 человек братии. Слава о нем все возрастала. Но затем наступили для него годы бедствий. Он переживал частые набеги арабов и турок, особенно в первые годы IX столетия, когда он совершенно запустел²⁰.

Первые годы IX столетия были столь бедственны для христиан палестинских, что от непрерывных разбоев, грабежей и насилия иноки вынуждены были оставить пустынные монастыри; в числе прочих опустела тогда и обитель преп. Феодосия²¹. По-

¹⁵ Леонид (Кавелин), архимандрит. Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника а. Л-а. М., 1873. С. 444.

¹⁶ Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 92.

¹⁷ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 282.

¹⁸ Леонид (Кавелин), архимандрит. Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника а. Л-а. М., 1873. С. 449.

¹⁹ http://www.orthodox-jerusalem.ru/publ/monastyr_39_sv_feodosija_kinoviaria/1-1-0-61

²⁰ Арсений (Стадницкий), епископ Волоколамский. В стране священных воспоминаний. М.; СПб., 2014. С. 312.

²¹ Леонид (Кавелин), архимандрит. Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника а. Л-а. М., 1873. С. 451.

добно многим другим, обитель была возрождена крестоносцами. Русский игумен Даниил, побывавший в монастыре в начале XII века, так описывает его: «От Иерусалима до Феодосиева монастыря шесть верст. Монастырь стоит на горе, огражден стеной, виден от Иерусалима. Посреди монастыря большая пещера, в которой волхвы ночевали, когда спасались от Ирода. Здесь ныне покоится прах Феодосия и многих святых, в этой же пещере похоронена мать святого Саввы и мать Феодосия»²².

Описание этого монастыря дает греческий паломник Иоанн Фока, посетивший Святую Землю в 1185 году. Он пишет: «Монастырь этот окружен различными *пиргами*, а перед ним на вержение стрелы подалее есть камора, в которой, как явствует из жизни святого, в его руке воспламенились угасшие угли. Среди монастыря стоит храм, имеющий на высоте кругловидную крышу, и под ним пещера, в которой находится гроб святого, и вблизи него разные каморы, в которых лежат останки великих святых. Спускаясь по ступенькам пещеры, встретишь боковое отверстие другой пещеры, вшедши в которую ученик святого Василий устроил себе гробницу, по повелению святого, как значится в Патерике, и в течение сорока дней во время молитвенных собраний виден был поющим вместе со святым и братьями»²³.

Таким образом, из этого описания лавры XII века видно, что обитель была обнесена стенами, укреплена башнями, что посреди нее возвышалась большая церковь с высокой башней, что из этой церкви был ход в большую пещеру, где стояли гробы с останками скончавшихся отшельников и в том числе гроб св. Феодосия²⁴.

Монастырь Преп. Феодосия существовал до начала XVI века, когда был razoren турками, после чего долгое время оставался в запустении. Об этом сообщал в 1652 году старец Арсений Суханов: «Идучи из Иерусалима в монастырь святого Саввы на правой стороне на горе был монастырь святого Феодосия киновиарха, весь пуст, токмо мало знать, обвалилось здание каменное, також и святого Харитона и святого Феоктиста и Евфимия и Вавилы, те все пусты, токмо место знать»²⁵.

По словам отечественного палестиноведа В. Н. Хитрово, «с тех пор обитель запустела и представляет лишь развалины, среди которых обитают иногда соседние полукочующие бедуины»²⁶. В этом смогли убедиться иеромонахи Макарий и Селиверст, побывавшие на Святой Земле в 1704 году: «Повели нас арапи горою, и на том пути есть монастырь преподобного Феодосия Великого, а от Лавры преподобного Саввы Освященного до монастыря Феодосия Великого едина миля; а в том монастыре все арапе живут, а чернцов ни единого нет»²⁷.

В 1709 году, когда древнюю обитель посетил иеромонах Ипполит Вишенский, она была в том же плачевном состоянии: «Марта 29 ходили до монастыря Сави Освященного, и пришли над Юдоль Плачевный, и, минувши Юдоль, шли мимо монастыря преподобного Феодосия; там теперь турки, орапе с женами у tych келиях живут»²⁸.

²² Житие и хождение Даниила, игумена Русской земли // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII—XX вв. М., 1994. С. 24.

²³ http://www.orthodox-jerusalem.ru/publ/monastyr_39_sv_feodosija_kinoviarha/1-1-0-61

²⁴ Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 175—176.

²⁵ Проскинитарий. Хождение старца Арсения Суханова во Иерусалим и в прочие святые места для описания святых мест и греческих церковных чинов // Православный Палестинский сборник. Т. VII. Вып. 3. СПб., 1889. С. 201.

²⁶ Хитрово В. Н. Русские паломники Святой Земли. Лавры свв. Саввы, Феодосия и Харитония. СПб., 1898. С. 29.

²⁷ Путь нам иеромонахам Макарию и Селиверсту из монастыря Всемилоостивого Спаса Новгородка Северского до святого града Иерусалима поклониться гробу Господню 1704 году // Чтения в Обществе истории древностей Российских (ЧОИДР), 1873, июль—сентябрь. Кн. 3, отд. V. С. 13.

²⁸ Пелгримация или путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского во святой град Иерусалим. 1708—1709 гг. М., 1877. С. 95

В 1711 году мимо этих развалин проезжал старообрядческий священник Иоанн Лукьянов; вот что предстало перед его взором: «Здесь стоит село арапское; а прежде сего бывала обитель Феодосия Великого; ныне только церковь одна, в той арапы коней запирают»²⁹. В следующем, 1712 году иеромонах Варлаам свидетельствовал: «Монастырь преподобного Феодосия пуст»³⁰.

Интересные сведения о монастыре Преп. Феодосия содержатся в записках русского паломника Виктора Каминского, посетившего эту обитель в 1857 году: «Дошел я до монастыря св. Феодосия. Здесь уцелели большие остатки двухъярусных храмов и разных строений, со всеми принадлежностями. Все это и множество следов мозаики ясно свидетельствует о славно некогда обители. Многие из ее зданий обращены в бедуинские жилища, а другие в сараи для овец. С большим трудом, среди сора, камней и мусора, я мог отыскать дверь, ведущую в пещеру Волхвов, — зато и радость моя была большая. Затебив свечу, я пролез через этот вход и очутился в небольшой пещере, в рост человеческой высоты, где, кроме камней под ногами и насыпи впереди, ничего не было. Сверх этой насыпи, в узкий проход, под самым потолком, я проник в другую пещеру, довольно большую, но совсем обезображенную и заваленную камнями. Здесь я мог, в восточной ее стороне, распознать алтарь, престол и жертвенник. И так в этой пещере поклонников Вифлеемского Младенца (волхвов. — *Авт.*) был подземный храм, и, конечно, в память того, что они на этом месте ночевали. Поклонился и я, на месте ночлега, самим поклонникам, вспомнив при этом всю историю их поклонения»³¹.

Еще через два года, в 1859 году, эту обитель посетил тогдашний начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Леонид (Кавелин). «Я пробовал проникнуть в св. пещеру, но обвалившиеся своды, недалеко от входа, не позволили проникнуть в ее глубину, и никаких следов святыни уже не видно в уцелевшей ее части, — пишет о. Леонид. — Самая пещера наполовину своей высоты засыпана землей, — это можно заключить из сказанного в „Духовном Луге“ в житии старца Христофора, который, спускаясь ежедневно в эту пещеру для молитв, творил коленопреклонения на каждой из 18-ти ступеней ее лестницы, тогда как теперь ее спуск едва составляет две три ступени. Вокруг пещеры сохранились только основания бывших зданий и ограды, а в наиболее уцелевших местах бедуины устроили свои закрома, для сбережения хлебных запасов»³².

О монастыре Преп. Феодосия упомянул и другой русский паломник, побывавший в этой обители в 1911 году. «Мы направились по пути к известной палестинской обители св. Феодосия Великого, «общих житий начальника» (память 11 января), издавна прославившейся своими подвижниками и расположенной, по всей вероятности, на месте древнего города Фекои, родины пророка Амоса (Амос. 1, 1), — пишет протоиерей Александр Глаголев. — Преп. Феодосий был основателем общежительного монастыря в Палестине. Из созданной им лавры вышло множество великих подвижников и ревностных пастырей Церкви. И доселе эта обитель привлекает к себе много паломников, желающих помолиться на месте подвигов преподобного отца»³³.

²⁹ Путешествие в Святую Землю московского священника Иоанна Лукьянова, 1710—1711. М., 1862. С. 88.

³⁰ Перегринация или Путник, в нем же описуется путь до святого града Иерусалима и вся святая места Палестинския, от иеромонаха Варлаама, бывшего тамо в 1712 году // Чтения в Обществе истории древностей Российских (ЧОИДР), 1873, июль—сентябрь. Кн. 3, отд. V. С. 73.

³¹ Каминский Виктор. Воспоминания поклонника Святого Гроба. СПб., 1859. С. 520—521.

³² Леонид (Кавелин), архимандрит. Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника а. Л-а. М., 1873. С. 453.

³³ Глаголев Александр, прот. По святым местам: от Киева до Иерусалима. Киев, 2005. С. 76.

Преп. Евфросиния Полоцкая (1101–1173)

«Для нас, русских, киновия св. Феодосия имеет еще то особенное значение, что она послужила местом погребения Полоцкой княгини св. Евфросинии, которая в 1173 г. (или в 1167 г.?) предприняла долгий путь для поклонения св. местам и скончалась вскоре по прибытии в Св. Град³⁴, — пишет В. Н. Хитрово.

Дочь полоцкого князя Георгия (Брачислава), внучка знаменитого Всеслава Чародея, одного из героев «Слова о полку Игореве», она носила в миру славянское имя Предислава. Ее отец принадлежал к отстраненной от правления ветви княжеского дома и вместе с другими родственниками нашел убежище в Константинополе: судя по всему, семья состояла в родстве с византийским императором Мануилом Комниным, который сделал очень много для восстановления византийских храмов на Святой Земле. Еще до эмиграции своих родителей Предислава ушла из дома и приняла постриг в монастыре, где игуменьей была вдова ее дяди³⁵.

Когда отец задумал выдать ее замуж, княжна сказала: «Многие до нас женились и выходили замуж и княжили, но не вечно жили. Жизнь их протекла и слава их погибла, подобно праху. А вот древние жены, снискав силу мужскую, последовали за Христом — Женихом своим». В феврале 1116 года Предислава принимает монашество. Судя по всему, монашество ее было обдуманно и выстраданным, ведь и тетя-игуменья не сразу согласилась на постриг племянницы, видя ее молодость и красоту, а также подозревая возможные сложности внутри семьи³⁶.

Она была одной из образованнейших женщин своего времени. Лично переписывала книги, строила храмы, основала два монастыря (мужской и женский). Благодаря своим константинопольским связям Евфросиния смогла получить из Византии икону Божией Матери, которая называлась по-разному: Корсунской, Эфесской, Иерусалимской. Перед этой иконой в 1239 году венчался князь Александр Невский. В настоящее время она хранится в храме Александра Невского в подмосковном поселке Княжье Озеро³⁷.

В конце жизни Евфросиния решила передать управление монастырем преемнице, а сама отправилась в паломничество — в Константинополь и на Святую Землю — вместе со своим братом Давидом и сестрой Евпраксией. Евфросинии было около 70 лет — не самый подходящий возраст для путешествий, даже в наше время.

В житии говорится, что св. Евфросиния хотела умереть на Святой Земле, да и вряд ли кто-то ожидал, что она вернется, отправившись в паломничество в таком почтенном возрасте. Действительно, в родной город преподобная вернулась только мощами своими в начале XX века. Перед отъездом из Полоцка св. Евфросиния так молилась перед построенными ею храмами: «Сердцеведче Господи, вот я оставляю дом Твой открытым для всех; ты же, Господи, не затвори от нас Небесного Твоего Царствия». На пути в Константинополь Евфросиния встретила с императором, который отправлялся в поход, и долго с ним говорила. Несомненно, в ее свите были люди, знавшие греческий язык. Родственные связи с византийским двором тоже не были забыты. В Константинополе русская игуменья была в Святой Софии, посещала другие храмы, встречалась с патриархом. В Константинополе она приобрела «различные фимиамы и златую кадьлицу, которые взяла с собой в Иерусалим³⁸.

³⁴ Хитрово В. Н. Русские паломники Святой Земли. Лавры свв. Саввы, Феодосия и Харитония. СПб., 1898. С. 29.

³⁵ Занемонец Александр, диакон. Русские на Святой Земле. Иерусалим, 2015. С. 20.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 21.

³⁸ Там же.

«И придя в Иерусалим, послала слугу своего к тогдашнему Патриарху сказать ему: Владыко святой! Сделай милость, повели отворить мне врата Христовы (т. е. Золотые ворота). И тот исполнил прошение ее. И пала Евфросинья наземь и молила: „Господи Иисусе Христе! Не вмени мне во грех того, что по стопам Твоим вошла я в Св. Град“. И целовала — она и все, кто с ней были, — Златые врата. И придя, поклонилась Гробу Господню, и покадила Гроб златой кадильницей с многоразличными фимиамами. И ушла оттуда, и жила в русском монастыре Святой Богородицы»³⁹. В Иерусалиме Евфросиния и ее спутники жили «у Святой Богородицы в Русском монастыре». Ведь дело происходило во времена правления крестоносцев, однако, оказывается, уже тогда был в Иерусалиме русский монастырь. Где именно он находился и как был создан — неизвестно. Вероятно, он существовал здесь до конца правления крестоносцев и захвата Иерусалима Саладином в 1187 году, когда очень многие христиане оттуда эвакуировались...

В Иерусалиме Евфросиния начала болеть. Как говорит житие, она хотела преставиться на Святой Земле. Игуменья Евфросиния, княжна Полоцкая, так молилась у Гроба Господня: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! Ты сказал: просите и дастся Вам. Благодарю Тебя, что я, грешная, получила все, что просила: сподобилась видеть святые места, которые Ты освятил Твоими пречистыми ногами, и лобызать Святой Гроб, в котором Ты почил за нас пречистою Твоею плотию. Но и еще прошу у Тебя единого дара, дай мне скончаться в этих святых местах!»⁴⁰ Она уже не смогла пойти на Иордан, пролежала в болезни 24 дня, причастилась и после этого умерла в присутствии брата и сестры. Это произошло 24 мая 1173 года⁴¹. Евфросиния просила, чтобы ее похоронили в лавре Саввы Освященного. Но туда запрещен по уставу доступ даже мертвым женщинам.

Вот что повествуют об этом *Четьи-Минеи*: «Посла же в Лавру Святого Саввы, молящи архимандрита и братию, да дадут ей место на погребение во обители той. Они же отрекоша, глаголюще: заповедь имама от святого отца нашего Саввы, еже никогда же не погребсти жены во обители его; есть же общежительный монастырь Пречистой Богородицы Феодосиев, в нем же многие жены святые лежат; тамо бо и мать св. Саввы, и мать св. Феодосия, и мать св. бессеребрянных, Федотия и инии погребены суть; тамо убо и богоугодной Евфросинии положенной быти приличествует. Преподобная же услышав похвали Бога, яко тело ея с мощми святых жен имать быти положено. И абие посла во обитель преподобного Феодосия с молением. И показаша черноризцы место на гроб в церковном притворе, и устроен бысть гроб святой на погребение»⁴².

Евфросиния не дерзнула просить о том, чтоб быть похороненной в пещере вместе с матерями Саввы Освященного, Феодосия Великого и Космы и Дамиана, поэтому упокоилась неподалеку от них под папертью храма. Мощи ее пролежали в этом древнем монастыре до 1187 года — в тот год их забрали оттуда насельники русского иерусалимского монастыря, которым, как и всем христианам, пришлось покинуть Иерусалим, когда Святая Земля была завоевана Саладином. Мощи св. Евфросинии монахи взяли с собой на родину, где оставили их в дальних пещерах Киево-Печерской лавры⁴³.

³⁹ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 284.

⁴⁰ Цит. по: Марков Евгений. Путешествие по Святой Земле. СПб., 1891. С. 86.

⁴¹ Занемонец Александр, диакон. Указ. соч. С. 21.

⁴² http://www.orthodox-jerusalem.ru/publ/monastyr_39_sv_feodosija_kinoviarha/1-1-0-61

⁴³ Занемонец Александр, диакон. Указ. соч. С. 22.

В 1830 году место обители преп. Феодосия посетил писатель-паломник А. Н. Муравьев. Он рассказывает про преп. Феодосия, который «основал знаменитую лавру, ныне разрушенную. Между ее развалинами должно искать гробовой плиты св. Евдокии, княжны Полоцкой⁴⁴, — пишет А. Н. Муравьев. — Оставив созданный ею на родине монастырь, она в сопровождении двух братьев посетила Св. места и, согласно пламенному желанию сердца скончав дни свои близ Гроба Господня, погребена была в пустынной обители Феодосия. Мощи ее впоследствии перенесены в Россию»⁴⁵. Долгое время в притворе церкви обители преп. Феодосия сохранялась надгробная плита ее могилы.

Еще через пять лет здесь побывал А. С. Норов; в своих записках он также упомянул о могиле св. Евфросинии: «На развалинах *Феокоа* был некогда основан монастырь св. Феодосия; отсюда видны: Вифлеем, пустыня Иорданская, Иерусалим и гора Элеонская; место рождения, крещения, животворной смерти и вознесения Спасителя. Святой основатель обители, конечно, выбрал это место с намерением. Здесь погребена была княжна Полоцкая игуменья Евфросиния (в мире: *Предислава*) в 1173 году»⁴⁶.

Два десятилетия спустя у гробницы преп. Евфросинии побывал еще один русский паломник — Виктор Каминский. «Пещера эта драгоценна для русского и в том отношении, что в ней погребена была полоцкая княжна, Евфросиния, ныне нетленно почивающая в киевских пещерах, — пишет он. — Кроме нее здесь упокоили свой прах мать Саввы Освященного и мать великого Евфимия. Памятью этих св. жен я окончил свои похождения по развалинам»⁴⁷.

В 1910 году мощи преп. Евфросинии были торжественно перенесены в Полоцк, в Свято-Евфросиниевский монастырь, о чем упомянул протоиерей Александр Глаголев, посетивший обитель преп. Феодосия в 1911 году: «В обители находится могила нашей русской святой, преподобной Евфросинии Полоцкой, мощи которой до последнего времени (до 22 апреля 1910 г.) почивали в пещерах Киево-Печерской Лавры, откуда торжественно перевезены в родной ее город Полоцк. Могила находится близ храма Богоматери, рядом с могилами матери преп. Феодосия и матери преп. Саввы Освященного. Здесь же в храме имеются части мощей преподобных: Ксенофонта и Марии и чад их: Иоанна и Аркадия (память 26 января)»⁴⁸.

Самый древний город Беларуси основан кривичами на месте слияния Западной Двины и Полоты в 862 году. Столица Полоцкого княжества была стратегическим городом на легендарном пути «из варяг в греки». Скандинавские саги повествуют о полоцких дружинах, ходивших под стены Царьграда, а «Слово о полку Игореве» славит мужество полочан и мудрость князя Всеслава, прозванного Чародеем. Жемчужина древнего зодчества полоцкой архитектурной школы — Спасо-Преображенская церковь XII века Спасо-Евфросиниевского монастыря. Он древнейший на Руси, основан почти девять веков назад княжной Предславой — Евфросинией Полоцкой, правнучкой князя Владимира. Ее почитают как в Беларуси, так и в России. Мощи преподобной покоятся в церкви. Поток православных паломников к ним не иссякает. На стенах храма уникальные фрески с изображением святой. Символ духов-

⁴⁴ ...Св. Евдокии, княжны Полоцкой. — Евдокией звали сестру Евфросинии, на попечении которой она оставила свой женский монастырь.

⁴⁵ Муравьев А. Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году // Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей 1-й половины XIX века. М., 1995. С. 151.

⁴⁶ Норов А. С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII—XX вв. М., 1994. С. 123.

⁴⁷ Каминский Виктор. Воспоминания поклонника Святого Гроба. СПб., 1859. С. 521.

⁴⁸ Глаголев Александр, прот. По святым местам: от Киева до Иерусалима. Киев, 2005. С. 76—77.

ности белорусского народа — крест Евфросиньи Полоцкой — пропал в годы войны. Через полвека после Победы он был воссоздан брестским ювелиром Николаем Кузьмичем⁴⁹.

Память о пребывании мощей преподобной в лавре Феодосия Великого на Святой Земле сохраняется по сей день: храм неоднократно перестраивался, но место, где лежали мощи преп. Евфросинии, справа от входа, отмечено ее иконой⁵⁰.

Возрождение обители

Размышляя о судьбе обители преп. Феодосия, архимандрит Леонид (Кавелин) мечтал о ее возрождении. «Священные развалины в течение стольких веков тщетно ждут обновления, и православные арабы нередко спрашивают русских поклонников, скоро ли вы построите здесь монастырь? на что получают в ответ: когда будет угодно Богу, — писал о. Леонид. — Святость места, исторические воспоминания, близость к Иерусалиму, Вифлеему и обители преп. Саввы, красивое местоположение на горе, чистый воздух и плодородным округ поля, способные для разведения виноградников, — действительно представляют все удобства для возрождения сей обители, если бы нашлись ревнители безмолвной иноческой жизни...»⁵¹

В 1881 году иноки иерусалимского Крестного монастыря приступили к восстановлению обители преп. Феодосия. Вот в каком состоянии она находилась в те годы: «Кроме многих развалин келий, цистерн, довольно ясно видны очертания соборного храма киновии во имя Пресвятой Богородицы, в притворе которого была некогда похоронена св. Евфросиния, — пишет В. Н. Хитрово. — Под храмом простирается обширная пещера со многими ходами, некогда место уединения, а впоследствии место упокоения св. Феодосия»⁵².

Вот еще несколько строк того же автора: «Еще можно хорошо различить две церкви, бывшие в монастыре: на паперти одной из них, бывшей во имя пресвятой Богородицы, положено было тело св. Евфросиньи, Полоцкой княжны, умершей в Иерусалиме. Вблизи этих развалин есть темная пещера, которая служила усыпальницей для монастырской братии. В ней же были похоронены св. Феодосий, мать его Евдокия, а также мать св. Саввы — София. Говорят также, что в этой пещере ночевали волхвы, которые поклонились Спасителю и Его Пречистой Матери и иным путем отъидоша в страну свою»⁵³.

Несмотря на то, что насельники Крестного монастыря начали восстанавливать обитель преп. Феодосия, процесс ее возрождения был еще в самом начале, о чем пишет протоиерей Василий Михайловский (1888 г.).

Лавра преподобного Феодосия находится почти на полпути от Саввина монастыря как к Иерусалиму, так и Вифлеему. Она представляет из себя громадные обширные развалины. На этом месте, говорят, имели отдохновение и волхвы на об-

⁴⁹ Союзное вече, № 47, 5—11 ноября 2015. С. 16.

⁵⁰ Занемонец Александр, диакон. Указ. соч. С. 22.

⁵¹ Леонид (Кавелин), архимандрит. Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника а. Л-а. М., 1873. С. 453.

⁵² Хитрово В. Н. Русские паломники Святой Земли. Лавры свв. Саввы, Феодосия и Харитония. СПб., 1898. С. 29.

⁵³ Хитрово В. Н. К животворящему Гробу Господню. М., 2003. С. 156—157.

ратном своем пути на родину. В ней, по преданию, было шесть церквей в мужском монастыре, а рядом стоял женский, в котором и спасала свою душу преподобная наша Евфросиния. Нигде нет во всей окрестности такого обилия цистерн, и притом с таким трудом и искусством пробитых в твердейшей скале, как в Лавре преподобного Феодосия. Невольно удивляешься терпению здешних подвижников. Уже по этим цистернам видно, что здесь вода заготавливалась для большого числа постоянно живших и посетителей. И предание говорит, действительно, что не только самая местность Лавры была покрыта монастырскими зданиями, но и другие горы и овраги давали приют подвижникам. А долина среди гор была местом однократного в неделю свидания и обмена мыслей между окрестными пустынножителями. Все же отшельники пещерные выходили из своих уединенных мест раз в неделю для исповеди и приобщения Св. Таин в Лавре преподобного Феодосия. И теперь эта Лавра своими обширными развалинами на горе и мудренными сводами и пещерами говорит о прежнем величии и славе своей и возбуждает глубокую скорбь в православной душе⁵⁴.

В 1898 году Иерусалимская патриархия выкупила этот участок земли. Ранее, в 1896 году, был заложен, а четыре года спустя окончен строительством современный соборный храм. Была также открыта и отреставрирована пещера Волхвов. Всеми строительными работами руководил и финансировал их монах Леонтий Критянин, ставший настоятелем обители и управлявший ею потом в течение полувека (1900—1950). Им же был приобретен большой участок земли вокруг монастыря⁵⁵.

В 1900 году монастырь Св. Феодосия посетила группа русских паломников во главе с епископом Волоколамским Арсением (Стадницким). Восстановительные работы шли полным ходом, и это было отмечено в их паломнических записках.

Мы достигли место подвигов св. Феодосия. Монастырь этого святого был расположен на высоком холме; теперь здесь одни развалины, огражденные стеной. Нам пришлось объезжать кругом ограды, чтобы попасть в ворота бывшего монастыря. Громадная собака, готовая растерзать непрошенных гостей, с громким лаем бросилась на нас. Появился монах, который, предложив нам оставить ослос у ворот бывшей киновии, повел нас через двор в приемную комнату для гостей в азиатском вкусе с турецкими диванами по стенам. Нас угостили, по восточному обычаю, холодной водой с изюмом, а затем повели осматривать достопримечательности. Их немного, и осмотр был непродолжителен. Весь двор загроможден большими камнями, привезенными сюда для постройки каких-то зданий. Присутствие здесь этих камней нам объяснили тем, что греки намеревались возобновить древнюю киновию, начав строить церковь на месте прежних развалин, но за неимением средств работа приостановлена. С полной достоверностью говорят, что именно на этом месте стоял прежде многолюдный монастырь св. Феодосия, разрушенный персами. Этот монастырь был основан около той пещеры, в которой, по преданию, ночевали волхвы, возвращаясь из Вифлеема после поклонения рожденному Спасителю «иным путем в страну свою», т. е. не через Иерусалим.

Нам очень хотелось посмотреть ту пещеру, где по преданию, ночевали волхвы. В настоящее время она очищена от мусора и приведена в надлежащий вид. Сопровождавший нас монах ввел нас в большую длинную пещеру, высеченную в скале, довольно сухую, ибо в нее проникает свет и чистый воздух. Там находится несколько гробниц погребенных в этой пещере святых: гробница самого св. Феодосия, его

⁵⁴ Михайловский Василий, прот. По Святой Земле. Путевые заметки. СПб., 1898. С. 110—111.

⁵⁵ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 282.

матери Евлогии, матери св. Саввы Софии, матери свв. бесребреников Космы и Дамиана Феодотии и, наконец, гробница матери св. Ксенофонта. На стене этой пещеры нет никаких изображений святых и никакого креста. Все говорит за глубокую древность этой пещеры волхвов <...> В пещере волхвов в настоящее время дежурят монахи, читая псалтырь и служа панихиды по желанию паломников, которые могут здесь записывать на вечное поминовение имена своих близких покойников.

Но, кажется, что богомольцы редко сюда заглядывают. Мы вышли из пещеры и остановились, чтобы полюбоваться открывающимся перед нашими взорами восхитительным видом. Перед нами совершенно открытая местность, видимая на большое расстояние и окаймленная со всех сторон многочисленными холмами самых причудливых очертаний, а над всей этой громадой расстилается небесный купол нежно-голубого цвета, безукоризненной чистоты, без малейшего признака облачка⁵⁶.

В 1952 году обители преп. Феодосия посвятил несколько строк епископ Серафим (Нью-Йорк, США): «По пути заглянули в лавру преп. Феодосия. Восстанавливается там большая церковь. Старуха-монахиня показала нам гробницы преп. княгини Евфросинии Полоцкой, в которой ее св. мощи пролежали несколько столетий до перенесения их в Россию. Есть там много и других священных гробниц, а живых подвижников уже не стало»⁵⁷. В другом месте своих записок епископ Серафим добавляет: «Недавно восстановлена из развалин Лавра преподобного Феодосия, но в ней живет только один монах, ее настоятель»⁵⁸.

В 1957 году в древней обители побывал тогдашний начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Пимен (Хмелевский). В его дневнике имеется лишь краткая запись об этом визите: «Еду в монастырь преподобного Феодосия Великого. Осмотрели здесь старинный храм с древней мозаикой и огромными древними камнями в стене. Верхняя часть храма лишь недавно перестроена и реставрирована. Возле храма пещера-часовня с гробницей преподобного Феодосия и с тем местом, где пребывали волхвы, поклонявшиеся Богомладенцу»⁵⁹.

Достоинным продолжателем о. Леонтия (сконч. в 1950 г.) стал игумен Варфоломей (сконч. в 1976 г.), которому монастырь во многом обязан своим современным обликом.

Красивый просторный храм является литургическим центром обители. Это современная трехнефная светлая базилика с куполом-фонарем (восьмерик с восемью арочными окнами на четверике), крупными окнами — люкарно по западной, южной и северной стенам и большим тенистым портиком, чьи арки опираются на массивные, сложные в сечении, счетверенные колонны. Слева от входа — трехъярусная колокольня. К югу от церкви находится пещера Волхвов, где они, по преданию, укрывались, возвращаясь из Вифлеема, ибо «получив во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путем отошли в страну свою» (Мф. 2,12). «Иной путь» лежал через Иудейскую пустыню, и первый их отдых был на месте нынешнего монастыря⁶⁰.

Рядом с храмом сооружена высокая колокольня. В настоящее время это православный женский монастырь в подчинении Иерусалимской патриархии. В глубине

⁵⁶ Арсений (Стадницкий), епископ Волоколамский. В стране священных воспоминаний. М.; СПб., 2014. С. 311–313.

⁵⁷ Серафим, епископ. Паломничество из Нью-Йорка в Святую Землю. Нью-Йорк, б/г. С. 161.

⁵⁸ Там же. С. 155.

⁵⁹ Пимен (Хмелевский), архиеп. Дневники. Русская Духовная миссия в Иерусалиме 1955–1957 гг. Саратов, 2008. С. 381.

⁶⁰ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 283.

двора позади пещеры оставались развалины одного из храмов древнего монастыря. Трудами о. Варфоломея, являвшегося игуменом обители, церковь эта восстановлена; в ней можно видеть остатки старых стен и мозаики⁶¹. Церковь теперь стоит не над пещерой, а позади нее.

Погребальная пещера ныне обращена в часовню, в нее ведет 15 ступеней. Купол ее с окнами выходит на поверхность двора. В этой пещере находится несколько священных гробниц: самого Феодосия Киновиарха⁶², его матери преп. Евлогии, преп. Софии, матери Саввы Освященного, свв. Ксенофонта и Марии, св. Иоанна Мосха, автора книги «Луг духовный», матери великомученика Пантелеимона Целителя, и еще 30 подвижников. Место захоронения преп. Евфросинии Полоцкой находится под полом соборного храма, у одной из колонн⁶³. (Память преп. Феодосия празднуется 11 января, и тогда здесь совершается архиерейское богослужение.) Гробницы заделаны в стене и замурованы, на них и по стенам висят иконы и теплятся лампы⁶⁴.

Из записок инокини Наталии, насельницы Горненской обители

1984 г. Лавра преподобного Феодосия находится за городом Вифлеемом на пустынном месте, открытом взору. Здесь кругом плавно поднимаются и опадают горы, и лавра стоит на одной из гор. Кое-где разбросаны арабские селения, по горам арабы пасут свои стада. Сам преп. Феодосий пришел и поселился в пещере под горой. В этой самой пещере во время рождения Спасителя останавливались на ночлег путешествующие волхвы, так что она уже была освящена таким новозаветным воспоминанием. Когда учеников у преподобного скопилось так много, что они более уже не умещались в пещере, то они упросили преподобного начать строить лавру. Это большая лавра с высокими неприступными стенами, большим собором и корпусами. Сохранились и остатки древнего храма, который был при Феодосии. В лавре преподобного погребена его мать (схимонахиня), мать Саввы Освященного, сохранилась могила преп. Евфросинии Полоцкой. Здесь был очень строгий устав, подобно и всем пустынноическим монастырям.

Мы приехали на ночную службу. Она совершалась в той самой пещере преподобного. Пещера состоит из большей части, где устроена церковь и еще нескольких пещер, где покоятся мощи избиенных от диких племен монахов. Есть и пустые пещеры. В одну из таких мы забрались с м. Глафирой и стали вслух по очереди читать правило (до начала службы вечером). Удивительно, но в пещерах очень тепло. Глубокое и радостное чувство, теплое к Богу было за этим молением. Ночь. Мы одни в пещере, где молились древние преподобные отцы, рядом их мощи, их дух, их молитвы поднимают и наши слабые души вверх к Всевышнему. Я стояла и думала: как все-таки важен образ жизни. В этой пещере сам по себе начинаешь молиться и весь воспламеняешься любовью к Богу, кругом одни камни, у тебя решительно ничего нет и это чувство свободы от суетного мира такое радостное, что еще больше воодушевляет к молитве. Да, Господь на всяком месте и внутри нас, Царствие Божие надо искать в себе, но преподобным отцам первых веков даны самые большие откровения за их молитвы, совершаемые в действительном уединении. Господи, дай нам при воспоминаниях о сих святых местах ревность и усердие.

Потом началось всенощное бдение по афонскому уставу — во всю ночь. Ход службы понятен, хотя жаль, конечно, что языка не знаем. На «Хвалите» опять распе-

⁶¹ Спутник паломника по святым местам. Париж, 1984. С. 53.

⁶² Мощи его в Иерусалиме в храме Гроба Господня.

⁶³ Лисовой Николай. Указ. соч., С. 283—284.

⁶⁴ Святая Земля. Париж, 1961. С. 139.

вали все псалмы и кадили ручной кадильницей в такт торжественному пению. В этот момент раскачали лампадки и казалось все вокруг ликует и славит Господа. Потом была литургия. Пели службу монахи из лавры преп. Саввы Освященного, которая отсюда не так далеко. Мы прикладывались к мощам — черепу преп. Феодосия, многие матушки причащались⁶⁵.

1987 г. Опять радость — пустынная служба. Было немного сестер, немного и монахов, от этого служба особенно умирительная и тихая. Стоишь в этой древней пещере, где еще волхвы ночевали и бесконечно благодаришь Бога за эти дивные минуты. XX век, бушующий своей техникой, торопливостью и безразличием исчез, растворился и для нас не существует времени вообще. Вот почему святые еще при жизни становились причастны вечности — через долгую умирительную молитву, когда все реальное кажется не существующим и не важным, а область духовная заполняет все сердце. Еще едва-едва горит огонек, готовый потухнуть!.. Сидит уже совсем старый и больной о. Феодосий и качает головой: «нет монахов, нет монашества!» И печально, и радостно, и хочется обнять его и сказать: «да еще есть, еще теплится огонек — вот ты, старик совсем, каждый год служишь эту службу, презирая свои старческие болезни и с тобой собираются еще твои собратия, любители пустынных служб — еще, слава Богу, есть монашество, угасающее, убывающее, но еще есть!» Эти службы — заряд на целый год. Посреди своего нерадения и печали потом вспоминаешь и бодрисься, встряхнешься немного. Помогали на трапезе, где царил дух простоты и братской любви⁶⁶.

⁶⁵ Наталия, инокиня. Русский Иерусалим. Письма русской инокини со Святой Земли (1983—1989 гг.) СПб., 1996. С. 80—81.

⁶⁶ Там же, С. 142—143.

Contents

Prose and Poetry

- Lyubov Krasavina.** Poems • 3
Alexander Tyuzhin. What Your Whales Are Silent About. *Novel* • 10
Valery Dudarev. Petushki — Kokhma, Further Nowhere. *Short Stories Without Heroes* • 109
Alexey Shepelev. Northern Notes on the Southern Terrains • 119
Olga Grenets. Football in the Jungle. *Short story* • 148

The Universe of Childhood

- Ivan Gobzev.** Nina, I Love You. New Model. Test. *Short stories* • 160

Publicistic Writings

- Yuliya Mikhailova.** Notes of the Girl from the „Secured“ Family. *Reflections on Life and Science* • 170

Criticism and Essays

- Marina Solovyova.** The Mystery of Eternal Love: Ivan Turgenev and Pauline Viardot • 187
Dmitry Kapustin. Anton Chekhov: Escape to Europe (*Second Journey*) • 204

Petersburg Bookman

- Art of Reading.** *Alexander Melikhov.* Zeitgeist. **To the Centenary of A. Solzhenitsyn.** *Oleg Alifanov.* About Solzhenitsyn Not Haughtily. **Territory of Memory.** *Vera Kharchenko.* Metropolitan Makariy (Bulgakov): Lessons of Nobleness • 212

Pilgrim

- Archimandrite Augustine (Nikitin).** Palestinian Monasteries and Russia. Part 9 • 241

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью «Журнал „Нева“»
Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18
Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9
Телефон: (812) 314-50-52
E-mail: nevaredaction@mail.ru; nevaredaction@yandex.ru

Сайт «Невы» в «Журнальном зале»: <http://magazines.russ.ru/neva>
Ресурс в сети Интернет: <http://nevajournal.ru>

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет агентство «Роспечать» по каталогу ОАО «Роспечать», подписной индекс 73276.

Свежие номера журнала, а также отдельные номера за последние годы можно приобрести:

в Санкт-Петербурге — в редакции журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23); **льготную подписку** можно осуществить непосредственно в редакции журнала (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23).

За рубежом подписку на журнал осуществляет АО «Международная книга» (117049, Москва, Большая Якиманка, 39, телефакс: (495) 230-21-17, 238-46-34).

Оптовая и мелкооптовая продажа: Санкт-Петербург, ООО «Журнал „Нева“», e-mail: officeneva@mail.ru

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала «Нева» на территории РФ осуществляет редакция. Заказ можно оформить на сайте издательства: <http://nevajournal.ru/book.html>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-34950 от 15 января 2009 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Учредитель: ЗАО «Журнал „Нева“»

Подписано в печать 21.06.2018. Гарнитура «Октава».
Формат 70×108 ¹/₁₆. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ № 441
Издательство «Журнал „Нева“»

Отпечатано по технологии СтР
в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28